

Журнал по психологическим

и когнитивным наукам

Психология.
Историко-критические
обзоры и современные
исследования

Том 11, № 6А, 2022.

С. 1-289.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС»

Московская область, г. Ногинск

Journal of Psychology
and Cognitive Science

Psychology.
Historical-critical
Reviews and Current
Researches

December 2022, Volume 11, Issue 6A.
Pages 1-289.

ANALITIKA RODIS publishing house

Noginsk, Moscow region

«Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования» Том 11, № 6А, 2022

Выпуски журнала издаются в двух частях: А и В. Периодичность части А – 6 номеров в год.

Периодичность части В – 6 номеров в год.

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редсовета и редколлегии, а также другими ведущими учеными.

Семёнов Игорь Никитович, доктор психологических наук (5.3.1), профессор, академик АПСН, академик Международной академии Гуманизации образования, действительный член Европейской академии естествознания (Лондон), лауреат Премии Президента РФ в области образования, создатель научной школы Рефлексивной психологии и педагогики творчества, профессор Департамента психологии, Институт педагогики и психологии образования, **Московский городской педагогический университет (при Министерстве науки и высшего образования РФ)** – главный редактор журнала.

Савина Надежда Николаевна, доктор психологических наук (5.3.1), доктор педагогических наук, профессор – заместитель главного редактора.

В журнале публикуются результаты фундаментальных и прикладных исследований в области психологии и когнитивистики. Материалы открывают дискуссии по проблемам общей, возрастной, педагогической, социальной, коррекционной, клинической психологии и смежных наук. Журнал также пропагандирует идеи символизма и коннекционизма и содействует распространению знаний о моделировании когнитивных систем. В статьях формулируются научно обоснованные выводы, предложения и рекомендации, направленные на совершенствование психодиагностической и психокоррекционной деятельности.

Авторами статей являются ведущие специалисты в области психологии и когнитивной науки, а также исследователи, работающие над диссертациями по проблемам психологических наук и междисциплинарных исследований мозга и языка.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал «Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования» включен в **«Перечень рецензируемых научных изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» в соответствии с приказом Минобрнауки России от 25 июля 2014 г. № 793 с изменениями, внесенными приказом Минобрнауки России от 03 июня 2015 г. № 560 (зарегистрирован Министерством юстиции Российской Федерации 25 августа 2014 г., регистрационный № 33863), вступившим в силу 1 декабря 2015 года.

Генеральный директор издательства	Е.А. Лисина
Главный редактор	И.Н. Семенов, доктор психологических наук (5.3.1)
Зам. главного редактора	Н.Н. Савина, доктор психологических наук (5.3.1), доктор педагогических наук
Научный редактор и переводчик	К.И. Кропачева
Дизайн и верстка	М.А. Пучков
Адрес редакции и издателя	142412, Московская область, Ногинск, ул. Рогожская, 7
Телефоны редакции	+7 (495) 210 0554; +7 985 7689176
E-mail	info@publishing-vak.ru
Сайт	http://www.publishing-vak.ru

Журнал издается с января 2012 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-43674 от 24.01.2011.

ISSN 2223-5477 Учредитель и издатель: «АНАЛИТИКА РОДИС»

Каталог периодики «Урал-Пресс»:

43049 «Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования»

Цена договорная. Подписано к печати 15.12.2022. Печ. л. 53,75. Формат 60x90/8.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Периодичность: 6 раз в год. Тираж 1000 экз. Заказ № 7403.

Отпечатано в типографии «Книга по Требованию». 127918, Москва, Суцевский вал, 49.

"Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches" December 2022, Volume 11, Issue 6A

The issues of the journal are published in two parts: A and B. The publication frequency of part A is 6 times a year. The frequency of part B is 6 times per year.

All articles published in the journal are reviewed by the members of the editorial board and editorial staff as well as by other leading scientists.

Semenov Igor' Nikitovich, Doctor of Psychology (5.3.1), Professor, Academician of the Academy of Social Sciences, Academician of the International Academy for the Humanization of Education, Full Member of the European Academy of Natural Sciences (London), Laureate of the Presidential Prize in Education, Founder of the of Reflective Psychology and Pedagogy of Creativity Scientific School, Professor of the Department of General and Experimental Psychology; **Moscow City University** – editor-in-chief.

Savina Nadezhda Nikolaevna – Doctor of Psychology (5.3.1), Doctor of Pedagogy, Professor – deputy editor-in-chief.

The journal publishes the results of theoretical and applied research in the field of psychology and cognitive science. The materials stimulate discussions on the problems of general, developmental, educational, social, correctional, clinical psychology and related sciences. The journal also promotes the ideas of symbolism and connectionism and contributes to the dissemination of the knowledge of cognitive modeling. The articles formulate scientifically grounded conclusions, proposals and recommendations aimed at improving psychodiagnostic and psychocorrective activities.

The articles are written by leading experts in the field of psychology and cognitive science, as well as researchers working on dissertations devoted to the problems of psychological sciences and interdisciplinary studies of the brain and language.

The views and opinions of the publisher do not necessarily coincide with those of the authors.

The journal "Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches" ("*Psikhologiya. Istorikokriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*") was included in the "**List of the peer-reviewed scientific journals**, in which the major scientific results of dissertations for obtaining Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees should be published" in accordance with Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 793 of July 25, 2014 (as amended by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 560 of June 3, 2015 that was registered by the Ministry of Justice of the Russian Federation on August 25, 2014 (registration No. 33863) and entered into force on December 1, 2015).

CEO of the publishing house	E.A. Lisina
Editor-in-chief	I.N. Semenov, Doctor of Psychology (5.3.1)
Deputy editor-in-chief	N.N. Savina, Doctor of Psychology, Doctor of Pedagogy (5.3.1)
Science editor and translator	K.I. Kropacheva
Styling and make-up	M.A. Puchkov
Address of the Publisher and the Editorial Board	P.O. Box 142412, 7 Rogozhskaya st., Noginsk, Moscow region, Russian Federation
Phones of the Editorial Board	+7 (495) 210 0554; +7 985 7689176
E-mail	info@publishing-vak.ru
Website	http://www.publishing-vak.ru

The journal is issued since January 2012.

The publication is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR).

Mass media registration certificate: PI No. FS77-43674 of 24.01.2011.

ISSN 2223-5477 Founder and Publisher: "ANALITIKA RODIS"

Subscription index of the catalog of periodicals "Ural-Press":

43049 "Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches".

Contract price. Passed for printing on 15.12.2022. 53.75 printed sheets. Format 60x90/8.

Offset printing. Offset paper. Periodicity: 6 issues per year. Circulation 1,000 issues. Order No. 7403.

Printed from make-up page in the "Kniga po Trebovaniyu" printing house.

P.O. Box 127918, 49 Sushchevskii val, Moscow, Russian Federation.

Редакционный совет

по направлению: 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии

Мазилев Владимир Александрович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д.Ушинского.

Савина Надежда Николаевна – заместитель главного редактора, доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор.

Семёнов Игорь Никитович – главный редактор журнала, доктор психологических наук, профессор, академик АПСН, академик Международной академии Гуманизации образования, действительный член Европейской академии естествознания (Лондон), лауреат Премии Президента РФ в области образования, создатель научной школы Рефлексивной психологии и педагогики творчества, профессор Департамента психологии, Институт педагогики и психологии образования, Московский городской педагогический университет (при Министерстве науки и высшего образования РФ).

по направлению: 5.3.2. Психофизиология

Балин Виктор Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Каменская Валентина Георгиевна – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, профессор кафедры психологии, психофизиологии, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина.

Котова Светлана Аркадьевна – кандидат психологических наук, доцент, директор Института Психологии, РГПУ им. А.И. Герцена.

Черноризов Александр Михайлович – доктор психологических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой психофизиологии факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

по направлению: 5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика

Лысаков Николай Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры № 920, Национальный исследовательский университет – Московский авиационный институт.

Моргунов Евгений Борисович – доктор психологических наук, доцент, декан факультета практической психологии, ОАНО «Московская высшая школа социальных и экономических наук».

Сокольская Марина Вячеславовна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной работы, Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н.И. Пирогова Министерства здравоохранения РФ.

по направлению: 5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

Борзова Татьяна Владимировна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии, Тихоокеанский государственный университет.

Зеер Эвальд Фридрихович – доктор психологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования, член-корреспондент Российской академии образования, профессор кафедры психологии профессионального развития, Российский государственный профессионально-педагогический университет.

Сыманюк Эльвира Эвальдовна – доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, директор Уральского гуманитарного института, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина.

по направлению: 5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология

Клейберг Юрий Александрович – доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор, президент АНО «Академия Национального образования и науки», Международная ассоциация девиантологов, лауреат Государственной премии Правительства Российской Федерации в области образования.

Козлов Владимир Васильевич – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и политической психологии, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова.

Миринова Оксана Ивановна – доктор психологических наук, профессор, Деаартамент психологии, Высшая школа экономики.

по направлению: 5.3.6. Клиническая психология

Баранская Людмила Тимофеевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психиатрии, психотерапии и наркологии, Уральский государственный медицинский университет.

Фотекова Татьяна Анатольевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общепрофессиональных дисциплин, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова.

Шаповалова Ольга Евгеньевна – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой коррекционной педагогики, психологии и логопедии, Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема.

по направлению: 5.3.7. Возрастная психология

Белов Василий Георгиевич – доктор психологических наук, доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры общей и консультативной психологии, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы.

Волковская Татьяна Николаевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры логопедии, Институт специального образования и психологии, Московский городской педагогический университет.

Зеер Эвальд Фридрихович – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии профессионального развития, Российский государственный профессионально-педагогический университет, Заслуженный деятель науки РФ, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования, член-корреспондент Российской академии образования.

Плаксина Любовь Ивановна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры олигофренопедагогики и клинических основ дефектологии, Московский государственный педагогический университет.

Плугина Мария Ивановна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики, психологии и специальных дисциплин, Ставропольский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения РФ.

по направлению: 5.3.8. Коррекционная психология и дефектология

Волкова Ирина Павловна – доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой основ дефектологии и реабилитологии, Институт дефектологического образования и реабилитации, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.

Волковская Татьяна Николаевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры логопедии, Институт специального образования и психологии, Московский городской педагогический университет.

Плаксина Любовь Ивановна – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры олигофренопедагогики и клинических основ дефектологии, Московский государственный педагогический университет.

Шаповалова Ольга Евгеньевна – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой коррекционной педагогики, психологии и логопедии, Приамурский государственный университет им. Шолом-Алейхема.

по направлению: 5.12.1. Междисциплинарные исследования когнитивных процессов

Бурлина Елена Яковлевна – доктор философских наук, кандидат искусствоведения, профессор, профессор кафедры философии и культурологии, Самарский государственный медицинский университет.

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор по кафедре философии, заведующий кафедрой Онтологии и теории познания, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор Российской Академии образования.

Лысаков Николай Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры № 920, Национальный исследовательский университет – Московский авиационный институт.

Моргунов Евгений Борисович – доктор психологических наук, доцент, декан факультета практической психологии, ОАНО «Московская высшая школа социальных и экономических наук».

Семёнов Игорь Никитович – главный редактор журнала, доктор психологических наук (5.3.1), профессор, академик АПСН, академик Международной академии Гуманизации образования, действительный член Европейской академии естествознания (Лондон), лауреат Премии Президента РФ в области образования, создатель научной школы Рефлексивной психологии и педагогики творчества, профессор Департамента психологии, Институт педагогики и психологии образования, Московский городской педагогический университет (при Министерстве науки и высшего образования РФ).

по направлению: 5.12.2. Междисциплинарные исследования мозга

Балин Виктор Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Белов Василий Георгиевич – доктор психологических наук, доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры общей и консультативной психологии, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы.

Ишанов Сергей Александрович – доктор физико-математических наук, доцент, профессор ОНК «Институт высоких технологий», Балтийский Федеральный университет им. И. Канта.

Солодов Александр Александрович – доктор технических наук, профессор, профессор кафедры прикладной математики и программирования, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина.

Черноризов Александр Михайлович – доктор психологических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой психофизиологии факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

по направлению: 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка

Бурлина Елена Яковлевна – доктор философских наук, кандидат искусствоведения, профессор, профессор кафедры философии и культурологии, Самарский государственный медицинский университет.

Семёнов Игорь Никитович – главный редактор журнала, доктор психологических наук (5.3.1), профессор, академик АПСН, академик Международной академии Гуманизации образования, действительный член Европейской академии естествознания (Лондон), лауреат Премии Президента РФ в области образования, создатель научной школы Рефлексивной психологии и педагогики творчества, профессор Департамента психологии, Институт педагогики и психологии образования, Московский городской педагогический университет (при Министерстве науки и высшего образования РФ).

Сердечная Вера Владимировна – доктор филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы и сравнительного культуроведения, Кубанский государственный университет.

по направлению: 5.12.4. Когнитивное моделирование

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор по кафедре философии, заведующий кафедрой Онтологии и теории познания, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор Российской академии образования.

Ишанов Сергей Александрович – доктор физико-математических наук, доцент, профессор ОНК «Институт высоких технологий», Балтийский Федеральный университет им. И. Канта.

Солодов Александр Александрович – доктор технических наук, профессор, профессор кафедры прикладной математики и программирования, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина.

по направлению: 3.2.5. Медицинская психология

Балин Виктор Дмитриевич – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Баранская Людмила Тимофеевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры психиатрии, психотерапии и наркологии, Уральский государственный медицинский университет.

Белов Василий Георгиевич – доктор психологических наук, доктор медицинских наук, профессор, профессор кафедры общей и консультативной психологии, Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы.

Плугина Мария Ивановна – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики, психологии и специальных дисциплин, Ставропольский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения РФ.

Фотекова Татьяна Анатольевна – доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры общепрофессиональных дисциплин, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова.

Editorial board

5.3.1. General psychology, personality psychology, history of psychology

Mazilov Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of General and Social Psychology, Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Russia).

Savina Nadezhda Nikolaevna – Deputy Chief Editor, Doctor of Psychology, Doctor of Pedagogy, Professor (Russia).

Semenov Igor' Nikitovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Psychology, Professor, Academician of the Academy of Social Sciences, Academician of the International Academy for the Humanization of Education, Full Member of the European Academy of Natural Sciences (London), Laureate of the Presidential Prize in Education, Founder of the of Reflective Psychology and Pedagogy of Creativity Scientific School, Professor of the Department of General and Experimental Psychology; Moscow City University (Russia).

5.3.2. Psychophysiology

Balin Viktor Dmitrievich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University (Russia).

Kamenskaya Valentina Georgievna – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology, Psychophysiology; Bunin Yelets State University, Corresponding Member of the Russian Academy of Education (Russia).

Chernorizov Aleksandr Mikhailovich – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor, Head of the Department of Psychophysiology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University (Russia).

Kotova Svetlana Arkad'yevna – PhD in Psychology, Associate Professor, Director of the Institute of Psychology, The Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia).

5.3.3. Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics

Lysakov Nikolai Dmitrievich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of Department No. 920, Moscow Aviation Institute (Russia).

Morgunov Evgenii Borisovich – Doctor of Psychology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Practical Psychology, Moscow School of Social and Economic Science (MSSSES) (Russia).

Sokol'skaya Marina Vyacheslavovna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Social Work, Pirogov Russian National Research Medical University (Pirogov Medical University) (Russia).

5.3.4. Educational psychology, psychodiagnostics of digital educational environments

Borzova Tat'yana Vladimirovna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Psychology, Pacific National University (Russia).

Zeer Eval'd Fridrikhovich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology of Professional Development, Russian State Professional Pedagogical University; Honored Scientist of the Russian Federation, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in Education, Corresponding Member of Russian Academy of Education (Russia).

Symanyuk El'vira Eval'dovna – Doctor of Psychology, Professor, Director of the Ural Humanitarian Institute, Ural federal University; Corresponding Member of the Russian Academy of Education (Russia).

5.3.5. Social psychology, political and economic psychology

Kozlov Vladimir Vasil'evich – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Social and Political Psychology, Yaroslavl State University (Russia).

Klayberg Yuri Aleksandrovich – Doctor of Psychology, Doctor of Pedagogy, Professor, President of Academy of National Education and Science, International Association of Deviantologists, Laureate of the State Prize of the Government of the Russian Federation in Education (Russia).

Mironova Oksana Ivanovna – Doctor of Psychology, Professor, Department of Psychology, Higher School of Economics (Russia).

5.3.6. Clinical psychology

Baranskaya Lyudmila Timofeevna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Psychiatry, Psychotherapy and Narcology, Ural State Medical University (Russia).

Fotekova Tat'yana Anatol'evna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of General Professional Disciplines, Khakass State University (Russia).

Shapovalova Ol'ga Evgen'evna – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Correctional Pedagogy, Psychology and Speech Therapy, Sholem Aleichem Priamursky State University (Russia).

5.3.7. Age psychology

Belov Vasilii Georgievich – Doctor of Psychology, Doctor of Medicine, Professor, Professor of the Department of General and Counseling Psychology, St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (Russia).

Volkovskaya Tat'yana Nikolaevna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor, at the Department of Speech Therapy, Institute of Special Education and Psychology, Moscow City University (Russia).

Zeer Eval'd Fridrikhovich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology of Professional Development, Russian State Professional Pedagogical University; Honored Scientist of the Russian Federation, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in Education, Corresponding Member of Russian Academy of Education (Russia).

Plaksina Lyubov' Ivanovna – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Oligophrenopedagogy and Clinical Fundamentals of Defectology, Moscow State Pedagogical University (Russia).

Plugina Mariya Ivanovna – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Pedagogy, Psychology and Special Disciplines, Stavropol State Medical University (Russia).

5.3.8. Correctional psychology and defectology

Volkova Irina Pavlovna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Fundamentals of Defectology and Rehabilitation, Institute of Defectology Education and Rehabilitation, The Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia).

Volkovskaya Tat'yana Nikolaevna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor, at the Department of Speech Therapy, Institute of Special Education and Psychology, Moscow City University (Russia).

Plaksina Lyubov' Ivanovna – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Oligophrenopedagogy and Clinical Fundamentals of Defectology, Moscow State Pedagogical University (Russia).

Shapovalova Ol'ga Evgen'evna – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Correctional Pedagogy, Psychology and Speech Therapy, Sholem Aleichem Priamursky State University (Russia).

5.12.1. Interdisciplinary Research on Cognitive Processes

Burlina Elena Yakovlevna – Doctor of Philosophy, PhD in History of Arts, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Samara State Medical University (Russia).

Dokuchaev Il'ya Igorevich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy, Head of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Saint Petersburg State University; Professor of the Russian Academy of Education (Russia).

Lysakov Nikolai Dmitrievich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of Department No. 920, Moscow Aviation Institute (Russia).

Morgunov Evgenii Borisovich – Doctor of Psychology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Practical Psychology, Moscow School of Social and Economic Science (MSEES) (Russia).

Semenov Igor' Nikitovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Psychology, Professor, Academician of the Academy of Social Sciences, Academician of the International Academy for the Humanization of Education, Full Member of the European Academy of Natural Sciences (London), Laureate of the Presidential Prize in Education, Founder of the of Reflective Psychology and Pedagogy of Creativity Scientific School, Professor of the Department of General and Experimental Psychology; Moscow City University (Russia).

5.12.2. Interdisciplinary Brain Research

Balin Viktor Dmitrievich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University (Russia).

Belov Vasilii Georgievich – Doctor of Psychology, Doctor of Medicine, Professor, Professor of the Department of General and Counseling Psychology, St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (Russia).

Ishanov Sergei Aleksandrovich – Doctor of Physics and Mathematics, Associate Professor, Professor of the Institute of High Technologies, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia).

Solodov Aleksandr Aleksandrovich – Doctor of Engineering, Professor, Professor of the Department of Applied Mathematics and Programming, Moscow State University of Design and Technology (Russia).

Chernorizov Aleksandr Mikhailovich – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor, Head of the Department of Psychophysiology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University (Russia).

5.12.3. Interdisciplinary Language Studies

Burlina Elena Yakovlevna – Doctor of Philosophy, PhD in History of Arts, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, Samara State Medical University (Russia).

Semenov Igor' Nikitovich – Journal's Chief Editor, Doctor of Psychology, Professor, Academician of the Academy of Social Sciences, Academician of the International Academy for the Humanization of Education, Full Member of the European Academy of Natural Sciences (London), Laureate of the Presidential Prize in Education, Founder of the of Reflective Psychology and Pedagogy of Creativity Scientific School, Professor of the Department of General and Experimental Psychology; Moscow City University (Russia).

Serdechnaya Vera Vladimirovna – Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Literature and Comparative Cultural Studies, Kuban State University (Russia).

5.12.4. Cognitive Modeling

Dokuchaev Il'ya Igorevich – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy, Head of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Saint Petersburg State University; Professor of the Russian Academy of Education (Russia).

Ishanov Sergei Aleksandrovich – Doctor of Physics and Mathematics, Associate Professor, Professor of the Institute of High Technologies, Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia).

Solodov Aleksandr Aleksandrovich – Doctor of Engineering, Professor, Professor of the Department of Applied Mathematics and Programming, Moscow State University of Design and Technology (Russia).

3.2.5. Medical psychology

Balin Viktor Dmitrievich – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University (Russia).

Baranskaya Lyudmila Timofeevna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of Psychiatry, Psychotherapy and Narcology, Ural State Medical University (Russia).

Belov Vasiliy Georgievich – Doctor of Psychology, Doctor of Medicine, Professor, Professor of the Department of General and Counseling Psychology, St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work (Russia).

Plugina Mariya Ivanovna – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Pedagogy, Psychology and Special Disciplines, Stavropol State Medical University (Russia).

Fotekova Tat'yana Anatol'evna – Doctor of Psychology, Associate Professor, Professor of the Department of General Professional Disciplines, Khakass State University (Russia).

Содержание

Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред

Писарчук Татьяна Михайловна Факторы успешности студентов.....	7
Бурлыков Джангар Владимирович Васькина Лариса Евгеньевна Эрдниев Олег Павлович Анализ психолого-педагогических исследований, направленных на формирование коммуникативных умений дошкольников.....	12
Лахтин Артем Юрьевич Селиверстов Александр Александрович Рабданов Заур Рабданович Новиков Алексей Валерьевич Слабкая Диана Николаевна Психологические особенности здорового образа жизни и культуры питания обучающихся в образовательных организациях высшего образования	20
Башкина Ольга Александровна Шаповалова Марина Александровна Башкина Ольга Александровна Психологические характеристики и особенности мотивационной сферы клинических ординаторов специальности «Хирургия»	33
Языков Евгений Юрьевич Борсук Алексей Алексеевич Структура и содержание гражданско-правовой культуры обучающихся военных вузов как качества зрелой личности	41
Горбаренко Екатерина Алексеевна Бородин Михаил Павлович Зуев Андрей Вячеславович Платонов Андрей Владимирович Отношение к жизненным ситуациям у курсантов гуманитарного и технического профилей обучения	51
Лупенко Наталья Николаевна Борцова Мирослава Владимировна Личностные детерминанты профессиональной мотивации выпускников-магистров	61
Чабуева Татьяна Петровна Гончарова Наталья Геннадьевна Сопровождение детей группы риска в нетиповой образовательной организации	71
Чернышев Виктор Петрович Тимошков Егор Викторович Варнина Анжелика Сергеевна Юречко Ольга Валентиновна Психологические методы расширения восприятия предмета «Физическая культура и спорт» на начальном этапе обучения в вузе	78

Социальная сеть психология, политическая и экономическая психология

Мали Наталья Александровна Морозова Наталья Львовна Творческая студенческая лаборатория как средство повышения мотивации студентов к выбору будущей профессии	86
---	----

Слюсарская Татьяна Вадимовна	
Курбатова Кира Вадимовна	
Оптимизация детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих детей с нарушением зрения	97
Наумов Петр Юрьевич	
Консолидация ценностей и смыслов интеллигентности офицера в законодательстве России и общевоинских уставах	104
Султанова Зарина Вячеславовна	
Символика образов: «дом», «дерево», «человек» в рисуночной методике «Нарисуй свою жизнь»	114
Сергеева Марина Анатольевна	
Абдуллаева Алия Салаватовна	
Фурси Лейла Фаруховна	
Специфика эмоционального выгорания у сотрудников МВД с различным трудовым стажем	123
Абдуллаева Алия Салаватовна	
Ярахмедова Милана Алиевна	
Нарушения пищевого поведения в аспекте психосоматических расстройств	131
Максименко Александр Александрович	
Юринова Дарья	
Исследование взаимосвязи скрытого нарциссизма и отношения к товарам класса люкс у россиян	138
Устин Павел Николаевич	
Вахитов Галим Зарифзянович	
Шевцов Алексей Маркович	
Нивелирование эффекта социальной желательности при исследовании показателей успешности пользователей социальных сетей	152
Жиганков Дмитрий Валентинович	
Рыбников Сергей Васильевич	
Развитие аутопсихологической компетентности руководителя предприятия	162
Степнова Людмила Анатольевна	
Личностно-профессиональное развитие студентов в контексте формирования и развития управленческой компетентности	169
Степнова Людмила Анатольевна	
Сафонова Татьяна Евгеньевна	
Огарь Алексей Андреевич	
Соломина Мария Эдуардовна	
Психологические факторы протестного поведения молодежи	174
Слабкая Диана Николаевна	
Новиков Алексей Валерьевич	
Психологическое сопровождение ведения переговоров при разрешении конфликтных ситуаций	184
Новиков Алексей Валерьевич	
Дикопольцев Дмитрий Евгеньевич	
Слабкая Диана Николаевна	
Побег из мест заключения под стражу, как психологическая проблема	192
Лицкевич Евгений Юрьевич	
Состояние социально-билингвальной среды в Республике Тыва	200

Назаров Александр Владимирович Лисняк Марина Анатольевна Стоянова Екатерина Иннокентьевна Живаева Юлия Валерьяновна Колкова Светлана Михайловна Приходько Наталья Константиновна Смысложизненные ориентации как важный ресурс реабилитации лиц с наркотической зависимостью.....	208
Асадуллин Мурад Ринатович Теоретический анализ понятия «психологическое благополучие» человека	221
Носкова Марина Владимировна Набойченко Евгения Сергеевна Шершнева Виктор Николаевич Связь психических состояний с волевыми качествами у спортсменов командных видов спорта	234
Осколкова Анна Ивановна Паршина Светлана Серафимовна Самсонов Сергей Николаевич Терехина Елена Сергеевна Шляпников Никита Викторович Полиданов Максим Андреевич Кондрашкин Иван Евгеньевич Афанасьева Татьяна Николаевна Психоэмоциональный статус добровольцев, проживающих в средних широтах, на одном из этапов проекта «Гелиомед-2».....	243
Чернова Анастасия Александровна Ким Вероника Владимировна Обзор российских и зарубежных исследований по проблеме аутоагрессивного поведения личности	255
Проскуракова Лариса Александровна Першикова Дарья Дмитриевна Милентьева Ирина Сергеевна Исследование тревожности и агрессивности сотрудников МВД.....	265
Осколкова Анна Ивановна Субботина Вера Григорьевна Полиданов Максим Андреевич Кондрашкин Иван Евгеньевич Карсаков Вадим Александрович Ильин Алексей Анатольевич Долгова Елена Михайловна Влияние перехода на дистанционную форму обучения студентов медицинского вуза на их циркадные ритмы: гендерные и психологические аспекты проблемы.....	273
Гордин Александр Иннокентьевич Акимова Изабелла Николаевна Развитие художественно-литературных способностей как арт-терапия для людей третьего возраста.....	283

Contents

Educational psychology, psychodiagnostics of digital educational environments

Tat'yana M. Pisarchuk Student Success Factors	7
Dzhangar V. Burlykov Larisa E. Vas'kina Oleg P. Erdniev Analysis of psychological and pedagogical research aimed at the formation of communicative skills of preschoolers	12
Artem Yu. Lakhtin Aleksandr A. Seliverstov Zaur R. Rabadanov Aleksei V. Novikov Diana N. Slabkaya Psychological features of healthy lifestyle and nutrition culture of students	20
Olga A. Bashkina Marina A. Shapovalova Aliya S. Abdullaeva Psychological characteristics and features of the motivational sphere of clinical residents of the specialty «Surgery»	33
Evgeniy Y. Yazykov Alexey A. Borsuk The structure and content of the civil law culture of students of military universities as a quality of a mature personality	41
Ekaterina A. Gorbarenko Mikhail P. Borodin Andrei V. Zuev Andrei V. Platonov Attitude to life situations among cadets of humanitarian and technical profiles of study	51
Nataliya N. Lupenko Miroslava V. Bortsova Personal Determinants of Professional Motivation of Master Graduates	61
Tat'yana P. Chabueva Nataliya G. Goncharova Support of children of the risk group in a non-typical educational organization	71
Viktor P. Chernyshev Egor V. Timoshkov Anzhelika S. Varnina Ol'ga V. Yurechko Psychological methods of expanding the perception of the subject "Physical culture and sport" at the initial stage of education at the university	78

Social psychology, political and economic psychology

Nataliya A. Mali Nataliya L. Morozova Creative student laboratory as a means of increasing students' motivation to choose a future profession	86
Tat'yana V. Slyusarskaya Kira V. Kurbatova Optimization of child-parent relations in families raising children with visual impairment	97

Petr Yu. Naumov	
Consolidation of values and meanings of officer intelligence in legislation and general regulations	104
Zarina V. Sultanova	
Symbolism of images: house, tree, person in the “Draw your life” drawing technique	114
Marina A. Sergeeva	
Aliya S. Abdullaeva	
Leila F. Fursi	
The specifics of emotional burnout among employees of the Ministry of Internal Affairs with different work experience.....	123
Aliya S. Abdullaeva	
Milana A. Yarakhmedova	
Eating disorders in the aspect of psychosomatic disorders	131
Aleksandr A. Maksimenko	
Dar’ya V. Yurinova	
The relationship of latent narcissism and consumption of luxury goods among the Russians	138
Pavel N. Ustin	
Galim Z. Vakhitov	
Aleksey M. Shevcov	
Leveling the effect of social desirability in the study of success rates of social network users.....	152
Dmitrii V. Zhigankov	
Sergei V. Rybnikov	
Development of autopsychological competence of the head of the company	162
Lyudmila A. Stepnova	
Personal and professional development of students in the context of the formation and development of managerial competence	169
Lyudmila A. Stepnova	
Tat’yana E. Safonova	
Aleksei A. Ogar’	
Mariya E.a Solomina	
Psychological factors of youth protest behavior	174
Diana N. Slabkaya	
Aleksei V. Novikov	
Psychological support of negotiation in resolving conflict situations.....	184
Aleksei V. Novikov	
Dmitry E. Dikopoltsev	
Diana N. Slabkaya	
Escape from places of detention as a psychological problem	192
Evgenii Yu. Litskevich	
The state of the socio-bilingual environment in the Republic of Tyva	200
Alexander V. Nazarov	
Marina A. Lisnyak	
Ekaterina I. Stoyanova	
Yulia V. Zhivaeva	
Svetlana M. Kolkova	
Natalia K. Prikhodko	
Meaningful life orientations as an important resource for rehabilitation of people with drug addiction.....	208
Murad R. Asadullin	
Theoretical analysis of the concept "psychological well-being" of a person	221

Marina V. Noskova Evgeniya S. Naboichenko Viktor N. Shershnev	Relationship of mental states with volitional qualities in team sports athletes	234
Anna I. Oskolkova Svetlana S. Parshina Sergei N. Samsonov Elena S. Terekhina Nikita V. Shlyapnikov Maksim A. Polidanov Ivan E. Kondrashkin Tat'yana N. Afanas'eva	Psycho-emotional status of mid-latitude volunteers at one stage of the "Heliomed-2" project.....	243
Anastasiya A. Chernova Veronika V. Kim	Review of Russian and foreign studies of the problem of auto-aggressive behavior of individuals	255
Larisa A. Proskuryakova Dar'ya D. Pershikova Irina S. Milent'eva	Study of anxiety and aggressiveness of interior ministry employees.....	265
Aleksei A. Il'in Elena M. Dolgova	The effect of the transition to distance education for medical students on their circadian rhythms: gender and psychological aspects of the problem.....	273
Aleksandr I. Gordin Izabella N. Akimova	The development of artistic and literary abilities as art therapy for people of the third age	283

УДК 159.9

DOI: 10.34670/AR.2023.77.97.001

Факторы успешности студентов

Писарчук Татьяна Михайловна

Аспирантка,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7-9;
e-mail: tatianapisarchuk15@yandex.ru

Аннотация

На сегодняшний день перед высшими учебными заведениями стоит задача в подготовке: успешной, деловой, творчески мыслящей личности, которая умеет выбирать профессиональный путь. Обучение в вузе должно стать для молодой личности определенной ступенью развития, способствующей профессиональному становлению. В статье раскрывается тема успешности обучения студентов в вузе. Успешность обучения студентов вуза определяется соответствием целенаправленной содержательной педагогической деятельности социально-психологической природе процесса формирования личности. По мнению В.С. Ильина, целостность процесса подготовки будущего специалиста обеспечивается единством компонентов, единством побудительной и исполнительской функций, нераздельностью деятельности субъектов учебно-воспитательного процесса, содержания и методов, требований и отношений к ним. В связи с этим, обучение студентов вуза должно осуществляться путем создания обучающей среды или использования совокупности педагогических условий, социально ценностных, влияющих на личностное развитие студента. Проанализированы научные исследования, посвященные психологическим факторам, влияющих на успешность обучения студентов. Обозначена роль мотивационно-личностных и саморегуляционных качеств студентов в достижении поставленных результатов обучения в вузе.

Для цитирования в научных исследованиях

Писарчук Т.М. Факторы успешности студентов // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 6А. С. 7-11. DOI: 10.34670/AR.2023.77.97.001

Ключевые слова

Студенты, академическая успешность, успешность, мотивация, саморегуляция.

Введение

На сегодняшний день перед высшими учебными заведениями стоит задача в подготовке: успешной, деловой, творчески мыслящей личности, которая умеет выбирать профессиональный путь. Обучение в вузе должно стать для молодой личности определенной ступенью развития, способствующей профессиональному становлению. Такое становление помогает личности:

- получить мощный импульс развития своего интеллекта;
- осознать желание к самообразованию и саморазвитию;
- в процессе обучения в вузе, развить профессиональные мотивы и ценности

Проблема успешности является актуальной, так как успех в учебной деятельности является одним из важных компонентов становления личности. Успешность обучения – положительная оценка результатов обучения личности, которая является показателем продуктивности, эффективности и результативности [Ильясов, 1986]. Однако при поступлении в вуз обучающийся зачастую сталкивается с определенными трудностями, в той или иной мере препятствующими достижению успеха в решении образовательных задач. Какие факторы причастны к их возникновению?

Основная часть

В исследованиях Братчиковой Ю.В. рассмотрены 2 группы факторов, препятствующих успешному обучению: внешние и внутренние факторы.

К внутренним факторам относятся: возраст, индивидуальные особенности и способности, мотивационная сфера, скорость усвоения знаний и т.д.

К внешним факторам относятся: межличностные взаимодействия с коллегами и преподавателями, принятие в группе, осмысление принадлежности к данной группе, отношение родителей к самому процессу получения высшего образования [Гордеева, 2013].

По мнению С.Д. Смирнова, уровень академической успешности студента, зависит от становления его в учебно-профессиональной деятельности. В своих трудах Смирнов считает необходимым учитывать проявленную в обучении активность при формировании учебной деятельности. При формировании учебной деятельности необходимо учитывать связь между поисковым поведением и самодостаточностью, самооценкой и личностной эффективностью. Объяснить эту связь можно тем, что личность совершает поиск когда нет возможно объяснить ситуацию. В таких случаях личности необходимо ощущать веру в себя, а также повысить свою самооценку. Если поисковую активность держать в напряжении, то это дает возможность студентам с низкой самооценкой, повысить ее. Исходя из этого, задачи, ставящиеся перед студентами, должны быть связаны с завышенной самооценкой, а также данные задачи должны быть вызовом для раскрытия полных учебных возможностей студента [Анищенко, 2006].

У студентов с заниженной самооценкой и с низкой познавательной активностью чаще наблюдается неуспешность. Также для таких студентов характерно находить неправильные ответы на поставленные вопросы, в дальнейшем все вышеперечисленное приводит к ситуации неудачи [Рудаков, 2016].

Для полноты понимания проблемы успешности обучения, важно обратиться к психологическим особенностям учебной деятельности в процессе обучения в вузе.

Студенческий возраст – это этап, когда у личности формируются собственные взгляды и отношения [Ишков, 2003]. Именно в студенческом возрасте личность становится полностью самостоятельной, приобретая качества необходимые для осознанного выбора определенного решения. Немаловажным фактором студенческого возраста является и: формирование профессионального самосознания, понимание основ будущей профессии [Королюк, 1994].

Учебная деятельность студентов во многом определяется особенностью мотивационной сферой личности. Доминирующими мотивами являются: внутренние мотивы, основанные на выполнении данной деятельности; и социальные мотивы, основанные на потребности обучающегося занять определенную позицию в системе взаимоотношений [Лагунова, Юрченко, 2011, 17]. В трудах Т.О. Гордеевой отмечен факт, что влияния внутренней мотивации на успешность в обучении, а также мотивации в достижении успеха, веры в собственную способность преодоления трудностей в процессе обучения значительно выше, чем влияние социальной мотивации [Гордеева, 2013, 29]. В процессе достижения поставленных целей, у студента начинает проявляться интерес к деятельности, внутренние мотивы самореализации, развитие объективной самооценки и самоконтроля, положительные стратегии совладания со стрессом [там же, 16].

По определению И.И. Ильева, деятельность учения есть самоизменение, саморазвитие субъекта, превращение его из не владеющего определенными знаниями, умениями, навыками в овладевшего ими.

В этих определениях учебной деятельности есть общее: это приобретение способности субъектом деятельности учиться самому, а, следовательно, и способности самоизменяться, саморазвиваться, поэтому для преподавателей высшей школы представляет интерес не столько анализ строения учебной деятельности, сколько проблема ее адекватного формирования у студентов (прежде всего на младших курсах).

Заключение

Успешность обучения студентов в вузе определяется сложным сочетанием индивидуальных, личностных и социально-психологических качеств, что требует в условиях обновления принципиальных организационно-содержательных элементов современного отечественного образования в актуальных условиях развития общества дальнейшего их изучения. Исследование данных факторов может способствовать повышению результативности и эффективности учебной деятельности с ориентацией на мотивационную ее основу и потенциал саморегуляции обучающегося. Вышеизложенный подход в формировании умений и навыков студентов, учитывая эмоциональные особенности, помогут психологам и педагогам формировать у студентов социальные компетенции для повышения успешности обучения студентов и переходу на новый уровень успешности.

Библиография

1. Ананьев Б.Г. Психология педагогической оценки // Избранные психологические труды. М.: Педагогика, 1980. Т. 2. С. 128-265.
2. Анищенко С.А. Особенности профессиональной и гендерной идентичности в старшем подростковом и юношеском возрасте: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. 26 с.
3. Гордеева Т.О. Мотивация учебной деятельности школьников и студентов: структура, механизмы, условия

- развития: дис. д-ра психол. наук. М., 2013. 444 с.
4. Ильясов И.И. Структура процесса учения. М., 1986. 198 с.
 5. Ишков А.Д. Влияние структуры процесса самоорганизации на успешность учебной деятельности студентов: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2003. 23 с.
 6. Королук Н.И. Психическая саморегуляция как средство повышения успешности учебной деятельности курсантов и слушателей ВУЗов: дис. ... канд. психол. наук. М., 1994. 175 с.
 7. Лагунова М.В., Юрченко Т.В. Управление познавательной деятельностью студентов в информационно-образовательной среде вуза. Нижний Новгород, 2011. 167 с.
 8. Маркович В.А. Социально-психологические детерминанты успешности обучения переговорщиков: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2016. 304 с.
 9. Мельникова Е.П. Формирование учебно-профессиональной успешности студентов педагогического колледжа в процессе преподавания гуманитарных дисциплин: дис. ... канд. пед. наук. М., 2012. 256 с.
 10. Рудаков В.Н. Качество вуза, успеваемость и занятость во время обучения как детерминанты заработной платы выпускников вузов на начальном этапе карьеры: дис. ... канд. экон. наук. М., 2016. 180 с.

Student Success Factors

Tat'yana M. Pisarchuk

Postgraduate,
St. Petersburg State University,
199034, 7-9, Universitetskaya emb., St. Petersburg, Russian Federation,
e-mail: schoolglb.pedagog-psiholog@yandex.ru

Abstract

Today, higher educational institutions are faced with the task of preparing: a successful, businesslike, creatively thinking person who knows how to choose a professional path. Education at a university should become a certain stage of development for a young person, contributing to professional development. The article reveals the theme of the success of teaching students at the university. The success of teaching university students is determined by the correspondence of purposeful meaningful pedagogical activity to the socio-psychological nature of the process of personality formation. According to V.S. Ilyin, the integrity of the process of preparing a future specialist is ensured by the unity of the components, the unity of the incentive and executive functions, the inseparability of the activities of the subjects of the educational process, the content and methods, requirements and attitudes towards them. In this regard, the training of university students should be carried out by creating a learning environment or using a set of pedagogical conditions that are socially valuable and affect the student's personal development. The scientific researches devoted to the psychological factors influencing the success of students' education are analyzed. The role of motivational-personal and self-regulatory qualities of students in achieving the set learning outcomes at the university is indicated.

For citation

Pisarchuk T.M. (2022) Faktory uspehnosti studentov [Student Success Factors]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennyye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 11 (6A), pp. 7-11. DOI: 10.34670/AR.2023.77.97.001

Keywords

Students, academic success, success, motivation, self-regulation.

References

1. Anan'ev B.G. (1980) *Psikhologiya pedagogicheskoi otsenki* [Psychology of pedagogical assessment]. In: *Izbrannye psikhologicheskie trudy* [Selected psychological works]. Moscow: Pedagogika Publ. Vol. 2.
2. Anishchenko S.A. (2006) *Osobennosti professional'noi i gendernoi identichnosti v starshem podrostkovom i yunosheskom vozraste*. *Doct. Dis.* [Peculiarities of professional and gender identity in older adolescence and youth. *Doct. Dis.*]. Moscow.
3. Gordeeva T.O. (2013) *Motivatsiya uchebnoi deyatel'nosti shkol'nikov i studentov: struktura, mekhanizmy, usloviya razvitiya*. *Doct. Dis.* [Motivation of educational activity of schoolchildren and students: structure, mechanisms, development conditions. *Doct. Dis.*]. Moscow.
4. Il'yasov I.I. (1986) *Struktura protsessa ucheniya* [The structure of the learning process]. Moscow.
5. Ishkov A.D. (2003) *Vliyaniye struktury protsessa samoorganizatsii na uspehnost' uchebnoi deyatel'nosti studentov*. *Doct. Dis.* [Influence of the structure of the self-organization process on the success of students' educational activities. *Doct. Dis.*]. Moscow.
6. Korolyuk N.I. (1994) *Psikhicheskaya samoregulyatsiya kak sredstvo povysheniya uspehnosti uchebnoi deyatel'nosti kursantov i slushatelei VUZov*. *Doct. Dis.* [Mental self-regulation as a means of improving the success of educational activities of cadets and university students. *Doct. Dis.*]. Moscow.
7. Lagunova M.V., Yurchenko T.V. (2011) *Upravlenie poznavatel'noi deyatel'nost'yu studentov v informatsionno-obrazovatel'noi srede vuza* [Management of cognitive activity of students in the information and educational environment of the university]. Nizhniy Novgorod.
8. Markovich V.A. (2016) *Sotsial'no-psikhologicheskie determinanty uspehnosti obucheniya peregovorshchikov*. *Doct. Dis.* [Socio-psychological determinants of the success of training negotiators. *Doct. Dis.*]. St. Petersburg.
9. Mel'nikova E.P. (2012) *Formirovaniye uchebno-professional'noi uspehnosti studentov pedagogicheskogo kolledzha v protsesse prepodavaniya gumanitarnykh distsiplin*. *Doct. Dis.* [Formation of educational and professional success of students of a pedagogical college in the process of teaching humanitarian disciplines. *Doct. Dis.*]. Moscow.
10. Rudakov V.N. (2016) *Kachestvo vuza, uspevaemost' i zanyatost' vo vremya obucheniya kak determinanty zarabotnoi platy vypusknikov vuzov na nachal'nom etape kar'ery*. *Doct. Dis.* [The quality of the university, performance and employment during training as determinants of the wages of university graduates at the initial stage of their career. *Doct. Dis.*]. Moscow.

УДК 372.3/4

DOI: 10.34670/AR.2023.45.35.002

Анализ психолого-педагогических исследований, направленных на формирование коммуникативных умений дошкольников

Бурлыков Жангар Владимирович

Магистрант,
Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова,
358000, Российская Федерация, Элиста, ул. Пушкина, 11;
e-mail: jangar.burlykov@yandex.ru

Васькина Лариса Евгеньевна

Магистрантка,
Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова,
358000, Российская Федерация, Элиста, ул. Пушкина, 11;
e-mail: loravaskina@mail.ru

Эрдниев Олег Павлович

Магистрант,
Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова,
358000, Российская Федерация, Элиста, ул. Пушкина, 11;
e-mail: bayr1381@gmail.com

Аннотация

Авторы статьи осуществляют анализ психолого-педагогической литературы по проблеме формирования коммуникативных умений. Коммуникативные умения – это владение конструктивными способами и средствами взаимодействия с окружающими людьми, умение общаться и посредством общения успешно решать возникающие игровые, познавательные, бытовые и творческие задачи. Современные дети дошкольного возраста должны обладать расширенным комплексом коммуникативных умений для того, чтобы полноценно осуществлять социальные функции. Если в процессе своего развития у ребенка отсутствует коммуникативный опыт, присутствует низкий уровень сформированных коммуникативных умений, то уже взрослым человеком он может проявлять замкнутость и неуверенность. Анализ психолого-педагогических исследований, направленных на изучение проблемы формирования коммуникативных умений, подтвердил предположение, что у детей дошкольного возраста данные умения являются усвоенные ими способы поведения и общения, которые зависят от стремлений детей выстраивать взаимодействия со старшим поколением и с другими детьми. Для определения необходимо уровня сформированности коммуникативных умений у детей дошкольного возраста необходимо определить на сколько у них правильно осуществляются отношения в группе, которые отражаются на социально-личностном развитии.

Для цитирования в научных исследованиях

Бурлыков Д.В., Васькина Л.Е., Эрдниев О.П. Анализ психолого-педагогических исследований, направленных на формирование коммуникативных умений дошкольников // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 6А. С. 12-19. DOI: 10.34670/AR.2023.45.35.002

Ключевые слова

Общение, коммуникации, умения, коммуникативные умения, формирование коммуникативных умений, дошкольники, процесс формирования коммуникативных умений у детей дошкольного возраста.

Введение

Активные изменения социокультурных процессов совершенствование образовательного пространства в современном обществе обязывает подрастающее поколение при взаимоотношениях с окружающими применять коммуникативные умения, которые необходимо формировать уже с дошкольного периода. Дошкольник, который владеет коммуникативными умениями, без труда может общаться с разновозрастной группой, реализовывает совместную конструктивную деятельность, знает законы сотрудничества, осуществляет бесконфликтное поведение.

Актуальность проблемы формирования коммуникативных умений подрастающего поколения отражена в Федеральном законе № 273–ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года. В Федеральном государственном образовательном стандарте дошкольного образования (ФГОС ДО) определена значимость «создания условий развития ребенка на основе сотрудничества со взрослыми и сверстниками и соответствующих возрасту видов деятельности. Среди целевых ориентиров ФГОС ДО в образовательной области «социально–коммуникативное развитие» обозначены: «... ребенок активно взаимодействует со сверстниками и взрослыми, участвует в совместных играх, способен договариваться, достаточно хорошо владеет устной речью, может выразить свои мысли и желания, проектировать построение речевого высказывания».

Основная часть

На начальном этапе рассмотрения психолого-педагогических исследований понятия «коммуникативные умения» необходимо проанализировать такие термины как «общение», «коммуникация», «умения».

Большой психологический словарь под редакцией Б.Г. Мещерякова трактует: «Общение – взаимодействие двух или более людей, состоящее в обмене между ними информацией познавательного и/или аффективно-оценочного характера. Обычно общение включено в практическое взаимодействие людей (совместный труд, учение, коллективная игра и т.п.), обеспечивает планирование, осуществление и контролирование их деятельности. Вместе с тем общение удовлетворяет особую потребность человека в контакте с другими людьми... Процесс общения может обособляться от других форм деятельности и приобретать относительную самостоятельность» [Мещеряков, 2009].

В работах А.А. Леонтьева общение является «...процесс взаимодействия между людьми, в

ходе которого возникают, проявляются и формируются межличностные отношения» [Леонтьев, 2007].

Г.М. Андреева понимает общение как: «...сложный процесс установления и развития контактов между людьми, порождаемый потребностями совместной деятельности и включающий в себя обмен информацией, выработку единой стратегии взаимодействия, восприятие и понимание другого человека» [Андреева, 2005]. Такое же определение дают Б.Ф. Ломов и А.В. Мудрик, они также трактуют общение как процесс установления и развития контактов между людьми, порождаемый потребностями в совместной деятельности [Мудрик, 1984].

Придерживаясь точки зрения Г.М. Андреевой, можно заключить, что общение включает в себя три составляющие: коммуникативную сторону общения (обмен информацией); интерактивную сторону (взаимодействие); и перцептивную сторону (восприятие людьми друг друга) [Андреева, 2005].

Термин «коммуникация» (от лат. – делать общим, сообщать, беседовать) в последнее время получил широкое распространение. Впервые появился в начале XX века и рассматривался в двух аспектах: 1) основой коммуникации является не язык как система, а непосредственные речевые сигналы (Д. Уотсон); 2) коммуникация есть внутренняя метафизическая способность личности открывать в себе чувства другого (Дж. Г. Мид).

Психологический словарь Б. Мещерякова, В. Зинченко трактует термин «коммуникация» в переводе с английского как сообщать, передавать, и выделяет вербальную и невербальную коммуникацию. Под вербальной коммуникацией понимается целенаправленный процесс передач при помощи языка (языкового кода) некоторого мысленного содержания. Под невербальной коммуникацией рассматривается с одной стороны, дублирование и поддержание вербальной коммуникации, с другой стороны – обеспечивается нецеленаправленная передача образного, эмоционального, мотивационного содержания [Мещеряков, 2009].

Философский энциклопедический словарь трактует «коммуникацию» как обмен мыслями, сведениями, идеями посредством знаков, то есть использование знаково-символических средств в общении и взаимоотношениях является обязательным [Ильичев, 1983].

Согласно психолого-педагогическому словарю А.П. Астахова под коммуникацией понимается связь, в ходе которой происходит обмен информацией между субъектами общения [Астахов, 2010].

В словаре русского языка С.И. Ожегова: «Коммуникация – сообщение, общение». Средством коммуникации выступает речь [Ожегов, 2005].

Термин «умения» в психологическом словаре Б. Мещерякова, В. Зинченко трактуется как промежуточный этап овладения новым способом действия, основанный на каком-либо правиле (знании) [Мещеряков, 2009].

В.Г. Крысько под умениями понимает «...достигнутую в процессе обучения возможность человека творчески применять знания и навыки и достигать желаемого результата» [Крысько, 2004].

Л.Р. Мунирова характеризует «коммуникативные умения» как сложные и осознанные коммуникативные действия, и способность воспитуемых (обучающихся) правильно строить свое поведение, управлять им в соответствии с задачами общения [Мунирова, 1992].

В.А. Тищенко полагает, что коммуникативные умения представляют собой адекватное восприятие информации от партнеров по общению и умения правильно, грамотно, доходчиво объяснять свои мысли [Тищенко, 2018].

Коммуникативные умения как комплекс осознанных коммуникативных действий, позволяющий использовать знания для отражения и преобразования действительности, рассматривают В.А. Кан-Калик и Г.М. Андреева [Кан-Калик, 1987].

По мнению Г.М. Андреевой, коммуникативные умения – «это комплекс осознанных коммуникативных действий, основанных на высокой теоретической и практической подготовленности личности, позволяющий творчески использовать знания для отражения и преобразования действительности» [Андреева, 2005].

О.Н. Сомкова определяет коммуникативные умения как «владение конструктивными способами и средствами взаимодействия с окружающими людьми, умение общаться и посредством общения успешно решать возникающие игровые, познавательные, бытовые и творческие задачи» [Сомкова, 2011].

Таким образом, коммуникативные умения – это элементы коммуникативной деятельности, обеспечивающие обмен информацией, взаимодействие и восприятие людьми друг друга.

По мнению Д.Б. Эльконина в дошкольном возрасте, «общение становится ведущей потребностью. В процессе общения и взаимодействия со сверстниками и взрослыми, происходит усвоение ребенком социального опыта, системы социальных связей и отношений» [Эльконин, 2016].

Дошкольный возраст является особо значимым периодом в социально–личностном, эмоциональном и интеллектуальном развитии, где происходит усиленное развитие коммуникативных умений, у ребенка происходит личное построение не простого и многостороннего взаимодействия с окружающими в том числе со сверстниками, ребенок открывается для мира, при этом активно питает нормы и правила в обществе.

Современные дети дошкольного возраста должны обладать расширенным комплексом коммуникативных умений для того, чтобы полноценно осуществлять социальные функции. В данный комплекс входят не только общепринятые или как их принято называть традиционные, но и связанные с изменениями в общественной жизни информационно-коммуникационные технологий, которые касаются повседневной деятельности. Если в процессе своего развития у ребенка отсутствует коммуникативный опыт, присутствует низкий уровень сформированных коммуникативных умений, то уже взрослым человеком он может проявлять замкнутость и неуверенность.

Для того чтобы определить, в какой степени у дошкольника сформированы коммуникативные умения необходимо взглянуть насколько инициативно, динамично и долговременно он осуществляет процесс общения с окружающими и, конечно, в какой мере решаются коммуникативные задачи.

Современные исследователи Т.А. Коблова, О.В. Кузеванова подчеркивают отличительную черту формирования коммуникативных умений у детей дошкольного возраста – поколения альфа, говоря о том, что они хорошо определяются в цифровой информационной области человечества, по этой причине у них коммуникации объединены с виртуальным общением в сетях интернета, в мобильных телефонах и различных гаджетах [Кузеванова, 2012]. Тем временем коммуникативные умения у современных детей дошкольного возраста временами не отвечают возрастной норме, поскольку у них доминирует именно виртуальное общение. Следовательно, главной задачей формирования коммуникативных умений современных детей является осуществление живого общения, которое характеризуется наполненностью, эмоциональностью и открытостью, где используются взаимоотношения субъект–субъектный.

А.А. Максимова рассматривает коммуникативные умения как: «осознанные

коммуникативные действия субъектов (на основе знания структурных компонентов, умений и коммуникативной деятельности) и их способность правильным образом выстраивать свое поведение в зависимости от задач общения» [Максимова, 2017].

А.А. Когут в своих исследованиях определил две группы коммуникативных умений у детей дошкольного возраста:

- Первая группа характеризуется умением составлять стратегию сотрудничества в которая охватывает способность предусматривать какие будут последствия не только собственных действий, но и оппонентов, давать верную оценку обстоятельств, умение поддерживать в затруднительных ситуациях, осуществлять взаимоконтроль;
- Вторую группу можно охарактеризовать как умение применять речевую деятельность для налаживания коммуникативных связей, строить правильные диалогические отношения, которые подразумевают умение слушать, адекватно отвечать на вопросы, приходить к соглашениям, организовывать речевые процессы [Когут, 2012].

По мнению Л.А. Дубиной, коммуникативные умения дошкольников интегрируют [Дубина, 2014]:

- умение не конкурировать, а кооперироваться и сотрудничать, устанавливать устойчивые контакты;
- умение схватывать, обобщать, перерабатывать, понимать и модифицировать информационные потоки, поступающие из реальной жизни и виртуальной действительности;
- умение слушать и слышать, отслеживать поведенческие модели взаимодействующего и корректировать собственное общение в зависимости от целевых ориентиров коммуникативных задач;
- умение реализовывать связную речь, рассуждать, аргументировать, поддерживать беседу, осваивать сложные коммуникативные взаимодействия субъектов.

Коммуникативные умения дошкольников по характеристике содержания подразделяются как:

- 1) коммуникативные умения в контексте осознанных коммуникативных действий дошкольников и сознательного овладения грамотными речевыми способами, поведенческими моделями. При этом значимым выступает позиция сознательного овладения дошкольниками коммуникативными умениями в рамках саморегуляции и самоконтроля взаимодействия с миром людей и миром предметов;
- 2) коммуникативные умения определяют опыт: быстроедействия в ситуации коммуникации и совместной деятельности; эффективного управления собственным поведением, речевысказыванием; созидательного приобщения себя к коллективу, осуществления рациональных приемов налаживания доброжелательных, дружеских взаимоотношений; равноправной позиционности в решении коммуникативных задач.

Опираясь на исследования Л.Я. Лозован можно выделить критерии и показатели сформированности коммуникативных умений дошкольников [Лозован, 2010]:

- информационный критерий (умение воспринимать информационные потоки, осмысливать и презентовать информацию другому, употреблять вежливые слова и речевой этикет в разнообразных ситуациях обращения со взрослыми и сверстниками, пользоваться оптимальными общечеловеческими способами выразительности речи, конструировать диалог с учетом мнений и позиций взаимодействующих);

- перцептивный критерий (умение воспринимать невербальные способы общения, определять эмоциональный фон и поведенческое состояние взаимодействующих сторон и по мере необходимости подстраиваться под них, ориентироваться на их интересы и потребности, сопереживать, интересоваться отношением других людей к себе, адекватно оценивать себя в коммуникативной ситуации);
- деятельностный критерий (умение осуществлять конструктивное взаимодействие в системе «дошкольники – сверстники», «дошкольники – воспитатели», «дошкольники – родители», «дошкольники – окружающие люди», реализовывать оптимальную коммуникацию в совместных делах в дошкольной образовательной организации и семье, оказывать поддержку, содействие, взаимопомощь в зависимости от коммуникативной ситуации, выстраивать бесконфликтную стратегию поведения и общения, осуществлять волевую и эмоциональную саморегуляцию поведения и общения).

Заключение

Таким образом, анализ психолого-педагогических исследований, направленных на изучение проблемы формирования коммуникативных умений, подтвердил предположение, что у детей дошкольного возраста данные умения являются усвоенные ими способы поведения и общения, которые зависят от стремлений детей выстраивать взаимодействия со старшим поколением и с другими детьми. Для определения необходимо уровня сформированности коммуникативных умений у детей дошкольного возраста необходимо определить на сколько у них правильно осуществляются отношения в группе, которые отражаются на социально-личностном развитии.

Библиография

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2005. 302 с.
2. Астахов А.П. (ред.) Новейший психолого-педагогический словарь. Мн.: Современная школа, 2010. 928 с.
3. Дубина Л.А. Коммуникативная компетентность дошкольников: сборник игр и упражнений. М.: Книголюб, 2014. 64 с.
4. Ильичев Л.Ф. (ред.) Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. 839 с.
5. Кан-Калик В.А. Учителю о педагогическом общении. М.: Просвещение, 1987. 190 с.
6. Когут А.А. К вопросу диагностики развития коммуникативной деятельности старших дошкольников // Человек и образование. 2012. № 4 (33). С. 161-164.
7. Крысько В.Г. Психология и педагогика: Вопросы – ответы. М.: ЮНИТИ, 2004. 366 с.
8. Кузеванова О.В. Формы организации коммуникативной деятельности детей дошкольного возраста // Детский сад: теория и практика. 2012. № 6. С. 18-31.
9. Леонтьев А.А. Психология общения. М.: Академия: Смысл, 2007. 365 с.
10. Лозован Л.Я. Формирование коммуникативных умений младших школьников. М., 2010. 141 с.
11. Максимова С.М. Развитие коммуникативных способностей у дошкольников в процессе театрализованной деятельности // Интерактивная наука. 2017. № 12. С. 92-95.
12. Мещеряков Б.Г. (ред.) Большой психологический словарь. М.: АСТ, 2009. 811 с.
13. Мудрик А.В. Общение как фактор воспитания школьников. М.: Педагогика, 1984. 111 с.
14. Мунирова Л.Р. Формирование у младших школьников коммуникативных умений в процессе дидактической игры: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1992. 17 с.
15. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Просвещение, 2005. 478 с.
16. Сомкова О.Н. Развиваем речь детей // Дошкольное воспитание. 2011. № 9. С. 22-33.
17. Тищенко В.А. Коммуникативные умения: к вопросу классификации // Казанский педагогический журнал. 2018. № 2. С. 1-8.
18. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования. Приказ Минобрнауки РФ от 17 октября 2013 г. № 1155.
19. Эльконин Д.Б. Детская психология. М.: Академия, 2016. 384 с.

Analysis of psychological and pedagogical research aimed at the formation of communicative skills of preschoolers

Dzhangar V. Burlykov

Graduate Student,
Kalmyk State University,
358000, 11, Pushkina str., Elista, Russian Federation;
e-mail: jangar.burlykov@yandex.ru

Larisa E. Vas'kina

Graduate Student,
Kalmyk State University,
358000, 11, Pushkina str., Elista, Russian Federation;
e-mail: loravaskina@mail.ru

Oleg P. Erdniev

Graduate Student,
Kalmyk State University,
358000, 11, Pushkina str., Elista, Russian Federation;
e-mail: bayr1381@gmail.com

Abstract

The authors of the article analyze the psychological and pedagogical literature on the problem of the formation of communicative skills. Communicative skills are the possession of constructive ways and means of interacting with other people, the ability to communicate and through communication successfully solve emerging gaming, cognitive, every day and creative tasks. Modern preschool children should have an expanded set of communicative skills in order to fully carry out social functions. If in the process of his or her development a child has no communicative experience, there is a low level of formed communicative skills, then as an adult he or she can show isolation and uncertainty. An analysis of psychological and pedagogical research performed by the authors of the paper and aimed at studying the problem of the formation of communicative skills confirmed the assumption that in preschool children these skills are the ways of behavior and communication that they have learned, which depend on the desire of children to build interactions with the older generation and with other children. To determine the necessary level of formation of communicative skills in preschool children, it is necessary to determine how well they have relationships in a group that affect social and personal development.

For citation

Burlykov D.V., Vas'kina L.E., Erdniev O.P. (2022) Analiz psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniy, napravlennykh na formirovaniye kommunikativnykh umeniy doshkol'nikov [Analysis of psychological and pedagogical research aimed at the formation of communicative skills of preschoolers]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 11 (6A), pp. 12-19. DOI: 10.34670/AR.2023.45.35.002

Keywords

Communication, skills, communicative skills, formation of communicative skills, preschoolers, the process of formation of communicative skills in preschool children.

References

1. Andreeva G.M. (2005) *Sotsial'naya psikhologiya* [Social Psychology]. Moscow: Aspekt Press Publ.
2. Astakhov A.P. (ed.) (2010) *Noveishii psikhologo-pedagogicheskii slovar'* [The latest psychological and pedagogical dictionary]. Minsk: Sovremennaya shkola Publ.
3. Dubina L.A. (2014) *Kommunikativnaya kompetentnost' doshkol'nikov: sbornik igr i uprazhnenii* [Communicative competence of preschoolers: a collection of games and exercises]. Moscow: Knigolyub Publ.
4. El'konin D.B. (2016) *Detskaya psikhologiya* [Child psychology]. Moscow: Akademiya Publ.
5. *Federal'nyi gosudarstvennyi obrazovatel'nyi standart doshkol'nogo obrazovaniya. Prikaz Minobrnauki RF ot 17 oktyabrya 2013 g. № 1155* [Federal state educational standard for preschool education. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of October 17, 2013 No. 1155].
6. Il'ichev L.F. (ed.) *Filosofskii entsiklopedicheskii slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ.
7. Kan-Kalik V.A. (1987) *Uchitel'yu o pedagogicheskom obshchenii* [Teacher about pedagogical communication]. Moscow: Prosveshchenie Publ.
8. Kogut A.A. (2012) K voprosu diagnostiki razvitiya kommunikativnoi deyatel'nosti starshikh doshkol'nikov [On the issue of diagnosing the development of communicative activity of older preschoolers]. *Chelovek i obrazovanie* [Man and Education], 4 (33), pp. 161-164.
9. Krysko V.G. (2004) *Psikhologiya i pedagogika: Voprosy – otvety* [Psychology and Pedagogy: Questions and Answers]. Moscow: YuNITI Publ.
10. Kuzevanova O.V. (2012) Formy organizatsii kommunikativnoi deyatel'nosti detei doshkol'nogo vozrasta [Forms of organization of communicative activity of preschool children]. *Detskii sad: teoriya i praktika* [Kindergarten: theory and practice], 6, pp. 18-31.
11. Leont'ev A.A. (2007) *Psikhologiya obshcheniya* [Psychology of communication]. Moscow: Akademiya: Smysl Publ.
12. Lozovan L.Ya. (2010) *Formirovanie kommunikativnykh umenii mladshikh shkol'nikov* [Formation of communicative skills of junior schoolchildren]. Moscow.
13. Maksimova S.M. (2017) Razvitie kommunikativnykh sposobnostei u doshkol'nikov v protsesse teatralizovannoi deyatel'nosti [The development of communication skills in preschoolers in the process of theatrical activities]. *Interaktivnaya nauka* [Interactive Science], 12, pp. 92-95.
14. Meshcheryakov B.G. (ed.) (2009) *Bol'shoi psikhologicheskii slovar'* [Big psychological dictionary]. Moscow: AST Publ.
15. Mudrik A.V. (1984) *Obshchenie kak faktor vospitaniya shkol'nikov* [Communication as a factor in the education of schoolchildren]. Moscow: Pedagogika Publ.
16. Munirova L.R. (1992) *Formirovanie u mladshikh shkol'nikov kommunikativnykh umenii v protsesse didakticheskoi igry. Doct Dis.* [Formation of communicative skills in junior schoolchildren in the process of didactic game. Doct. Dis.]. Moscow.
17. Ozhegov S.I. (2005) *Tolkovy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Prosveshchenie Publ.
18. Somkova O.N. (2011) Razvivaem rech' detei [Developing the speech of children]. *Doshkol'noe vospitanie* [Preschool education], 9, pp. 22-33.
19. Tishchenko V.A. (2018) Kommunikativnye umeniya: k voprosu klassifikatsii [Communication skills: on the issue of classification]. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal* [Kazan Pedagogical Journal], 2, pp. 1-8.

УДК 159.9

DOI: 10.34670/AR.2023.92.37.003

Психологические особенности здорового образа жизни и культуры питания обучающихся в образовательных организациях высшего образования

Лахтин Артем Юрьевич

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры физического воспитания и допризывной подготовки,
Московский государственный университет технологий и управления,
109004, Российская Федерация, Москва, ул. Земляной Вал, 73;
e-mail: skbpgu@mail.ru

Селиверстов Александр Александрович

Старший преподаватель кафедры физического воспитания
и допризывной подготовки,
Московский государственный университет технологий и управления,
109004, Российская Федерация, Москва, ул. Земляной Вал, 73;
e-mail: a.seliverstov@mgutm.ru

Рабданов Заур Рабданович

Ассистент кафедры педагогики и психологии
профессионального образования,
Московский государственный университет технологий и управления,
109004, Российская Федерация, Москва, ул. Земляной Вал, 73;
e-mail: rabadanovzr@gmail.com

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15а;
профессор кафедры уголовного права,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20а;
профессор кафедры частного права,
Пермский институт ФСИН России,
614012, Российская Федерация, Пермь, ул. Карпинского, 125;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15А;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

Предмет исследования – культура питания студенческой молодежи. Цель работы – проанализировать психологические особенности здорового образа жизни и культуры питания обучающихся в образовательных организациях высшего образования. Методология проведения исследования – комплексное исследование психологических особенностей здорового образа жизни и культуры питания обучающихся в образовательных организациях высшего образования осуществлялось с использованием таких общенаучных методов как анализ, синтез, сравнение, обобщение при изучении источников информации по тематике исследования, в которых содержались сведения, касающиеся современного состояния культуры питания студенческой молодежи, а также факторов, влияющих на культуру питания. Результаты исследования могут быть использованы при внедрении тем и предметов валеологического направления, а также здоровьесберегающих технологий в образовательную среду ОО высшей школы. Вывод исследования – повышение уровня культуры питания студенческой молодежи является одной из приоритетных задач в мотивации к здоровому образу жизни, при этом при формировании культуры питания необходимо выделять такие факторы, влияющие на пищевое поведение студенческой молодежи, как культурные факторы, особенности убеждений и установок в отношении продуктов питания, социальные влияния, реклама в СМИ и социальных медиа.

Для цитирования в научных исследованиях

Лахтин А.Ю., Селиверстов А.А., Рабаданов З.Р., Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Психологические особенности здорового образа жизни и культуры питания обучающихся в образовательных организациях высшего образования // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 6А. С. 20-32. DOI: 10.34670/AR.2023.92.37.003

Ключевые слова

Здоровый образ жизни, культура питания, обучающиеся высшей школы, студенческая молодежь, режим питания, образовательная организация высшего образования.

Введение

Поддержание высокого уровня работоспособности, успешная адаптация к условиям обучения в образовательной организации высшего образования (далее – ОО ВО) зависят от общего состояния здоровья человека. Самый главный путь – это формирование здорового образа жизни (далее – ЗОЖ), который подразумевает соблюдение определенных правил, направленных на поддержание и развитие высокого уровня жизнедеятельности и основывается

на оптимальном сочетании труда и отдыха, рациональном питании, воздержании от вредных привычек, двигательной активности и умении применять средства восстановления.

В связи с многочисленными исследованиями, проведенными в различных странах, распределение отдельных факторов образа жизни и некоторых других причин по степени влияния на заболеваемость и продолжительность жизни населения является примерно таким: питание – 25%, курения – 25%, двигательная активность – 22%, чрезмерное употребление алкоголя – 10%, инфекционные заболевания – 7%, влияние токсичных веществ, необоснованное и чрезмерное употребление медикаментов – 6%, венерические заболевания – 2,5%, дорожный травматизм – 1,5%, огнестрельное оружие – 1% [Неумывакин, 2005]. Таким образом, питание можно отнести к ведущим из перечисленных выше факторов.

Отметим, что современный образ жизни с характерным для него избытком в рационе калорийной пищи, недостаточным употреблением фруктов, овощей, пищевых волокон, гиподинамией и стрессами привел к появлению новых и резкому росту известных заболеваний. Появился термин «болезни цивилизации»: синдром хронической усталости, атеросклероз, набор лишней массы тела и ожирение, сердечно-сосудистые, эндокринные, онкологические и другие заболевания.

В связи с вышеприведенным, можно утверждать, что одним из основных в ЗОЖ является рациональное и сбалансированное питание.

Современный темп жизни и ритм обучения препятствуют реализации нормального ежесуточного рациона обучающегося в ОО ВО. Студенческая молодежь является специфическим слоем молодого населения страны, особенности образа жизни которого нужно учитывать и контролировать. Здоровое питание студенческой молодежи является неотъемлемой составляющей здорового образа жизни, определяющим фактором, который обеспечивает нормальный рост и развитие молодого организма, определяет умственное и физическое развитие, оптимальное функционирование всех органов и систем, формирование иммунитета и адаптационных резервов организма. Согласно результатам опроса обучающихся [Дугнист и др., 2017], среди факторов, которые могли повлиять на ухудшение здоровья в наибольшей степени, 67,2% респондентов отметили «недосыпание», 65,6% нерегулярное питание, 60,3% наличие психоэмоционального напряжения (стресса).

Следовательно, именно от культуры ЗОЖ, в общем, и культуры питания, в частности, в значительной степени зависит здоровье организма человека. Культуру ЗОЖ мы определяем как динамический стереотип мышления, поведения и деятельности, который способствует сохранению и укреплению здоровья человека и определяет бережное отношение к здоровью окружающих [Власова, Жукова, 2013].

Культуру питания можно определить как систему знаний и практического опыта, направленных на оздоровление организма человека через потребление продуктов питания. Культура питания предусматривает наличие знаний по физиологии пищеварения, режима и рациона питания, количества и качества пищи, питьевого режима, способов приготовления, потребления, условий хранения, правил сочетания, особенностей влияния различных продуктов на психофизиологическое состояние человека и тому подобное [Балькова и др., 2012].

К сожалению, следует констатировать, что студенческая молодежь всегда отличалась низкой культурой питания. Это проявляется в несоблюдении режима питания, чрезмерном потреблении сладостей и напитков, содержащих сахар и обладающих психостимулирующими свойствами (кофе, энергетические напитки). Молодые люди не имеют правильного

представления о влиянии питания на физическое здоровья, не умеют организовать питание в зависимости от нагрузки. Данный образ жизни считается нездоровым и способствует не только возникновению нарушений работы пищеварительной системы, но и появлению заболеваний нервной, сердечно-сосудистой, эндокринной, и иммунной систем, а также возникновению избыточного или недостаточного веса. Все это в совокупности ухудшает работоспособность и здоровье обучающихся ОО ВО [Подригало и др., 2019].

В связи с вышеизложенным тема исследования имеет актуальное значение.

Современное состояние культуры питания молодежи

Согласно проведенным исследованиям, попытки производителей удешевить свою продукцию за счет ингредиентов (пищевых добавок) приводят к существенным изменениям в качестве питания всех слоев населения. Все чаще люди питаются продуктами и напитками, которые являются высококалорийными, но малопитательными, получившими название «едамусор» («джанк-фуд»), что негативно влияет на пищевой статус и здоровье населения, особенно молодежи, приводит к развитию так называемого «скрытого голода», дефицита нутриентов, в первую очередь минеральных веществ и витаминов [Савельев, Федорова, 2012].

Сегодня трудно найти тех, кто, заботясь о своем здоровье, старается принимать только здоровую пищу. Эта тенденция особенно имеет место среди учащейся молодежи, чей рацион в основном состоит из того, что можно дешевле купить и быстрее приготовить. Последнее время многими учеными отмечен рост заболеваемости среди студентов, наблюдается тенденция к прогрессии хронических заболеваний, среди которых первое место занимают желудочно-кишечные расстройства. Согласно статистическим данным число студентов по отношению к общему количеству молодежи в возрасте от 18 до 30 лет составляет более 40% [Роднаева, Тыхеева, Етобаева, 2021], поэтому анализ состояния их питания в определенной степени отражает состояние питания молодежи в целом.

Так, в исследовании [Денисова, Березуцкая, 2017] при оценке качества состава пищи обучающихся ОО ВО выявлена несбалансированность питания по ряду основных компонентов – низкое содержание белков животного происхождения (которые являются незаменимыми), жиров растительного происхождения, кальция, заменимых и незаменимых аминокислот.

В исследовании [Сухова, 2014] установлено, что 45% обучающихся ОО ВО не соблюдают режим питания, а именно: 37,5% опрошенных едят 2 раза в день, а 7,5% всего 1 раз в день, что явно не достаточно для развивающегося организма с повышенной умственной нагрузкой. При этом 41% молодых людей не завтракают, 22% не обедают или обедают нерегулярно и 28% не ужинают или ужинают нерегулярно. Отмечено редкое употребление горячих блюд, первого блюда и поздний по времени приема ужин. В то же самое время более 50% опрошенных не беспокоятся по этому поводу.

Большинство опрошенных в исследовании [Иванченко, Сеферова, Насруллаева, 2017] обучающихся ОО ВО (60%) готовят пищу самостоятельно, и лишь незначительное количество (12,5%) питаются в заведениях общественного питания. Что касается вкусовых предпочтений, то 36,1% употребляют мясные продукты, 25% овощи и фрукты, по 12,5% крупы и молочные продукты, и только 2,7% предпочитают рыбу и рыбные продукты.

Таким образом, наблюдается значительный сдвиг в сторону употребления мяса и мясопродуктов, и практически полное отсутствие рыбы в рационе питания. Но рыба – это не

только источник белка, но и источник ценнейших жирных кислот (Омега 3/6/9), входящих в состав клеток головного мозга и являющихся строительным материалом для клеточных мембран. В исследовании установлено, что 50,8% обучающихся ОО ВО употребляют жареную пищу, и лишь 6,7% пищу, приготовленную на пару. Таким образом, в рационе преобладает жареная пища, но именно при жарке разрушается больше всего полезных веществ, и ценность такой пищи для организма заметно снижается [Замбрицкий, Бацукова, 2012].

Кроме еды, в правильном питании большое внимание уделяется и различным напиткам, которые употребляет молодежь. Так, 48,1% предпочитают употреблять чай или кофе, 20,3% соки, 14,8% молочные продукты, 11% отдают предпочтение газированным напиткам [Подригало, Ермаков, Ровная, 2019].

Диетологов беспокоит рост популярности продуктов питания быстрого приготовления, которые содержат ароматизаторы, красители, модифицированные компоненты, в т.ч. сэндвичи, чипсы, газированные, сладкие и энергетические напитки. Большинство обучающихся (77%) оценивают свое питание как неполноценное и недостаточно питательное, что отражается на их здоровье. На вопрос о причинах неправильного питания 64,5% респондентов сослались на отсутствие свободного времени, 18,7% основной причиной указали нехватку средств, 5% признались, что просто не умеют готовить [Сухова, 2014].

Вместе с тем, по характеру деятельности обучающиеся ОО ВО относятся к категории индивидов умственного труда средней интенсивности. Гигиенические рекомендации для организации питания этой группы, следующие: энергетическая ценность рациона должна составлять для юношей 2100-2450 ккал, для девушек - 1800-2000 ккал. При выполнении тяжелого умственного труда в период сессии энергетическая ценность может возрастать для девушек до 2400 ккал, а для юношей до 2600 ккал. Кратность приема пищи 4-5 раз в сутки. Для здорового рациона оптимальным является соотношение белков, жиров и углеводов близкое к 1:1:4. Оно будет способствовать удовлетворению энергетических и физических потребностей организма. В случае увеличения энергозатрат следует аналогично увеличить количество жиров и углеводов. Соотношение между белком, жирами и углеводами должно быть 0,8:1,4:2 [Ульянова и др., 2018].

При этом большинство научных и исследовательских работ по проблематике культуры питания и пищевого поведения сосредотачиваются на физиологических детерминантах, обращая меньшее внимание на психологические, культурные и социальные аспекты. Поэтому дальнейшее исследование будет сосредоточено на психологическом анализе факторов, влияющих на культуру питания студентов.

Психологический анализ факторов, влияющих на культуру питания студенческой молодежи

В ходе психофизиологического анализа будем учитывать следующие факторы влияния на культуру питания обучающихся ОО ВО:

- культурные ценности;
- восприятие, убеждения, установки;
- социальное воздействие;
- реклама в СМИ;
- социальные медиа;

– уровень знаний.

Культурные ценности. Следует понимать, что культура в широком смысле этого термина является основой всех пищевых выборов. Люди используют категории и правила своих собственных культур, субкультур, этнических и профессиональных групп для определения того, что именно они считают приемлемой и/или наиболее удачной едой, объемы и возможные сочетания выбранных пищевых продуктов, и виды продуктов, традиционно обозначаемые как лучшие или наоборот, запрещены для употребления.

В процессе того, как обучающиеся в Российской Федерации приобщаются к пищевой системе и усваивают пищевые паттерны иных обществ (например, Кавказ – Азия – Европа – Америка), они сталкиваются с явлением «пищевого перехода», обычно благосклонно воспринимая и воспроизводя пищевые модели с более высоким содержанием жиров по сравнению с нашей традиционной культурой. Главной чертой указанного перехода является постепенный сдвиг в направлении высокоэнергетических жиров, насыщенных жиров и сахара [Замбжицкий, Бацукова, 2012].

Явление «пищевого перехода» также связывают с интенсивной урбанизацией и все большей доступностью предварительно обработанных продуктов, многие из которых имеют повышенное содержание жиров, сахара и соли.

К тому же «модные» среди студенческой молодежи ненатуральные продукты быстрого приготовления с химическими добавками, консервантами, красителями, сахар и его искусственные заменители, рафинированные продукты, супы быстрого приготовления, чипсы, кофеин, и т.д. и т.п. являются вредными стимуляторами, которые из-за высокого подъема уровня инсулина приводят к значительному выбросу серотонина (гормона настроения). Но улучшение самочувствия длится недолго, и вскоре, чтобы не было депрессии от недостатка серотонина, мозг начинает требовать «допинга» – следующей порции стимуляторов. Так у молодого человека возникает зависимость от стимуляторов, которые имеют кумулятивное действие в отношении нарушения обмена веществ и наносят огромный вред организму, вызывая серьезные заболевания.

Также следует отметить вредное влияние на здоровье обучающихся широкого потребления рафинированного сахара, который в виде добавок присутствует во множестве продуктов (конфеты, пирожные, печенье, торты, сладкие напитки и др.). На его усвоение тратится большое количество кальция, что в свою очередь как бы вымывает кальций из костной ткани и способствует остеопорозу. Кроме того, для усвоения белого сахара витамины группы В компенсируются (извлекаются) из различных органов, что приводит к возникновению их дефицита, а молодые люди страдают от нервной возбудимости, расстройств пищеварения, усталости, ухудшения зрения, анемии, сердечных приступов, мышечных и кожных заболеваний и т.д. [Савельев, Федорова, 2012].

Восприятие, убеждения, установки. Люди выстраивают собственные восприятия, убеждения и установки в отношении пищи на основе культурных ценностей и психосоциальных факторов, которые формируют их пищевые выборы. Такие культурные конструкции могут не всегда совпадать со строгими научными взглядами на безопасность или пищевую питательность тех или иных продуктов. Так, в течение нескольких последних десятилетий продвижение идеи о повышенном потреблении жиров как об одной из общественных проблем оказалось довольно успешным, вплоть до появления «жирофобии». Подобная социальная динамика отражает важную роль пищевых выборов как вопросов повестки дня в современном обществе.

Вместе с тем, это порой приводит к нарушениям пищевого поведения, особенно среди молодых людей. Так, девушкам студенческого возраста необходимо быть привлекательными, что важно для социального успеха. Это особенно ощущается данной гендерной группой в университете, где происходит оценка друг друга, как правило в первую очередь по внешнему виду. «Идеализированный» стандарт женской красоты требует, чтобы женщины были худыми, однако мужчины, как правило, освобождены от этого стандарта. В настоящее время культурное давление на мужчин в аспекте их соответствия стройному и мышечному идеалу усиливается, и мужчины все больше недовольны своим телом и хотят похудеть или повысить мышечный тонус.

Недовольство своим телом в современном мире стало «нормативным недовольством» и тесно связано со стремлением к похудению. Невозможность сбросить лишние килограммы может драматически повлиять на общее настроение и уверенность в себе. Так, исследователями [Пашкевич, Подригало, Прусик, 2012] были изучены стратегии саморегуляции и субъективное самочувствие обучающихся ОО ВО, у которых недавно диагностировали расстройства пищевого поведения и студентов с риском возникновения отклонений в пищевом поведении. Студенты с нарушениями питания и студенты, которые только находятся на грани между адекватной и болезненной пищевым поведением, сообщали о большом количестве стратегий для управления своим весом, при этом им был присущ низкий уровень удовлетворенности жизнью. Кроме того, опрашиваемые с нарушениями питания показали большое количество стратегий саморегуляции: постоянный поиск информации в Интернете об уменьшении веса, самоконтроль, ведение дневников питания и т.п.

Лица юношеского возраста имеют высокую тенденцию стесняться своего тела, страх набрать лишний вес, боятся быть слишком худыми или слишком толстыми. Они не просто боятся, что не смогут достичь идеальной массы тела, они боятся неудачи в социальных ситуациях, отношениях, в ОО ВО, а в последующем и на работе. Этот страх может быть настолько сильным, что приводит к социальной изоляции. Страх неудачи держит их подальше от социума, новых вызовов, перспективных планов. В тоже самое время строгий контроль и пребывание в своей зоне комфорта дает ощущение покоя, защищенности, правильности и совершенства.

Социальные воздействия. Человек потребляет пищу в присутствии других лиц. Исследования показывают, что эффект социальной фасилитации приводит к более низкому уровню потребления пищи наедине и соответственно более высокому в обстановке группового потребления, особенно когда такие группы состоят из знакомых между собой людей. В юношеском возрасте семья и, в особенности, друзья составляют главный источник образцов для подражания, и так же являются основными факторами группового давления в деле потребления тех или иных продуктов питания (включая продукты с повышенным или пониженным содержанием жиров) или пробование новых продуктов [Денисова, Березуцкая, 2017].

Групповая вовлеченность важна для формирования и дальнейшей поддержки пищевых поведенческих изменений, как это показано в исследованиях по снижению рисков сердечно-сосудистых заболеваний и по лечению избыточного веса и связанных с ним пищевых расстройств [Ульянова и др., 2018]. Следует отметить, что недостаток социальной поддержки способен разрушить индивидуальные попытки пищевых изменений полностью или по крайней мере критически уменьшить успешность таких попыток.

Реклама в СМИ. Средства массовой информации являются одним из ключевых источников

информации о еде и питании для многих людей. Большинство рекламных бюджетов тратят компании, которые производят упакованные сладкие и жиросодержащие продукты с высоким уровнем термической и газовой обработки. Поскольку точные данные относительно объемов продаж и соответствующих рекламных затрат часто являются закрытой коммерческой информацией, довольно проблематично установить прямую связь между рекламой и продажей. Однако многочисленные свидетельства подтверждают эффективность рекламных сообщений в увеличении продаж пищевых продуктов.

Отдельной проблемой специалисты-диетологи считают рекламу, направленную на молодежь. Эффективность маркетинговых кампаний, направленных на молодежь, давно и хорошо известна производителям алкогольных напитков и табачных изделий. Следует обратить внимание, что отсутствие (запрет) в последние несколько лет рекламы табачных изделий значительно снизила на наших улицах количество молодежи, употребляющих традиционные табачные изделия. Реклама пищевых продуктов имеет целью увеличить узнаваемость бренда среди молодежной, в т.ч. студенческой, аудитории, сформировать более позитивное отношение к потреблению рекламируемых пищевых продуктов, создать у молодых людей мотивацию на приобретение продукта и так далее.

Рекламные сообщения, апеллирующие к «здоровым» продуктам, обычно увеличивают объемы продаж. Использование таких маркетинговых технологий, направленных на увеличение продаж пищевых продуктов, обозначенных как «здоровые», однако может вызвать сомнения относительно соответствия таких методов. Продукт, заявленный как «здоровый», в определенном своем аспекте (например, с низким содержанием жиров), вполне может быть достаточно «нездоровым» конкретно в другом (как вариант, содержать много соли или сахара).

Многие исследования рассматривали вопрос о том, являются ли угрозы или возбуждение страха в рекламных сообщениях эффективным средством стимуляции потребителей к желаемым изменениям в культуре питания. Общий вывод этих работ может быть сформулирован так, что как позитивные, так и негативные сообщения имеют значительное влияние на формирование и изменение культуры питания и пищевого поведения в краткосрочной перспективе, однако ни одно сообщение относительно питания или пищевого поведения не является однозначно эффективным, чтобы сформировать и поддерживать постоянные изменения в культуре питания и пищевом поведении человека [Роднаева, Тыхеева, Етобаева, 2021].

Социальные медиагруппы, использующие технику медиафрейминга. Медиафрейминг освещает определенные аспекты проблемы и акцентирует большое внимание на том, что является выгодным авторам публикаций. Они обрамляют события, ограничивая аудиторию в интерпретации событий. Это может происходить с помощью различных текстовых особенностей заголовков, аудиовизуальных компонентов, используемых метафор и/или способа подачи информационного контента, где называются лишь выбранные компоненты истории и опускаются другие.

Интернет и социальные медиа на своих площадках представляют постоянный поток изображений идеальных тел, часто фото цифровой модификации (всем известный фотешоп), чтобы создать недостижимый образ физического совершенства. Поиск данного вида информационного контента приводит к тому, что молодежь ориентируется на совершенствование физической формы. Таким образом, глобальная сеть Интернет является основным источником информации, на основе которой обучающиеся ОО ВО ориентируются в

оценке своей внешности и оценивают внешний вид индивида в социуме.

Интернет и социальные медиагруппы предоставляют практически неограниченные возможности для социального сравнения. Массив информации на веб-сайтах посвящен «идеалам» внешности. Сайты социальных сетей проводят данные события, как «трансформационный день», которые поощряют пользователей публиковать фотографии «до и после похудения», часто сосредоточены на теме потери и уменьшения веса. Социальное сравнение, стимулируемое в пространстве социальных сетей, обуславливает психофизиологическое недовольство собственным телом и возникновение пищевых расстройств.

В исследовании гендерно отмечено, что девушки чаще, чем парни, публикуют фотографии в Instagram [принадлежит корпорации Meta, признанной в РФ экстремистской организацией], а также в два раза чаще размещают изображения продуктов питания и кулинарных блюд перед употреблением. Это говорит о том, что девушки уделяют больше внимания внешнему виду и еде, чем юноши. Исследования также показывают, что повышенная активность, ориентированная на внешний вид в социальных медиагруппах (например, комментирование и размещение фотографий), была связана с более высоким уровнем интернализации идеала, стремлением к утонченности и недовольством собственным весом. У девушек с учетными записями Instagram и Facebook [принадлежит корпорации Meta, признанной в РФ экстремистской организацией] значительно повышены уровни показателей по пропуску приемов пищи [Wilksch et al., 2019].

За последние годы социальная сеть Instagram приняла во внимание все жалобы психологов, активных пользователей и создала отдельный раздел о расстройствах пищевого поведения в справочном центре сети, где описано, что это такое, как понять данное конкретное расстройство, и представлено пояснение, что Instagram будет удалять и блокировать любые изображения или публикации, которые так или иначе негативно влияют на психику других пользователей.

Конечно, расстройства пищевого поведения стали распространяться еще до того, как появились социальные медиа, но социальные медиа способствуют остроте восприятия проблемы с помощью «заточенной» рекламы и соответствующих веб-сайтов, рекламирующих нереалистичные идеалы тела и образа жизни.

Знания. Обучающиеся ОО ВО могут использовать собственные знания для формирования когнитивных связей между питанием и здоровьем, изменяя таким образом собственное поведение, но само по себе знание не всегда является доминантом в ЗОЖ. В современном мире информация о ЗОЖ и культуре питания является свободной и доступной широким слоям населения, однако многие либо не знают, как применять эту информацию в повседневной жизни, либо недостаточно мотивированы к реальным изменениям собственного пищевого поведения. Таким образом, в аспекте информационного влияния на распространение «здоровых» моделей питания следует признать, что осведомленность далеко не всегда является залогом значительного влияния на реальное пищевое поведение человека.

Заключение

Повышение уровня образования студенческой молодежи по вопросам здорового питания является одной из приоритетных задач в мотивации к здоровому образу жизни. Существующие

учебные программы дисциплин медико-биологического цикла не дают возможности усовершенствовать эти знания и выработать навыки. Учитывая тенденции развития высшего образования, следует принять во внимание насущные потребности повышения уровня валеологического направления и внедрения соответствующих тем, предметов и здоровьесберегающих технологий в образовательную среду высшей школы.

Библиография

1. Балькова О.П. и др. Исследование культуры питания студентов вузов – одного из факторов формирования здоровья // Интеграция образования. 2012. № 2. С. 56-59.
2. Власова Ж.Н., Жукова Т.А. Формирование здорового образа жизни студентов // Вестник БГУ. 2013. № 13. С. 39-41.
3. Денисова Г.С., Березуцкая Л.А. Пути совершенствования организации рационального питания студентов // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2017. № 1 (4). С. 73-84.
4. Дрожжина Н.А., Максименко Л.В., Кича Д.И. Особенности пищевого поведения студентов Российского университета дружбы народов // Вопросы питания. 2012. № 1. С. 76-78.
5. Дугнист П.Я. и др. Здоровый образ жизни в системе ценностных ориентаций молодежи // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2017. № 4 (7). С. 3-25.
6. Замбрицкий О.Н., Бацукова Н.Л. Гигиенические основы рационального питания. Оценка адекватности фактического питания. Минск, 2012. 44 с.
7. Иванченко М.Н., Сеферова А.С., Насруллаева С.Ш. Проблемы питания студентов медицинского вуза // Бюллетень медицинских Интернет-конференций. 2017. № 7 (1). С. 292-294.
8. Неумывакин И.П. Эндозкология здоровья. СПб.: ДИЛЯ, 2005. 544 с.
9. Пашкевич С.А., Подригало Л.В., Прусик К. Анализ питания студенческой молодежи во взаимосвязи с особенностями здоровья // Физическое воспитание студентов. 2012. № 6. С. 58-62.
10. Подригало Л.В., Ермаков С.С., Ровная О.А. Особенности питания учащихся молодежи как фактор, влияющий на здоровье // Человек. Спорт. Медицина. 2019. № 19 (4). С. 103-110.
11. Роднаева О.А., Тыхеева Н.А., Етобаева И.Г. К вопросу формирования культуры здорового образа жизни студентов, как неотъемлемой части процессов воспитания и обучения // Педагогика и просвещение. 2021. № 1. С. 50-57.
12. Савельев П.Г., Федорова Л.С. Рациональное питание. М.: Просвещение, 2012. 143 с.
13. Сухова Е.В. Характеристика питания современных студентов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 12-2. С. 289-296.
14. Ульянова Н.А. и др. Правила приема пищи в системе правильного питания студентов // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2018. № 1 (8). С. 83-93.
15. Novikov A.V. et al. The Ways to Improve the Technical and Physical Training of 17-18-Year-Old Volleyball Players by Means of Weight Training Exercises // Journal of Pharmaceutical Sciences and Research. 2018. Vol. 10. No 10. P. 2551-2554.
16. Wilksch S.M. et al. The relationship between social media use and disordered eating in young adolescents // International Journal of Eating Disorders. 2019. Vol. 53. Is. 1. P. 96-106. doi:10.1002/eat.23198

Psychological features of healthy lifestyle and nutrition culture of students

Artem Yu. Lakhtin

PhD in Pedagogy,
Associate Professor of the Department of Physical Education
and Pre-Conscription Training,
Moscow State University of Technologies and Management,
109004, 73, Zemlyanoi Val str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: skbpгу@mail.ru

Aleksandr A. Seliverstov

Senior Lecturer of the Department of Physical Education
and Pre-Conscription Training,
Moscow State University of Technologies and Management,
109004, 73, Zemlyanoi Val str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: a.seliverstov@mgutm.ru

Zaur R. Rabadanov

Assistant of the Department of Pedagogy and Psychology
of Vocational Education,
Moscow State University of Technologies and Management,
109004, 73, Zemlyanoi Val str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: rabadanovzr@gmail.com

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law,
Professor of Law, Chief Scientific Officer,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of Criminal Law Department,
Astrakhan State University,
4140546, 20a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
Professor of the Department of Private Law,
Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
614012, 125, Karpinskogo str., Perm, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Diana N. Slabkaya

Senior Scientific Officer,
Scientific-Research Institute of Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The subject of the study is the nutrition culture of students. The research topic is the psychological features of a healthy lifestyle and nutrition culture of students. The purpose of the work is to analyze the psychological features of a healthy lifestyle and nutrition culture of students. The methodology of the research is a qualitative study of the psychological characteristics of a healthy lifestyle and nutrition culture of students was carried out using such general scientific methods as analysis, synthesis, comparison, generalization when studying information sources on the research problem, which contained information concerning the current state of the nutrition culture of students, as well as factors affecting the nutrition culture of students. Scope of application

of the results: the results of the study can be used in the introduction of topics and subjects of the valeological direction, as well as health-saving technologies in the educational process of higher educational institutions. The conclusion of the study is that improving the level of nutrition culture of students is one of the priorities in motivating them to a healthy lifestyle, while when forming a nutrition culture, it is necessary to identify such factors that affect the eating behavior of students as cultural factors, peculiarities of beliefs and attitudes towards food, social influences, advertising in the media and social media.

For citation

Lakhtin A.Yu., Seliverstov A.A., Rabadanov Z.R., Novikov A.V., Slabkaya D.N. (2022) Psikhologicheskie osobennosti zdorovogo obraza zhizni i kul'tury pitaniya obuchayushchikhsya v obrazovatel'nykh organizatsiyakh vysshego obrazovaniya [Psychological features of healthy lifestyle and nutrition culture of students]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 11 (6A), pp. 20-32. DOI: 10.34670/AR.2023.92.37.003

Keywords

healthy lifestyle, healthy lifestyle culture, nutrition culture, student youth, nutrition regime.

References

1. Balykova O.P. et al. (2012) Issledovanie kul'tury pitaniya studentov vuzov – odnogo iz faktorov formirovaniya zdorov'ya [Study of the nutrition culture of university students as one of the factors in the formation of health]. *Integratsiya obrazovaniya* [Integration of education], 2, pp. 56-59.
2. Denisova G.S., Berezutskaya L.A. (2017) Puti sovershenstvovaniya organizatsii ratsional'nogo pitaniya studentov [Ways to improve the organization of rational nutrition of students]. *Zdorov'e cheloveka, teoriya i metodika fizicheskoi kul'tury i sporta* [Human health, theory and methodology of physical culture and sports], 1 (4), pp. 73-84.
3. Drozhzhina N.A., Maksimenko L.V., Kicha D.I. (2012) Osobennosti pishchevogo povedeniya studentov Rossiiskogo universiteta druzhby narodov [Peculiarities of eating behavior of students of the Peoples' Friendship University of Russia]. *Voprosy pitaniya* [Problems of nutrition], 1, pp. 76-78.
4. Dugnist P.Ya. et al. (2017) Zdorovyi obraz zhizni v sisteme tsennostnykh orientatsii molodezhi [Healthy lifestyle in the system of value orientations of youth]. *Zdorov'e cheloveka, teoriya i metodika fizicheskoi kul'tury i sporta* [Human health, theory and methodology of physical culture and sports], 4 (7), pp. 3-25.
5. Ivanchenko M.N., Seferova A.S., Nasrullaeva S.Sh. (2017) Problemy pitaniya studentov meditsinskogo vuza [Problems of nutrition of students of a medical university]. *Byulleten' meditsinskikh Internet-konferentsii* [Bulletin of medical Internet conferences], 7 (1), pp. 292-294.
6. Neumyvakin I.P. (2005) *Endoekologiya zdorov'ya* [Endoecology of health]. St. Petersburg: DILYa Publ.
7. Novikov A.V. et al. (2018) The Ways to Improve the Technical and Physical Training of 17-18-Year-Old Volleyball Players by Means of Weight Training Exercises. *Journal of Pharmaceutical Sciences and Research*, 10, 10, pp. 2551-2554.
8. Pashkevich S.A., Podrigalo L.V., Prusik K. (2012) Analiz pitaniya studencheskoi molodezhi vo vzaimosvyazi s osobennostyami zdorov'ya [Analysis of student youth nutrition in relation to health characteristics]. *Fizicheskoe vospitanie studentov* [Physical education of students], 6, pp. 58-62.
9. Podrigalo L.V., Ermakov S.S., Rovnaya O.A. (2019) Osobennosti pitaniya uchashchikhsya molodezhi kak faktor, vliyayushchii na zdorov'e [Peculiarities of nutrition of young students as a factor influencing health]. *Chelovek. Sport. Meditsina* [Man. Sport. Medicine], 19 (4), pp. 103-110.
10. Rodnaeva O.A., Tykheeva N.A., Etobaeva I.G. (2021) K voprosu formirovaniya kul'tury zdorovogo obraza zhizni studentov, kak neot'emlemoi chasti protsessov vospitaniya i obucheniya [To the question of forming a culture of a healthy lifestyle of students, as an integral part of the processes of education and training]. *Pedagogika i prosveshchenie* [Pedagogy and education], 1, pp. 50-57.
11. Savel'ev P.G., Fedorova L.S. (2012) *Ratsional'noe pitanie* [Balanced diet]. Moscow: Prosveshchenie Publ.
12. Sukhova E.V. (2014) Kharakteristika pitaniya sovremennykh studentov [Characteristics of the nutrition of modern students]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [Actual problems of the humanities and natural

- sciences], 12-2, pp. 289-296.
13. Ul'yanova N.A. et al. (2018) Pravila priema pishchi v sisteme pravil'nogo pitaniya studentov [Rules of food intake in the system of proper nutrition of students]. *Zdorov'e cheloveka, teoriya i metodika fizicheskoi kul'tury i sporta* [Human health, theory and methodology of physical culture and sports], 1 (8), pp. 83-93.
 14. Vlasova Zh.N., Zhukova T.A. (2013) Formirovanie zdorovogo obraza zhizni studentov [Formation of a healthy lifestyle of students]. *Vestnik BGU* [BSU Herald], 13, pp. 39-41.
 15. Wilksch S.M. et al. (2019) The relationship between social media use and disordered eating in young adolescents. *International Journal of Eating Disorders*, 53, 1, pp. 96-106. doi:10.1002/eat.23198
 16. Zambrzhitskii O.N., Batsukova N.L. (2012) *Gigienicheskie osnovy ratsional'nogo pitaniya. Otsenka adekvatnosti fakticheskogo pitaniya* [Hygienic bases of rational nutrition. Assessment of the adequacy of actual nutrition]. Minsk.

УДК: 159.947.5:378.648.2:617-089

DOI: 10.34670/AR.2023.36.98.004

Психологические характеристики и особенности мотивационной сферы клинических ординаторов специальности «Хирургия»

Башкина Ольга Александровна

доктор медицинских наук, профессор
Ректор, заведующая кафедрой факультетской педиатрии
Астраханский государственный медицинский университет,
414024, Российская Федерация, Астрахань, ул. Бакинская, 121;
e-mail: post@astgmu.ru

Шаповалова Марина Александровна

доктор медицинских наук, профессор
Проректор по последипломному образованию,
заведующая кафедрой экономики и здравоохранения
с курсом последипломного образования
Астраханский государственный медицинский университет,
414024, Российская Федерация, Астрахань, ул. Бакинская, 121;
e-mail: mshap67@gmail.com

Башкина Ольга Александровна

кандидат психологических наук
доцент кафедры экономики и здравоохранения
с курсом последипломного образования
Астраханский государственный медицинский университет,
414024, Российская Федерация, Астрахань, ул. Бакинская, 121;
e-mail: alya_kubekova@mail.ru

Аннотация

В статье представлены результаты эмпирического исследования индивидуально-психологических особенностей и мотивационной сферы клинических ординаторов 1 и 2 года обучения специальности «Хирургия» Астраханского государственного медицинского университета. Медицинские работники представляют собой группу риска по формированию эмоционального выгорания и других эмоциональных расстройств, поскольку непосредственно взаимодействуют с больными различного соматического профиля, а также высокая профессиональная ответственность. Исследование было проведено клиническими психологами на базе ФГБОУ ВО «Астраханский государственный медицинский университет» Минздрава России в ноябре 2022 г. Выборку исследования составили клинические ординаторы специальности «Хирургия» 1 года (22 человека) и 2 года обучения (21 человек). В исследовании применен следующий блок психодиагностических методик: 1) 16 факторный личностный опросник Р.Б. Кеттелла

(форма С); 2) методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О.Ф. Потемкиной. В качестве методов статистической обработки данных были использованы: непараметрический U-критерий Манна-Уитни для выявления значимости различий, также использована программа SPSS-22.0. Установлено, что ординаторы первого года обучения имеют высокую самооценку, эмоциональную устойчивость в сравнении с ординаторами второго года обучения хирургического профиля. Ординаторы 2 года обучения испытывают психоэмоциональное напряжение и стресс. На основании исследования, была предложена программа психологической поддержки, направленная на профилактику стресса и снятие симптомов психоэмоционального напряжения врачей-ординаторов.

Для цитирования в научных исследованиях

Башкина О.А., Шаповалова М.А., Башкина О.А. Психологические характеристики и особенности мотивационной сферы клинических ординаторов специальности «Хирургия» // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 6А. С. 33-40. DOI: 10.34670/AR.2023.36.98.004

Ключевые слова

Клинические ординаторы; медицинский университет; эмоциональные расстройства; личностные особенности; психоэмоциональное напряжение; ориентация на свободу; профилактика стресса.

Введение

Одной из приоритетных задач здравоохранения в России – это подготовка высококвалифицированных кадров. Клиническая ординатура представляет собой часть высшего образования медицинских работников. На этапе обучения в клинической ординатуре более полное развитие профессионально важных качеств врача. Становление профессиональной идентичности на этапе обучения в ординатуре проявляется через формирование личной оценки значения клинической специальности, удовлетворенность ею, становление профессионального поведения [Малютина, Цыганкова, Лонская, 2022]. Медицинские работники представляют собой группу риска по формированию эмоционального выгорания и других эмоциональных расстройств, поскольку непосредственно взаимодействуют с больными различного соматического профиля, а также высокая профессиональная ответственность. В исследовании Гридчик А.Л., Дуб Н.В., Гридчик М.А. отмечается, что психологическое здоровье является не только составляющей, но в определенной степени и основным элементом в успехе освоения врачом специальных знаний, необходимых для эффективной трудовой деятельности. Люкшина Д.С., Бартковская Н.С. [Люкшина, Бартковская, 2018] выявили среди психологических особенностей ординаторов 1-го года обучения хирургического профиля Тихоокеанского государственного медицинского университета, такие показатели как: тревожность, самоконтроль, доминантность, радикализм, подозрительность, неконформизм, жестокость, практичность, смелость. В работе Сагдуллиной Г.Ю., Сагдуллина И.Р. [Сагдуллина, Сагдуллин, 2014] в динамике профессионально важных качеств врачей-хирургов выявили различия в ПВК врачей со стажем и интернов, а именно, у врачей со стажем

отмечается острая наблюдательность, у интернов – высоко развитая ответственность. В диссертационном исследовании Никитиной Е.Л. [Никитина, 2010] в факторной структуре уверенности у врачей-хирургов явно проступила значительная роль поведенческой активности, умение отстаивать собственное мнение и правоту в успешной реализации социально значимых целей и мотивов. Таким образом, возникает социальная необходимость в изучении психологических факторов, которые оказывают дестабилизирующее влияние на личность медицинского работника и формирование системы психологического сопровождения медицинских работников на всех этапах профессиональной деятельности. На основании эмпирического исследования будет разработана программа психологической поддержки, направленная на профилактику стресса и снятие симптомов психоэмоционального напряжения врачей-ординаторов.

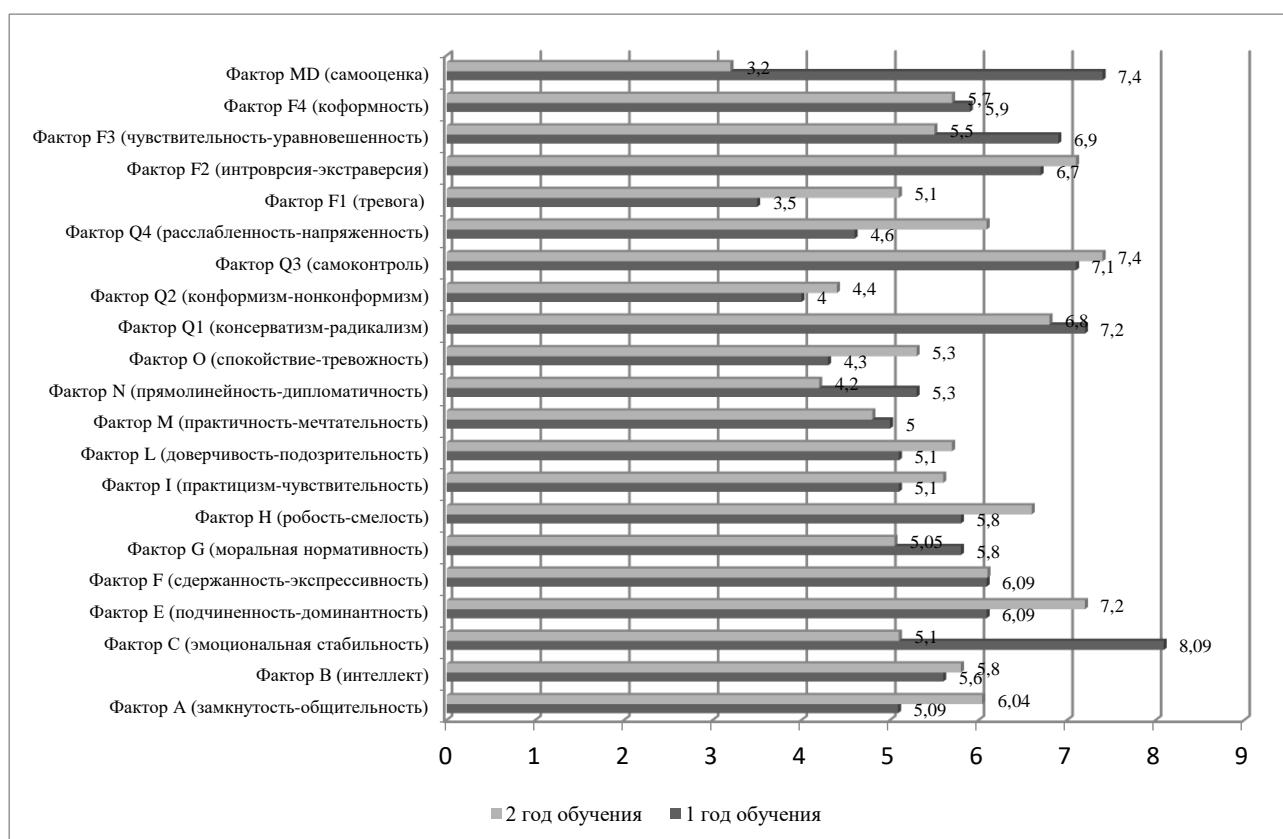
Цель исследования: заключалась в изучении индивидуально-психологических особенностей и мотивационной сферы клинических ординаторов 1 и 2 года обучения специальности «Хирургия» Астраханского государственного медицинского университета и разработка программы психологической поддержки, которая направлена на профилактику стресса молодых специалистов.

Материалы и методы исследования

Эмпирическое исследование было проведено клиническими психологами на базе ФГБОУ ВО «Астраханский государственный медицинский университет» Минздрава России в ноябре-декабре 2022 г. Выборку исследования составили клинические ординаторы специальности «Хирургия» 1 года (22 человека) и 2 года обучения (21 человек). Клиническая база специальности «Хирургия» – кафедра хирургических болезней ПО с курсом колопроктологии и кафедра хирургических болезней педиатрического факультета. В качестве основного психологического метода исследования выступило психодиагностическое тестирование, которое включила две психодиагностические методики: 1) 16 факторный личностный опросник Р.Б. Кеттелла (форма С), предназначенный для измерения 16 факторов личности – личностных черт, свойств, отражающих относительно устойчивые способы взаимодействия человека с окружающим миром и самим собой [Батаршев, 2004]. Выявляются эмоциональные, коммуникативные, интеллектуальные свойства, а также свойства саморегуляции, обобщающие информацию человека о самом себе. 16 факторный личностный опросник Р.Б. Кеттелла позволяет выяснить особенности характера, склонностей и интересов личности. Согласно теории личностных черт Кеттелла, личность описывается как состоящая из стабильных, устойчивых, взаимосвязанных элементов (свойств, черт), определяющих ее внутреннюю сущность и поведение. Различия в поведении людей объясняется различиями в выраженности личностных черт; 2) методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О.Ф. Потемкиной. Данная методика позволяет определить ценностные ориентации личности: ориентация на процесс, ориентация на результат, ориентация на альтруизм, ориентация на эгоизм, ориентация на труд, ориентация на деньги, ориентация на свободу, ориентация на власть. При обработке полученных данных использовался статистический U-критерий Манна-Уитни и программа Статистика 10 [Сидоренко, 2003]. Результаты исследования представлены в рисунках и таблицах.

Результаты исследования и их обсуждение

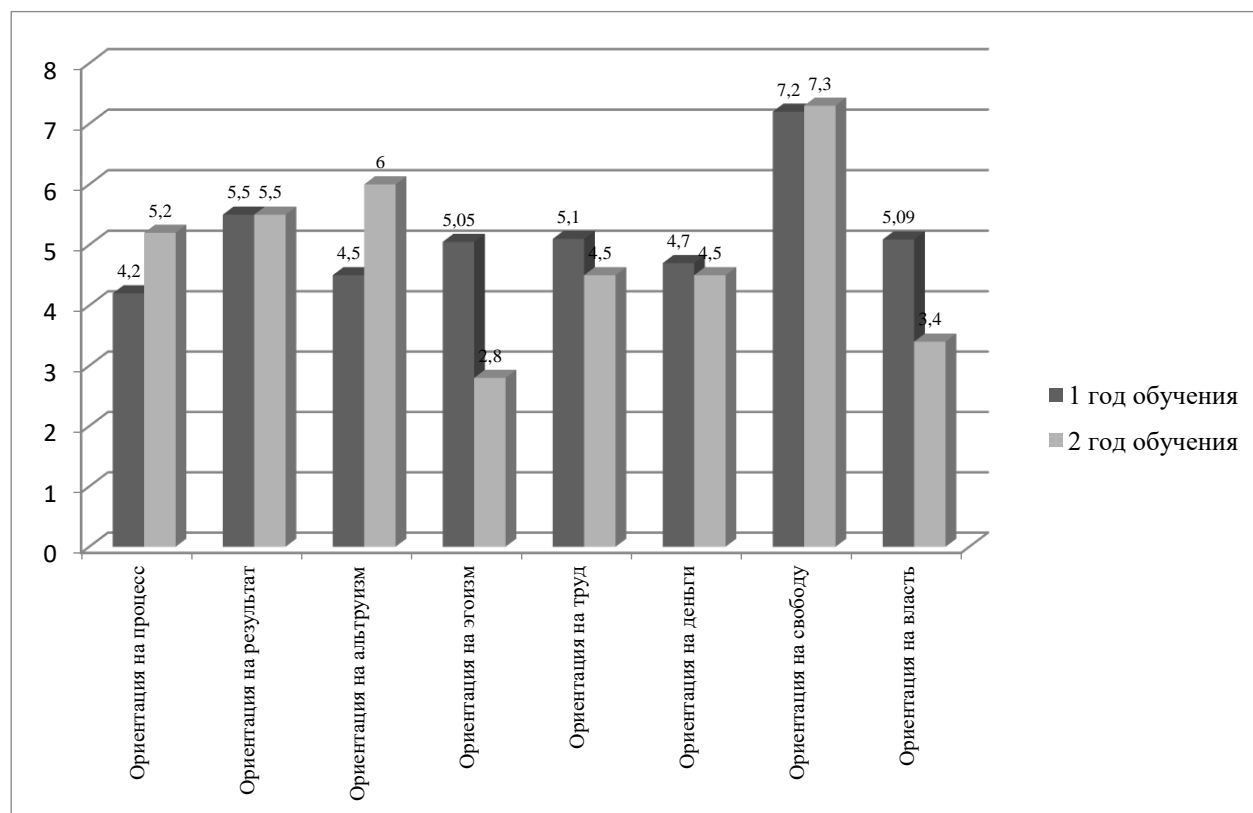
Согласно тестовой диагностики были получены следующие результаты по 16-факторному личностному опроснику Р.Б. Кеттелла (см. рисунок 1) у клинических ординаторов Астраханского государственного медицинского университета. Ведущими личностными факторами у ординаторов первого года обучения хирургического профиля являются: фактор С («эмоциональная нестабильность -эмоциональная стабильность») – 8,09% и личностный фактор MD: «Адекватная самооценка – неадекватная самооценка» – 7,4%. Данный результат означает, что ординаторам первого года обучения специальности «Хирургия» характерна эмоциональная устойчивость, выдержанность, они работоспособны, ориентированы на реальность, но в то же время и присуща переоценка своих возможностей, самоуверенность и довольство собой. Для клинических ординаторов второго года обучения хирургического профиля ведущими личностными факторами являются: Фактор Q3: («Низкий самоконтроль – высокий самоконтроль») – 7,4% и Фактор E: («подчиненность-доминантность») – 7,2%. Данные показатели являются высокими, что означает самостоятельность, независимость, настойчивость, упрямство, напористость, своенравие, иногда конфликтность, склонность к авторитарному поведению. Однако, несмотря на авторитарное проведение, ординаторам второго года свойственна целенаправленность, сильная воля, умение контролировать свои эмоции и поведение.

(составлено авторами по материалам исследования)

Рисунок 1 - Средние значения личностных факторов по опроснику Р.Б. Кеттелла у вачей-ординаторов

В результате тестовой обработки по методике диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О.Ф. Потемкиной у ординаторов первого года обучения ведущими ценностными ориентациями личности является «Ориентация на свободу» (7,2%), что означает то, что главной ценностью для них является свобода (рисунок 2). Очень часто ориентация на свободу сочетается с ориентацией на труд. Важно отметить, что для ординаторов хирургического профиля 2 года обучения также является «Ориентация на свободу» (7,3%), что свидетельствует, что они также ориентированы на трудовую деятельность и свободу.

(составлено авторами по материалам исследования)

Рисунок 2. Средние значения по методике диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О.Ф. Потемкиной у врачей-ординаторов

Применение U-критерия Манна-Уитни выявило достоверность различий в личностных факторах между 2 группами клинических ординаторов специальности «Хирургия» (см. таблицу 1).

Таблица 1 - Таблица достоверности различий

Фактор различия	Критерий	Значимость (p<0,05)
фактор С («эмоциональная нестабильность-эмоциональная стабильность»)	U-критерий Манна-Уитни	0,000
личностный фактор MD: «Адекватная самооценка-неадекватная самооценка»	U-критерий Манна-Уитни	0,001

(составлено автором по материалам исследования)

Достоверные различия между личностными факторами были выявлены у ординаторов 1 и 2 года обучения (Опросник Р.Б. Кеттелла): высокий уровень эмоциональной стабильности выше в первой группе ординаторов специальности «Хирургия» ($t=0,000 < 0,05$). Достоверные различия выявлены в факторе MD: «Адекватная самооценка-неадекватная самооценка» между 1 и 2 группой ординаторов ($t=0,001 < 0,05$).

В качестве практических рекомендаций для психологов психологических служб в здравоохранении была предложена программа для клинических ординаторов с учетом полученных эмпирических данных. Программа включает в себя психокоррекционные мероприятия, которые направлены на снижения уровня стресса, формирование адекватной оценки себя и собственных поступков. В Астраханском государственном медицинском университете была внедрена дополнительная профессиональная программа «Приемы психологической регуляции в стрессовой ситуации» (36 часов) для клинических ординаторов, которая направлена на регуляцию психоэмоционального состояния и, соответственно, оптимизацию профессиональной адаптации молодых специалистов. Программа включает в себя 6 модулей, которая состоит из теоретического блока о понятии стресса, копинг-стратегиях по нейтрализации стресса, а также обучение практическим навыкам по управлению эмоциональным состоянием (техники Эриксоновского гипноза, релаксация по Джекобсону, антистрессовое дыхание, аутогенная тренировка (на основе классического аутотренинга Шульца И.Г.). Проведение психокоррекционных мероприятий по эмоциональному состоянию, безусловно, обеспечивает адаптацию медицинских работников.

Выводы

Установлено, что ординаторы первого года обучения имеют высокую самооценку, эмоциональную устойчивость в сравнении с ординаторами второго года обучения хирургического профиля. Ординаторы 2 года обучения испытывают психоэмоциональное напряжение и стресс. На основании исследования, была предложена программа психологической поддержки, направленная на профилактику стресса и снятие симптомов психоэмоционального напряжения врачей-ординаторов.

Библиография

1. Факторный личностный опросник Р.Б. Кеттелла (форма С) [электронный ресурс] // PsyTests. Психологические тесты онлайн. URL <https://psytests.org/cattell/16pfC.html> (дата обращения: 02.12.2022).
2. Батаршев А.В. Диагностика пограничных психических расстройств личности и поведения. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2004. – 320 с.
3. Гридчик А.Л., Дуб Н.В., Гридчик М.А. Личностные и социальные мотивы клинических ординаторов к обучению по специальности «Акушерство и гинекология». Российский вестник акушера-гинеколога. 2017;17(2):70-73.
4. Люкшина Д.С., Бартковская Н.С. Психологические характеристики студентов и ординаторов хирургических направлений подготовки // Вестник КемГУ. 2018. №1 (73). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-harakteristiki-studentov-i-ordinatorov-hirurgicheskikh-napravleniy-podgotovki> (дата обращения: 10.12.2022).
5. Малютина Т.В., Цыганкова О.Ю., Лонская Л.В. Характеристика статуса профессиональной идентичности ординаторов медицинского вуза // Проблемы современного педагогического образования. 2022. №74-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-statusa-professionalnoy-identichnosti-ordinatorov-meditsinskogo-vuza> (дата обращения: 10.12.2022).
6. Методика диагностики социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере О.Ф. Потемкиной [электронный ресурс] // PsyTests. Психологические тесты онлайн. URL <https://psytests.org/boyko/burnout.html?ysclid=l6s13ziutv951173803> (дата обращения: 02.12.2022).
7. Никитина Е.Л. Психологические особенности инициативности и уверенности студентов-медиков и врачей-хирургов: автореферат дис. ... кандидата психологических наук:19.00.01 / Никитина Е.Л. – Москва, 2010. – 19 с.

8. Сагдуллина Г.Ю., Сагдуллин И.П. Развитие профессионально важных качеств врача специальности хирургия // Международный журнал экспериментального образования. – 2014. – № 6-1. – С. 98-99; URL: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=5016> (дата обращения: 10.12.2022).
9. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии / Е.В. Сидоренко. – СПб.: ООО «Речь», 2003. – 350 с.
10. Чижкова М.Б. Коммуникативная компетентность врача и её формирование в представлениях ординаторов: к постановке проблемы // Современные проблемы науки и образования. – 2020. – № 2.; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=29727> (дата обращения: 10.12.2022).

Psychological characteristics and features of the motivational sphere of clinical residents of the specialty «Surgery»

Olga A. Bashkina

doctor of medical sciences, professor
rector, Head of Department of faculty pediatrics
Astrakhan State Medical University,
414024, 121, Bakinskaya str., Astrakhan, Russian Federation,
e-mail: post@astgmu.ru

Marina A. Shapovalova

doctor of medical sciences, professor
Vice-Rector for Postgraduate Education,
Head of Department of Economics and Health with a postgraduate course
Astrakhan State Medical University,
414024, 121, Bakinskaya str., Astrakhan, Russian Federation,
e-mail: mshap67@gmail.com

Aliya S. Abdullaeva

Ph.D. of Psychological Sciences
senior lecturer of Department of Economics and Health with a postgraduate course
Astrakhan State Medical University,
414024, 121, Bakinskaya str., Astrakhan, Russian Federation,
e-mail: alya_kubekova@mail.ru

Abstract

The article presents the results of an empirical study of individual psychological characteristics and motivational sphere of clinical residents of the 1st and 2nd years of study in the specialty "Surgery" of the Astrakhan State Medical University. Medical workers are a risk group for the formation of emotional burnout and other emotional disorders, since they directly interact with patients of various somatic profiles, as well as high professional responsibility. The study was conducted by clinical psychologists at the Astrakhan State Medical University of the Russian Ministry of Health in November 2022. The sample of the study consisted of clinical residents of the specialty "Surgery" of 1 year (22 people) and 2 years of study (21 people). The study used the

following block of psychodiagnostic methods: 1) 16 factor personality questionnaire by R.B. Cattell (form C); 2) a methodology for diagnosing socio-psychological attitudes of a person in the motivational-demand sphere of O.F. Potemkina. As methods of statistical data processing, the following were used: the nonparametric Mann-Whitney U-test to identify the significance of differences, and the SPSS-22.0 program was also used. It was found that first-year residents have high self-esteem, emotional stability in comparison with second-year surgical residents. Residents of the 2nd year of study experience psycho-emotional stress and stress. Based on the study, a program of psychological support was proposed, aimed at preventing stress and relieving symptoms of psycho-emotional stress of medical residents.

For citation

Bashkina O.A., Shapovalova M.A., Bashkina O.A. (2022) Psikhologicheskie kharakteristiki i osobennosti motivatsionnoi sfery klinicheskikh ordinatorov spetsial'nosti «Khirurgiya» [Psychological characteristics and features of the motivational sphere of clinical residents of the specialty «Surgery»]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 11 (6A), pp. 33-40. DOI: 10.34670/AR.2023.36.98.004

Key words

Clinical residents; medical University; emotional disorders; personal characteristics; psycho-emotional stress; freedom orientation; stress prevention.

References

- 16 factor personality questionnaire R.B. Cattell (form C) [electronic resource] // PsyTests. Psychological tests online. URL <https://psytests.org/cattell/16pfC.html> (accessed 02.12.2022).
- Batarshv A.V. Diagnosis of borderline mental disorders of personality and behavior. - M.: Publishing house of the Institute of Psychotherapy, 2004. – 320 p.
- Gridchik A.L., Dub N.V., Gridchik M.A. Personal and social motives of clinical residents to study in the specialty "Obstetrics and Gynecology". Russian Bulletin of an obstetrician-gynecologist. 2017;17(2):70-73.
- Lyukshtina D.S., Bartkovskaya N.S. Psychological characteristics of students and residents of surgical areas of training // Bulletin of the KemGU. 2018. No. 1 (73). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psikhologicheskie-kharakteristiki-studentov-i-ordinatorov-hirurgicheskikh-napravleniy-podgotovki> (date of access: 10.12.2022).
- Malyutina T.V., Tsygankova O.Yu., Lonskaya L.V. Characteristics of the status of professional identity of residents of a medical university // Problems of modern pedagogical education. 2022. No. 74-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-statusa-professionalnoy-identichnosti-ordinatorov-meditsinskogo-vuza> (date of access: 10.12.2022).
- Methodology for diagnosing socio-psychological attitudes of a person in the motivational-demand sphere O.F. Potemkina [electronic resource] // PsyTests. Psychological tests online. URL <https://psytests.org/boyko/burnout.html?ysclid=l6s13ziutv951173803> (Accessed 02.12.2022).
- Nikitina E.L. Psychological features of initiative and confidence of medical students and surgeons: Abstract of the thesis. ... candidate of psychological sciences: 19.00.01 / Nikitina E.L. – Moscow, 2010. – 19 p.
- Sagdullin G.Yu., Sagdullin I.R. Development of professionally important qualities of a doctor in the specialty surgery // International Journal of Experimental Education. – 2014. – No. 6-1. – P. 98-99; URL: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=5016> (date of access: 10.12.2022).
- Sidorenko E.V. Methods of mathematical processing in psychology / E.V. Sidorenko. – St. Petersburg: LLC "Rech", 2003. – 350 p.
- Chizhkova M.B. Communicative competence of a doctor and its formation in the views of residents: to the formulation of the problem // Modern problems of science and education. – 2020. – No. 2.; URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=29727> (date of access: 12/10/2022).

УДК 001:331.102.312

DOI: 10.34670/AR.2023.96.64.005

Структура и содержание гражданско-правовой культуры обучающихся военных вузов как качества зрелой личности

Языков Евгений Юрьевич

Преподаватель,
кафедра оперативного искусства и общевоеенных дисциплин,
Краснодарское высшее военное училище им. генерала армии С.М.Штеменко,
350005, Российская Федерация, город Краснодар, ул. Грибоедова, 18;
e-mail: yasjazzikov@gmail.com

Борсук Алексей Алексеевич

Доцент,
кафедра оперативного искусства и общевоеенных дисциплин,
Краснодарское высшее военное училище им. генерала армии С.М.Штеменко,
350005, Российская Федерация, город Краснодар, ул. Грибоедова, 18;
e-mail: yasjazzikov@gmail.com

Аннотация

Гражданско-правовая культура личности, являясь элементом базовой личностной культуры, имеет специфическое содержание у представителей разных профессиональных общностей, заключающееся в особых предпочтениях и/или табу относительно общественной, экономической, политической активности. Данное положение характерно для военно-профессиональной сферы, с соответствующей профессиональной миссией, целями, средствами и т.д., отражающимися и в стратегии военно-профессионального образования. В частности, ввиду специфики ценностно-целевых ориентиров военно-профессиональной деятельности, в процессе подготовки к ней нередко случаи доминирования, «вытеснения» общегражданских ориентиров образования и воспитания соответствующими профессиональными ориентирами. В результате выпускники военных учебных заведений, будучи качественно подготовленными к реализации профессиональных ролей и функций, испытывают ценностно-ориентационные, смысловые, когнитивные и поведенческие затруднения при необходимости выполнения иных социальных ролей, в частности, при выполнении общегражданских социальных функций. В процессе профессиональной подготовки у курсантов эффективно формируются именно профессионально-обусловленные установки и паттерны поведения, которые закрепляются в процессе военно-профессиональной деятельности и начинают распространяться за пределы служебных условий, на внеуровневые аспекты жизнедеятельности. В данной статье рассмотрены структурные компоненты гражданско – правовой культуры личности с учетом специфики профессиональной деятельности.

Для цитирования в научных исследованиях

Языков Е.Ю., Борсук А.А. Структура и содержание гражданско-правовой культуры обучающихся военных вузов как качества зрелой личности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 6А. С. 41-50. DOI: 10.34670/AR.2023.96.64.005

Ключевые слова

Наука, образование, военные учебные заведения, правовая культура, гражданская культура, военнослужащие, структура личности, гражданские права, патриотизм.

Введение

Гражданско-правовая культура обучающихся военных вузов представляет собой проявление правовой культуры личности в гражданской (общественной) сфере в форме социально-активного поведения (включая участие в делах, процессах государства и общества), базирующегося на нормах права, которые имеют не только юридическое, закрепленное законом основание, но и моральную, ценностную обоснованность. Она проявляется в форме сознательной, активной, целесообразной, конструктивной деятельности человека по реализации своих гражданских прав и свобод, содействию их реализации для остальных членов общества [Андреева, 2013; Бибарсова, 2006; Габидуллин, 2014; Меркель, 2014, Сморгунова, 2005; Шамсутдинова, 2020].

Основная часть

Структурными компонентами гражданско-правовой культуры личности являются следующие: когнитивный (знания, представления и убеждения в области гражданских и правовых сфер жизнедеятельности), регулятивный (ценностные ориентации, мотивы и установки, детерминирующие нормативно-правовое (правомерное) поведение и деятельность гражданина), поведенческий (нормативно-правовые поступки и действия гражданина, реализуемые им в общественной, бытовой жизнедеятельности и межличностном взаимодействии), рефлексивный (установки и способности к анализу и оценки правомерности и полноты содержания собственного гражданского поведения) [Шамсутдинова, 2020]. Анализ существующих работ в области содержания исследуемого феномена позволил заключить, что каждый компонент включает базовое, общегражданское содержание и содержание, характеризующее соответствующие стороны личности гражданина, но с учетом специфики профессиональной деятельности. В отличие от базового, профессионально обусловленное содержание гражданско-правовой культуры личности менее изучено. Это определяет актуальность исследования, направленного на уточнения указанного специфического содержания компонентов гражданско-правовой культуры как социально-значимого качества курсантов военных вузов.

Гражданские (внепрофессиональные) права и свободы, обязанности и ответственность могут иметь ряд ограничений либо расширений, обусловленных профессиональным статусом, ролью, миссией; эти особенности должны, во-первых, отражаться в содержании гражданско-правовой культуры представителя конкретного профессионального сообщества в виде знаний о них, соответствующих установок и ценностей, способностей действовать в соответствии с

ними, во-вторых, быть критериально определены, зафиксированы. Человек в процессе жизнедеятельности проявляется в своей общегражданской и профессиональной ипостасях. Для большинства видов деятельности профессиональная принадлежность практически не накладывают на личность требований относительно поведения, деятельности, внешнего вида «в свободное от работы время»; то есть, вне работы человек выступает как гражданин и может практически не идентифицировать себя с профессиональным сообществом, его профессиональные задачи не накладывают на него гражданских обязанностей и ограничений. Однако есть профессии, где и в быту, за пределами выполнения служебных обязанностей человек вынужден строить свое поведение (в широком смысле), ориентируясь, прежде всего, на нормы своего профессионального сообщества, с учетом табу и т.д. Причем это либо определяется сложившимися социальными нормами (внешний вид, поведение педагога; движение «слева от супруги» военнослужащего), либо имеет и юридическое закрепление в форме наказания за неисполнение каких-либо действий (врачу – за неоказание медицинской помощи, педагогу – за политическую агитацию военнослужащему – за обращение в «гражданский» суд).

Волеводз А.Г., проведя детальный анализ международных и отечественных нормативно-правовых и законодательных актов, отмечает всеобщность указанной специфичности для военнослужащих практически во всех государствах: «военная служба объективно вызывает ограничение некоторых прав военнослужащего как гражданина...данный вывод верен применительно к военнослужащим любой армии мира» [Волеводз, 2002]. Согласно международному законодательству, такие ограничения касаются целого ряда аспектов (ограничение полностью либо частично гражданских прав у военнослужащих):

- право на создание профессиональных групп и союзов (п.2 ст. 8 Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах);
- право не привлекаться к принудительному или обязательному труду (Международный пакт о гражданских и политических правах - п. 3 ст. 8,);
- право на ассоциации с другими и на создание политических организаций и объединений (Международный пакт о гражданских и политических правах – ст.22);
- права на свободное передвижение, на свободное выражение своего мнения и др. (Международный пакт о гражданских и политических правах и др.).

Согласно российскому законодательству (Конституции РФ как основного закона государства, иных федеральных законов, отраслевых законах Министерства обороны) указанные ограничения характерны и для отечественной государственной практики. Основные характеристики прав и свобод, а также обязанностей российских военнослужащих отражены в Федеральном законе «О статусе военнослужащего», в котором статус, собственно, и определяется как совокупность государственно гарантированных прав и свобод, предписанных обязанностей и ответственности военнослужащих, и где изначально указано, что обладание некоторыми правами человека и гражданина для военнослужащих ограничено законодательно. (Например, государство не может в полной мере гарантировать военнослужащим реализацию их права на жизнь и безопасность, поскольку сами представители военного-профессионального сообщества обязаны эти права граждан отстаивать, защищать с оружием в руках).

В целом, в Законе характеризуются две группы прав военнослужащих: общегражданские и военно-служебные. В контексте общегражданских прав и свобод указывается, например, что право на свободу передвижения и выбор места жительства может быть реализовано военнослужащими исключительно с учетом обеспечения боеготовности воинских частей,

служебных потребностей. Значительная часть военнослужащих (а также члены их семей) не имеют права на выезд за пределы РФ.

Свобода совести и вероисповедания для военнослужащих ограничена недопустимостью отказа от определенных воинских обязанностей по религиозным (иным духовным) соображениям, а также запретом пропаганды определенной религии с использованием служебного положения.

Реализация права на труд ограничивается для военнослужащих запретом на все виды трудовой деятельности, не связанные с военной службой. Заниматься иной оплачиваемой деятельностью, военнослужащие могут только в образовательной, научной и творческой сферах – при условии, что это не мешает выполнению воинских обязанностей. Полностью запрещено заниматься предпринимательской деятельностью в любой форме, издавать свои труды.

Свою специфику имеет реализация военнослужащими политических прав и свобод. Так, в рамках реализации права на свободу слова и выражения своего мнения, не имеет права разглашать государственную и военную тайну, а также высказывать критику в адрес приказов командиров. Имея право на мирное (без оружия) участие в митингах, демонстрациях, пикетах и т.д., проходящих вне пределов воинской части, военнослужащие не имеют права на участие в забастовках.

Как любой гражданин, военнослужащий имеет право участвовать в управлении делами государства, в том числе, избираться в органы государственного / общественного управления. Однако при избрании его депутатом, служебная деятельность приостанавливается вплоть до окончания депутатских полномочий. Право на обращение в судебные инстанции ограничивается: военным судом, во-первых, запретом на коллективные обращения и жалобы, во-вторых.

Очевидно, что вышеназванные особенности правовых отношений военнослужащего как гражданина и как специалиста должны быть включены в обязательное содержание когнитивного компонента гражданско-правовой культуры.

Определим теперь, каков состав специфических регулятивов гражданско-правовой активности, характерных для представителей военно-профессионального сообщества. Прежде всего, на наш взгляд, специфика касается тезиса об ощущении социальной справедливости законов как основании признания ценности гражданских прав, свобод, обязанностей; о формировании уважения к закону на основе признания его действительности, всеобщности и, опять же справедливости. Представляется, что правомерность поведения, законность действий и пр. для военнослужащего должны быть категориями императивными, не подвергаться эмоциональной оценке. Как уже упоминалось ранее, особенности данной профессиональной сферы таковы, что и за пределами непосредственного выполнения служебных обязанностей, в быту, во внеслужебных видах жизнедеятельности офицер и вынужден (что прямо или опосредованно следует из законодательства), и должен (это подсказывает логика, исходящая из специфики профессии, связанной с наличием специальных умений и навыков по применению насильственных действий для защиты государства и общества, личности, а также с владением оружием) идентифицировать себя вначале как военнослужащий, представитель военно-профессионального сообщества, а лишь потом, как гражданин с общегражданскими правами, свободами и обязанностями.

Относительно императивности законности и правопорядка для военнослужащих отметим следующее. В.Ю.Жуков, исследуя категорию нравственной культуры личности, характеризует ее как внутреннюю необходимость поступать достойно, не зависимо от внешних условий [Жуков, 2004]. В контексте проблематики его исследования достойно и означает нравственно,

этично. Используя данное определение для уточнения понятия императивности, отметим, что для военнослужащего «достойным» должно быть поведение, обеспечивающее всемерную защиту интересов государства и народа, а соблюдение законов, поддержание правопорядка и т.д. непосредственным образом попадает в разряд соответствующих целей и задач. Вероятно, военнослужащие вынуждены оперировать «большими числами», разрешая нередко возникающие противоречия между интересами отдельной личности и интересами государства, справедливостью законов относительно человека и пользой их исполнения для всего общества, государства.

Подтверждением нашему мнению может служить следующее. Как отмечают ученые, для российской ментальности характерен приоритет государственно-общественных интересов перед индивидуальными интересами личности. Данная особенность традиционно описывается педагогами, правоведами, социологами, психологами и пр. в несколько негативном оценочном ключе, особенно в новейшем периоде российской истории, с его подчеркнутой де-юре ориентированностью на гуманизацию общественного бытия и признание личности высшей ценностью [Кунижев, 2008].

Однако, на наш взгляд, ценностно-ориентационная особенность, связанная с приоритетом общественного над личным как раз должна быть актуализирована в содержании гражданско-правовой культуры военнослужащего. Поскольку кто-то должен защищать интересы всего общества, государства в то время, как все остальные пытаются отстаивать интересы каждой отдельной личности (заметим, что эти интересы, зачастую, противоречат этическим нормам, культурным ценностям целых народов).

Еще одной характерной чертой правовой культуры в России (как общественной, так и личностной) является приоритет идеологии над правом. В стране всегда базовые права и свободы, ведущие законы формулировались и регулировались таким образом, чтобы поддерживать и защищать господствующую идеологию (самодержавную или православную, коммунистическую или олигархическую). Заметим, что такая идеология не всегда однозначно формулировалась юридически, но всегда существовала фактически. Вероятно, в социологической, политологической практике названное положение вещей требует некоторой коррекции, сглаживания и т.д. Однако простая отмена существующего порядка приводит к хаосу; демократизация, гуманизация, смена ценностных приоритетов общественного развития должны быть процессами эволюционными, и пока они длятся, необходимо поддержание правопорядка и обеспечение действия основных законов. А это – компетенция, долг, ответственность и пр. ряда профессиональных сообществ, включая военно-профессиональное. И соответствующе направленная гражданско-правовая активность базируется, в числе прочего, на идеологическом фундаменте.

Естественно, вышесказанное не может быть безусловным, иначе возможно оправдание любых жестокостей, зверств военнослужащих тем, что они выполняют приказы и действуют в рамках существующего законодательства; физическое и/или психическое уничтожение людей просто за факт их несогласия с официальной идеологией, даже при отсутствии с их стороны активного противодействия и пр. Именно указанное положение актуализирует значимость способности военнослужащих к анализу и конструктивному (с позиции гармоничности гуманистических ценностей и профессионально-статусных императивов) разрешению этических противоречий в процессе гражданско-правовой активности.

Еще одной особенностью гражданско-правовой культуры военнослужащего представляется особая значимость ценности патриотизма как регулятивного ее содержания. Данная ценность, будучи первичной профессиональной ценностью, не может не выходить и в ряд доминантных

ценностей в контексте гражданско-правовых характеристик личности офицера [Пронина, 2017]. А для военнослужащего функцией патриотизма как чувства, как ценностной ориентации может стать и способствование разрешению этических противоречий, описанных выше: патриотизм, как настроенность на благо для Родины, может стать своего рода критерием истинности поступков и действий. В целом актуализация патриотического содержания регулятивного компонента гражданско-правовой культуры военнослужащих может касаться следующих ценностных аспектов: «государства как ценности российского общества, состоящей в гарантии защиты суверенитета, укреплении конституционного строя и национальном единстве России; - права как нормативной ценности, выраженной в побуждении граждан действовать в соответствии с его принципами, при реализации собственных прав и исполнении юридических обязанностей, предписанных действующим законодательством» [Пронина, 2017].

И, наконец, третий аспект регулятивного содержания гражданско-правовой культуры военнослужащих – правовой нигилизм, представляющий собой равнодушное или трицательное отношение к праву, закону и правовым формам организации общественных отношений. Ученые утверждают, что по ряду объективных, социально-исторических, и более субъективных, общественно-психологических, причин правовой нигилизм также является своего рода традицией России. Он постоянно «подпитывается» и недостаточной социальной справедливостью ряда законов либо неочевидностью их справедливости, и практической недействительностью или избирательной действенностью некоторых законов. Ответом становится «народная смекалка», активно находящая пути и возможности обойти не нравящиеся законы, не соблюдать их в полной мере и т.п. [Кунижев, 2008].

Однако, очевидно, что привычное не обязательно правильное; не все, что существует давно, что прочно укоренилось в нашей жизни, достойно одобрения, поддержки, дальнейшего существования. Заметим, что если для рядовых граждан правовой нигилизм нежелателен, то для военнослужащих – недопустим.

Относительно специфики поведенческого компонента гражданско-правовой культуры военнослужащих, на наш взгляд, нет необходимости говорить отдельно. Как свидетельствуют результаты анализа научных исследований, она (специфика) заключается в реализации описанных выше специфических знаний, ценностей, установок и пр., в поведении, соответствующем профессионально-статусным нормам. Аналогично и рефлексивная специфика связана с анализом и осмыслением собственного соответствия не только общегражданским правовым нормам, но и профессионально-статусным, причем с доминантой последних.

В таблице 1 представлено обобщенное содержание компонентов гражданско-правовой культуры военнослужащих, в котором отражены и общие, и специфические элементы

Таблица 1 – Структура и содержание гражданско-правовой культуры личности обучающихся военных вузов

Компонент	Общее содержание	Специфическое содержание
когнитивный - знания, представления и убеждения в области гражданских и правовых сфер жизнедеятельности	– нравственные, морально-этические истоки, основания правовых норм жизнедеятельности, активности гражданина; – собственно, правовые основы жизнедеятельности гражданина, гражданские права и обязанности личности,	– специфические ограничения гражданских прав и свобод в области передвижения и места жительства, политической активности, общественной деятельности и проявлений религиозной принадлежности, трудовой активности – значение (общественное, государственное) профессионально-статусных

Компонент	Общее содержание	Специфическое содержание
	<p>представления о законном и противоправном поведении, о допустимом, обязательном и недопустимом в поведении и активности гражданина – как с точки зрения правовых норм, так и в морально-нравственном аспекте;</p> <p>– юридически- и морально- обоснованные цели, содержание, способы и средства проявления гражданской активности, включая реализацию / защиту гражданских прав и свобод, участия в общественных и политических процессах</p>	<p>гражданско-правовых ограничений и обязанностей</p>
<p>регулятивный - ценностные ориентации, мотивы и установки, детерминирующие нормативно-правовое поведение и деятельность гражданина</p>	<p>– ценности патриотизма, социальной справедливости, равенства, свободы, социальной солидарности, безопасности, общего и личного блага;</p> <p>– ценности права, правопорядка и законности;</p> <p>– личностная мотивация правомерного поведения;</p> <p>– ценности чести и достоинства граждан – участников гражданско-правовых отношений</p>	<p>– первичность ценностей патриотизма и общественного долга по защите государства, народа по отношению к остальным ценностям;</p> <p>– императивность ценностей общественного блага, законности и правопорядка (вне оценки их с позиции социальной справедливости, личного блага);</p> <p>– сознательное ценностное отношение к специфическим ограничениям и предписаниям;</p> <p>– неприятие правового нигилизма</p>
<p>поведенческий - нормативно-правовые поступки и действия гражданина, реализуемые им в общественной, бытовой жизнедеятельности и межличностном взаимодействии</p>	<p>– проявление гражданско-правовой активности личности в сферах политической и общественной деятельности, экономической жизнедеятельности, в ситуациях реализации и защиты гражданских прав, свобод, выполнения гражданских обязанностей;</p> <p>– способствование тому, чтобы правовые нормы гражданских отношений соблюдались повсеместно</p>	<p>– учет профессионально-статусных ограничений и предписаний при участии в гражданско-правовых мероприятиях, связанных с защитой личных прав и свобод (собственных или окружающих);</p> <p>– защита государственных и общественных интересов, прав и свобод общества как предмет гражданско-правовой активности</p>
<p>рефлексивный – знания, установки, навыки, обеспечивающие мотивационную и практическую готовность личности к анализу и оценке своего поведения на предмет их соответствия гражданско-правовым нормам</p>	<p>– ориентированность рефлексии на анализ правомерности и полноты содержания собственного гражданского поведения, правовой и моральной адекватности используемых средств, методов, форм деятельности, гражданского взаимодействия;</p> <p>– ориентированность рефлексии на определение необходимости в коррекции либо обогащении собственных гражданско-правовых знаний и ценностей, действий и поступков; на необходимость в профилактике или преодолении собственного правового нигилизма</p>	<p>- ориентированность рефлексии на анализ соответствия собственных гражданско-правовых ценностей, мотивов, целей, поступков, действий профессионально-статусным особенностям</p> <p>- ориентированность рефлексии на анализ и разрешение специфических моральных противоречий, обусловленных профессионально-статусными особенностями</p>

Заключение

Итак, профессионально-статусное содержание гражданско-правовой культуры военнослужащих касается:

- осведомленности о неоднократно названной выше специфичности гражданско-правового положения представителей конкретной профессиональной общности, связанных с этим положением (статусом, миссией) запретах и преференциях в области прав и обязанностей гражданина (общественных, политических, бытовых), норм поведения и т.д.;
- личностного принятия значимости, ценности указанных запретов и преференций, понимания того, в каких ситуациях жизнедеятельности они действуют; сформированности профессионально-нравственного императива относительно следования специфическим регулятивам; особое, детерминационное значение патриотизма как жизненной, личностной ценности;
- сознательной готовности и деятельной способности руководствоваться специфическими нормами и ценностями адекватно этим ситуациям;
- рефлексивный аспект профессионально-статусной специфичности содержания гражданско-правовой культуры, по нашему мнению, отражается в предметах рефлексии, включая ответ на вопрос о соответствии гражданско-правовой активности личности значимым для его социально-профессионального статуса особым регулятивам; второй спецификой выступает способность к разрешению этических противоречий между общегражданскими правовыми установками и специфическими гражданско-правовыми установками военнослужащих – это явно рефлексивное содержание личности; это сопровождается способностью к соответствующей коррекции своих представлений, установок, действий.

Библиография

1. Андреева, Г. А. Гражданско-правовое воспитание как фактор развития личности / Андреева Г. А. // Человека преступление и наказание. 2013. № 3 (82). – С.158-162
2. Бибарсова, Г. Ш. Формирование гражданско-правового сознания студентов-юристов: автореф. дисс... канд. пед. наук 13.00.08 / Бибарсова Гульнара Шпхмуратовна. – Ставрополь: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ставропольский государственный университет», 2006. – 26 с.
3. Волеводз, А.Г. Правовые аспекты военно-гражданских отношений: защита прав человека в военной сфере / А.Г. Волеводз // Демократический контроль над военной сферой в России и странах СНГ / Под редакцией А.И. Никитина. – М.: Эслан, 2002. – С. 69–79.
4. Габидуллин, И. Ф. Концепция и модель развития гражданско-правового сознания студентов вуза: автореф. дисс... докт. пед. наук: 13.00.01 / Габидуллин Ильгиз Фанирович. – Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2015
5. Жуков, В.Ю. Основы теории культуры: Учебное пособие для студентов вузов / В.Ю. Жуков. – СПб.: СПбГАСУ, 2004. – 227 с.
6. Кунижев, А.М. Формирование правовой культуры у студентов автотранспортных ССУЗ: на примере подготовки техников в Кабардино-Балкарском лицее автомобильного транспорта: дисс... канд. пед. наук: 13.00.08 / Кунижев Аслан Мухамедович. – Майкоп: Изд-во АГУ, 2008. – 197 с.
7. Меркель, Е. В. Формирование гражданско-правовой культуры обучающихся в основной и старшей школе как фактор их успешной социализации : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Меркель Елена Вячеславовна. – М.: Моск. гос. гуманитар. ун-т им. М.А. Шолохова, 2014. -23 с.
8. Петрухин, И.Л. Человек как социально-правовая ценность / И.Л. Петрухин // Государство и право. - 1999. - № 10. - С. 83-90

9. Пронина, М. А. Правовая культура и идеи патриотизма в современной России: теоретико-правовое исследование: дисс... канд. юр.наук: 12.00.01 / Пронина Марина Алексеевна. М.: Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2017.
10. Сморгунова, В.Ю. Гражданско-правовая культура и развитие гражданского общества в России в контексте образовательной парадигмы Болонского движения / В.Ю.Сморгунова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – Общественные и гуманитарные науки (философия, языкознание, литературоведение, культурология, история, социология, экономика, право). – 2005.– № 5(11). – С. 278–295.
11. Шамсутдинова, Д. В. Гражданско-правовая культура современной молодежи: концепт и феномен в культурологической парадигме :дисс...культур.наук 24.00.01 / Шамсутдинова ДаринаВенировна. – Казань, 2020

The structure and content of the civil law culture of students of military universities as a quality of a mature personality

Evgeniy Y. Yazykov

Lecturer, Department of Operational Art
and general military disciplines
of the Krasnodar Higher Military School.
Army General S.M. Shtemenko,
350005, 18, st. Griboedova, Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: yasjazzikov@gmail.com

Alexey A. Borsuk

Associate Professor, Department
of Operational Art and general military disciplines
of the Krasnodar Higher Military School. Army
General S.M. Shtemenko,
350005, 18, st. Griboedova, Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: yasjazzikov@gmail.com

Abstract

The civil law culture of the individual, being an element of the basic personal culture, has a specific content representatives of different professional communities, consisting special preferences and / or taboos regarding social, economic, political activity. This provision is typical for the military-professional sphere, with the corresponding professional mission, goals, means, etc., reflected and in the strategy of military professional education. In particular, due to the specifics of the value-target guidelines of military professional activity, in the process of preparing for it, there are often cases of dominance, “crowding out” of general civilian guidelines for education and upbringing by appropriate professional guidelines. As a result, graduates of military educational institutions, being qualitatively prepared for the implementation of professional roles and functions, experience value-oriented, semantic, cognitive and behavioral difficulties when it is necessary to perform other social roles, in particular, when performing general civil social functions. In the process of training cadets effectively form professionally determined attitudes and patterns of

behavior, which are fixed in the process of military professional activity and begin to spread beyond the limits of service conditions, to non-labor aspects of life. This article discusses the structural components of the civil - legal culture of the individual, taking into account the specifics of professional activity.

For citation

Yazykov E.U., Borsuk A.A. (2022) Struktura i sodernie grajdansko-pravovoi kultury obuchaushihsvia voennih vuzov kak kachestva zreloy lichnosti [The structure and content of the civil law culture of students of military universities as a quality of a mature personality]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 11 (6A), pp. 41-50. DOI: 10.34670/AR.2023.96.64.005

Keywords

Science, education, military educational institutions, legal culture, civic culture, servicemen, personality structure, civil rights, patriotism.

References

1. Andreeva, G. A. Civil law education as a factor in the development of personality / Andreeva G. A. // Human crime and punishment. 2013. No. 3 (82). – P.158-162
2. Bibarsova, G. Sh. Formation of civil law consciousness of law students: author. diss ... cand. ped. Sciences 13.00.08 / Bibarsova Gulnara Shphmuratovna. - Stavropol: State educational institution of higher professional education "Stavropol State University", 2006. - 26 p.
3. Volevodz, A.G. Legal aspects of military-civilian relations: protection of human rights in the military sphere / A.G. Volevodz // Democratic control over the military sphere in Russia and the CIS countries / Edited by A.I. Nikitin. – M.: Eslan, 2002. – S. 69–79.
4. Gabidullin, I. F. The concept and model of the development of civil law consciousness of university students: author. diss... doc. ped. Sciences: 13.00.01 / GabidullinIlgizFanirovich. - Orenburg: Orenburg State University, 2015
5. Zhukov, V.Yu. Fundamentals of the theory of culture: Textbook for university students / V.Yu. Zhukov. - St. Petersburg: SPbGASU, 2004. - 227 p.
6. Kunizhev, A.M. Formation of legal culture among students of motor transport secondary schools: on the example of training technicians in the Kabardino-Balkarian lyceum of motor transport: diss ... candidate of pedagogical sciences: 13.00.08 / Kunizhev Aslan Mukhamedovich. - Maykoa: Publishing House of ASU, 2008. - 197 p.
7. Merkel, E. V. Formation of a civil law culture of students in primary and secondary schools as a factor in their successful socialization: author. dis. ... cand. ped. Sciences: 13.00.01 / Merkel Elena Vyacheslavovna. – M.: Mosk. state humanitarian. un-t im. M.A. Sholokhova, 2014. -23 p.
8. Petrukhin, I.L. Man as a social and legal value / I.L. Petrukhin // State and Law. - 1999. - No. 10. - S. 83-90
9. Pronina, M. A. Legal culture and ideas of patriotism in modern Russia: theoretical and legal research: diss ... cand. legal sciences: 12.00.01 / Pronina Marina Alekseevna. M.: Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MGYuA), 2017.
10. Smorgunova, V.Yu. Civil law culture and the development of civil society in Russia in the context of the educational paradigm of the Bologna movement / V.Yu. Smorgunova // Proceedings of the Russian State Pedagogical University. A.I. Herzen. – Social and human sciences (philosophy, linguistics, literary criticism, cultural studies, history, sociology, economics, law). - 2005. - No. 5 (11). – S. 278–295.
11. Shamsutdinova, D. V. Civil law culture of modern youth: concept and phenomenon in the cultural paradigm: diss ... cultural sciences 24.00.01 / Shamsutdinova Darina Venirovna. – Kazan, 2020

УДК 159.9.07

DOI: 10.34670/AR.2023.38.27.006

Отношение к жизненным ситуациям у курсантов гуманитарного и технического профилей обучения

Горбаренко Екатерина Алексеевна

Старший преподаватель,
Ленинградский областной филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России,
188662, Российская Федерация, Мурино, ул. Лесная, 2;
e-mail: plato59@mail.ru

Бородин Михаил Павлович

Кандидат исторических наук, доцент,
Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России,
196105, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Московский пр., 149;
e-mail: plato59@mail.ru

Зуев Андрей Вячеславович

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры частного права,
Государственный университет морского и речного флота
им. адмирала С.О. Макарова,
198035, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Двинская, 5/7;
e-mail: univerandrey@mail.ru

Платонов Андрей Владимирович

Кандидат философских наук,
доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин,
Ленинградский областной филиал
Санкт-Петербургского университета МВД России,
188662, Российская Федерация, Мурино, ул. Лесная, 2;
e-mail: plato59@mail.ru

Аннотация

Главной целью профессиональной подготовки будущих специалистов является воспитание личности в полном смысле этого слова, владеющей средствами познания себя и окружающего мира, способной к полноценной профессиональной и личностной самореализации. В своей профессиональной деятельности человек сталкивается с множеством реальных ситуаций. Наряду с присутствием высокоразвитого социального интеллекта важным элементом успешной личностной и профессиональной самореализации является реакция человека на жизненные ситуации. В связи с

прослеживаемой тенденцией к снижению уровня профессиональной компетентности населения, очевидно снижение уровня эмоционального благополучия, которое требуют профессионального анализа и своевременной коррекции. Изучение отношения к жизненным ситуациям у курсантов различных направлений подготовки может повысить результативность работы психологической диагностики по решению вопросов установления межличностных контактов и самореализации личности в выбранной профессии. Авторами статьи была выдвинута гипотеза о том, что отношение к жизненным ситуациям у курсантов гуманитарных и технических направлений подготовки имеет свои особенности. Для проверки гипотезы было проведено исследование социального интеллекта среди курсантов технического и гуманитарного профилей обучения. Полученные результаты могут быть полезны для работы психологической службы с личным составом.

Для цитирования в научных исследованиях

Горбаренко Е.А., Бородин М.П., Зуев А.В., Платонов А.В. Отношение к жизненным ситуациям у курсантов гуманитарного и технического профилей обучения // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 6А. С. 51-60. DOI: 10.34670/AR.2023.38.27.006

Ключевые слова

Жизненные ситуации, психологическая автобиография, гуманитарный профиль, технический профиль, курсанты.

Введение

Главной целью профессиональной подготовки будущих специалистов является воспитание личности в полном смысле этого слова, «владеющей средствами познания себя и окружающего мира, способной к полноценной профессиональной и личностной самореализации» [Проходимова, 2014, 212].

В своей профессиональной деятельности человек сталкивается с множеством реальных ситуаций. Наряду с присутствием высокоразвитого социального интеллекта важным элементом успешной личностной и профессиональной самореализации является реакция человека на жизненные ситуации. Под жизненной ситуацией понимаются специфичные для конкретного человека условия, потребности, обстоятельства, ценности и представления, которые в совокупности влияют на поведение и мировоззрение на конкретном этапе жизненного пути. Жизненная ситуация является необходимым для понимания личностно-ситуационной сущности поведения человека, его взаимодействия, которое является функцией взаимодействия двух переменных – личности и средовой ситуации в данный момент времени [Коржова, 2004].

Жизненные ситуации следует изучать с точки зрения того, как их воспринимают, интерпретируют и наделяют значением сами индивиды. Именно отношение к жизненным ситуациям становится важным при рассмотрении восприятия будущего, постановке целей и выбора путей их реализации.

Существует мнение, что на отношение к жизненным ситуациям значительное влияние оказывает будущая профессиональная деятельность курсанта, а именно предполагаемая интенсивность контактов с людьми. Выполненная работа является продолжением ранее

проведенных авторами исследований [Васильева, 2018; Аристов, 2021; Горбаренко, 2022; Аристов, Зуев, 2021; Зуев, 2018; Проходимова, 2014; Проходимова, Зуев, 2014; Проходимова, Зуев, Кунах, 2014].

Актуальность данного исследования заключается в том, что сегодня прослеживается снижение уровня профессиональной компетентности населения, очевидно снижение уровня эмоционального благополучия, которое требует профессионального анализа и своевременной коррекции. Изучение отношения к жизненным ситуациям у курсантов различных направлений подготовки может повысить результативность работы психологической диагностики самореализации личности в выбранной профессии.

Это создает проблему данного исследования, которая заключается в значимости адекватного отношения к жизненным ситуациям для профессионалов и недостаточной изученностью данного психологического феномена в зависимости от профессиональной принадлежности специалистов и тех, кто обучается профессии.

Итак, нами была выдвинута гипотеза – отношение к жизненным ситуациям у курсантов технического и гуманитарного профилей обучения различно.

Методика и организация исследования

Для проверки сформулированной нами гипотезы мы используем следующие методы исследования – теоретический анализ психолого-педагогической литературы по проблеме исследования, анализ данных, как количественный, так и качественный, методику математической статистики.

Эмпирическое исследование проводилось на базе Военного института Железнодорожных войск и военных сообщений Военной Академии материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева (ВИ ЖДВ и ВОСО) и Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета МВД России (ЛОФ СПб У МВД России). Выборки составили курсанты разных направлений подготовки. В первую выборку вошли курсанты ЛОФ СПб УМВД России (юристы), во вторую выборку вошли курсанты ВИ ЖДВ и ВОСО (инженеры-мостостроители). Выборка испытуемых: юноши, являющиеся курсантами второго курса, в общем количестве 60 человек.

Целью эмпирического исследования было исследование отношения к жизненным ситуациям у курсантов технического и гуманитарного направления.

Для того чтобы достигнуть поставленной цели и задач эмпирического исследования, была использована методика «Психологическая автобиография».

Методика была разработана Е.Ю. Коржовой. «Психологическую автобиографию» [Психологическая автобиография, www] можно отнести к разновидности субъективно-биографических методик, исследующих переживания, связанные с пониманием личностью самых важных ситуаций в жизни, что дает возможность определить ситуационный компонент персональной картины биографического пути.

Процедура проведения

С помощью методики можно определить специфику восприятия важных жизненных событий.

Основные параметры интерпретации данных:

А) Продуктивность воспроизведения событий жизни (общее количество событий, количество прошедших и будущих событий, количество радостных и грустных событий).

Б) Значимость жизненных событий (общий «вес» событий, «вес» прошедших и будущих событий, «вес» радостных и грустных событий).

В) Желательность/нежелательность событий (радостные и грустные события).

Г) Степень влияния событий (количество значительных событий, количество событий умеренного значения, количество менее значительных событий).

Далее данные обрабатываются с использованием специальных таблиц.

Результаты исследования и их обсуждение

Проведя исследование, собрав и проанализировав результаты мы пришли к следующим заключениям.

Итак, на Рисунке 1 представлен график средних значений со стандартными отклонениями для количества автобиографических событий, полученных по методике «Психологическая автобиография» Е.Ю. Коржовой.

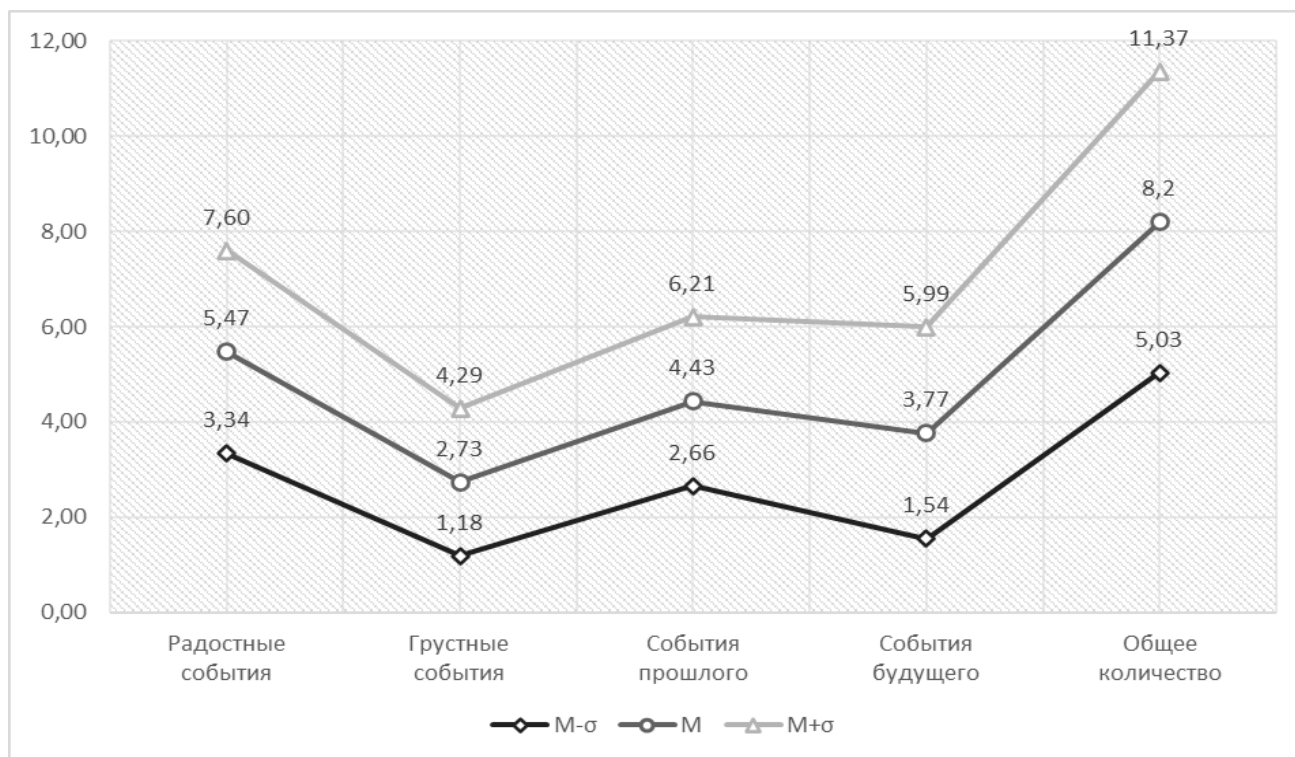

Рисунок 1 - График средних значений со стандартными отклонениями ($M \pm \sigma$) для количества автобиографических событий в группе курсантов гуманитарного направления

Из графика видно, что наименьшей дисперсией обладает количество грустных событий (в среднем от 2 до 4 для одного курсанта). Наибольший разброс относительно среднего значения имеет количество будущих событий, которое в данной выборке принимает значения от 0 до 9, и в среднем по группе курсантов гуманитарного направления имеет $3,77 \pm 2,22$ балла. В группе курсантов-гуманитариев по количеству преобладают радостные события, а меньше всего было названо грустных значимых воспоминаний. Переходя к статистическому описанию веса перечисленных респондентами событий, следует обратиться к Рисунку 2.

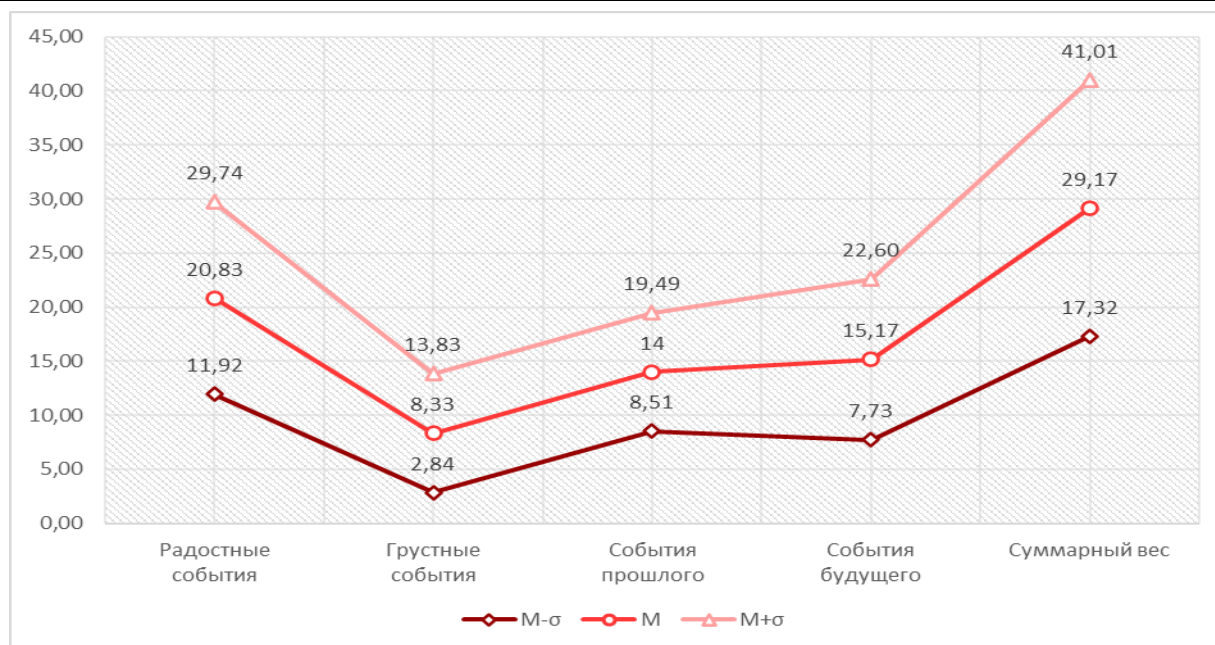

Рисунок 2 - График средних значений со стандартными отклонениями ($M \pm \sigma$) для веса (субъективной значимости) автобиографических событий в группе курсантов технического направления

Из Рисунка видно, что грустные события в данной выборке имеют в среднем наименьший вес, за ними следуют события прошлого, будущего, и наконец – радостные события. Интересно, что радостные ситуации и превосхищаемые в будущем – это два показателя, имеющие не только наибольшее среднее значение (20,83 и 15,17 соответственно), но и максимальную дисперсию (стандартное отклонение 8,91 и 7,44 соответственно). Наибольшая однородность распределения случайной величины в этой группе переменных наблюдается по показателю ретроспективно отмеченных событий ($8,33 \pm 5,49$).

Используя методы описательной статистики и проанализировав результаты, мы пришли к выводу, что курсанты технического направления оказались меньше похожи между собой, так как мода, имеющая несколько значений, в данной выборке встречается реже.

Так же, как и в предыдущей группе, встречаются респонденты, которые не вспомнили ни одного грустного события или не назвали ни одного события будущего. Максимум названных событий у курсантов технической направленности составляет 10 радостных событий, а также событий прошлого и будущего. Вес радостных событий, при этом, больше, а вес грустных – меньше, чем у респондентов первой выборки.

Гистограмма на Рисунке 3 является наглядным представлением разницы по показателю «Вес радостных событий» между группами курсантов технического и гуманитарного направлений.

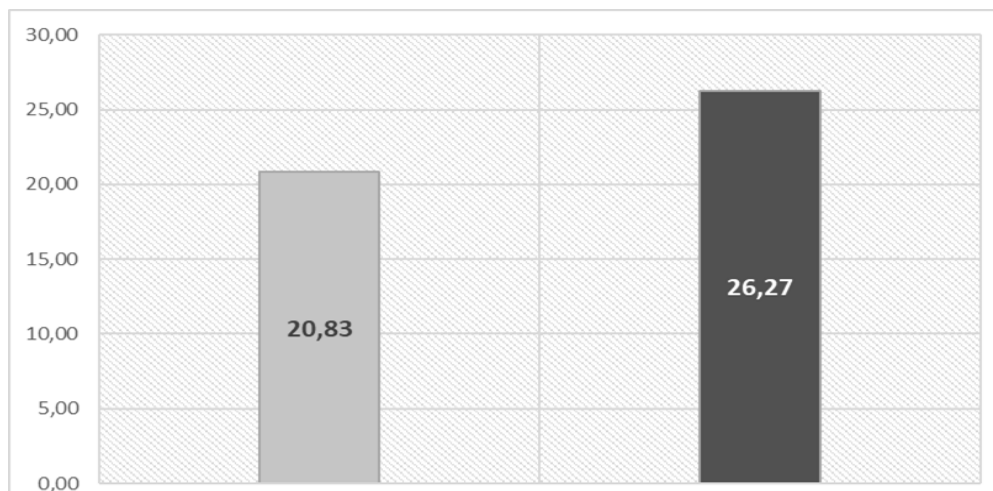

Рисунок 3 - Гистограмма средних значений показателя «Вес радостных событий» в группах курсантов гуманитарного и курсантов технического направления

Как видно из Рисунка 3, курсанты гуманитарного направления в среднем имеют значимо более низкий Вес радостных событий, чем их однокашники с технических направлений. При условии, что количество радостных событий в двух выборках не имеет статистической разницы, мы наблюдаем перевес в пользу курсантов технических специальностей.

На Рисунке 4 отображена столбчатая гистограмма, которая позволяет визуально оценить значимость различий показателя Веса событий прошлого, полученного в выборках курсантов гуманитарного и курсантов технического направления.

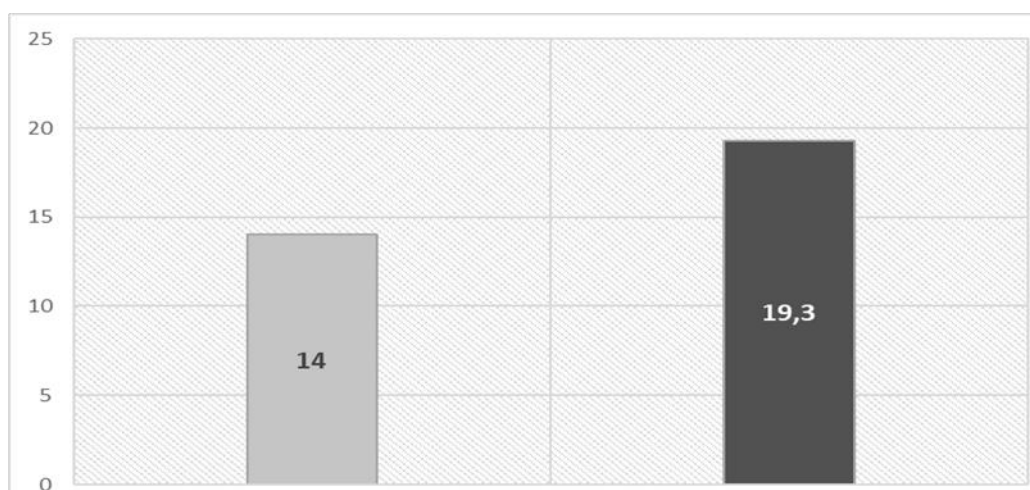

Рисунок 4 - Гистограмма средних значений показателя «Вес событий прошлого» для курсантов гуманитарного и технического направления

Видно, что студенты гуманитарного направления значимо меньше веса придают событиям прошлого, чем студенты технического направления. Такая разницы может объясняться менее прагматичным взглядом на жизнь у гуманитариев и склонностью возлагать большие надежды на будущее или же игнорировать чрезмерно травмирующие события.

Заключение

Сравнив и проанализировав полученные результаты, можно говорить, что курсанты, обучающиеся по технической направленности, придают гораздо большее значение («вес») радостным событиям своей жизни, чем «гуманитарии». Мы полагаем, что такая разница может объясняться предрасположенностью к техническим/гуманитарным наукам, а также специфическим окружением на разных направлениях. Академическая среда гуманитарных направлений сталкивается с большим количеством проблем абстрактного и философского характера, но границы решения вопроса часто размыты, и прийти к некоторому новому результату – легче; технические направления требуют соблюдения большего количества строгих правил и регламентов, в этой сфере меньше публикаций, меньше научных открытий – возможно, такое положение дел заставляет первых придавать меньше значимости позитивным событиям, в то время как вторые склонны замечать и наделять большим весом жизненные ситуации, которые к тому же происходят реже (если мы говорим об обучении и профессиональной сфере).

Библиография

1. Аристов Р.В. и др. Внедрение компьютерных технологий как средство повышения качества обучения курсантов вузов МВД России // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2021. № 6 (196). С. 9-15.
2. Аристов Р.В., Зуев А.В. и др. Гражданское и патриотическое воспитание через образование в деятельности кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Ленинградского областного филиала Санкт-Петербургского университета МВД России // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2021. № 5 (195). С. 9-12.
3. Васильева З.В. Проблемы духовно-нравственного воспитания молодежи в современных условиях // Детство: полнота бытия в обществе риска. СПб.: Астерион, 2018. С. 400-402.
4. Горбаренко Е.А. Адаптация курсантов к служебной деятельности // Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов. СПб.: Печатный цех, 2022. С. 121-127.
5. Зуев А.В. Правовое воспитание как средство формирования правосознания в современном российском обществе // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2018. № 2 (39). С. 52-61.
6. Коржова Е.Ю. Психология личности: Типология теоретических моделей. СПб., 2004. 542 с.
7. Проходимова Е.М. Педагогические условия формирования ценностных ориентаций у курсантов вузов МЧС России // Научное мнение. 2014. № 6. С. 212-215.
8. Проходимова Е.М. Построение системы воспитательной работы в образовательных организациях МЧС России // Научное мнение. 2014. № 7. С. 172-176.
9. Проходимова Е.М., Зуев А.В. Проблемы формирования коммуникативной функции будущих специалистов – выпускников образовательных учреждений МЧС России // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2014. № 2(23). С. 50-53.
10. Проходимова Е.М., Зуев А.В. Профессиональная ориентация личности – важнейший аспект современной педагогической науки // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2014. № 3(24). С. 40-43.
11. Проходимова Е.М., Зуев А.В., Кунах М.В. Культура и проблемы воспитания личности // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2014. № 4 (25). С. 12-17.
12. Психологическая автобиография. URL: <http://www.vashpsixolog.ru/psychodiagnostic-school-psychologist/69-iagnosis-emotional-and-the-personal-sphere/3105-metody-izucheniya-i-korrekczii-kognitivnogo-izmereniya-zhiznennyx-perspektiv-lichnosti?start=2>

Attitude to life situations among cadets of humanitarian and technical profiles of study

Ekaterina A. Gorbarenko

Senior Lecturer,
Leningrad Regional Branch of St. Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
188662, 2, Lesnaya str., Murino, Russian Federation;
e-mail: plato59@mail.ru

Mikhail P. Borodin

PhD in History, Associate Professor,
Saint-Petersburg University of State Fire Service of Emercom of Russia,
196105, 149, Moskovskii ave., St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: plato59@mail.ru

Andrei V. Zuev

PhD in History,
Associate Professor of the Department of Private Law,
Admiral Makarov State University of Maritime and Inland Shipping,
198035, 5/7, Dvinskaya str., St. Petersburg, Russian Federation;
e-mail: univerandrey@mail.ru

Andrei V. Platonov

PhD in Philosophy,
Associate Professor of the Department of Socio-Economic
and Humanitarian Disciplines,
Leningrad Regional Branch of St. Petersburg University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
188662, 2, Lesnaya str., Murino, Russian Federation;
e-mail: plato59@mail.ru

Abstract

The main goal of the professional training of future specialists is the education of a person in the full sense of the word, who owns the means of knowing himself and the world around him, capable of full-fledged professional and personal self-realization. In his professional activity, a person is faced with many real situations. Along with the presence of highly developed social intelligence, an important element of successful personal and professional self-realization is a person's reaction to life situations. Due to the observed trend towards a decrease in the level of professional competence of the population, there is an obvious decrease in the level of emotional well-being, which requires professional analysis and timely correction. The study of the attitude to

life situations among cadets of various training areas can increase the effectiveness of psychological diagnostics to address issues of establishing interpersonal contacts and self-realization of the individual in the chosen profession. The authors of the article hypothesized that the attitude to life situations of cadets in humanitarian and technical areas of training has its own characteristics. To test the hypothesis, a study of social intelligence among cadets of technical and humanitarian training profiles was conducted. The results obtained can be useful for the work of the psychological service with personnel.

For citation

Gorbarenko E.A., Borodin M.P., Zuev A.V., Platonov A.V. (2022) Otnoshenie k zhiznennym situatsiyam u kursantov gumanitarnogo i tekhnicheskogo profilei obucheniya [Attitude to life situations among cadets of humanitarian and technical profiles of study]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 11 (6A), pp. 51-60. DOI: 10.34670/AR.2023.38.27.006

Keywords

Life situations, psychological autobiography, humanitarian profile, technical profile, cadets.

References

1. Aristov R.V. et al. (2021) Vnedrenie komp'yuternykh tekhnologii kak sredstvo povysheniya kachestva obucheniya kursantov vuzov MVD Rossii [Implementation of computer technologies as a means of improving the quality of education of cadets of higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta* [Scientific Notes of Lesgaft University], 6 (196), pp. 9-15.
2. Aristov R.V., Zuev A.V. et al. (2021) Grazhdanskoe i patrioticheskoe vospitanie cherez obrazovanie v deyatel'nosti kafedry sotsial'no-ekonomicheskikh i gumanitarnykh distsiplin Leningradskogo oblastnogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii [Civil and patriotic education through education in the activities of the Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines of the Leningrad Regional Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta* [Scientific Notes of Lesgaft University], 5 (195), pp. 9-12.
3. Gorbarenko E.A. (2022) Adaptatsiya kursantov k sluzhebnoi deyatel'nosti [Adaptation of cadets to service activities]. In: *Aktual'nye problemy obshchestva, ekonomiki i prava v kontekste global'nykh vyzovov* [Actual problems of society, economics and law in the context of global challenges]. St. Petersburg: Pechatnyi tsekh Publ.
4. Korzhova E.Yu. (2004) *Psikhologiya lichnosti: Tipologiya teoreticheskikh modelei* [Psychology of Personality: Typology of Theoretical Models]. St. Petersburg.
5. Prokhodimova E.M. (2014) Pedagogicheskie usloviya formirovaniya tsennostnykh orientatsii u kursantov vuzov MChS Rossii [Pedagogical conditions for the formation of value orientations among cadets of universities of the Ministry of Emergency Situations of Russia]. *Nauchnoe mnenie* [Scientific opinion], 6, pp. 212-215.
6. Prokhodimova E.M. (2014) Postroenie sistemy vospitatel'noi raboty v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MChS Rossii [Building a system of educational work in educational organizations of the Ministry of Emergency Situations of Russia]. *Nauchnoe mnenie* [Scientific opinion], 7, pp. 172-176.
7. Prokhodimova E.M., Zuev A.V. (2014) Problemy formirovaniya kommunikativnoi funktsii budushchikh spetsialistov – vypusknikov obrazovatel'nykh uchrezhdenii MChS Rossii [Problems of formation of the communicative function of future specialists, graduates of educational institutions of the Ministry of Emergency Situations of Russia]. *Psikhologo-pedagogicheskie problemy bezopasnosti cheloveka i obshchestva* [Psychological and pedagogical problems of human security and society], 2 (23), pp. 50-53.
8. Prokhodimova E.M., Zuev A.V. (2014) Professional'naya orientatsiya lichnosti – vazhneishii aspekt sovremennoi pedagogicheskoi nauki [Professional orientation of the individual is the most important aspect of modern pedagogical science]. *Psikhologo-pedagogicheskie problemy bezopasnosti cheloveka i obshchestva* [Psychological and pedagogical problems of human security and society], 3 (24), pp. 40-43.
9. Prokhodimova E.M., Zuev A.V., Kunakh M.V. (2014) Kul'tura i problemy vospitaniya lichnosti [Culture and problems of personality education]. *Psikhologo-pedagogicheskie problemy bezopasnosti cheloveka i obshchestva* [Psychological and pedagogical problems of human security and society], 4 (25), pp. 12-17.
10. *Psikhologicheskaya avtobiografiya* [Psychological autobiography]. URL:

<http://www.vashpsixolog.ru/psychodiagnostic-school-psychologist/69-iagnosis-emotional-and-the-personal-sphere/3105-metody-izucheniya-i-korrekczii-kognitivnogo-izmereniya-zhiznennyx-perspektiv-lichnosti?start=2>

11. Vasil'eva Z.V. (2018) Problemy dukhovno-nravstvennogo vospitaniya molodezhi v sovremennykh usloviyakh [Problems of spiritual and moral education of youth in modern conditions]. In: *Detstvo: polnota bytiya v obshchestve riska* [Childhood: the fullness of being in a risk society]. St. Petersburg: Asterion Publ.
12. Zuev A.V. (2018) Pravovoe vospitanie kak sredstvo formirovaniya pravosoznaniya v sovremennom rossiiskom obshchestve [Legal education as a means of forming legal consciousness in modern Russian society]. *Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychainye situatsii* [Law. Safety. Emergencies], 2 (39), pp. 52-61.

УДК 159.9

DOI: 10.34670/AR.2023.89.35.007

Личностные детерминанты профессиональной мотивации выпускников-магистров

Лупенко Наталья Николаевна

Кандидат психологических наук, доцент,
завкафедрой психологии личности и общей психологии,
Кубанский государственный университет,
350040, Российская Федерация, Краснодар, ул. Ставропольская, 149;
e-mail: sharuda-l@mail.ru

Борцова Мирослава Владимировна

Кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры профессиональной педагогики,
психологии и физической культуры,
Кубанский государственный университет,
филиал в г. Славянске-на-Кубани,
353560, Российская Федерация, Славянск-на-Кубани, ул. Кубанская, 200;
e-mail: bor-miroslava@yandex.ru

Аннотация

Данная работа ставит своей целью выявление влияния личностных детерминант на профессиональную мотивацию личности. В работе проведен анализ личностных детерминант профессиональной мотивации выпускников-магистров направления подготовки 37.04.01 «Психология», профиль «Психология личности» ФГБОУ ВО «КубГУ». В работе выполнены измерения личностных детерминант и профессиональной мотивации выпускников-магистров и контрольной группы, состоящей из работающих респондентов. Проведен анализ результатов исследования личностных детерминант профессиональной мотивации выпускников-магистров в сравнении с работниками той же специальности. В результате проведенного исследования было выявлено, что для выпускников-магистров основными группами мотивов в выборе профессии являются познавательные и социальные мотивы. Установлено, что смысложизненные ориентации связаны с мотивами профессиональной деятельности. Также выявлена группа личностных факторов, связанных с мотивами профессиональной деятельности выпускников-магистров. Различия профессиональной мотивации выпускников-магистров и работающих респондентов статистически значимы, как статистически значимы различия личностных детерминант данных групп. Полученные в ходе исследования данные о личностных детерминантах профессиональной мотивации могут быть использованы в дальнейших исследованиях, направленных на изучение и повышение профессиональной эффективности.

Для цитирования в научных исследованиях

Лупенко Н.Н., Борцова М.В. Личностные детерминанты профессиональной мотивации выпускников-магистров // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 6А. С. 61-70. DOI: 10.34670/AR.2023.89.35.007

Ключевые слова

Профессиональное образование, профессиональная эффективность, мотивация, мотивационная сфера, личностные детерминанты, мотивы профессиональной деятельности, успех, самореализация.

Введение. Понятие личностных детерминант. Цели и задачи исследования

В процессе обучения в высшем учебном заведении у обучающихся формируется психологическая готовность к трудовой деятельности [Дмитриева, 2020]. Психологические особенности личности являются основными предпосылками успешности в том или ином виде профессиональной деятельности. При этом эффективность профессиональной деятельности определяется не только уровнем профессиональной компетентности, но и рядом других личностных детерминант и, прежде всего, характером самой мотивационной сферы, то есть содержанием мотивов, их направленностью и степенью активности [Чернякевич, 2022].

Понимая в качестве объекта исследования личность студента-магистранта направления подготовки 37.04.01 «Психология», профиль «Психология личности», а в качестве предмета – личностные детерминанты профессиональной мотивации выпускников-магистров, авторы данной работы ставят своей ключевой целью выявление влияния личностных детерминант на профессиональную мотивацию личности.

В психологии детерминанты – это факторы, влияющие на формирование личности [Старов, 2019]. Они несут определенную информацию о поведенческих характеристиках человека, т. е. «определяют» их для исследователя. Использование понятия связано с реализацией в психологии принципов детерминизма как философского учения о том, что все существующее связано причинно-следственными связями материальной или нематериальной природы.

Мотивация профессиональной деятельности имеет достаточно сложную структуру, которая предполагает взаимодействие различных мотивов. Существует множество различных подходов к анализу структуры и процесса мотивации профессиональной деятельности. Большинство этих классификаций сводится к рассмотрению таких типов мотивации, которые соответствуют типологии мотивов в структурных теориях профессиональной мотивации (К. Замфир, Ф. Герцберг, Д. МакКлелланд и др.). Данная работа фокусируется на концепциях Д. Аткинсона [Atkinson, 1970, 1971] и Д. МакКлелланда [Smith, 1992], и мотивация в трудовой деятельности в ней рассматривается через призму потребности индивида добиваться успеха и избегать неудачи.

Выдвигая в качестве рабочей гипотезы тезис о том, что личностные детерминанты влияют на профессиональную мотивацию личности, авторы ставили своими задачами выявить связь профессиональной мотивации с личностными детерминантами; продиагностировать и проанализировать ведущие мотивы профессиональной деятельности респондентов; провести сравнительный анализ личностных детерминант профессиональной мотивации выпускников-

магистров и контрольной группы, состоящей из работающих респондентов.

Для поиска эмпирических подтверждений гипотезы были сформированы выборка из магистров-выпускников и контрольная группа из респондентов, работающих по профессии более 5 лет. Всего в исследовании приняло участие 66 респондентов, по 33 в каждой группе. Из них мужчин – 17 человек, женщин – 49 человек. Возрастной диапазон – от 23 лет до 41 года. Все испытуемые являются представителями гуманитарных наук.

Профессиональная мотивация выпускников-магистров

Для решения первой задачи исследования использовался опросник Е. М. Павлютенкова, позволяющий выявить ключевые мотивы респондентов при выборе ими профессии [Методики исследования мотивационной сферы, [www](#)].

Анализ результатов, позволяет говорить о том, что для выпускников-магистров основными группами мотивов при выборе профессии являются познавательные мотивы (стремление к овладению специальными знаниями) и социальные мотивы (стремление личным трудом содействовать общественному прогрессу, направленность на высокие общечеловеческие потребности и цели). Для работающих респондентов основной группой мотивов при выборе профессии являются утилитарные мотивы (стремление руководить людьми, направленность на «чистоту» и легкость труда). Из вышесказанного можно заключить, что группа выпускников-магистров отличается от работающих респондентов по основному мотиву выбора профессии.

Также для изучения мотивов профессиональной деятельности, была использована методика «Тест профессиональной мотивации» Л.А. Верещагиной [Опросник «Профессиональная мотивация»..., [www](#)].

Согласно результатам обработки данных, для обеих групп испытуемых основным мотивом профессиональной деятельности является мотив социальной значимости труда. Это говорит о стремлении респондентов своей деятельностью приносить пользу обществу. Также стоит отметить, что ориентированность респондентов на мотивы профессионального мастерства наименьшая. Это говорит о том, что для обеих групп приобретение глубоких знаний, умений, навыков и утверждение в среде профессионалов наименее ценны относительно остальных мотивов профессиональной деятельности.

Далее для изучения направленности мотивации была использована методика «Мотивация успеха и боязнь неудачи» А.А. Реана [Методики исследования мотивационной сферы, [www](#)]. Результаты диагностики были следующими. Средний балл для выпускников-магистров составил 14.0 с уровнем выраженности «Мотивация на успех», тогда как для работающих респондентов – 13.7, и мотивационный полюс был не выражен.

Таким образом, о профессиональной мотивации среднестатистического выпускника магистратуры можно сказать следующее. В своей профессиональной деятельности выпускник стремится заниматься социально значимой работой, направленной на высокие социальные цели, стремится внести вклад в развитие общества. Также для него важно развивать и пополнять свои познания в профессии. При этом стоит отметить, что особого стремления к совершенствованию своего профессионального мастерства у него нет. То есть, выпускник стремится иметь больше специальных познаний в труде для того, чтобы заниматься полезной обществу работой, а не развиваться в ней как мастер. Стремление к достижению успеха в профессиональной деятельности говорит о наличии у выпускников-магистров сильных волевых качеств, – выпускники уверены в себе, своих способностях, активны и инициативны.

Для работающих респондентов, в свою очередь, основной группой мотивов в выборе профессии являются утилитарные мотивы. То есть, стремление руководить людьми, направленность на чистоту и легкость труда. При этом мотивационный полюс не выражен. Нет явного стремления к достижению успеха, как у выпускников.

Личностные детерминанты выпускников-магистров

Следующей задачей исследования было изучение личностных детерминант выпускников-магистров.

Первой методикой, которую мы применили для диагностики, стала методика «Тест смысложизненных ориентаций» Д.А. Леонтьева [там же]. Данный тест помимо смысложизненных ориентаций отражает еще и два аспекта-локуса контроля.

Из данных, видно, что по всем показателям методики смысложизненных ориентаций у респондентов обеих групп средние показатели. Но здесь важно отметить, что при этом у группы выпускников-магистров результаты по всем шкалам выше показателей группы работающих респондентов. Данные различия являются статистически значимыми, что подробнее описано ниже.

Также справедливо заметить, что результаты выпускников приближены к высокому уровню. Это указывает на наличие у них целей на будущее, придающих их жизни смысл. Прожитый период воспринимается как продуктивный. Сам процесс жизни обычно воспринимается как интересный и насыщенный. Баллы по шкалам контроля говорят о представлении выпускников о себе как о сильных личностях, способных планировать свой жизненный путь и контролировать движение по нему, свободно принимая решения на каждом этапе.

Следующая методика диагностики, примененная нами, – это пятифакторный личностный опросник «Тест большая пятерка» в адаптации А. Б. Хромова [Пятифакторный личностный опросник..., www]. С помощью этого теста мы выявили свойства личности по пяти основным факторам и еще двадцати пяти первичным факторам.

У выпускников-магистров выражены такие факторы, как «доминирование» и «избегание впечатлений». Все остальные факторы не выражены и имеют среднее значение.

Согласно данным, высокие значения по фактору «привязанность» наблюдается у обеих исследуемых групп. Это указывает на хорошее отношение респондентов к окружающим. Имеет место потребность быть в обществе, рядом с людьми. Во взаимоотношениях они проявляют уважение и терпимы к недостаткам людей. Обычно умеют сопереживать, эмпатичны. К сотрудничеству склонны больше, чем к соперничеству.

Представленный фактор отражает, прежде всего саморегуляцию. Высокие значения характерны для следующего ряда черт личности: для ответственности, аккуратности и настойчивости.

По фактору эмоциональная устойчивость в обеих группах средние показатели по всем субшкалам. Это характеризует респондентов как в целом эмоционально стабильных людей, т. е. способных контролировать свои эмоции, не склонных к импульсивности и беспричинным перепадам настроения. Чувствительность и раздражительность находится на нормальном уровне.

Для обеих групп испытуемых характерно проявление экспрессивности. Для группы выпускников-магистров данный показатель значительно выше, чем у работающих

респондентов.

Для группы выпускников-магистров свойственна повышенная сенситивность, т. е. чувствительность к внешним событиям. Также повышен показатель пластичности, что отражает легкость и гибкость приспособления личности к внешним воздействиям. Работающие респонденты более инертны, чем выпускники.

Связь личностных детерминант и профессиональной мотивации

Следующей задачей работы явилось выявление взаимосвязи личностных детерминант и профессиональной мотивации выпускников-магистров, а также выявление различий между выпускниками магистратуры и работающими респондентами.

Для статистического изучения связи между личностными детерминантами и профессиональной мотивацией был применен корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции Ч. Спирмена [Wayne, 1990].

Проанализировав результаты измерения профессиональной мотивации и личностных детерминант, мы выявили значимые корреляционные связи.

Полученные значения, сводятся к следующему:

- 1) Выявлена прямая связь между шкалой 1 («Локус контроля – Жизнь»; далее даются номера горизонтально расположенных шкал) и шкалой «Социальные мотивы». То есть, чем выше у индивида понимание себя как личности сильной, способной контролировать события собственной жизни, тем больше он стремится заниматься социально значимым трудом и способствовать общественному прогрессу.
- 2) Выявлена прямая связь шкал 4, 5 и 6 со шкалой «Моральные мотивы». Иными словами, чем выше у индивида убеждение в том, что ему дано контролировать события собственной жизни, чем выше показатель осмысленности жизни и понимание себя как личности сильной, тем больше он стремится к улучшению своего морального облика, развитию своего духовного мира и собственных нравственных качеств.
- 3) Выявлена прямая связь шкал 1, 2, 3, 4, 5 и 6 со шкалой «Эстетические мотивы». То есть, чем выше показатель осмысленности жизни, понимание себя как личности сильной, способной контролировать события собственной жизни, удовлетворенность самореализацией и эмоциональная насыщенность, тем больше индивид стремится к эстетике труда, его гармонии, к получению ощущений радости от деятельности.
- 4) Выявлена прямая связь шкал 1, 2 и 6 со шкалой «Познавательные мотивы». Иначе говоря, чем выше показатели осмысленности, интереса и насыщенности жизни, а также целеустремленности индивида, тем больше он стремится к освоению специальных знаний и овладению навыками в профессиональной деятельности.
- 5) Выявлена прямая связь шкал 1, 2, 5 и 6 со шкалой «Творческие мотивы». То есть, чем выше показатели целеустремленности, осмысленности, интереса и насыщенности жизни, а также понимание себя как личности сильной, умеющей контролировать свою жизнь, тем больше индивид стремится к проявлению оригинальности и креативности в профессиональной деятельности.
- 6) Выявлена прямая связь между шкалой 3 и шкалой «Материальные мотивы». Иными словами, чем выше удовлетворенность самореализацией и положительное восприятие прожитого отрезка жизни, тем больше индивид в своей профессиональной деятельности стремится к достижению определенных благ.

- 7) Выявлена прямая связь шкал 1, 2, 3, 4, 5 и 6 со шкалой «Престижные мотивы». То есть, чем выше показатель осмысленности жизни, понимание себя как личности сильной, способной контролировать события собственной жизни, удовлетворенность самореализацией и эмоциональная насыщенность, тем больше индивид стремится к профессии, которая ценится в обществе, позволяет достигать поставленные цели и занять желаемое социальное положение.
- 8) Выявлена прямая связь шкал 1, 2, 3, 5 и 6 со шкалой «Эстетические мотивы». Иначе говоря, чем выше показатели целеустремленности, осмысленности, удовлетворенности самореализацией, эмоциональной насыщенности жизни, а также убежденность в возможности контролировать происходящее, тем больше у индивида стремление руководить, заниматься чистой и легкой работой.
- 9) Выявлена прямая связь шкал 1, 2, 3, 5 и 6 со шкалой «Мотивация успеха и боязнь неудачи». То есть, чем выше показатели целеустремленности, осмысленности, удовлетворенности самореализацией, эмоциональной насыщенности жизни, а также убежденность в возможности контролировать события жизни, тем больше индивид мотивирован на достижение успеха. Соответственно и свою деятельность он выстраивает именно таким образом, чтобы эту потребность в успехе удовлетворить.

Анализ результатов измерения профессиональной мотивации и личностных детерминант в рамках дальнейших методик сводятся к следующему:

- 1) Выявлена прямая связь шкалы «Социальные мотивы» со шкалами 3 («Поиск впечатлений – избегание впечатлений»); далее даются номера вертикально расположенных шкал), 5, 7, 8, 9 и 19. То есть, чем больше индивид проявляет позитивное отношение к людям, уважение, понимание, доверие, легко и просто относится к самой жизни, тем больше он склонен в своей трудовой деятельности, стремится заниматься социально значимым трудом на благо общества.
- 2) Выявлена прямая связь шкалы «Моральные мотивы» со шкалами 3, 4, 5, 8, 13 и 21. Иными словами, чем больше индивид склонен проявлять позитивное отношение к окружающим, артистичность, привлечение внимания и поиск впечатлений, тем больше он стремится к совершенствованию своего морального облика и развитию нравственных качеств. Также отмечается обратная связь шкалы «Моральные мотивы» со шкалой 18. То есть, чем больше человек склонен к перепадам настроения, тем меньше он стремится к совершенствованию морального облика, меньше развивает свои нравственные качества.
- 3) Выявлена прямая связь шкалы «Эстетические мотивы» со шкалами 3 и 9. Иначе говоря, чем больше индивид склонен проявлять уважение к окружающим и склонен к поиску впечатлений, тем больше он стремится к эстетике труда, его гармонии, к получению ощущений радости от деятельности.
- 4) Выявлена прямая связь шкалы «Познавательные мотивы» со шкалой 3. То есть, чем больше индивид склонен к поиску впечатлений, тем больше он стремится к овладению специальными знаниями в профессиональной деятельности.
- 5) Выявлена прямая связь шкалы «Творческие мотивы» со шкалами 3, 7 и 8. Чем больше индивид склонен к поиску впечатлений и проявлению во взаимоотношениях доверия и понимания, тем больше он стремится быть оригинальным и креативным в деятельности. Также отмечается обратная связь шкалы «Творческие мотивы» со шкалами 14 и 16. То есть, чем больше индивид склонен к эмоциональной неустойчивости, напряженности,

тем меньше он стремится быть оригинальным и креативным в деятельности.

- 6) Выявлена прямая связь шкалы «Мотивы, связанные с содержанием труда» со шкалой 12. Чем более ответственен индивид, тем больше он стремится заниматься умственным или физическим трудом, имея четкие знания о процессе труда.
- 7) Выявлена прямая связь шкалы «Престижные мотивы» со шкалами 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 20 и 22. То есть, чем больше индивид склонен проявлять позитивное отношение к окружающим, поиск впечатлений и привлечение внимания, а также активен, общителен, пластичен и настойчив, тем больше он стремится заниматься такими видами деятельности, которые получают высокую оценку в среде окружающих его людей, позволяют ему достичь значимого положения в обществе, дают возможность для быстрого служебного продвижения. Можно также констатировать обратную связь шкалы «Престижные мотивы» со шкалами 14, 15 и 17. Иными словами, чем больше индивид склонен к эмоциональной неустойчивости, тревожности и самокритике, тем меньше он стремится заниматься такими видами деятельности, которые получают высокую оценку в среде окружающих его людей, позволяют ему достичь значимого положения в обществе, дают возможность для быстрого служебного продвижения.

Анализ результатов измерения профессиональной мотивации и личностных детерминант в рамках методик «Мотивация успеха и боязнь неудачи» и «Тест профессиональной мотивации» «Тест большая пятерка», сводятся к следующему:

- 1) Выявлена прямая связь между шкалой «Мотивация успеха и боязнь неудачи» со шкалами 1 («Настойчивость – отсутствие настойчивости»; далее даются номера вертикально расположенных шкал), 2 и 6. То есть, чем больше индивид склонен к проявлению настойчивости и поиску впечатлений, тем больше он стремится к успеху в своей деятельности.
- 2) Выявлена прямая связь между шкалой «Мотивы собственного труда» и шкалой 5. Чем больше индивид склонен к проявлению теплого отношения к людям, тем больше он стремится в профессиональной деятельности заниматься тем, что вызывает у него самого интерес.
- 3) Выявлена прямая связь между шкалой «Мотивы социальной значимости труда» и шкалами 3, 4 и 6. То есть, чем больше индивид склонен к проявлению таких качеств как понимание, уважение к другим и самоконтроль, тем больше он стремится заниматься социально значимыми видами деятельности.
- 4) Выявлена обратная связь шкалы «Мотивы самоутверждения в труде» со шкалами 3 и 6. То есть, чем больше индивид склонен проявлять уважение к другим и понимание, тем меньше он стремится к самоутверждению.

Таким образом, нам удалось выявить достаточно большое количество корреляционных связей между компонентами личностных детерминант и профессиональной мотивацией.

Для статистического анализа различий между двумя независимыми выборками был применен U-критерий Манна–Уитни.

Выявленные различия личностных детерминант выпускников-магистров и работающих респондентов. Так, выпускники более целеустремленные. Они воспринимают свою жизнь как интересную, эмоционально насыщенную и полную смысла. Прожитый период оценивают как продуктивный. Уверены в том, что им дано держать свою жизнь под контролем, свободно принимая различные решения и воплощая их в жизнь. Показатель осмысленности жизни у магистров также значительно выше, чем у работающих респондентов. Выпускники больше

работающих респондентов склонны к проявлению лидерских качеств, ответственнее, чувствительнее, пластичнее. Самоконтроль и экспрессивность у выпускников также значительно выше.

Нами были выявлены значимые различия между выпускниками-магистрами и работающими респондентами.

Различия профессиональной мотивации выпускников-магистров и работающих респондентов статистически значимы по познавательным и материальным мотивам профессиональной деятельности. Так, магистранты больше стремятся к овладению специальными знаниями и получению определенных благ.

Также статистически значимы различия личностных детерминант данных групп. Смыслоразностные ориентации студентов магистратуры значительно выше результатов работающих респондентов, а именно – по показателям цели в жизни, процесса жизни, результативности жизни, показателю «Локус контроля – Жизнь» и общей осмысленности жизни.

Заключение

В результате проведенного исследования выявлено, что для выпускников-магистров основными группами мотивов в выборе профессии являются познавательные и социальные мотивы. Магистрантам свойственна мотивация на достижение успеха. Также у них преобладает мотив социальной значимости труда, что хорошо согласуется с результатами изучения личностных детерминант.

Установлено, что смыслоразностные ориентации связаны с мотивами профессиональной деятельности. Также выявлена группа личностных факторов, связанных с мотивами профессиональной деятельности.

Различия профессиональной мотивации выпускников магистров и работающих респондентов статистически значимы по познавательным и материальным мотивам профессиональной деятельности. Так, магистранты больше стремятся к овладению специальными знаниями и получению определенных благ.

Также статистически значимы различия личностных детерминант данных групп. Смыслоразностные ориентации студентов магистратуры значительно выше результатов работающих респондентов. Личностные факторы тоже имеют значимые различия. Так, выпускники более целеустремленные.

Показатель осмысленности жизни у магистров также значительно выше, чем у работающих респондентов. Выпускники больше работающих респондентов склонны к проявлению лидерских качеств, они чувствительнее, пластичнее и более ответственны. Самоконтроль и экспрессивность у выпускников также значительно выше.

В ходе работы были достигнуты поставленные цель и задачи. Основные положения выдвинутой гипотезы нашли свое подтверждение.

Полученные в ходе исследования данные о личностных детерминантах профессиональной мотивации могут быть использованы в дальнейших исследованиях, направленных на изучение и повышение профессиональной эффективности.

Библиография

1. Дмитриева И.А. Особенности психологической готовности студентов педагогических направлений к профессиональной деятельности // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 2 (14). С. 107-116.
2. Методики исследования мотивационной сферы. URL: <http://testoteka.narod.ru/ms/0.html>
3. Опросник «Профессиональная мотивация» Л.А. Верещагиной. URL: <https://tykovodstvo.ru/exspl/123308/index.html?page=4>
4. Пятифакторный личностный опросник МакКрае и Коста (Большая пятерка). URL: <https://hr-portal.ru/tool/pyatifaktornyyu-lichnostnyu-oprosnik-makkrae-i-kosta-bolshaya-pyaterka>
5. Старов М.И. Детерминанты становления профессионально-педагогической компетентности будущего специалиста физической культуры и спорта в условиях вузовского образования // Вестник ТГУ. 2019. № 182. С. 77-87.
6. Чернякевич Е.Ю. Психологические детерминанты учебной деятельности академически неуспевающих студентов вуза // Вестник ГУУ. 2022. № 9. С. 199-206.
7. Atkinson P.N. Problems of Fatigue // Appl. Psychol. 1970. Vol. 28. P. 45-48.
8. Atkinson R.S. The Control of Short-Term Memory // Scientific American. 1971. P. 35-41.
9. Smith C. (ed.) Motivation and personality: handbook of thematic content analysis. New York: Cambridge University Press, 1992. 728 p.
10. Wayne W.D. Spearman rank correlation coefficient // Applied Nonparametric Statistics. Boston: PWS-Kent, 1990. P. 358-365.

Personal Determinants of Professional Motivation of Master Graduates

Nataliya N. Lupenko

PhD in Psychology, Associate Professor,
Head of the Department of Personality Psychology and General Psychology,
Kuban State University,
350040, 149, Stavropol'skaya str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: sharuda-l@mail.ru

Miroslava V. Bortsova

PhD in Psychology, Associate Professor,
Department of Professional Pedagogy, Psychology and Physical Culture,
Branch of Kuban State University in Slavyansk-on-Kuban,
353560, 200, Kubanskaya str., Slavyansk-on-Kuban, Russian Federation;
e-mail: bor-miroslava@yandex.ru

Abstract

This work aims to identify the influence of personal determinants on the professional motivation of the individual. The paper analyzes the personal determinants of professional motivation of graduates-masters of the training direction 37.04.01 "Psychology", profile "Psychology of Personality". In the work, measurements of personal determinants and professional motivation of master graduates of KubSU and a control group consisting of working respondents were carried out. An analysis of the results of a study of personal determinants of professional motivation of master graduates in comparison with workers of the same specialty is presented. As a result of the study, it was revealed that for master graduates the main groups of motives in choosing a profession are

cognitive and social motives. It has been established that meaningful life orientations are associated with the motives of professional activity. A group of personal factors associated with the motives of the professional activity of master graduates was also identified. Differences in the professional motivation of master graduates and working respondents are statistically significant, just as differences in the personal determinants of these groups are statistically significant. The data obtained during the study on the personal determinants of professional motivation can be used in further research aimed at studying and improving professional efficiency.

For citation

Lupenko N.N., Bortsova M.V. (2022) Lichnostnye determinanty professional'noi motivatsii vypusnikov-magistrov [Personal Determinants of Professional Motivation of Master Graduates]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 11 (6A), pp. 61-70. DOI: 10.34670/AR.2023.89.35.007

Keywords

Professional education, professional efficiency, motivation, motivational sphere, personal determinants, motives of professional activity, success, self-realization.

References

1. Atkinson P.N. (1970) Problems of Fatigue. *Appl. Psychol*, 28, pp. 45-48.
2. Atkinson R.S. (1971) The Control of Short-Term Memory. In: *Scientific American*.
3. Chernyakevich E.Yu. (2022) Psikhologicheskie determinanty uchebnoi deyatel'nosti akademicheski neuspevayushchikh studentov vuza [Psychological determinants of educational activity of academically unsuccessful university students]. *Vestnik GUU* [Bulletin of the State University of Management], 9, pp. 199-206.
4. Dmitrieva I.A. (2020) Osobennosti psikhologicheskoi gotovnosti studentov pedagogicheskikh napravlenii k professional'noi deyatel'nosti [Peculiarities of psychological readiness of students of pedagogical directions for professional activity]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Kemerovo State University. Series: Humanities and social sciences], 2 (14), pp. 107-116.
5. *Metodiki issledovaniya motivatsionnoi sfery* [Methods for researching the motivational sphere]. Available at: <http://testoteka.narod.ru/ms/0.html> [Accessed 12/12/2022]
6. *Oprosnik «Professional'naya motivatsiya» L.A. Vereshchaginoi* [Professional Motivation Questionnaire by L.A. Vereshchagina]. Available at: <https://rykovodstvo.ru/exspl/123308/index.html?page=4> [Accessed 12/12/2022]
7. *Pyatifaktorniye lichnostnyi oprosnik MakKrae i Kosta (Bol'shaya pyaterka)* [Five-factor personality questionnaire McCrae and Costa (Big Five)]. Available at: <https://hr-portal.ru/tool/pyatifaktorny-lichnostny-oproshnik-makkrae-i-kosta-bolshaya-pyaterka> [Accessed 12/12/2022]
8. Smith C. (ed.) (1992) *Motivation and personality: handbook of thematic content analysis*. New York: Cambridge University Press.
9. Starov M.I. (2019) Determinanty stanovleniya professional'no-pedagogicheskoi kompetentnosti budushchego spetsialista fizicheskoi kul'tury i sporta v usloviyakh vuzovskogo obrazovaniya [Determinants of the formation of professional and pedagogical competence of the future specialist in physical culture and sports in the conditions of higher education]. *Vestnik TGU* [Bulletin of TSU], 182, pp. 77-87.
10. Wayne W.D. (1990) Spearman rank correlation coefficient. In: *Applied Nonparametric Statistics*. Boston: PWS-Kent.

УДК 159.9.072

DOI: 10.34670/AR.2023.35.22.008

Сопровождение детей группы риска в нетиповой образовательной организации

Чабуева Татьяна Петровна

Педагог-психолог,
Международный детский центр «Артек»,
290000, Российская Федерация, Гурзуф, ул. Ленинградская, 41;
e-mail: chabuevatt@yandex.ru

Гончарова Наталья Геннадьевна

Руководитель управления психологического сопровождения,
Международный детский центр «Артек»,
290000, Российская Федерация, Гурзуф, ул. Ленинградская, 41;
e-mail: NGoncharova@artek.org

Аннотация

В статье рассматривается опыт работы психологической службы в нетиповой образовательной организации у подростков с высоким суицидальным риском, самоповреждающим поведением, а также поведением с высокой степенью агрессивности. Отмечается, что подростковый возраст является одним из наиболее опасных, так как данные дети обладают неустойчивой психикой и нередко имеют суицидальные наклонности. Дается определение таких понятий, как «суицидальное поведение», «расстройство пищевого поведения», а также «самоповреждение». В связи с этим, авторами был разработан проект в сфере сопровождения детей группы риска, которые направлены на обеспечение психического и социального благополучия детей группы риска, пребывающих в «МДЦ «Артек». Указывается, что цели проекта были обеспечены достаточно широкой совокупностью методов, в частности, это написание специальной психолого-педагогической программы сопровождения детей и подростков, а также повышение квалификации педагогов лагеря «Артек». Формулируется вывод о том, что данная программа является весьма эффективной, применение ее на практике способствует снижению уровня суицида среди подростков. Этот вывод был сделан на основе проведенного исследования, включающего в себя опрос подростков.

Для цитирования в научных исследованиях

Чабуева Т.П., Гончарова Н.Г. Сопровождение детей группы риска в нетиповой образовательной организации // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 6А. С. 71-77. DOI: 10.34670/AR.2023.35.22.008

Ключевые слова

Суицидальное поведение подростков, самоповреждающее поведение, суицидальные риски, дети группы риска, сопровождение детей группы риска, нетиповая образовательная организация.

Введение

Каждую смену в ФГБОУ «Международный детский центр «Артек» приезжает более трех тысяч детей из Российской Федерации и международных стран, основная часть обучающихся – подростки. Подростковый возраст является одним из наиболее кризисных возрастных периодов. Как правило, подросткам присущи предельная неустойчивость настроения, поведения, постоянные колебания самооценки, ранимость, неадекватность реакции. Вчерашний ребенок сталкивается со снижением учебной мотивации, постоянно отстаивает свои права, часто конфликтует с родителями и учителями и показывает в целом, протестное поведение.

Формы опасного поведения детей и борьба с ними

Исходя из накопленного опыта психологической службы в «МДЦ «Артек», мы сталкиваемся со следующими формами проблемного опасного поведения детей [Чаткина, 2021, 226]:

Самоповреждение. Намеренное нанесение увечий своему телу называют самоповреждением (self-harm). Нанесение себе вреда может быть универсальным способом совладать с трудной ситуацией и порожденными ею эмоциями, а может проявиться однократно в состоянии острого стресса. Данные исследований разнятся: от 5 до 38% респондентов среди подростков и молодежи прибегали к самоповреждению хотя бы один раз, а около 3% делают это регулярно. Интерес к этому феномену достаточно высок: поисковый запрос в Google «self-harm» в русской транскрипции насчитывал в 2020 г. свыше 15 миллионов ссылок, в английской — примерно 288 миллионов. В публикациях на эту тему не только распространяется информация о помощи, но также самоповреждение нормализуется и эстетизируется [Доронина, 2019, 250].

Расстройство пищевого поведения (РПП). РПП (анорексия, булимия, компульсивное переедание и другие формы) как вид самоповреждающего поведения включен ВОЗ в число заболеваний, требующих пристального внимания, так как наносит серьезный вред психологическому и физическому здоровью и может приводить к смерти. Согласно исследованию, от 13 до 18% подростков имеют РПП, в большей степени этому подвержены девушки 15-19 лет. Рост числа РПП в последние десятилетия связывают прежде всего с изменением в культуре образа «нормального» тела, сегодня быть красивым означает быть худым [Любов, 2019, 31].

Суицидальное поведение – это проявление суицидальной активности – мысли, намерения, высказывания, угрозы, попытки, покушения [Зайченко, 2009, 193]. Стигматизированность и табуированность в современном обществе темы суицидов препятствует публичному обсуждению проблемы и возможности своевременно получить помощь. Дети, склонные к буллингу и кибербуллингу. Это дети с низким уровнем эмпатии, импульсивны, с высокой степенью агрессивности. Проблема буллинга поднимается на государственном уровне, в частности в декабре 2021 года Президент РФ Владимир Путин на встрече с Советом по правам человека заявил о необходимости комплексных мер по борьбе с буллингом (травлей детей) в школах. Вышеуказанных детей можно выделить в одну общую группу – «дети группы риска» [Мамонтова, 2018, 343].

Каждую смену дети группы риска приезжают в «МДЦ «Артек», они требуют дополнительного наблюдения со стороны педагогов-психологов. В рамках разработки проекта

«Сопровождение детей группы риска», реализованного психологической службой ФГБОУ «МДЦ «Артек» на протяжении смен 4 смен с 9 по 12 смену 2022 г., а именно специальной программой сопровождения детей группы риска, закупки качественного диагностического инструментария, углубления знаний педагогов-психологов о таких подростках и методах профилактики и коррекции деструктивного и аутодеструктивного поведения, управление психологического сопровождения реализовало на качественно новом уровне работу с детьми группы риска, а именно выявление, профилактику и коррекцию проблемного поведения. Цель проекта «Сопровождение детей группы риска» – обеспечение психического и социального благополучия детей группы риска, пребывающих в «МДЦ «Артек». Цели проекта были достигнуты следующими методами:

1) Написание специальной психолого-педагогической программы сопровождения детей группы риска, по которой будут работать педагоги-психологи с деть группы риска, целями данной программы были гармонизация эмоционально-волевой сферы и профилактика отклоняющегося поведения обучающихся группы риска (подростков в период нахождения в трудной жизненной ситуации и подростков, склонных к отклоняющемуся поведению) [Сыроковашина, 2016, 17]. Задачи, которые решает данная программа: изучение личностных особенностей учащихся группы риска; развитие личностных ресурсов учащихся в области коммуникативных умений и навыков; развитие навыков конструктивного поведения в конфликте, выработка навыков бесконфликтного поведения; формирование адекватной самооценки, отношения к своим успехам и неудачам в какой-либо деятельности, развитие навыка уверенного поведения; активизация ресурсов психики, формирование ощущения защищенности; формирование и развитие навыков самоанализа, самоконтроля, самовыражения, саморегуляции; формирование осознанности, относительно своего будущего. Программа состоит из цикла занятий, в которой используются следующие технологии: групповая работа; элементы индивидуальной работы; групповая дискуссия (повышает мотивацию и вовлеченность участников в решение обсуждаемой проблемы); мини-лекции; медиация; арт-терапевтические элементы; работа с притчей. При прохождении данной программы респонденты заполняли рабочую тетрадь, в качестве дополнительной рефлексии.

2) Повышение квалификации педагогов-психологов «МДЦ «Артек» по следующим направлениям: «Профайлинг: психологический анализ поведения», «Самоповреждающее поведение подростков: от порезов до суицида», «Буллинг как один из видов насилия над детьми. Практика оказания психологической помощи жертве, агрессору и наблюдателям», обучение осуществлялось в очной форме преподавателями Института «Иматон», Спб. [Гудкова, 2022, 174]

3) Качественная диагностика с помощью методики «Сигнал», экспресс-диагностика и профилактика суицидального риска, надежный психодиагностический инструмент, позволяющий выявлять лиц с высоким риском суицидальных реакций, авторы метода М.В. Зотов – доктор психологических наук, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии Санкт-Петербургского государственного университета, В.М. Петрукович – кандидат медицинских наук, доцент кафедры военной психофизиологии Санкт-Петербургской Военно-медицинской академии им. Кирова [Богородская, 2014, 401].

В результате всех проведенных мероприятий, на основании диагностики и обратной анонимной связи от подростков, участвовавших в программе сопровождения детей группы риска, можно сделать вывод, что были выявлены дети с высоким риском истинного суицидального поведения, с самоповреждающим и демонстративно-шантажным поведением. А

также был проведен комплекс коррекционных занятий, который помог повысить уровень выживания, умения справляться с ситуацией, уровень боязни социального неодобрения и опасения относительно совершения самого акта самоубийства, что говорит о качественных и количественных изменениях [Родермель, 2018, 414]. Последствием реализации проекта достигнут следующий социальный эффект, а именно повысился уровень осведомленности детей в вопросах психологической грамотности, а именно то, что с жизненными трудностями можно справляться, не прибегая к деструктивному поведению.

В исследовании приняли участие 146 человек, мужского и женского пола, от 12-17 лет, подростки, которые приехали ФГБОУ «МДЦ «Артек» за достижения в науке, спорте, искусстве и отличную учебу, а также принимавшие участие в конкурсах на различных уровнях от школьных до международных. Период исследования июль, август, сентябрь, октябрь 2022 года. Благодаря используемым методам, можно увидеть корреляцию антисуицидальных факторов, таких как «выживание, умение справляться с ситуацией», «опасения, относительно совершения самоубийства», «опасения социального неодобрения» (Таблица 1).

Таблица 1 - Сравнительная таблица по методике «Сигнал» (экспресс-диагностика и профилактика суицидального риска, авторы М.В. Зотов, В.М. Петрукович) [Слепович, 2021, 365]

Качество личности	Диагностика в организационный период смены «МДЦ «Артек» (баллы), средний результат	Диагностика после участия в программе сопровождения детей группы риска (баллы), средний результат
Выживание, умение справляться с ситуацией	3,21	3,87
Ответственность перед семьей	2,43	2,43
Мотивы, связанные с детьми	3,00	3,00
Опасения, относительно совершения самоубийства	2,71	2,96
Опасения социального неодобрения	1,80	2,34
Моральные установки, противоречащие совершению суицидальной попытки	3,32	3,32

Заключение

В ходе опросов подростков можно наблюдать положительную динамику, а именно при ответе на вопрос: «Опиши свое психологическое состояние в целом, а также максимально конкретно те явления, которые тебя беспокоят в настоящее время?» респонденты отвечали следующее (Таблица 2). Также на вопрос – «Насколько сильно тебя беспокоят явления, описанные тобой выше. (по 10-ти бальной шкале, где 10 – максимально беспокоят, 1 – не беспокоят)» - средний балл был «7,1». В конце смены при ответе на данный вопрос у респондентов наблюдалась положительная динамика, средний балл был – «4,7». На вопрос – «Оцени свои внутренние изменения по шкале от 1 до 10, где 1 – ничего не изменилось, 10 – полностью переосмыслили ситуации, состояние сильно лучше, чем до встреч с психологом)» респонденты высоко оценили свои изменения, средний ответ – «6,9».

Таблица 2 - Результаты опроса

№	Психологическая проблема, состояние	Количество ответов
1	Все в порядке, справляюсь	15
2	Проблемы с выражением, проживанием эмоций, неконтролируемые беспричинные перепады настроения	15
3	Не понимаю себя	11
4	Проблемы в семье (развод родителей, взаимоотношения с родителями, не оправдываю ожидания родителей)	10
5	Повышенная тревожность	6
6	Проблемы во взаимоотношениях с окружающими/не могу найти друзей	5
7	Заниженная самооценка, неприятие себя	5
8	Одиночество	4
9	Повышенная агрессивность, раздражительность	4
10	Апатия к событиям в моей жизни	4
11	Самобичевание	3
12	Не знаю, что хочу	2
13	Всегда хочется плакать	2
14	Буллинг	1
15	Беспомощность	1
16	Сексуальная идентичность	1
17	Страхи	1
18	Переживание утраты	1

Таковы результаты диагностики, которые получены уже после работы с подростками по данной методике. Это позволяет сформулировать вывод о том, что методика является эффективной и может применяться при работе с детьми из группы риска.

Библиография

1. Богородская Э.И. Социально-психологическая помощь в работе с девиантными подростками // Педагогика и психология как ресурс развития современного общества. 2014. С. 400-402.
2. Гудкова И.В. Из опыта работы по оказанию психологической помощи подросткам с девиантным поведением из неблагополучных семей // Мир педагогики и психологии. 2022. № (70). С. 168-180.
3. Доронина А.В. Факторы и особенности развития суицидального поведения у подростков // Моя профессиональная карьера. 2019. Т. 4. № 5. С. 248-253.
4. Зайченко А.А. Самоповреждающее поведение // Психология телесности: теоретические и практические исследования. 2009. С. 191-195.
5. Любов Е.Б., Зотов П.Б., Банников Г.С. Самоповреждающее поведение подростков: дефиниции, эпидемиология, факторы риска и защитные факторы. Сообщение I // Суицидология. 2019. Т. 10. № 4 (37). С. 16-46.
6. Мамонтова А.С. Влияние уровня самооценки на склонность к суицидальному поведению подростков // Актуальные вопросы и достижения современной науки. 2018. С. 341-346.
7. Родермель Т.А. Эффективность профилактических мер работы с подростками-суицидентами: метод психологического консультирования // Европейский журнал социальных наук. 2018. № 7-1. С. 412-416.
8. Слепович Е.С. Специальная психология. М.: Высшая школа, 2021. 527 с.
9. Сыроквашина К.В., Дозорцева Е.Г. Психологические факторы риска суицидального поведения у подростков // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24. № 3. С. 8-24.
10. Чаткина С.Н. Особенности психологического тренинга в работе с тревожными подростками // Казанский педагогический журнал. 2021. № 5 (148). С. 223-230.

Support of children of the risk group in a non-typical educational organization

Tat'yana P. Chabueva

Teacher-psychologist,
International Children's Center "Artek",
290000, 41, Leningradskaya str., Gurzuf, Russian Federation;
e-mail: chabuevatt@yandex.ru

Nataliya G. Goncharova

Head of the Department of Psychological Support,
International Children's Center "Artek",
290000, 41, Leningradskaya str., Gurzuf, Russian Federation;
e-mail: NGoncharova@artek.org

Abstract

The article discusses the experience of a psychological service in a non-standard educational organization for adolescents with a high suicidal risk, self-damaging behavior, as well as behavior with a high degree of aggressiveness. It is noted that adolescence is one of the most dangerous, since these children have an unstable mentality and often have suicidal tendencies. The definition of such concepts as "suicidal behavior", "eating disorder", as well as "self-harm" is given. In this regard, the authors developed a project in the field of accompanying children at risk, which is aimed at ensuring the mental and social well-being of children at risk who are in International Children's Center "Artek". It is indicated that the goals of the project were provided by a fairly wide range of methods, in particular, this is the writing of a special psychological and pedagogical program for accompanying children and adolescents, as well as advanced training for teachers of the Artek camp. It is concluded by the authors of this paper that this program is very effective, its application in practice helps to reduce the level of suicide among adolescents. This conclusion was made on the basis of a study that included a survey of adolescents.

For citation

Sabueva T.P., Goncharova N.G. (2022) Soprovozhdenie detei gruppy riska v netipovoi obrazovatel'noi organizatsii [Support of children of the risk group in a non-typical educational organization]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 11 (6A), pp. 71-77. DOI: 10.34670/AR.2023.35.22.008

Keywords

Suicidal behavior of adolescents, self-damaging behavior, suicidal risks, children at risk, accompanying children at risk, non-standard educational organization.

References

1. Bogorodskaya E.I. (2014) Sotsial'no-psikhologicheskaya pomoshch' v rabote s deviantnymi podrostkami [Socio-psychological assistance in working with deviant adolescents]. In: *Pedagogika i psikhologiya kak resurs razvitiya sovremennogo obshchestva* [Pedagogy and psychology as a resource for the development of modern society].
2. Chatkina S.N. (2021) Osobennosti psikhologicheskogo treninga v rabote s trevozhnymi podrostkami [Peculiarities of psychological training in work with anxious adolescents]. *Kazanskii pedagogicheskii zhurnal* [Kazan Pedagogical Journal], 5 (148), pp. 223-230.
3. Doronina A.V. (2019) Faktory i osobennosti razvitiya suitsidal'nogo povedeniya u podrostkov [Factors and features of the development of suicidal behavior in adolescents]. *Moya professional'naya kar'era* [My professional career], 4, 5, pp. 248-253.
4. Gudkova I.V. (2022) Iz opyta raboty po okazaniyu psikhologicheskoi pomoshchi podrostkam s deviantnym povedeniem iz neblagopoluchnykh semei [From the experience of providing psychological assistance to adolescents with deviant behavior from disadvantaged families]. *Mir pedagogiki i psikhologii* [World of Pedagogy and Psychology], 70, pp. 168-180.
5. Lyubov E.B., Zotov P.B., Bannikov G.S. (2019) Samopovrezhdayushchee povedenie podrostkov: definitsii, epidemiologiya, faktory riska i zashchitnye faktory. Soobshchenie I [Self-injurious behavior in adolescents: definitions, epidemiology, risk and protective factors. Message I]. *Suitsidologiya* [Suicidology], 10, 4 (37), pp. 16-46.
6. Mamontova A.S. (2018) Vliyanie urovnya samootsenki na sklonnost' k suitsidal'nomu povedeniyu podrostkov [Influence of the level of self-esteem on the tendency to suicidal behavior in adolescents]. In: *Aktual'nye voprosy i dostizheniya sovremennoi nauki* [Actual issues and achievements of modern science].
7. Rodermel' T.A. (2018) Effektivnost' profilakticheskikh mer raboty s podrostkami-suitsidentami: metod psikhologicheskogo konsul'tirovaniya [The effectiveness of preventive measures in working with suicidal adolescents: a method of psychological counseling]. *Evropeiskii zhurnal sotsial'nykh nauk* [European Journal of Social Sciences], 7-1, pp. 412-416.
8. Slepovich E.S. (2021) *Spetsial'naya psikhologiya* [Special psychology]. Moscow: Vysshaya shkola Publ.
9. Syrokvashina K.V., Dozortseva E.G. (2016) Psikhologicheskie faktory riska suitsidal'nogo povedeniya u podrostkov [Psychological risk factors for suicidal behavior in adolescents]. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya* [Consultative psychology and psychotherapy], 24, 3, pp. 8-24.
10. Zaichenko A.A. (2009) Samopovrezhdayushchee povedenie [Self-damaging behavior]. In: *Psikhologiya telesnosti: teoreticheskie i prakticheskie issledovaniya* [Psychology of corporality: theoretical and practical research].

УДК 159.9

DOI: 10.34670/AR.2023.93.89.009

**Психологические методы расширения восприятия предмета
«Физическая культура и спорт» на начальном этапе обучения в
вузе**

Чернышев Виктор Петрович

Кандидат педагогических наук,
профессор кафедры физической культуры и спорта,
Тихоокеанский государственный университет,
680035, Российская Федерация, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136;
e-mail: chernyshov_vp@mail.ru

Тимошков Егор Викторович

Старший преподаватель кафедры физической культуры и спорта,
Тихоокеанский государственный университет,
680035, Российская Федерация, Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136;
e-mail: timtim.91@yandex.ru

Варнина Анжелика Сергеевна

Старший преподаватель
кафедры теории, методики, практики физической культуры и спорта,
Морской государственный университет им. адм. Г.И. Невельского,
690059, Российская Федерация, Владивосток, ул. Верхнепортовая, 50а;
e-mail: lavrovasonya 6996@gmail.com

Юречко Ольга Валентиновна

Кандидат педагогических наук, доцент,
Амурский государственный университет,
675027, Российская Федерация, Благовещенск, Игнатьевское ш., 21;
e-mail: olga19674@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируются психологические аспекты восприятия учебного предмета «Физическая культура и спорт». Показано, что отношение к предмету формируется на ранних этапах обучения, начиная с детского сада. В результате длительного процесса обучения предмету у студентов оказывается устойчиво сформированным отношение к данному виду деятельности, характеризуемое понятием «узнавание». Данный феномен психики опознает знакомый предмет, не требуя от агента действия усилий по его декодированию и включению в активный режим взаимодействия. Для разблокирования устойчивых психологических детерминантов предлагается использовать методический

прием «остранение», использовавшийся в практике изменения восприятия произведений искусства. «Остранение» позволяет изменить привычный формат восприятия предмета, радикально изменив ракурс его демонстрации. Возникающая при этом ситуация психологического шока может стать точкой восприятия, из которой привычный предмет оказывается новым и интересным. Данный методический прием требует подготовки при его использовании, но оказывается эффективным средством повышения интереса занимающихся. Первоначальное резко негативное отношение к новой форме предмета сменяется появлением заинтересованности и порождает психологическую активность субъекта по освоению нового опыта.

Для цитирования в научных исследованиях

Чернышев В.П., Тимошков Е.В., Варнина А.С., Юречко О.В. Психологические методы расширения восприятия предмета «Физическая культура и спорт» на начальном этапе обучения в вузе // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 6А. С. 78-85. DOI: 10.34670/AR.2023.93.89.009

Ключевые слова

Физическая культура и спорт, психологические методы, остранение, детерминанты восприятия, психология.

Введение

В бурный период начала прошлого века, вместивший в себя огромное количество трагедий и побед человеческого духа, как всегда бывает в истории, довольно большое число людей, оказавшихся в бурлящем водовороте событий, пытались рационализировать восприятие происходящего через введение в устоявшийся дискурс новых понятий, которые могли бы помочь им хоть как-то описать становящуюся реальность. В подобные временные «взрывы в культуре» [Лотман, 1999] происходит активное перемещение специальных терминов из одной предметной области, для которой они были и есть вполне аутентичны, в смежные, для которых они неожиданно становятся важными маркерами. Перефразируя поэта, заявившего: «улица корчится безъязыкая», можно констатировать не столько «безъязыкость» улицы, сколько ее переполненность оторвавшимися от материнского лона понятиями, взаимодополняющими друг друга или взаимоуничтожающими.

Основная часть

В 20-е годы XX века в культурологии и лингвистике ярко проявила себя российская школа гуманитариев, «изобретавших» новые языки описания реальности, достаточно вспомнить эксперименты В. Хлебникова, которого называли «поэтом для поэтов», то есть автором, сталкивающим различные языковые пласты друг с другом до тектонического взрыва, в результате которого рождались новые материки. Возникшая в эти годы русская школа формализма (Р. Якобсон, Ю. Тынянов, Б. Эйхенбаум) и ее яркий представитель В. Шкловский разработали новый прием восприятия искусства, названный ими «остранение». «Остранение» означало попытку восприятия субъектом произведений искусства и, шире, реальности в целом, как странного предмета, останавливающего привычное «узнавание» того же предмета. Прием

остранения использовал для описания своих представлений основоположник советской психологии Л.С. Выготский [Исторический смысл психологического кризиса, 2003]. Помочь, заставить человека удивиться, увидеть за привычным необычное – традиция, идущая еще от Платона и Аристотеля.

Современное общество остро нуждается сегодня в способах понимания и «расколдовывания» становящейся реальности. Для обычного человека становится невыносимым состояние бомбардировки его психики и сознания тем объемом информации, которое принесла с собой технологическая революция. Целью данной работы стало описание феномена остранения в практике жизни студентов младших курсов вузов, в их рациональном освоении ценностей физической культуры. Физическая культура и спорт как учебный предмет инкорпорирован в процесс обучения, начиная с детского сада. То есть приходящий в вуз молодой человек имеет достаточный опыт взаимодействия с данным социальным феноменом в определенной форме. Остранение использовалось нами не как понятие, а как методический прием, с помощью которого осуществлялась попытка разрыва устоявшегося континуума восприятия данного предмета. Беседуя с поступившими на первый курс студентами, удалось выявить два способа восприятия физической культуры, превалировавшие над всеми остальными. Первый способ восприятия – им отличалась малая часть студентов – характеризовался крайне позитивным отношением к любым видам физической активности, к данной группе относились в основном те ребята, которые в детские годы так или иначе участвовали в работе спортивных секций, то есть получали дополнительное образование по физической культуре. Большая часть студентов признавала в данном учебном предмете наличие определенного интересного содержания, но не рассматривала сам предмет как важное средство саморазвития личности. Этот факт коррелирует с нашими данными [Чернышев, 2019] об исчезновении физической культуры из ядра предпочтений современной молодежи. Причины этого состояния дел во многом связаны с внедренным в школьное обучение единого государственного экзамена. Не секрет, что старшеклассники сегодня жестко ориентированы на подготовку и сдачу ЕГЭ, необходимого для поступления в вуз. Так как предмет «Физическая культура» не входит в число приоритетных видов занятий, обеспечивающих социальное продвижение, отношение к нему становится равнодушным. Равнодушное отношение молодых людей к физической культуре подтверждается многочисленными исследованиями влияния пандемии COVID-19, в которых фиксируется полная неспособность большинства молодых людей самостоятельно организовывать занятия физическими упражнениями в отсутствие тренера-преподавателя [Чернышев, Строева, 2022]. При поступлении на первый курс университета молодые люди «приносят» с собой четкое представление о физической культуре как развлекательном, в лучшем случае, предмете, не требующем к себе сосредоточенного внимания и особой подготовки. Когда они видят в сетке расписания физическую культуру, у студентов срабатывает психологический эффект узнавания привычного контента, который обладает набором ожиданий, верификация которых для многих очевидна. Именно в этот момент возможно применение метода остранения, с помощью которого устоявшийся режим восприятия может быть радикально пересмотрен.

Актуальные стандарты третьего поколения ФГОС 3++ предусматривают организацию обучения предмету «Физическая культура и спорт» в вузе с включением в содержательную часть теоретического раздела [Чернышев, 2021]. В школьной программе обучения предмету теоретический раздел присутствует как дополнительный аспект обучения, призванный подкреплять знания, умения и навыки, получаемые на практических занятиях, социальная и

личностная значимость физического развития индивида как автора своего жизненного пути остается не просвеченной в таком объеме, который позволил бы индивиду осознанно включать в рацион жизненных предпочтений элементы физической активности. Такой существенный аспект обучения как самостоятельное выполнение домашнего задания в обучении физической культуре возможен, но явно в ограниченном формате. Таким образом, существенная часть физической культуры личности – когнитивная, эстетическая и этическая стороны остаются за рамками процесса усвоения учебного материала. У школьника формируется становящийся устойчивым взгляд на предмет, реализация содержания которого ограничена в основном учебным пространством школы [Ильин, 2000]. Сталкиваясь при поступлении в вуз с принципиально иным способом организации учебного процесса, требующем отличного от привычного напряжения сил, большинство молодых людей естественным образом организуют ментально-психологическую защиту своего опыта. Почти повсеместным с их стороны звучит вопрос «Когда мы будем заниматься физкультурой?». Привычный для них формат восприятия дисциплины стал странным, непонятным. Эффект «остранения» случился естественным образом. В этих условиях особая ответственность ложится на преподавателей, ведущих данный теоретический раздел. Для реализации этого сегмента программы должны подбираться специалисты, обладающие не столько практическими знаниями предмета, сколько люди с широким культурным кругозором, способным возникшее в сознании студентов состояние диссонанса превратить в желание получить ответы на возникшие вдруг вопросы. Это достаточно тонкая психолого-педагогическая задача, так как прямое императивное указание на важность проблематики не воспринимается современными молодыми людьми адекватно. Доминирующим тоном предмета в процессе обучения был и остается тон ЗОЖ, здоровый образ жизни как целевая установка развития личности. Но для большинства молодых людей ЗОЖ не представляется актуальной проблемой просто в силу имеющегося избытка физической энергии в этом возрасте. Закодированное в аббревиатуре ЗОЖ смысловое послание старшего поколения не несет внутри себя раскодировочного ключа, с помощью которого молодые люди могли бы воспринять здоровье как необходимый строительный материал на своей индивидуальной жизненной траектории. Не становится отправной точкой возникновения интереса в сознании молодых людей и раздел программы, связанный с историческими примерами функционирования физической культуры и ее роли в развитии того или иного общества или исторической эпохи. Путешествие по историческим примерам воспринимается как своего рода комикс, содержание которого не связывается непосредственно с современностью, а остается иллюстрацией развлекательного типа. По нашим наблюдениям, большим эффектом обладают темы, связанные с телесностью самого человека в различных модусах проявления. Относительно простые задания рассчитать достаточную норму калорий, необходимых для осуществления жизнедеятельности или попробовать оформить общение друг с другом языком жестов, используя для этого свое тело и другие темы вводят в сознание студентов принципиально отличное восприятие физической культуры. Интеллектуальная работа, связанная с производством знания как знания об объекте, в привычном восприятии лишенным этого модуса, становится для многих студентов увлекательной игрой оформления получаемого знания, применение которого на практике в обыденной жизни легко актуализируется. Промежуточный вывод, следовательно, заключается в том, что когнитивная сторона предмета «Физическая культура и спорт», обнаруживаемая студентами может стать расширительной практикой более полного психологического восприятия предмета в целом. Второй блок тем теоретического раздела может быть представлен в эстетическом обрамлении самого предмета.

Красота человеческого тела в самых разнообразных проявлениях должна быть подчеркнута специально так, чтобы именно разнообразие физического проявления оказалась той стороной, которую в определенных границах человек может формировать самостоятельно. Красоту бывает непросто увидеть, но произвести ее из себя самого гораздо более сложная задача. Оказалось, что для некоторой части молодежи проблема эстетического оформления своей природной ипостаси важнейшая психологическая задача. Выглядеть так, чтобы чувствовать себя аутентичным любой социальной ситуации, чтобы научиться снимать мнимые зажатости и скованности, этот блок теоретических сведений также оказался востребованным. И наконец этическая сторона физической культуры как коллективного действия особенно актуальна в исторические периоды развития общества, в которых характерно доминирование силы. Физическое превосходство в молодежной среде, как и во всей живой природе, важный социальный маркер. В человеческом общении в современных условиях этот маркер не утрачен, но взят под контроль общественным устройством специальных институтов. Однако каковыми бы ни были эти институты, личностное осознание каждым понимания, что использование природных преимуществ в обыденной жизни не цивилизационный путь развития достигается не всегда. Предшественник знаменитого Ч. Дарвина французский эволюционист Ламарк считал, что в природе всегда есть место сотрудничеству между отдельными особями, часто преодолевающими в своей жизнедеятельности не только родовые, но и видовые различия. «Дарвинистская» теория оказалась более привлекательной для сурового XIX века, однако сегодняшние достижения биологов «ламарковского» направления убедительно свидетельствуют о важности сотрудничества между особями в противовес борьбе за выживание. Психологии выживания любой ценой может быть противопоставлена психология взаимопомощи именно в разделе теории дисциплины «Физическая культура и спорт» как практике организации жизни в условиях толерантности и диалога.

Заключение

Современные студенты вузов приходят в новое для себя пространство после окончания школы, стараются активно использовать сложившийся в их сознании опыт реализации учебного потенциала. Физическая культура и спорт в данном контексте «узнаются» достаточно легко, как привычная практика. В этом «узнавании» сущностная сторона предмета остается скрытой привычному глазу и требуется не мало усилий по психолого-педагогическому декодированию сознания студентов. Важно подчеркнуть, что никакое прямое воздействие с попыткой изменить восприятие молодых людей и заданием перспективы их нового восприятия не может оказаться эффективным средством. Только создание обстановки «остранения» объекта внимания, показ его возможностей для каждого индивидуально и для коллектива товарищей в целом как жизненной практики, состоящий из большого количества разнородных по содержанию сущностей, обеспечивающих возможность личностного саморазвития позволяет «увидеть» привычное в непривычном ракурсе.

Библиография

1. Елагина А.С., Оздамирова Л.М. Концептуальные подходы к формированию когнитивной модели эмоционального интеллекта // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 3А. С. 274-279. DOI: 10.34670/AR.2022.85.75.035
2. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2000. 512 с.

3. Исторический смысл психологического кризиса // Психология развития человека. М., 2003. С. 41-190.
4. Ле-ван Т.Н., Алексейчева Е.Ю., Нехорошева Е.В. Клуб как пространство сопричастного управления горожан своим образованием в контексте социально-экономических и социокультурных преобразований города // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Педагогика и психология». 2019. № 2 (48). С. 78–92. DOI: 10.25688/2076-9121.2019.48.2.01
5. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999. 464 с.
6. Нехорошева Е.В., Алексейчева Е.Ю. Имидж как управленческий ресурс общеобразовательной организации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Экономика». 2018. № 4 (18). С. 78-88. DOI: 10.25688/2312-6647.2018.18.4.9.
7. Чернышев В.П. и др. «Изобретение традиций» как социальная практика внедрения нового (на примере физической культуры и спорта) // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2021. № 6. С. 73-76.
8. Чернышев В.П. Исследование динамики «ядра предпочтений» молодежи при выборе траектории развития в области физической культуры и спорта // Проблемы высшего образования. 2019. № 1. С. 459-461.
9. Чернышев В.П. Моделирование теоретического раздела предмета «Физическая культура и спорт» при реализации стандартов последнего поколения (ФГОС 3++) // Педагогика, психология, общество: актуальные исследования. Чебоксары, 2021. С. 276-278.
10. Чернышев В.П., Строева В.Е. Коррекция содержания занятий по физической культуре в период пандемии // Olymplus. Гуманитарная версия. 2022. № 1 (14). С. 56-58.

Psychological methods of expanding the perception of the subject “Physical culture and sport” at the initial stage of education at the university

Viktor P. Chernyshev

PhD in Pedagogy,
Professor of the Department of Physical Culture and Sports,
Pacific State University,
680035, 136, Tikhookeanskaya str., Khabarovsk, Russian Federation;
e-mail: chernyshov_vp@mail.ru

Egor V. Timoshkov

Senior Lecturer of the Department of Physical Culture and Sports,
Pacific State University,
680035, 136, Tikhookeanskaya str., Khabarovsk, Russian Federation;
e-mail: timtim.91@yandex.ru

Anzhelika S. Varnina

Senior Lecturer of the Department of Theory, Methods,
Practice of Physical Culture and Sports,
Maritime State University named after admiral G.I. Nevelskoy,
690059, 50a, Verkhneportovaya str., Vladivostok, Russian Federation;
e-mail: lavrovasonya 6996@gmail.com

Ol'ga V. Yurechko

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Amur State University,
675027, 21, Ignat'evskoe h., Blagoveshchensk, Russian Federation;
e-mail: olga19674@yandex.ru

Abstract

The article analyzes the psychological aspects of the perception of the subject "Physical culture and sport". It is shown that the attitude to the subject is formed at the early stages of education, starting from kindergarten. As a result of a long process of teaching a subject, students have a steadily formed attitude towards this type of activity, characterized by the concept of "recognition". This phenomenon of the psyche recognizes a familiar object without requiring the agent to make efforts to decode it and include it in an active mode of interaction. In order to unblock stable psychological determinants, it is proposed to use the methodical method of "estrangement", which was used in the practice of changing the perception of works of art. "Estrangement" allows the usual format of perception of the subject to complement its content by radically changing the perspective of the demonstration. The resulting situation of psychological shock can become a point of perception from which a familiar object turns out to be new and interesting. This methodical technique requires training when using it, but it turns out to be an effective means of increasing the interest of those involved. The initial sharply negative attitude towards the new form of the object is replaced by the appearance of interest and gives rise to the subject's psychological activity in mastering new experience.

For citation

Chernyshev V.P., Timoshkov E.V., Varnina A.S., Yurechko O.V. (2022) Psikhologicheskie metody rasshireniya vospriyatinya predmeta «Fizicheskaya kul'tura i sport» na nachal'nom etape obucheniya v vuze [Psychological methods of expanding the perception of the subject "Physical culture and sport" at the initial stage of education at the university]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 11 (6A), pp. 78-85. DOI: 10.34670/AR.2023.93.89.009

Keywords

Physical culture and sport, psychological methods, estrangement, determinants of perception, psychology.

References

1. Chernyshev V.P. et al. (2021) «Izobretenie traditsii» kak sotsial'naya praktika vnedreniya novogo (na primere fizicheskoi kul'tury i sporta) ["Invention of Traditions" as a Social Practice of Introducing the New (on the Example of Physical Culture and Sports)]. *Meditsina. Sotsiologiya. Filosofiya. Prikladnye issledovaniya* [Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research], 6, pp. 73-76.
2. Nekhorosheva E.V., Alekseecheva E.Yu. (2018) Imidzh kak upravlencheskii resurs obshcheobrazovatel'noi organizatsii [Image as a management resource of educational organization]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Ehkonomika* [Vestnik of Moscow City University. Series «Economics»], 4, pp. 78-88.
3. Chernyshev V.P. (2019) Issledovanie dinamiki «yadra predpochtenii» molodezhi pri vybore traektorii razvitiya v oblasti fizicheskoi kul'tury i sporta [Study of the dynamics of the "core of preferences" of young people when choosing a development trajectory in the field of physical culture and sports]. *Problemy vysshego obrazovaniya* [Problems of higher

- education], 1, pp. 459-461.
4. Chernyshev V.P. (2021) Modelirovanie teoreticheskogo razdela predmeta «Fizicheskaya kul'tura i sport» pri realizatsii standartov poslednego pokoleniya (FGOS 3++) [Modeling the theoretical section of the subject "Physical culture and sport" in the implementation of the latest generation standards (FSES 3++)]. In: *Pedagogika, psikhologiya, obshchestvo: aktual'nye issledovaniya* [Pedagogy, psychology, society: current research]. Cheboksary.
 5. Chernyshev V.P., Stroeva V.E. (2022) Korrektsiya sodержaniya zanyatii po fizicheskoi kul'ture v period pandemii [Correction of the content of physical education classes during the pandemic]. *Olymplus. Gumanitarnaya versiya* [Olymplus. Humanitarian version], 1 (14), pp. 56-58.
 6. Le-van T.N., Alekseicheva E.Yu., Nekhorosheva E.V. (2019) Klub kak prostranstvo soprīchastnogo upravleniya gorozhan svoim obrazovaniem v kontekste sotsial'no-ekonomicheskikh i sotsiokul'turnykh preobrazovaniy goroda [Club as a space for citizens' participatory management of their learning in the context of socio-economical and socio-cultural transformations of the city]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya* [Vestnik of Moscow City University. Series «Pedagogy and Psychology»], 2, pp. 78-92.
 7. Il'in E.P. (2000) *Motivatsiya i motivy* [Motivation and motives]. St. Petersburg: Piter Publ.
 8. (2003) Istoricheskii smysl psikhologicheskogo krizisa [The historical meaning of the psychological crisis]. In: *Psikhologiya razvitiya cheloveka* [Psychology of human development]. Moscow.
 9. Lotman Yu.M. (1999) *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside the thinking worlds. Man, text, semiosphere, history]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury Publ.

УДК 159.9.075

DOI: 10.34670/AR.2023.40.41.010

Творческая студенческая лаборатория как средство повышения мотивации студентов к выбору будущей профессии

Мали Наталья Александровна

Кандидат психологических наук, доцент,
Пензенский государственный университет,
440026, Российская Федерация, Пенза, ул. Красная, 40;
e-mail: n.mali2012@yandex.ru

Морозова Наталья Львовна

Кандидат психологических наук, доцент,
Пензенский государственный университет,
440026, Российская Федерация, Пенза, ул. Красная, 40;
e-mail: s.mors@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена проблеме формирования у студентов мотивов выбора будущей профессии, соответствующей направлению учебной деятельности. Исследуется удовлетворенность будущей профессией студентов педагогического института, обучающихся по профилям «Дошкольное образование» и «Логопедия». В качестве эффективной технологии повышения уровня мотивации предлагается создание творческой студенческой лаборатории, в которой студенты могут получить опыт практической деятельности по выбранной специальности. В ходе исследования подтвердилось предположение о том, что активная практическая деятельность студентов в творческой студенческой лаборатории является эффективным средством для лучшего понимания особенностей будущей профессии и, следовательно, повышения мотивации к ее выбору. Осваивая основы профессиональной деятельности на практике, будущие воспитатели и логопеды смогли оценить уровень своих способностей и умений, необходимые им в профессии. Вместе с тем, некоторые объективно существующие реалии профессиональной деятельности оказалось невозможно изменить с помощью данной технологии, в том числе уровень заработной платы и отношение к профессии в обществе. Решение данной проблемы требует применения других мер, в том числе на государственном уровне.

Для цитирования в научных исследованиях

Мали Н.А., Морозова Н.Л. Творческая студенческая лаборатория как средство повышения мотивации студентов к выбору будущей профессии // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 6А. С. 86-96. DOI: 10.34670/AR.2023.40.41.010

Ключевые слова

Будущая профессия, мотивы, трудовая деятельность, удовлетворенность профессией, творческая студенческая лаборатория.

Введение

Выбор будущей профессии, перед которым оказываются учащиеся старших классов после окончания школьного обучения, является непростым этапом в жизни. Его сложность связана с тем, что для некоторых этот выбор очевиден, для других – требует обдумывания и принятия взвешенного решения. Оно во многом зависит от мотивации, которая представляет собой побуждения, вызывающие активность организма и определяющие ее направленность [Гуруджапов, 2017, 484]. По мнению Е.П. Ильина, все мотивы, связанные с выбором будущего направления профессиональной деятельности, можно разделить на три группы: мотивы трудовой деятельности, мотивы выбора профессии и мотивы выбора места работы [Ильин, 2008, 270].

Формирование мотивов происходит поэтапно: сначала у человека возникают мотивы трудовой деятельности, которые способствуют формированию мотивов выбора профессии, а в дальнейшем – выбора места работы. Среди мотивов трудовой деятельности автор выделяет побуждения общественного характера, то есть желание приносить пользу обществу и оказывать помощь другим людям, а также наличие возможности получения материальных благ и удовлетворение потребности в самореализации. Мотивы выбора профессии связаны с ориентацией человека на имеющиеся у него социальные ценности (материальная заинтересованность, престиж, интерес и др.). К группе мотивов выбора места работы относятся оценка внешней ситуации, своих возможностей и способностей, соответствие выбранной деятельности своим интересам и склонностям.

Описанные выше этапы формирования мотивов, связанных с выбором направления профессиональной деятельности, можно соотнести с определенными периодами жизни индивида. Так, мотивы трудовой деятельности возникают еще во время обучения в школе. Последний год школьного обучения обычно связан с формированием мотивов выбора профессии и поступлением в высшее учебное заведение в соответствии с выбранным направлением деятельности. В процессе обучения в вузе начинают формироваться мотивы выбора места работы.

В том случае, если выпускник вуза выбрал трудовую деятельность в соответствии с направлением обучения, можно говорить о сформированности его мотивов, или об удовлетворении необходимых потребностей личности, в противоположном случае – об их неудовлетворенности. Л.В. Мищенко рассматривает удовлетворенность как положительное оценочное отношение к деятельности, а неудовлетворенность – как отрицательное. По ее мнению, удовлетворенность является одним из факторов, который оказывает влияние на принятие решения о продолжении деятельности [Мищенко, 2007, 122]. Удовлетворенность является основанием мотива и усиливает его, поэтому именно чувство удовлетворенности объясняет желание человека заниматься определенной деятельностью длительное время. Е.П. Ильин придерживается аналогичной точки зрения, указывая, что укрепление мотивов, связанных с трудовой деятельностью, зависит от наличия у индивида чувства удовлетворенности [Ильин, 2008, 272].

Уровень удовлетворенности профессией является непостоянным и меняется в течение всего периода обучения. Н.В. Бордовская, А.А. Реан отмечают, что студенты-первокурсники максимально удовлетворены своим выбором профессии, но постепенно уровень удовлетворенности снижается и незадолго до окончания вуза оказывается наименьшим [Бордовская, Реан, 2008, 191]. Об этом же упоминает И.С. Кон, указывая, что к старшим курсам

число студентов, которые не удовлетворены избранной специальностью, не сокращается, а растет [Мищенко, 2007, 202].

Такая ситуация может привести к тому, что выбор дальнейшей трудовой деятельности, к сожалению, окажется не в пользу изучаемой специальности. Будущие специалисты, обучение которых финансируется государством, не оправдают возложенных на них надежд, а проблема нехватки кадров не будет решена. Еще один отрицательный момент, хотя и более субъективный, заключается в том, что преподаватели вузов тоже заинтересованы в том, чтобы студенты выбрали место своей будущей работы в соответствии с изучаемой специальностью. Это в определенной степени служит доказательством того, что время, проведенное в стенах учебного заведения, было потрачено не напрасно, а усилия преподавателей не пропали даром. По нашему мнению, применение эффективных педагогических технологий, нестандартный подход к организации образовательного процесса в вузе может способствовать повышению мотивации студентов к будущей профессии.

Материалы и методы исследования

Для более полного понимания данной проблемы мы изучили уровень общей удовлетворенности будущей профессией у студентов 3 курса направления подготовки 44.03.01 Педагогическое образование, профиль «Дошкольное образование» (21 человек) и направления 44.03.03 Специальное (дефектологическое) образование, профиль «Логопедия» (14 человек), обучающихся в педагогическом институте. Исследование включало три этапа: констатирующий, формирующий, контрольный. Констатирующий этап проводился в сентябре 2021-2022 учебного года. В качестве диагностического инструментария была использована методика определения удовлетворенности профессией в модификации Н.В. Кузьминой, А.А. Реана [Бордовская, Реан, 2008, 193]. Методика содержит список из 22 утверждений, распределенных поровну в две колонки (колонка А и колонка Б). Колонка А содержит утверждения о том, что может привлекать испытуемых в будущей профессии, колонка Б – о том, что не привлекает. Каждый респондент должен выбрать те утверждения, которые являются для него действительно значимыми, причем выбор не обязательно включает все утверждения. Перечень утверждений представлен в таблице 1.

Таблица 1 - Перечень утверждений для методики определения удовлетворенности профессией (модификация Н.В. Кузьминой, А.А. Реана)

№ п/п	А	№ п/п	Б
1.	Профессия является одной из важнейших в обществе	1.	Мало оценивается важность труда
2.	Работа с людьми	2.	Не умею работать с людьми
3.	Работа требует постоянного творчества	3.	Нет условий для творчества
4.	Работа не вызывает переутомления	4.	Работа вызывает переутомление
5.	Большая зарплата	5.	Небольшая зарплата
6.	Возможность совершенствования	6.	Невозможность совершенствования
7.	Работа не соответствует моим способностям	7.	Работа соответствует моим способностям
8.	Работа соответствует моему характеру	8.	Работа не соответствует моему характеру
9.	Небольшой рабочий день	9.	Большой рабочий день

№ п/п	А	№ п/п	Б
10.	Отсутствие частого контакта с людьми	10.	Частый контакт с людьми
11.	Возможность достичь социального признания, уважения	11.	Невозможность достичь социального признания, уважения
12.	Другие факторы	12.	Другие факторы

В дальнейшем по каждой из 11 характеристик из первой и второй колонки по специальной формуле подсчитывается коэффициент значимости (КЗ), который может быть в пределах от -1 до $+1$.

Формирующий этап проводился с октября по март и предусматривал активную практическую деятельность студентов в созданной на факультете творческой студенческой лаборатории «Малыш». В лаборатории студенты имели возможность проводить занятия с детьми дошкольного возраста по развитию речи, формированию элементарных математических представлений, изобразительной деятельности. В случае наличия речевых нарушений, выявленных у детей, с ними проводились логопедические занятия.

Контрольный этап исследования, который предусматривал использование той же методики диагностики, что и на констатирующем этапе, был проведен в мае 2022 года.

Результаты исследования

Результаты диагностики уровня удовлетворенности будущей профессией у студентов профиля «Дошкольное образование» на констатирующем этапе исследования представлены в таблице 2.

Таблица 2 - Результаты диагностики уровня удовлетворенности будущей профессией у студентов профиля «Дошкольное образование» (констатирующий этап)

Пере- менные	Утверждение										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
n ⁺	11	6	7	5	5	13	5	7	14	3	18
n ⁻	8	14	13	16	16	8	16	14	6	11	2
КЗ	0,1	-0,4	-0,3	-0,5	-0,5	0,3	-0,5	-0,3	0,4	-0,4	0,8

n⁻ – количество обследуемых, которые отметили фактор в колонке А

n⁺ – количество обследуемых, которые отметили фактор в колонке Б

Анализ результатов показывает, что наиболее важными положительными характеристиками своей будущей профессии студенты профиля «Дошкольное образование» считают возможность достичь социального признания и уважения, небольшой рабочий день, дальнейшее совершенствование своих умений и навыков. Но больше половины утверждений получили отрицательный отзыв. Наибольший отрицательный коэффициент относится к утверждениям о несоответствии работы способностям человека, а также о том, что работа вызывает переутомление и мало оплачивается. Утверждения о неумении работать с людьми и необходимости часто контактировать с ними также были отнесены к отрицательным характеристикам будущей профессии. Минимальный отрицательный коэффициент значимости относится к утверждениям об отсутствии условий для творчества и ее несоответствии характеру.

Результаты диагностики уровня удовлетворенности будущей профессией у студентов профиля «Логопедия» на констатирующем этапе исследования представлены в таблице 3.

Таблица 3 - Результаты диагностики уровня удовлетворенности будущей профессией у студентов профиля «Логопедия» (констатирующий этап)

Пере- менные	Утверждение										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
n ⁺	6	5	11	3	2	8	3	4	5	1	13
n ⁻	8	9	2	11	12	6	9	9	9	13	1
KЗ	-0,1	-0,3	0,6	-0,5	-0,7	0,1	-0,4	-0,3	-0,3	-0,9	0,9

n⁻ – количество обследуемых, которые отметили фактор в колонке А

n⁺ – количество обследуемых, которые отметили фактор в колонке Б

Наиболее значимыми положительными характеристиками своей будущей профессии студенты профиля «Логопедия» считают возможность достичь социального признания и уважения, творческий характер труда, возможность совершенствования своих умений и навыков. Наименее привлекательными – частые контакты с людьми, небольшую зарплату, переутомление, несоответствие собственным способностям, большой рабочий день. Утверждения о неумении работать с людьми, о несоответствии работы характеру человека и о недостаточной оценке значимости труда также были отнесены к отрицательным характеристикам будущей профессии, хотя коэффициент значимости этих утверждений был немного выше.

Наглядно полученные в ходе констатирующего этапа исследования результаты представлены на рисунке 1.

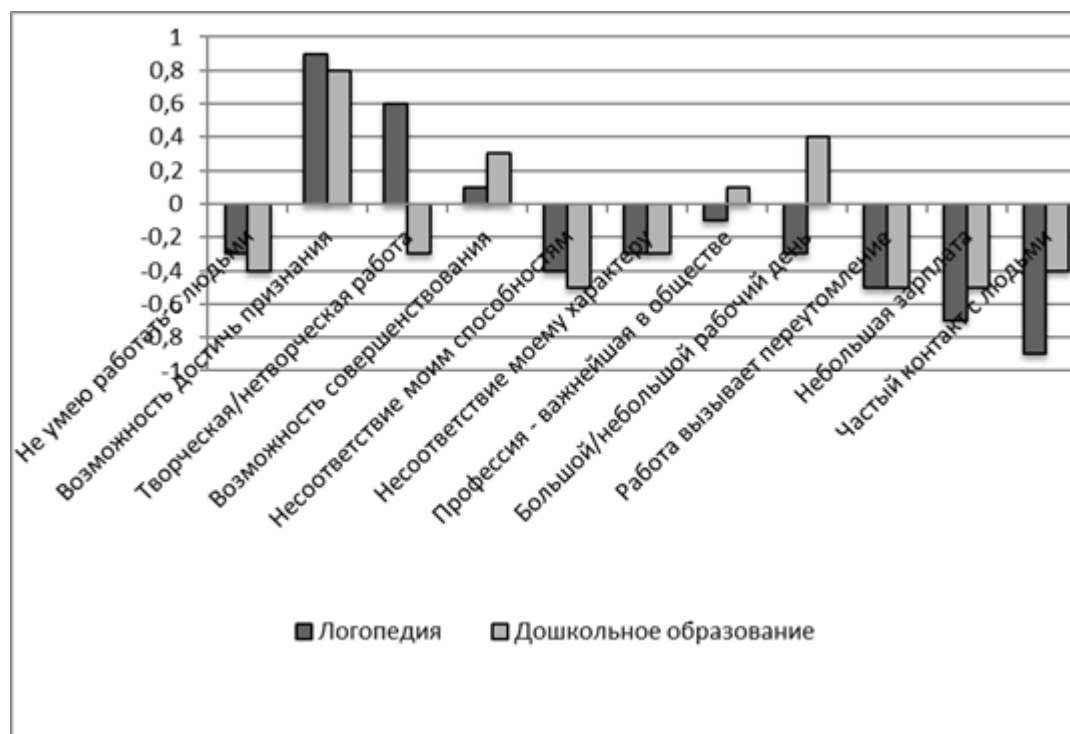

Рисунок 1 - Результаты исследования на констатирующем этапе

Анализ результатов позволяет сделать вывод, что мнения по поводу положительных и отрицательных характеристик будущей профессии у студентов профилей «Дошкольное образование» и «Логопедия» по многим факторам схожи, но есть и различия. Так, будущие

воспитатели оценивают свою будущую профессию как важнейшую в обществе, а свой рабочий день как небольшой, а будущие логопеды считают, что их профессия мало ценится в обществе, а рабочий день слишком большой. В обеих группах различается отношение к творческому характеру работы: будущие логопеды считают свою работу творческой, тогда как будущие воспитатели полагают, что для творчества нет подходящих условий.

Результаты проведенного исследования позволили нам сделать вывод о том, что отношение к будущей профессии у студентов, в целом, по многим факторам отрицательное. На наш взгляд, изменение данного отношения в лучшую сторону требует организации специальных мероприятий, прежде всего, связанных с возможностью применять полученные знания и умения на практике. Мы предполагаем, что постепенное включение студентов в практическую деятельность обеспечивает плавный и безболезненный переход из студенческой среды в среду профессиональную. Такая практическая деятельность позволяет студенту лучше понять специфику будущей профессии, а также осознать собственные предпочтения, умения, навыки и способности. Для того чтобы реализовать все вышесказанное на практике, коллективом преподавателей педагогического института была создана творческая студенческая лаборатория «Малыш», цель работы которой заключается в овладении студентами опытом организации образовательно-коррекционной работы с детьми. Для лаборатории было выделено специальное помещение, специально оборудованное для занятий с детьми. Ремонт и оснащение кабинета проводились за счет средств института.

Формирующий этап исследования предусматривал регулярную работу студентов с детьми в лаборатории. Занятия в лаборатории проводятся для детей дошкольного и младшего школьного возраста бесплатно, несколько раз в неделю, в вечернее время. Чаще использовались индивидуальная работа или работа в небольших группах. Обычно с детьми проводилось 2-3 занятия, поэтому в подготовке принимали участие несколько студентов, каждый из которых готовился к проведению одного занятия по определенному направлению (развитие речи, формирование элементарных математических представлений, знакомство с окружающим миром).

В случае выявления у детей речевых нарушений с ними проводилась диагностика, а затем специальные коррекционные занятия, направленные на устранение имеющихся проблем. В этом случае основной формой работы было индивидуальное взаимодействие студентов с детьми. Для ребенка разрабатывалась индивидуальная программа работы, включающая необходимые задания, упражнения и игры. Обычно дети посещали лабораторию один раз в неделю вместе с родителями. При необходимости помощь в подготовке к занятиям или организации коррекционных мероприятий оказывали преподаватели.

Кроме работы с дошкольниками, деятельность в творческой лаборатории включала взаимодействие с родителями детей, составление консультаций на различные, интересующие родителей темы, ответы на вопросы, беседы о перспективах и трудностях работы с ребенком, разработка заданий для выполнения в домашних условиях. Такая деятельность способствовала более глубокому пониманию специфики педагогической деятельности, умению находить контакт с разными собеседниками, правильно и корректно доносить до слушателя нужную информацию.

Одним из видов деятельности в лаборатории стало проведение праздников и развлечений для детей и родителей. Сценарии для мероприятий разрабатывались студентами, а затем ими же реализовывались на практике. Подобные виды активности имели успех и у детей, и у родителей, и у студентов.

Контрольный этап исследования был проведен в мае 2022 учебного года, после завершения учебного года в творческой лаборатории. В ходе проведения исследования использовались та же методика диагностики, что и на констатирующем этапе.

Результаты диагностики уровня удовлетворенности будущей профессией у студентов профиля «Дошкольное образование» представлены в таблице 4.

Таблица 4 - Результаты диагностики уровня удовлетворенности будущей профессией у студентов профиля «Дошкольное образование» (контрольный этап)

Пере- менные	Утверждение										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
n ⁺	14	17	14	5	5	18	18	18	15	0	17
n ⁻	6	4	0	16	16	3	3	3	6	14	4
КЗ	0,3	0,6	0,6	-0,5	-0,5	0,7	0,7	0,7	0,2	-0,6	0,6

n⁻ – количество обследуемых, которые отметили фактор в колонке А

n⁺ – количество обследуемых, которые отметили фактор в колонке Б

Анализ результатов показывает, что наиболее важными положительными характеристиками своей будущей профессии студенты профиля «Дошкольное образование» стали считать возможность совершенствования, соответствие своему характеру и способностям, причем, значимость данных факторов находится на одном уровне, так как их выбрали как положительные большинство опрошенных. Также для большинства студентов важно и то, что работа связана с людьми, постоянным творчеством и позволяет достичь социального признания. Самые низкие коэффициенты значимости относятся к таким утверждениям, как небольшая зарплата, переутомление во время работы и частые контакты с людьми. Их выбрали более половины всех опрошенных.

Результаты диагностики уровня удовлетворенности будущей профессией у студентов профиля «Логопедия» представлены в таблице 5.

Таблица 5 - Результаты диагностики уровня удовлетворенности будущей профессией у студентов профиля «Логопедия» (контрольный этап)

Пере- менные	Утверждение										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
n ⁺	7	13	12	4	0	11	11	9	5	0	13
n ⁻	7	1	1	10	13	3	3	5	9	14	0
КЗ	0	0,9	0,8	-0,4	-0,9	0,6	0,6	0,3	-0,3	-1	0,9

n⁻ – количество обследуемых, которые отметили фактор в колонке А

n⁺ – количество обследуемых, которые отметили фактор в колонке Б

Для студентов профиля «Логопедия» наиболее важными положительными характеристиками своей будущей профессии являются работа с людьми, перспектива достичь социального признания, творческий характер работы, возможность самосовершенствования и соответствие деятельности способностям личности. Менее важным, но тоже значимым фактором является то, что работа соответствует характеру человека. Самые низкие коэффициенты значимости соответствуют таким утверждениям, как небольшая зарплата и частый контакт с людьми, немного более высокие коэффициенты относятся к таким утверждениям, как переутомление во время работы и большой рабочий день. Мнения по поводу

оценивания значимости профессии в обществе разделились: половина опрошенных считает, что профессия оценивается в обществе как важная, другая половина – что нет.

На рисунке 2 представлены результаты исследования студентов профилей «Дошкольное образование» и «Логопедия» на контрольном этапе эксперимента. В основном, мнения об их будущих профессиях являются схожими, но, как и на констатирующем этапе, отличие заключается в оценке важности профессии для общества (будущие воспитатели оценивают ее выше) и величины рабочего дня (слишком большая для студентов профиля «Логопедия» и приемлемая для студентов профиля «Дошкольное образование»).

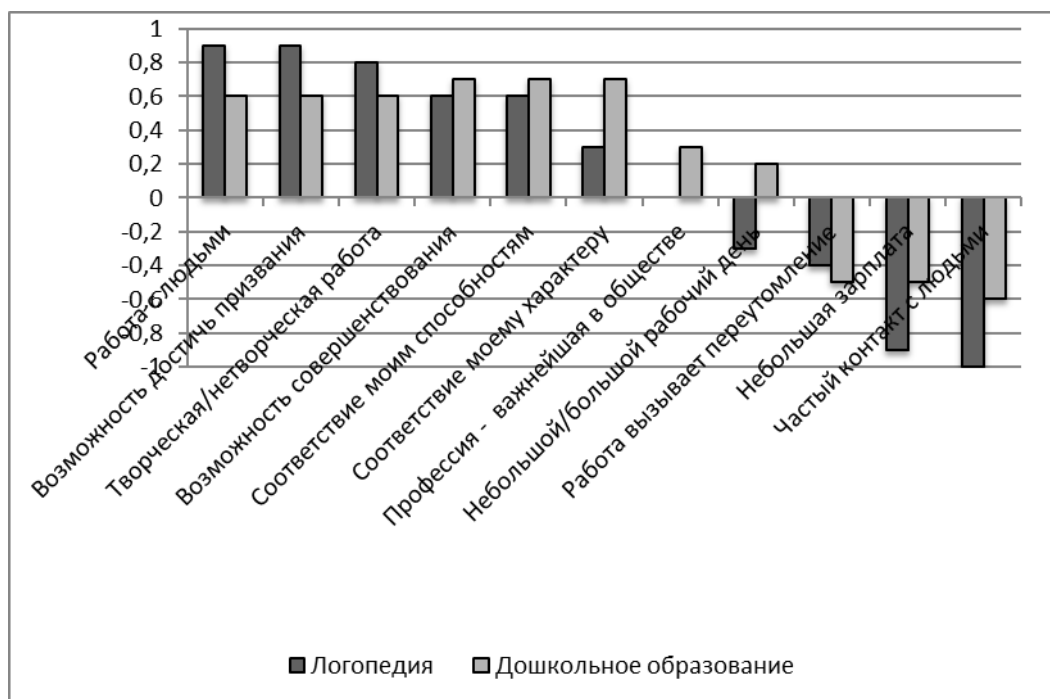

Рисунок 2. Результаты исследования на контрольном этапе

Сравнение результатов ответов студентов профилей «Дошкольное образование» и «Логопедия» на констатирующем и контрольном этапах исследования позволяет сделать следующие выводы. После активной практической деятельности в творческой студенческой лаборатории «Малыш» будущие воспитатели изменили свое мнение, касающееся некоторых характеристик своей будущей профессии. Они стали положительно оценивать творческий характер работы, небольшой рабочий день как положительные факторы. Также они стали понимать, что могут работать с людьми, а их будущая профессия соответствует их способностям и характеру. Тем не менее, коэффициент значимости некоторых утверждений остался на прежнем уровне. Прежде всего, это касается таких факторов, как небольшая зарплата, постоянное взаимодействие с людьми, возможное переутомление после работы. Отношение к данным факторам, которые можно отнести к объективно существующим, на наш взгляд, нереально изменить с помощью активной практической деятельности.

Студенты профиля «Логопедия» стали положительно оценивать такие факторы, как возможность совершенствоваться, творческий характер работы, соответствие будущей деятельности своему характеру и способностям. Также будущие логопеды в большей степени почувствовали свои возможности и умения в работе с людьми. Но, как и в случае со студентами

профиля «Дошкольное образование», такие утверждения, как небольшая зарплата, большой рабочий день, частые контакты с людьми, переутомление в процессе работы, большинство опрошенных оценивают как отрицательные.

Для того чтобы оценить значимость полученных различий, мы использовали Т-критерий Вилкоксона. Сопоставив результаты исследования студентов профиля «Дошкольное образование» на констатирующем и контрольном этапах эксперимента, мы получили $T_{эмп} = 4$ ($T_{кр} = 5$ при $p \leq 0,05$). Для студентов профиля «Логопедия» $T_{эмп} = 2,5$ ($T_{кр} = 3$ при $p \leq 0,05$). По итогам можно сделать вывод о значимости полученных результатов.

Заключение

Таким образом, подтвердилось предположение о том, что активная практическая деятельность студентов в творческой студенческой лаборатории является эффективным средством для лучшего понимания особенностей будущей профессии и, следовательно, повышения мотивации к ее выбору. Осваивая основы профессиональной деятельности на практике, будущие воспитатели и логопеды смогли оценить уровень своих способностей и умений, необходимые им в профессии. Вместе с тем, некоторые объективно существующие реалии профессиональной деятельности оказалось невозможно изменить с помощью данной технологии, в том числе уровень заработной платы и отношение к профессии в обществе. Решение данной проблемы требует применения других мер, в том числе на государственном уровне.

Библиография

1. Бордовская Н.В., Реан А.А. Педагогика. СПб., 2008. 304 с.
2. Гуруджапов В.А. (ред.) Педагогическая психология. М., 2017. 493 с.
3. Елагина А.С., Оздамирова Л.М. Концептуальные подходы к формированию когнитивной модели эмоционального интеллекта // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 3А. С. 274-279. DOI: 10.34670/AR.2022.85.75.035
4. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб., 2008. 512 с.
5. Кон И.С. Психология ранней юности. М., 1989. 255 с.
6. Мищенко Л.В. К проблеме диагностики отношения студентов к учебной деятельности // Вестник практической психологии образования. 2007. № 3. С. 122-128.
7. Нехорошева Е.В. Инфраструктура просвещения по вопросам здоровья в парадигме устойчивого развития: проблемы и перспективы. Вестник МГПУ. Серия: Экономика. 2020. № 2 (24). С. 110-116.
8. Нехорошева Е.В. Исследование учебно-профессиональной мотивации студентов образовательных организаций // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2015. № 1 (5). С. 69-75.
9. Нехорошева Е.В. Проектный подход к управлению современной школой: обеспечение надежности и безопасности развития // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Экономика. 2019. № 1 (19). С. 90-98.
10. Орчакова Л.Г. Интеграционные инновационные процессы в высшем профессиональном образовании: новые технологии обучения. В сборнике: Образование, экономика, право в современном информационном обществе. Материалы VIII международной научной конференции. 2012. С. 133-136.

Creative student laboratory as a means of increasing students' motivation to choose a future profession

Nataliya A. Mali

PhD in Psychology, Associate Professor,
Penza State University,
440026, 40, Krasnaya str., Penza, Russian Federation;
e-mail: n.mali2012@yandex.ru

Nataliya L. Morozova

PhD in Psychology, Associate Professor,
Penza State University,
440026, 40, Krasnaya str., Penza, Russian Federation;
e-mail: s.mors@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the problem of formation of students' motives for choosing a future profession corresponding to the direction of educational activity. Satisfaction with the future profession of students of the pedagogical Institute studying in the profiles «Preschool education» and «Speech therapy» is investigated. As an effective technology for increasing the level of motivation, it is proposed to create a creative student laboratory in which students can gain practical experience in their chosen specialty. The study made by the authors confirmed the assumption that the active practical activity of students in a creative student laboratory is an effective tool for better understanding the features of a future profession and, consequently, increasing motivation for choosing it. Mastering the basics of professional activity in practice, future educators and speech therapists were able to assess the level of their abilities and skills that they need in the profession. At the same time, the authors note that some objectively existing realities of professional activity turned out to be impossible to change with the help of this technology, including the level of wages and attitudes towards the profession in society. The solution to this problem requires the use of other measures, including at the state level.

For citation

Mali N.A., Morozova N.L. (2022) Tvorcheskaya studencheskaya laboratoriya kak sredstvo povysheniya motivatsii studentov k vyboru budushchei professii [Creative student laboratory as a means of increasing students' motivation to choose a future profession]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 11 (6A), pp. 86-96. DOI: 10.34670/AR.2023.40.41.010

Keywords

Future profession, motives, work activity, satisfaction with the profession, creative student laboratory.

References

1. Bordovskaya N.V., Rean A.A. (2008) *Pedagogika* [Pedagogics]. St. Petersburg.
2. Elagina A.S., Ozdamirova L.M. (2022) Kontseptual'nye podkhody k formirovaniyu kognitivnoi modeli emotsional'nogo intellekta [Conceptual approaches to the formation of a cognitive model of emotional intelligence]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 11 (3A), pp. 274-279. DOI: 10.34670/AR.2022.85.75.035
3. Gurudzhapov V.A. (ed.) (2017) *Pedagogicheskaya psikhologiya* [Educational psychology]. Moscow.
4. Il'in E.P. (2008) *Motivatsiya i motivy* [Motivation and motives]. St. Petersburg.
5. Kon I.S. (1989) *Psikhologiya rannei yunosti* [Psychology of early youth]. Moscow.
6. Mishchenko L.V. (2007) K probleme diagnostiki otnosheniya studentov k uchebnoi deyatel'nosti [To the problem of diagnostics of students' attitude to learning activities]. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya* [Bulletin of practical psychology of education], 3, pp. 122-128.
7. Nekhorosheva E.V. (2015) Issledovanie uchebno-professional'noj motivatsii studentov obrazovatel'nykh organizatsiy [Research of educational and professional motivation of students of educational organizations] *Ekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya*. [Economic and socio-humanitarian studies.] № 1 (5). pp. 69-75.
8. Nekhorosheva E.V. (2019) Proektnyi podkhod k upravleniyu sovremennoi shkolo: obespechenie nadezhnosti i bezopasnosti razvitiya [Project approach to managing a modern school: ensuring the reliability and safety of development]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Ehkonomika* [Vestnik of Moscow City University. Series «Economics»], 1, pp. 90-98.
9. Nekhorosheva E.V. Infrastruktura prosveshcheniya po voprosam zdorov'ya v paradigme ustojchivogo razvitiya: problemy i perspektivy. [Health education infrastructure in the paradigm of sustainable development: problems and prospects.] *Vestnik MGPU. Seriya: Ekonomika*. [Bulletin of the Moscow City University. Series: Economics.] 2020. № 2 (24). pp. 110-116.
10. Orchakova L.G. (2012) Integratsionnye innovatsionnye processy v vysshem professional'nom obrazovanii: novye tekhnologii obucheniya [Integration innovation processes in higher professional education: new learning technologies] V sbornike: *Obrazovanie, ekonomika, pravo v sovremennom informatsionnom obshchestve. Materialy VIII mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii* [In the collection: Education, economics, law in the modern information society. Materials of the VIII International Scientific Conference] pp. 133-136.

УДК 376

DOI: 10.34670/AR.2023.94.84.011

Оптимизация детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих детей с нарушением зрения

Слюсарская Татьяна Вадимовна

Кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры специальной психологии,
Тульский государственный педагогический университет,
300026, Российская Федерация, Тула, пр. Ленина, 125;
e-mail: slusarskaya@mail.ru

Курбатова Кира Вадимовна

Студентка,
Тульский государственный педагогический университет,
300026, Российская Федерация, Тула, пр. Ленина, 125;
e-mail: kurbatovanatalia.med@yandex.ru

Аннотация

В статье представлены результаты экспериментального исследования, цель которого состояла в теоретическом и эмпирическом изучении особенностей детско-родительских отношений между старшими дошкольниками с нарушением зрения и членами их семей, а также разработке на основе полученных результатов диагностики и апробации модели оптимизации детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих старших дошкольников со зрительной патологией. В качестве гипотезы исследования выступило предположение о том, что коррекционно-образовательный процесс, направленный на оптимизацию детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих старших дошкольников со зрительной патологией, будет осуществляться эффективнее, если рассматривать качества детско-родительского взаимодействия и его структурные компоненты с точки зрения обоих участников взаимодействия: как родителей, так и детей, выделяя поведенческий, когнитивный и аффективный (эмоциональный) компоненты. В качестве общих направлений при организации коррекционно-образовательной деятельности по оптимизации детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих старших дошкольников со зрительной патологией, определить следующие: формирование у родителей адекватного (идеального и реального) образа ребенка и образа родителя; формирование у родителей знаний об адекватных (идеальных и реальных) стратегиях межсемейного взаимодействия и семейного воспитания; формирование у ребенка со зрительной патологией адекватного (идеального и реального) образа семьи (родителей, сиблингов).

Для цитирования в научных исследованиях

Слюсарская Т.В., Курбатова К.В. Оптимизация детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих детей с нарушением зрения // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 6А. С. 97-103. DOI: 10.34670/AR.2023.94.84.011

Ключевые слова

Детско-родительские отношения, семья, старший дошкольный возраст, зрительная патология, стили воспитания, родительские установки.

Введение

Семья является первичным институтом интеграции ребенка в социум, где посредством воспитания закладываются нравственные нормы и ценности общественного бытия, ориентирующие личность на доброту, сочувствие, возможность ценить прекрасное, осваивать все доступные направления науки и культуры. Помимо этого, семья транслирует исторический опыт, культурные традиции и представляет собой важный инструмент освоения социальных ролей, навыков социального взаимодействия, принимает участие в формировании ценностно-смысловой стороны личности.

В дошкольном возрасте решающая роль в воспитании принадлежит родителям, детерминантами воспитания выступают отец и мать, личностные характеристики которых такие, как уровень культуры, образования, развития нравственных норм, мировоззрение, стили супружеских отношений напрямую влияют на ребенка, на развитие детско-родительских отношений. Именно в дошкольном возрасте родителями закладывается некий свод, базис правил и норм.

Семья является основой адаптации и интеграции ребенка с ограниченными возможностями здоровья в общество. Детско-родительские отношения занимают важное место в процессе развития ребенка, в том числе с патологией зрения. Родитель такого ребенка является его руководителем в вопросах приобретения элементарных знаний об окружающей действительности, умений и навыков жизни в обществе.

Несмотря на достаточную актуальность данной темы и значительность ее проработки в дошкольном возрастном периоде исследований в области тифлопедагогических знаний явно недостаточно. Мы находим отдельные аспекты раскрытия проблемы в исследованиях Е.И. Ольхиной, Л.И. Плаксиной, Л.И. Солнцевой, И.Г. Сумароковой. Авторы подчеркивают значимость роли родителей в воспитании ребенка с нарушением зрения, предлагая решать проблемы детско-родительских отношений через вооружение родителей знаниями о психических особенностях таких детей, технологиями преодоления возможных вторичных отклонений, обусловленных зрительным дефектом.

Основная часть

Цель нашего исследования состояла в теоретическом и эмпирическом изучении особенностей детско-родительских отношений между старшими дошкольниками с нарушением зрения и членами их семей, а также разработке на основе полученных результатов диагностики и апробация программы оптимизации детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих старших дошкольников со зрительной патологией.

Эмпирическое исследование проводилось на базе Муниципального казенного дошкольного учреждения «Детский сад комбинированного вида №10» г. Узловая Тульской области. В эксперименте принимали участие 12 детей старшего дошкольного возраста (2016 года рождения), в диагностических картах которых отражены офтальмологические диагнозы и 12

пар родителей. Все дети и родители с сохранным интеллектуальным развитием, сопутствующие дефекты отсутствуют.

Констатирующий этап исследования осуществлялся с использованием методик: Тест-опросник родительского отношения» ОРО (А.Я. Варга, В.В. Столин, для родителей детей от 3 до 10 лет); Тест-опросник «Взаимодействие родителя с ребенком» (ВРР) (И.М. Марковская, вариант для дошкольников); Тест «Стратегия семейного воспитания» (С.С. Степанов, в модификации И.И. Махониной); Тест «Цветик-восьмицветик» (С.В. Велиева, А.О. Прохоров, для детей от 2,5 до 7 лет); Тест «Диагностика эмоциональных отношений в семье» (Д. Антони, Е. Бене, в модификации И. В. Анисимовой, для детей от 4 до 8 лет); Тест «Два дома» (И. Вандвик, П. Экблад, для детей от 3,5 до 6 лет).

Качественный и количественный анализ полученных результатов позволил нам выявить следующие особенности детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих старших дошкольников со зрительной патологией: большая часть родителей позитивно и доброжелательно относятся к своим детям, принимают их дефект. Однако родители склонны к осуществлению значительного контроля за активностью ребенка, подавляя ее существенно, допускают также возможность какого-либо наказания за неадекватные действия или проступки, в том числе и физическое. Большая часть родителей считают не актуальным решительно демонстрировать проявление сотрудничества с ребенком или специалистами образовательной организации, соотнося данные собственные действия к вопросам развития самостоятельности дошкольника с нарушением зрения. Большинство родителей, воспитывающих детей с нарушением зрения, используют стиль авторитарного поведения. Это характеризуется наличием некоего образца воспитания, который предполагает осознание того, каким ребенок должен вырасти, стараются прилагать все усилия для этого. Родители часто демонстрируют повышенную требовательность, критичность, категоричность, используют в процессе воспитания соблюдение неукоснительного контроля, при котором ребенок с нарушением зрения чувствует себя в семье дискомфортно и неудобно. Практически все семьи с детьми с нарушением зрения нуждаются в оптимизации детско-родительских отношений.

Определяя логику дальнейшего исследования, мы определили своей целью разработку и апробацию программы оптимизации детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих старших дошкольников со зрительной патологией. Цель коррекционно-образовательного процесса, в нашем понимании, состояла в развитии положительных отношений между старшими дошкольниками со зрительной патологией и их родителями.

Общие задачи коррекционно-образовательного процесса можно выделить следующие:

1. Формирование у родителей адекватного (идеального и реального) образа ребенка, позитивного восприятия и понимания перспектив и ожиданий по отношению к своим детям со зрительной патологией.

2. Формирование у родителей адекватного (идеального и реального) образа родителя, позитивных установок родительского отношения к детям со зрительной патологией в семье.

3. Развитие у родителей эмоционально близких отношений с ребенком, формирование чувства принятия ребенка и его дефекта.

4. Формирование знаний об адекватных (идеальных и реальных) стратегиях межсемейного взаимодействия (между супругами, между родителями и ребенком, между ребенком и прародителями, между сиблингами) и семейного воспитания (стили).

5. Формирование у ребенка со зрительной патологией адекватного (идеального и реального) образа семьи (родителей, прародителей, сиблингов).

6. Развитие у ребенка со зрительной патологией положительных исходящих чувств по отношению к членам семьи, эмоциональной близости к членам семьи.

7. Развитие у родителей и дошкольников со зрительной патологией навыков кооперации и сотрудничества в совместной деятельности.

Содержательная часть коррекционно-образовательного процесса была основана на требованиях к освоению основной образовательной программы дошкольного образования (целевых ориентирах), закрепленных в Приказе Министерства образования и науки Российской Федерации (Минобрнауки России) от 17 октября 2013 г. № 1155 г. Москва «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования» и Приказе Министерства просвещения РФ от 31 июля 2020 г. № 373 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по основным общеобразовательным программам – образовательным программам дошкольного образования».

Программа оптимизации детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих старших дошкольников со зрительной патологией, была заложена в три последовательных этапа коррекционно-образовательного процесса, рассчитанных на один учебный год.

Целями первого этапа являлись формирование у родителей адекватного (идеального и реального) образа ребенка, позитивного восприятия и понимания перспектив и ожиданий по отношению к своим детям со зрительной патологией, а также формирование у родителей адекватного (идеального и реального) образа родителя, позитивных установок родительского отношения к детям со зрительной патологией в семье.

Данная цель реализовывалась через формирование базы знаний о зрительном дефекте, о психофизических особенностях детей со зрительной патологией, о современных методах коррекционной помощи детям данной категории, о мерах социальной поддержки, о популярных комьюнити (сообществах), где возможно получить поддержку от единомышленников, об адекватных (идеальных и реальных) стратегиях межсемейного взаимодействия (между супругами, между родителями и ребенком, между ребенком и прародителями, между сиблингами) и семейного воспитания (стили).

На втором этапе к реализации модели оптимизации детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих старших дошкольников со зрительной патологией, подключались непосредственно дошкольники. Основные цели данного этапа заключались в формировании у ребенка со зрительной патологией адекватного (идеального и реального) образа семьи (родителей, прародителей, сиблингов), а также развитии у ребенка со зрительной патологией положительных исходящих чувств по отношению к членам семьи, эмоциональной близости к членам семьи.

Данные цели были реализованы через еженедельные фронтальные (групповые) занятия с дошкольниками со зрительной патологией, направленные на формирование представлений о семье, о ее членах, о семейных ценностях. Примерно с середины данного этапа к организованной образовательной деятельности были подключены родители дошкольников со зрительной патологией. Это было обусловлено необходимостью развития у детей со зрительной патологией положительных исходящих чувств по отношению к членам семьи, эмоциональной близости к членам семьи.

Целями третьего этапа реализации модели оптимизации детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих старших дошкольников со зрительной патологией, стали развитие у родителей эмоционально близких отношений с ребенком, формирование чувства принятия

ребенка и его дефекта, а также развитие у родителей и дошкольников со зрительной патологией навыков кооперации и сотрудничества в совместной деятельности.

Заключение

Итак, проведенное исследование позволило сделать нам вывод о широком понимании понятия «детско-родительские отношения» – это «родительские представления», «родительские установки», «родительская позиция», «родительские отношения» и «стили (типы) семейного воспитания». В целом, детско-родительские отношения представляют собой тип семейных отношений, представляющих собой систему различных чувств, представлений, оценок, поведенческих реакций и стереотипных действий родителей и детей по отношению друг к другу». Особую важность данная проблема приобретает при формировании адекватных детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих ребенка с нарушением зрения, где связь родителя и ребенка прослеживается достаточно крепко, поскольку перспектива развития такого ребенка требует особого подхода и заботы.

При проектировании программы оптимизации детско-родительских отношений важно выделить три компонента: когнитивный, эмоциональный (аффективный) и поведенческий, а в качестве общих направлений при организации коррекционно-образовательной деятельности по оптимизации детско-родительских отношений в семьях, воспитывающих старших дошкольников со зрительной патологией, определить следующие: формирование у родителей адекватного (идеального и реального) образа ребенка и образа родителя; формирование у родителей знаний об адекватных (идеальных и реальных) стратегиях межсемейного взаимодействия и семейного воспитания; формирование у ребенка со зрительной патологией адекватного (идеального и реального) образа семьи (родителей, прародителей, сиблингов).

Библиография

1. Алексейчева Е.Ю. Формирование компетентностей будущего в открытом образовании // Развитие цифровых компетенций и функциональной грамотности школьников: лучшие практики дистанционного образования на русском языке / Материалы Международного педагогического Форума. Под редакцией М.М. Шалашовой, Н.Н. Шевелёвой. 2020. С. 15-25
2. Денисов Л.А., Нехорошева Е.В., Авраменко В.Г. Исследование отношения школьников к соблюдению режима дня как важнейшему фактору, определяющему здоровый образ жизни // Санитарный врач. 2019. № 9. С. 62-72.
3. Денисов Л.А., Нехорошева Е.В., Авраменко В.Г. Формирование навыков личной гигиены как направление профилактической работы в образовательной организации // Санитарный врач. 2019. № 10. С. 44-55.
4. Казенина А.А., Алексейчева Е.Ю. Проблема гуманитаризации образования в условиях цифровой образовательной среды // Актуальные вопросы гуманитарных наук: теория, методика, практика. Сборник научных статей VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. К 25-летию Московского городского педагогического университета. 2020. С. 118-124.
5. Нехорошева Е.В. Инфраструктура просвещения по вопросам здоровья в парадигме устойчивого развития: проблемы и перспективы. Вестник МГПУ. Серия: Экономика. 2020. № 2 (24). С. 110-116.
6. Плаксина Л.И. Теоретические основы коррекционной работы в детском саду для детей с нарушениями зрения. М.: ГороД. 1998. 262 с.
7. Слюсарская Т.В. Особенности развития представлений о себе и своих сенсорных способностях у детей со зрительной патологией // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2020. Т. 9. № 6-1. С. 49-55.
8. Степанов С.Ю., Соболевская Т.А., Рябова И.В., Нежкина Н.Н., Нехорошева Е.В., Чистякова Ю.В. К разработке системы психолого-педагогических технологий повышения успеваемости школьников с проблемами здоровья // Современное образование. 2018. № 3. С. 51-60.
9. Perkins K. et al. Parents' perceptions of physical activity for their children with visual impairments // Journal of Visual Impairment & Blindness. – 2013. – Т. 107. – №. 2. – С. 131-142.

10. Rettig M. The play of young children with visual impairments: Characteristics and interventions //Journal of Visual Impairment & Blindness. – 1994.

Optimization of child-parent relations in families raising children with visual impairment

Tat'yana V. Slyusarskaya

PhD in Psychology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Special Psychology,
Tula State Pedagogical University,
300026, 125, Lenina ave., Tula, Russian Federation;
e-mail: slusarskaya@mail.ru

Kira V. Kurbatova

Graduate Student,
Tula State Pedagogical University,
300026, 125, Lenina ave., Tula, Russian Federation;
e-mail: kurbatovanatalia.med@yandex.ru

Abstract

The article presents the results of an experimental study, the purpose of which was to theoretically and empirically study the features of child-parent relations between older preschoolers with visual impairment and their family members, as well as to develop, based on the results of diagnosis and testing, a model for optimizing child-parent relations in families raising older preschoolers with visual pathology. The hypothesis of the study was the assumption that the correctional and educational process aimed at optimizing child-parent relations in families raising older preschoolers with visual pathology will be carried out more effectively if we consider the qualities of child-parent interaction and its structural components from the point of view of both participants in the interaction: both parents and children, highlighting behavioral, cognitive and affective (emotional) components. As general directions in organizing correctional and educational activities to optimize parent-child relationships in families raising older preschoolers with visual pathology, determine the following: the formation of an adequate (ideal and real) image of the child and the image of the parent in parents; the formation of parents' knowledge about adequate (ideal and real) strategies for interfamily interaction and family education; the formation of an adequate (ideal and real) image of the family (parents, grandparents, siblings) in a child with visual pathology.

For citation

Slyusarskaya T.V., Kurbatova K.V. (2022) Optimizatsiya detsko-roditel'skikh otnoshenii v sem'yakh, vospityvayushchikh detei s narusheniem zreniya [Optimization of child-parent relations in families raising children with visual impairment]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 11 (6A), pp. 97-103. DOI: 10.34670/AR.2023.94.84.011

Keywords

Child-parent relations, family, senior preschool age, visual pathology, parenting styles, parental attitudes.

References

1. Plaksina L.I. (1998) *Teoreticheskie osnovy korrktsionnoi raboty v detskom sadu dlya detei s narusheniyami zreniya* [Theoretical foundations of correctional work in kindergarten for children with visual impairments]. Moscow: GoroD Publ.
2. Slyusarskaya T.V. (2020) Osobennosti razvitiya predstavlenii o sebe i svoikh sensorynykh sposobnostyakh u detei so zritel'noi patologiei [Features of the development of ideas about oneself and one's sensory abilities in children with visual pathology]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennyye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 9 (6A), pp. 49-55.
3. Nekhorosheva E.V. Infrastruktura prosveshcheniya po voprosam zdorov'ya v paradigme ustojchivogo razvitiya: problemy i perspektivy. [Health education infrastructure in the paradigm of sustainable development: problems and prospects.] *Vestnik MGPU. Seriya: Ekonomika.* [Bulletin of the Moscow City University. Series: Economics.] 2020. № 2 (24). pp. 110-116.
4. Stepanov S.Yu., Sobolevskaya T.A., Ryabova I.V., Nezhkina N.N., Nekhorosheva E.V., Chistyakova Yu.V. (2018) K razrabotke sistemy psikhologo-pedagogicheskikh tekhnologii povysheniya uspevaemosti shkol'nikov s problemami zdorov'ya [To the development of a system of psychological and pedagogical technologies for improving the performance of students with health problems]. *Sovremennoe obrazovanie* [Modern education] 3 pp. 51-60.
5. Kazenina A.A., Alekseicheva E.Yu. (2020) Problema gumanitarizatsii obrazovaniya v usloviyah cifrovoj obrazovatel'noj sredy [The problem of humanitarization of education in a digital educational environment] *Aktual'nye voprosy gumanitarnykh nauk: teoriya, metodika, praktika. Sbornik nauchnykh statej VII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. K 25-letiyu Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta* [Topical issues of the humanities: theory, methodology, practice. Collection of scientific articles of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. To the 25th anniversary of the Moscow City Pedagogical University]. pp. 118-124.
6. Denisov L.A., Nekhorosheva E.V., Avramenko V.G. (2019) Formirovanie navykov lichnoi gigieny kak napravlenie profilakticheskoi raboty v obrazovatel'noi organizatsii [The formation of personal hygiene skills as a direction of preventive work in an educational organization]. *Sanitarnyi vrach* [Sanitary doctor], 10, pp. 44-55.
7. Denisov L.A., Nekhorosheva E.V., Avramenko V.G. (2019) Issledovanie otnosheniya shkol'nikov k soblyudeniyu rezhima dnya kak vazhneishemu faktoru, opredelyayushchemu zdorovyi obraz zhizni [Study of the attitude of schoolchildren to observing the daily routine as the most important factor determining a healthy lifestyle]. *Sanitarnyi vrach* [Sanitary doctor], 9, pp. 62-72.
8. Alekseicheva E.Yu. (2020) Formirovanie kompetentnostej budushchego v otkrytom obrazovanii [Formation of future competencies in open education] *Razvitie cifrovyykh kompetentsij i funktsional'noj gramotnosti shkol'nikov: luchshie praktiki distantsionnogo obrazovaniya na russkom yazyke / Materialy Mezhdunarodnogo pedagogicheskogo Foruma. Pod redaktsiej M.M. SHalashovoj, N.N. SHEvelyovoj* [Development of digital competencies and functional literacy of schoolchildren: best practices of distance education in Russian. Materials of the International Pedagogical Forum. Edited by M.M. Shalashova, N.N. Sheveleva]. pp. 15-25
9. Rettig, M. (1994). The play of young children with visual impairments: Characteristics and interventions. *Journal of Visual Impairment & Blindness*.
10. Perkins, K., Columna, L., Lieberman, L., & Bailey, J. (2013). Parents' perceptions of physical activity for their children with visual impairments. *Journal of Visual Impairment & Blindness*, 107(2), 131-142.

УДК 159.99

DOI: 10.34670/AR.2023.13.12.012

Консолидация ценностей и смыслов интеллигентности офицера в законодательстве России и общевоинских уставах

Наумов Петр Юрьевич

Кандидат педагогических наук,
помощник начальника по правовой работе,
Центр военно-врачебной экспертизы войск национальной
гвардии Российской Федерации,
111250, Российская Федерация, Москва, ул. Красноказарменная, 9а;
e-mail: petr.naumov.777@mail.ru

Аннотация

Комплексное исследование интеллигентности как психологического свойства личности (субъектности) будущего офицера предполагает анализ не только его внутреннего строения, условий развития или соотношения с другими субъектными психологическими свойствами. Офицер включен в реальную профессиональную (квазипрофессиональную) служебную воинскую деятельность с начала обучения в военном вузе, он погружен в соответствующую среду, где вынужден реально исполнять обязанности военной службы. Правовой основой построения и функционирования указанной среды являются Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные и федеральные законы, Общевоинские уставы Вооруженных Сил РФ и иные нормативные правовые акты, содержащие в себе организационно-правовые, содержательно-деятельностные и функционально-исполнительские основы постоянного осуществления воинского труда (т.е. исполнения обязанностей военной службы). Помимо иных норм, данные правовые документы содержат в себе нормативно определенные социальные ценности и нормы поведения, обязательные для исполнения военнослужащим, осмысленное следование которым характеризует его как интеллигента. Их изучению и посвящено настоящее исследование. Результаты исследования: Основными научными результатами работы является описание и обоснование социальных ценностей присущих офицеру как интеллигенту, которые нашли свое отражение в Общевоинских уставах Вооруженных Сил РФ, а потому следование им является для субъекта воинской деятельности обязательным, характеризующим его как военного профессионала. Полученные автором результаты могут быть использованы в развитии интеллигентности будущих офицеров при организации педагогического процесса в военном вузе.

Для цитирования в научных исследованиях

Наумов, П.Ю. Консолидация ценностей и смыслов интеллигентности офицера в законодательстве и общевоинских уставах Вооруженных Сил Российской Федерации // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 6А. С. 104-113. DOI: 10.34670/AR.2023.13.12.012

Ключевые слова

Система ценностей, интеллигентны, интеллигентность, психические свойства, моральность, образованность, воспитанность, ответственность, субъектность.

Введение

Рассматривая интеллигентность офицера как психологический феномен с точки зрения системного и комплексного подхода, необходимо рассмотреть и диагностировать не только присвоенные и освоенные будущим офицером в ходе реализации механизмов социализации и культуры ценностно-смысловые внутриличностные структуры. В современных образовательных системах для организации и осуществления обучения, воспитания и гармоничного развития личности применяются различные психологические и педагогические средства, а также создаются определенные условия. Их целью является организация, оптимизация, эффективное функционирование и совершенствование педагогической деятельности, и, следовательно, достижение необходимых (заданных, нормативно определенных) педагогических и психологических результатов [Наумов, 2021].

Для решения психологических и педагогических задач развития интеллигентности офицера необходимо подвергнуть анализу внешние объективные источники, которые составляют среду, обстановку его профессиональной деятельности. Эти внешние источники содержат в себе ценности, которые представляют собой совокупность аксиологических требований к профессии. Следовательно, именно нормативно закрепленные, или правовые ценности обуславливают внешний контекст профессиональной воинской деятельности. Понимание их положительной значимости и личностное освоение (осмысление), а также реализация принципов этих ценностей в реальной деятельности характеризует будущего офицера как интеллигента.

Материалы и методы

Методологическими ориентирами настоящего исследования выступали системный, комплексный и аксиологический подходы, которые были применены для изучения сущности, структуры, функций и особенностей, а также содержательных характеристик социальных ценностей, характеризующих офицера как интеллигента и закрепленных в Конституции РФ, федеральных конституционных и федеральных законах, а также Общевоинских уставах Вооруженных Сил Российской Федерации.

Основными методами исследования, применяемыми автором, явились гипотетико-дедуктивный и сравнительно-правовой методы, анализ и синтез научной литературы и нормативных правовых актов, абстрагирование и аналогия, структурный и функциональный анализ.

Теоретическими и методическими ориентирами в работе выступили авторские разработки в области воспитания, формирования и развития личностных качеств, характеризующих обучаемого как интеллигентного человека Г.Ш. Абляимовой [Абляимова, 2020], В.И. Андреева [Андреев, 2010], Е.Н. Бурениной [Буренина, 2019], В.П. Воробьева [Воробьев, 2015], А.А. Гусейнова [Гусейнов, 2018], О.И. Димитричевой [Димитричева, 2017], А.В. Зябликова [Зябликов, 2017], Л.А. Келеман [Келеман, 2014, 2017], А.В. Климовой [Климова, 2014], Р.А. Костин [Костин, 2016], Д.С. Лихачева [Перси, 2021], Е.А. Мартыновой [Мартынова, 2021], Т.В.

Наумовой [Наумова, 2018], Ф.В. Повshedной [Повshedная, 2020], Е.В. Скрыбиной [Скрыбина, 2020], Д.А. Смыслова [Смыслов, 2020], Н.В. Фунтиковой [Фунтикова, 2019], И.В. Черемисовой [Черемисова, 2016], М.С. Яницкого [Яницкий, 2020], а также ранее проведенные авторские исследования [Наумов, 2015, 2020, 2021, 2022].

Основная часть

На конституционном уровне ключевой социальной ценностью, закрепленной в Конституции РФ и связанной с воинской деятельностью, является то, что защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина РФ (часть 1 статьи 59 Конституции РФ). Такая норма видится совершенно справедливой и логичной, поскольку – с одной стороны – обращена к моральной стороне вопроса и категории долга, с другой стороны – с целью профилактики противоправного поведения устанавливает обязанность защищать Родину, что в суровых условиях угрозы вооруженного конфликта имеет значимость для общества и государства. Также указанная норма не позволяет уклониться военнообязанным от участия в обеспечении обороны страны и безопасности государства.

Другим ключевым для предмета настоящего исследования нормативным правовым актом является Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне», частью 1 статьи 1 которого установлено, что под обороной понимается система политических, экономических, военных, социальных, правовых и иных мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженная защита страны, целостности и неприкосновенности ее территории. Анализируя данную норму, отметим, что, устанавливая комплекс мер, направленных на оборону, федеральный законодатель установил политические, социальные и правовые меры, которые изоморфны компонентам системы ценностей коллективного и индивидуального субъекта.

В подпункте «а» пункта 32 основного документа военного планирования – Военной доктрины РФ (утвержденной Президентом РФ 25 декабря 2014 г. № Пр-2976) – установлена важнейшая социальная патриотическая ценность, когда одной из основных задач Вооруженных Сил, других войск и органов в мирное время является защита суверенитета, территориальной целостности страны и неприкосновенности ее территории.

Пункт 3 статьи 32 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» определяет, что условия контракта о прохождении военной службы включают в себя обязанность гражданина (иностранного гражданина) проходить военную службу в Вооруженных Силах РФ, других войсках, воинских формированиях или органах в течение установленного контрактом срока, *добросовестно* исполнять все общие, должностные и специальные обязанности военнослужащих, установленные законодательными и иными нормативными правовыми актами.

В силу пункта 1 статьи 37 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», военнослужащие считаются исполняющими обязанности военной службы в случаях: а) участия в боевых действиях, выполнения задач в условиях чрезвычайного или военного положения, вооруженных конфликтов, а также участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности либо пресечению международной террористической деятельности за пределами территории Российской Федерации; б) исполнения должностных обязанностей; в) несения боевого дежурства, боевой службы, службы в гарнизонном наряде, исполнения обязанностей в составе суточного наряда; г) участия в учениях или походах кораблей; д) выполнения приказа или распоряжения, отданных командиром (начальником); е) нахождения на территории воинской

части в течение установленного распорядком дня служебного времени или в другое время, если это вызвано служебной необходимостью; ж) нахождения в служебной командировке; з) нахождения на лечении, следования к месту лечения и обратно; и) следования к месту военной службы и обратно; к) прохождения военных сборов; л) нахождения в плену (за исключением случаев добровольной сдачи в плен) в положении заложника или интернированного; м) безвестного отсутствия – до признания военнослужащего в установленном законом порядке безвестно отсутствующим или объявления его умершим; н) защиты жизни, здоровья, чести и достоинства личности; о) оказания помощи органам внутренних дел, другим правоохранительным органам по защите прав и свобод человека и гражданина, охране правопорядка и обеспечению общественной безопасности; п) участия в предотвращении и ликвидации последствий стихийных бедствий, аварий и катастроф; р) совершения иных действий, признанных судом, совершенными в интересах личности, общества и государства [Бабайцева, 2021].

Интегративные и системообразующие нравственные смыслы и социальные ценности военной службы установлены в военной присяге, текст и порядок приведения к которой также закреплен в соответствующих правовых нормах. Так, военнослужащий, являющийся гражданином России, проходящий военную службу по призыву или впервые поступивший на военную службу по контракту, приводится к Военной присяге перед Государственным флагом России и Боевым Знаменем воинской части. Утвержден следующий текст Военной присяги: «Я, (фамилия, имя, отчество), торжественно присягаю на верность своему Отечеству – Российской Федерации. Клянусь свято соблюдать Конституцию Российской Федерации, строго выполнять требования воинских уставов, приказы командиров и начальников. Клянусь достойно исполнять воинский долг, мужественно защищать свободу, независимость и конституционный строй России, народ и Отечество». Эти нормы приведены в пунктах 1 и 2 статьи 40 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе». В целях продолжения воинских традиций приведения к военной присяге в особой, торжественной обстановке ритуал приведения к военной присяге определен в приложении № 1 к Уставу внутренней службы Вооруженных Сил РФ. Иностранцы граждане, поступающие на военную службу, приносят обязательство, которое по своему содержанию и смыслу близко к смыслу военной присяги.

В пункте 1 статьи 26 Федерального закона от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» защита государственного суверенитета и территориальной целостности России, обеспечение безопасности государства, отражение вооруженного нападения, а также выполнение задач в соответствии с международными обязательствами составляют существо воинского долга, который обязывает военнослужащих: быть верными Военной присяге (обязательству), беззаветно служить народу, мужественно и умело его защищать; строго соблюдать Конституцию РФ и законы РФ, требования общевоинских уставов, беспрекословно выполнять приказы командиров; дорожить воинской честью, боевой славой и войсковым товариществом; совершенствовать воинское мастерство, содержать в постоянной готовности к применению вооружение и военную технику, беречь военное имущество; быть дисциплинированными, бдительными, хранить государственную и военную тайну; соблюдать общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры РФ. Военнослужащие обязаны знать и соблюдать требования безопасности военной службы, заботиться о сохранении своего здоровья, проходить медицинские осмотры, диспансеризацию, медико-психологическую реабилитацию, химико-токсикологические исследования наличия в организме человека наркотических средств, психотропных веществ и их метаболитов.

Важно, что законодательство закрепляет не только социальные ценности-требования, обязывающие военнослужащих их выполнять, но и законодательно значимые ценности, охраняющие моральный облик военнослужащих и не допускающие их унижения. Так, статья 5 Федерального закона «О статусе военнослужащих» посвящена защите свободы, чести и достоинства военнослужащих. В части 1 указанной статьи установлено, что военнослужащие находятся под защитой государства. Никто не вправе вмешиваться в служебную деятельность военнослужащих, за исключением уполномоченных на то лиц. Частью 2 рассматриваемой статьи установлено, что оскорбление военнослужащих, насилие и угроза применения насилия, посягательство на их жизнь, здоровье, честь, достоинство, жилище, имущество, а равно другие действия (бездействие), нарушающие и ущемляющие их права в связи с исполнением ими обязанностей военной службы, влекут установленную законом ответственность.

Для полного, всестороннего и объективного понимания ценностного содержания воинской деятельности и правовых норм, ее регулирующих, обратимся к анализу общих обязанностей военнослужащих, приведенных в Указе Президента РФ от 10 ноября 2007 г. № 1495 «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» (которым утверждены Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – УВС ВС РФ), Дисциплинарный устав Вооруженных Сил Российской Федерации (далее – ДУ ВС РФ)).

В ракурсе аксиологического содержания воинской деятельности следует отметить, что уже в статье 2 УВС ВС РФ установлено, что внутренняя служба требует организованных действий военнослужащих независимо от их желаний. Выполнение требований внутренней службы развивает у военнослужащих чувство *ответственности, самостоятельности, аккуратности и добросовестности. Взаимопонимание, доброжелательность и готовность помочь друг другу* способствуют укреплению войскового товарищества и сплочению воинских коллективов, позволяют не только выполнять задачи в повседневной деятельности, но и выдерживать тяжелые испытания в боевой обстановке. Аксиологический анализ представленной статьи позволяет говорить о том, что в ней перечисляются и аккумулируются ключевые ценности военной профессии, необходимые будущему офицеру на протяжении всей его жизни. Важно, что они несут ярко выраженный нравственный и экзистенциальный характер и согласуются с системой общечеловеческих ценностей.

Статьей 16 УВС ВС РФ установлено, что существо воинского долга составляют защита государственного суверенитета и территориальной целостности России, обеспечение безопасности государства, отражение вооруженного нападения, а также выполнение задач в соответствии с международными обязательствами. При этом воинский долг обязывает каждого военнослужащего: быть верным Военной присяге (обязательству), беззаветно служить народу, мужественно и умело защищать Россию; строго соблюдать Конституцию России и законы, требования общевоинских уставов, беспрекословно выполнять приказы командиров (начальников); совершенствовать воинское мастерство, содержать в постоянной готовности к применению оружие и военную технику, беречь военное имущество; быть дисциплинированным, бдительным, хранить государственную тайну; дорожить воинской честью и боевой славой Вооруженных Сил, своей воинской части, честью своего воинского звания и войсковым товариществом, с достоинством нести высокое звание защитника народа Российской Федерации; соблюдать общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры.

Статьи 17, 18, 19, 20, 22, 23 УВС ВС РФ закрепляют нормы о тех ценностных качествах, которые необходимо проявлять военнослужащему в повседневной деятельности и в боевой

обстановке. Так статьей 17 определено, что военнослужащий должен быть *честным, храбрым, при выполнении воинского долга проявлять разумную инициативу, защищать командиров (начальников) в бою, оберегать Боевое знамя воинской части.*

В статье 18 содержатся нормы о том, что военнослужащий обязан проявлять *патриотизм, способствовать укреплению мира и дружбы между народами, предотвращению национальных и религиозных конфликтов.*

Статья 19 устанавливает, что военнослужащий обязан *уважать честь и достоинство других военнослужащих, выручать их из опасности, помогать им словом и делом, удерживать от недостойных поступков, не допускать в отношении себя и других военнослужащих грубости и издевательства, содействовать командирам (начальникам) и старшим в поддержании порядка и дисциплины. Он должен соблюдать правила воинской вежливости, поведения, выполнения воинского приветствия, ношения военной формы одежды и знаков различия.*

Статья 20 обязывает военнослужащих заботиться о состоянии своего здоровья, повседневно заниматься закаливанием, физической подготовкой и спортом, воздерживаться от вредных привычек, не допускать употребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов.

В ракурсе импликации международно-гуманитарных ценностей в российское законодательство статьей 22 УВС ВС РФ установлено, что военнослужащий обязан знать и соблюдать нормы международного гуманитарного права, правила обращения с ранеными, больными, лицами, потерпевшими кораблекрушение, медицинским персоналом, духовными лицами, гражданским населением в районе боевых действий, а также с военнопленными.

На случай боевых действий статьей 23 УВС ВС РФ предписано, что военнослужащий в ходе боевых действий, даже находясь в отрыве от своей воинской части (подразделения) и в полном окружении, должен оказывать решительное сопротивление противнику, избегая захвата в плен. В бою он обязан с честью выполнить свой воинский долг.

Важнейшим служебным и нравственным понятием для военнослужащих и организации воинской деятельности в Вооруженных Силах страны и иных войсках является понятие воинской дисциплины. Статья 1 ДУ ВС РФ определяет, что воинская дисциплина есть строгое и точное соблюдение всеми военнослужащими порядка и правил, установленных федеральными конституционными законами, федеральными законами, общевоинскими уставами Вооруженных Сил РФ, иными нормативными правовыми актами и приказами (приказаниями) командиров (начальников).

Воинская дисциплина основывается на осознании каждым военнослужащим воинского долга и личной ответственности за защиту Родины. Она строится на правовой основе, уважении чести и достоинства военнослужащих.

Что касается нормативно определенных педагогических основ формирования и развития ценностных качеств личности офицеров, то следует обратить внимание на статью 2 ДУ ВС РФ, где определено, что основным методом воспитания у военнослужащих дисциплинированности является убеждение. Однако это не исключает возможности применения мер принуждения к тем, кто недобросовестно относится к выполнению своего воинского долга.

В статьях 3-6 ДУ ВС РФ утверждены нормы о том, к чему обязывает каждого военнослужащего воинская дисциплина, чем она достигается, нормы об обязанности командира поддерживать справедливость в подразделении и его обязанности осуществлять социальную и правовую защиту военнослужащих.

Важно, что ДУ ВС РФ как средство воспитания закрепляет и требования к командирам, их

нравственным качествам и образцам поведения, которые они обязаны проявлять на практике. Так, в силу статьи 7 ДУ ВС РФ командир (начальник) должен знать нужды и запросы подчиненных, добиваться удовлетворения этих нужд и запросов, не допускать грубости и унижения личного достоинства подчиненных, служить образцом строгого соблюдения законов Российской Федерации, других нормативных правовых актов Российской Федерации и требований общевоинских уставов, *быть примером нравственности, честности, скромности и справедливости.*

Вывод. Следует подчеркнуть, что социальные ценности патриотизма и необходимости Защиты Родины, чести, честности, уважения достоинства личности других, порядочности, социальной ответственности, антикоррупционного поведения не просто декларируются на уровне правовых норм. Следование им есть сущность воинской деятельности офицера, смысл его служения Отечеству и согражданам. Построение эффективной и успешной профессиональной воинской служебной деятельности невозможно вне социальных ценностей, закрепленных как законодательно в нормативных правовых актах, так и с помощью социально-психологических механизмов их трансляции – в воинских традициях и ритуалах, а также правилах, принятых в социальных воинских группах.

Заключение

Таким образом, исследование научной литературы и нормативных правовых актов, регламентирующих профессиональную служебную деятельность военнослужащих, позволяют утверждать, что на уровне Конституции РФ, федеральных конституционных и федеральных законов и Общевоинских уставов Вооруженных Сил РФ нормативно закреплены социальные ценности, которые характеризуют офицера как интеллигента. К таким социальным ценностям относятся: ответственность; добросовестность; скромность; правомерность; доброжелательность; порядочность; патриотичность; самостоятельность; исполнительность; инициативность; честность; аккуратность; сдержанность; терпение; стойкость и мужество; взаимопонимание и готовность помочь другим. Для их целенаправленного формирования, воспитания и развития (в период становления личности в социальной роли будущего офицера, при обучении в военной образовательной организации высшего образования) необходимы целенаправленные скоординированные усилия и действия руководства, профессорско-преподавательского, командного и управленческого состава военного вуза при организации и осуществлении педагогического процесса.

Библиография

1. Абляимова Г.Ш. Образ интеллигента в русской культурной традиции // Гуманитарная парадигма. 2020. № 3 (14). С. 186-192.
2. Андреев В.И. Изучение и диагностика «Я-концепции» саморазвития студента как интеллигентной и конкурентоспособной личности // Образование и саморазвитие. 2010. № 4 (20). С. 3-9.
3. Бабайцева Е.С. Вопросы исполнения обязанностей военной службы при оказании военнослужащим медицинской помощи или прохождения ими медицинского освидетельствования // Военное право. 2021. № 5 (69). С. 78-86.
4. Буренина Е.Н. Концепт «интеллигентность» в русской и немецкой культурах // Материалы XXII научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева: в 3 ч. Саранск, 2019. С. 251-255.
5. Воробьев В.П. Вузовская интеллигенция как ценностно детерминируемая общность: опыт социологического исследования // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 2 (34). С. 145-153.

6. Гусейнов А.А. Мораль и право: линия разграничения // *Lex russica*. 2018. № 8 (141). С. 7-22.
7. Димитричева О.И. Мотивация самовоспитания как основа развития интеллигентности // *Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова*. 2017. № 39. С. 108-119.
8. Зябликов А.В. Интеллигентность как мироощущение // *Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки*. 2017. Т. 8. № 1. С. 32-36.
9. Келеман Л.А. Интеллигентность как идеология универсальной моральной ответственности // *Kant*. 2014. № 1 (10). С. 100-102.
10. Келеман Л.А. Качество интеллигентности как ответ на бытийный запрос современного общества // *Общественные науки*. 2017. № 2-1. С. 445-452.
11. Климова А.В. Интеллигентность и интеллигенция // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2014. № 1 (17). С. 38-46.
12. Костин Р.А. К дискуссии об интеллигентах и интеллектуалах // *Социология и право*. 2016. № 2 (32). С. 23-29.
13. Мартынова Е.А. Интеллигенция как интегративная проблема культуры и образования // *Национальное здоровье*. 2021. № 4. С. 209-212.
14. Наумов П.Ю. Проблема выявления условий и средств развития интеллигентности будущих офицеров // *Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки*. 2021. № 4 (58). С. 199-202.
15. Наумов П.Ю. Психологическая природа интеллигентности офицера // *Вестник Мининского университета*. 2020. Т. 8. № 2 (31). С. 12.
16. Наумов П.Ю. Психологические проблемы формирования общей системы ценностей: концептуализация социальных функций российской военной интеллигенции // *Профессиональное образование в современном мире*. 2022. Т. 12. № 1. С. 160-167.
17. Наумов П.Ю. Система ценностей воинской службы и их носители // *В мире научных открытий*. 2015. № 9-4 (69). С. 1375-1380.
18. Наумов П.Ю. Формирование личностного потенциала будущего офицера: к постановке проблемы // *Педагогический журнал*. 2020. Т. 10. № 2-1. С. 471-476.
19. Наумова Т.В. Можно ли ныне считать российскую интеллигенцию особым социокультурным феноменом? // *Философия и культура*. 2018. № 6. С. 78-89.
20. Перси У. «Вызов интеллигента»: личность и мировоззренческий опыт Д.С. Лихачева – ученого, публициста, общественного деятеля // *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*. 2021. Т. 40. № 2. С. 163-174.
21. Скрябина Е.В. Понятие «интеллигенция» глазами современной российской молодежи: социологическое исследование // *Интеллигенция и мир*. 2020. № 4. С. 72-80.
22. Смыслов Д.А. Психологическая и социальная норма: нормоцентрический подход // *Прикладная психология и психоанализ*. 2020. № 2. С. 2.
23. Фунтикова Н.В. Аксиологические основания воспитания интеллигентности у студенческой молодежи // *Дидактика математики: проблемы и исследования*. 2019. № 49. С. 36-41.
24. Черемисова И.В. Критерии и методы оценки музыкально-творческого развития личности обучающегося на этапе высшего образования // *Российский психологический журнал*. 2016. Т. 13. № 2. С. 115-123.
25. Яницкий М.С. Система ценностных ориентаций личности и социальных общностей: структурно-динамическая модель и ее применение в психологических исследованиях и психологической практике // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2020. Т. 22. № 1 (81). С. 194-206.

Consolidation of values and meanings of officer intelligence in legislation and general regulations

Petr Yu. Naumov

PhD in Pedagogy, Assistant to the Head for Legal Work,
Center for Military Medical Examination of the Troops
of the National Guard of the Russian Federation,
111250, 9a Krasnokazarmennaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: petr.naumov.777@mail.ru

Abstract

A comprehensive study of intelligence as a psychological property of the personality (subjectivity) of a future officer involves an analysis of not only its internal structure, development conditions or correlation with other subjective psychological properties. The officer is included in real professional (quasi-professional) service military activity from the beginning of training at a military university, he is immersed in the appropriate environment, where he is forced to actually perform the duties of military service. The legal basis for the construction and functioning of this environment is the Constitution of the Russian Federation, federal constitutional and federal laws, the General Military Charters of the Armed Forces of the Russian Federation and other regulatory legal acts that contain the organizational and legal, content-activity and functional-executive foundations of a permanent the implementation of military labor. These legal documents contain normatively defined social values and norms of behavior that are mandatory for military personnel, the meaningful adherence to which characterizes him as an intellectual. The main scientific results of the work are the description and justification of the social values inherent in an officer as an intellectual, which are reflected in the General Military Regulations of the Armed Forces of the Russian Federation, and therefore following them is mandatory for the subject of military activity, characterizing him as a military professional. The results can be used in the development of the intelligence of future officers in the organization of the pedagogical process in a military university.

For citation

Naumov P.Yu. (2022) Konsolidatsiya tsennostei i smyslov intelligentnosti ofitsera v zakonodatel'stve Rossii i obshchevoinskikh ustavakh [Consolidation of values and meanings of officer intelligence in legislation and general regulations]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 11 (6A), pp. 104-113. DOI: 10.34670/AR.2023.13.12.012

Keywords

System of values, intellectuals, intelligence, mental properties, morality, education, upbringing, responsibility, subjectivity.

References

1. Ablyalimova G.Sh. (2020) Obraz intelligentnogo v russkoi kul'turnoi traditsii [The image of an intellectual in the Russian cultural tradition]. *Gumanitarnaya paradigma* [Humanitarian paradigm], 3 (14), pp. 186-192.
2. Andreev V.I. (2010) Izuchenie i diagnostika «Ya-kontseptsii» samorazvitiya studenta kak intelligentnoi i konkurentosposobnoi lichnosti [Study and diagnostics of the self-concept of self-development of a student as an intelligent and competitive personality]. *Obrazovanie i samorazvitiye* [Education and self-development], 4 (20), pp. 3-9.
3. Babaitseva E.S. (2021) Voprosy ispolneniya obyazannostei voennoi sluzhby pri okazanii voennosluzhashchim meditsinskoi pomoshchi ili prokhozheniya imi meditsinskogo osvidetel'stvovaniya [Issues of performance of duties of military service in the provision of medical care to servicemen or their medical examination]. *Voennoe pravo* [Military Law], 5 (69), pp. 78-86.
4. Burenina E.N. (2019) Kontsept «intelligentnost'» v russkoi i nemetskoi kul'turakh [The concept of intelligence in Russian and German cultures]. In: *Materialy XXII nauchno-prakticheskoi konferentsii molodykh uchenykh, aspirantov i studentov Natsional'nogo issledovatel'skogo Mordovskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.P. Ogareva: v 3 ch.* [Proceedings of the XXII scientific-practical conference of young scientists, graduate students and students of the National Research Mordovian State University. In 3 parts.]. Saransk.
5. Cheremisova I.V. (2016) Kriterii i metody otsenki muzykal'no-tvorcheskogo razvitiya lichnosti obuchayushchegosya na etape vysshego obrazovaniya [Criteria and methods for assessing the musical and creative development of a student's personality at the stage of higher education]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal* [Russian Journal of Psychology], 13, 2, pp. 115-123.
6. Dimitricheva O.I. (2017) Motivatsiya samovospitaniya kak osnova razvitiya intelligentnosti [Motivation of self-

- education as a basis for the development of intelligence]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova* [Bulletin of the Nizhny Novgorod State Linguistic University], 39, pp. 108-119.
7. Funtikova N.V. (2019) Aksiologicheskie osnovaniya vospitaniya intelligentnosti u studencheskoi molodezhi [Axiological foundations for the education of intelligence among students]. *Didaktika matematiki: problemy i issledovaniya* [Didactics of mathematics: problems and research], 49, pp. 36-41.
 8. Guseinov A.A. (2018) Moral' i pravo: liniya razgranicheniya [Morality and law: the line of demarcation]. *Lex russica*, 8 (141), pp. 7-22.
 9. Keleman L.A. (2014) Intelligentnost' kak ideologiya universal'noi moral'noi otvetstvennosti [Intelligence as an ideology of universal moral responsibility]. *Kant*, 1 (10), pp. 100-102.
 10. Keleman L.A. (2017) Kachestvo intelligentnosti kak otvet na bytiinyi zapros sovremennogo obshchestva [The quality of intelligence as a response to the existential request of modern society]. *Obshchestvennye nauki* [Social sciences], 2-1, pp. 445-452.
 11. Klimova A.V. (2014) Intelligentnost' i intelligentsiya [Intelligence and intelligentsia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Bulletin of the Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology], 1 (17), pp. 38-46.
 12. Kostin R.A. (2016) K diskussii ob intelligentakh i intellektualakh [To the discussion about intellectuals and intellectuals]. *Sotsiologiya i pravo* [Sociology and Law], 2 (32), pp. 23-29.
 13. Martynova E.A. (2021) Intelligentsiya kak integrativnaya problema kul'tury i obrazovaniya [Intelligentsia as an integrative problem of culture and education]. *Natsional'noe zdorov'e* [National health], 4, pp. 209-212.
 14. Naumov P.Yu., Mekebaev N.S., Naumov D.Yu. (2020) Formirovanie lichnostnogo potentsiala budushchego ofitsera: k postanovke problem [The formation of the personal potential of the future officer of the Russian guard: to the problem statement]. *Pedagogicheskii zhurnal* [Pedagogical Journal], 10 (2A), pp. 471-476.
 15. Naumov P.Yu. (2021) Problema vyyavleniya uslovii i sredstv razvitiya intelligentnosti budushchikh ofitserov [The problem of identifying the conditions and means of developing the intelligence of future officers]. *Izvestiya Baltiiskoi gosudarstvennoi akademii rybopromyslovogo flota: psikhologo-pedagogicheskie nauki* [Proceedings of the Baltic State Academy of the Fishing Fleet: Psychological and Pedagogical Sciences], 4 (58), pp. 199-202.
 16. Naumov P.Yu. (2020) Psikhologicheskaya priroda intelligentnosti ofitsera [Psychological nature of an officer's intelligence]. *Vestnik Mininskogo universiteta* [Bulletin of the Minin University], 8, 2 (31), p. 12.
 17. Naumov P.Yu. (2022) Psikhologicheskie problemy formirovaniya obshchei sistemy tsennostei: kontseptualizatsiya sotsial'nykh funktsii rossiiskoi voennoi intelligentsii [Psychological problems of the formation of a common system of values: conceptualization of the social functions of the Russian military intelligentsia]. *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire* [Vocational education in the modern world], 12, 1, pp. 160-167.
 18. Naumov P.Yu. (2015) Sistema tsennostei voinskoi sluzhby i ikh nositeli [The system of values of military service and their carriers]. *V mire nauchnykh otkrytii* [In the world of scientific discoveries], 9-4 (69), pp. 1375-1380.
 19. Naumova T.V. (2018) Mozhno li nyne schitat' rossiiskuyu intelligentsiyu osobym sotsiokul'turnym fenomenom? [Can the Russian intelligentsia be considered a special sociocultural phenomenon today?]. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and culture], 6, pp. 78-89.
 20. Persi U. (2021) «Vyzov intelligentna»: lichnost' i mirovozzrencheskii opyt D.S. Likhacheva – uchenogo, publitsista, obshchestvennogo deyatelya [“The Challenge of the Intelligentsia”: personality and worldview experience of D.S. Likhachev, a scientist, publicist, and public figure]. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniiya* [Questions of journalism, pedagogy, linguistics], 40, 2, pp. 163-174.
 21. Skryabina E.V. (2020) Ponyatie «intelligentsiya» glazami sovremennoi rossiiskoi molodezhi: sotsiologicheskoe issledovanie [The concept of intelligentsia through the eyes of modern Russian youth: a sociological study]. *Intelligentsiya i mir* [Intelligentsia and the world], 4, pp. 72-80.
 22. Smyslov D.A. (2020) Psikhologicheskaya i sotsial'naya norma: normotsentricheskii podkhod [Psychological and social norm: normocentric approach]. *Prikladnaya psikhologiya i psikhoanaliz* [Applied psychology and psychoanalysis], 2, p. 2.
 23. Vorob'ev V.P. (2015) Vuzovskaya intelligentsiya kak tsennostno determiniruemaya obshchnost': opyt sotsiologicheskogo issledovaniya [Higher education intelligentsia as a value-determined community: the experience of sociological research]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki* [News of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences], 2 (34), pp. 145-153.
 24. Yanitskii M.S. (2020) Sistema tsennostnykh orientatsii lichnosti i sotsial'nykh obshchnostei: strukturno-dinamicheskaya model' i ee primenenie v psikhologicheskikh issledovaniyakh i psikhologicheskoi praktike [The system of value orientations of a person and social communities: a structural-dynamic model and its application in psychological research and psychological practice]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kemerovo State University], 22, 1 (81), pp. 194-206.
 25. Zyablikov A.V. (2017) Intelligentnost' kak mirochuvstvovanie [Intelligence as a worldview]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Seriya: Gumanitarnye nauki* [News of higher educational institutions. Series: Humanities], 8, 1, pp. 32-36.

УДК 159.9.072

DOI: 10.34670/AR.2023.80.25.013

Символика образов: «дом», «дерево», «человек» в рисуночной методике «Нарисуй свою жизнь»

Султанова Зарина Вячеславовна

Кандидат психологических наук,
старший научный сотрудник отдела традиционной культуры и фольклора,
Институт истории и археологии РСО-Алания,
362025, Российская Федерация, Владикавказ, ул. Ватутина, 46;
e-mail: z_sultanova@mail.ru

Аннотация

В данной статье мы попытаемся проанализировать основные образы в рисунках с точки зрения их символики. Дом, дерево и человек – это объекты, которые наиболее широко используются респондентами разных полов, возрастов, этнической принадлежности и регионов проживания. Полагаем, что эти три образа несут важную смысловую нагрузку при рефлексии собственной жизни и отражены в коллективном бессознательном. По всей вероятности, обращение к символике может прояснить смыслы этих образов и в значительной степени содействовать интерпретации рисунков. В статье подвергаются анализу образы, наиболее часто встречающиеся в рисуночном тесте: «Нарисуй свою жизнь». Среди них: дом, дерево, человек. Эти изображения обсуждаются с точки зрения их символики и меры активности в построении бытия у авторов рисунка. Дом является источником информации как о личностно-психологических свойствах человека, так и комфортности пребывания в ближайшем окружении – в семье, а также о значимости семьи или рода. Дерево – символ развития от низшего уровня к духовному просветлению. Человек является символом самосовершенствования и Божественной природы. Респонденты, отдающие предпочтение изображению человека в большей степени склонны к внутренней активности при построении собственной жизни. Изображающим на первом плане дерево авторам присуще смешение активной и пассивной жизненных позиций. Те, у кого в приоритете образ дома вероятней всего склонны к пассивности при взаимодействии с жизненными ситуациями.

Для цитирования в научных исследованиях

Султанова З.В. Символика образов: «дом», «дерево», «человек» в рисуночной методике «Нарисуй свою жизнь» // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 6А. С. 114-122. DOI: 10.34670/AR.2023.80.25.013

Ключевые слова

Проективные тесты, рисуночные тесты, символы, нарисуй свою жизнь, типы рисунков, дом, дерево, человек, опросник жизненных ориентаций.

Введение

По мнению ряда исследователей и исходя из личного опыта автора статьи, конструирование рисуночного теста – процесс чрезвычайно сложный и трудоемкий. Его психометрическое обоснование – процедура бесконечная. Однако занятие интересное, увлекательное и насыщенное открытиями. В предыдущей статье мы подробно описали выявленные нами типы рисунков в авторской методике «Нарисуй свою жизнь». Кроме того, предоставили фрагмент обсуждения конструктивной валидности, что является основой для интерпретации выделенных типов [Султанова, 2009].

В данной статье мы попытаемся проанализировать основные образы в рисунках с точки зрения их символики. Дом, дерево и человек – это объекты, которые наиболее широко используются респондентами разных: полов, возрастов, этнической принадлежности и регионов проживания. Полагаем, что эти три образа несут важную смысловую нагрузку при рефлексии собственной жизни и отражены в коллективном бессознательном. По всей вероятности, обращение к символике может прояснить смыслы этих образов и в значительной степени содействовать интерпретации рисунков.

Природа символа

Человечество с древности пользовалось символами для выражения мыслей, чувств. Они передаются из поколения в поколение посредством фольклора, сказок, мифов, легенд, составляющих сокровищницу мировой культуры. Символы, в большинстве своем, это культурное наследие, оставленное нам предками [Жульен, 1999].

Анализом и систематизацией символов занимались многие исследователи (Андреева В. [Андреева, 2000], Жульен Н. [Жульен, 1999], Трессидер Дж. [Трессидер, 2001]; Флоренский П.А. [Флоренский, 2000], Юнг К.Г. [Юнг, 1997], и т.д.). Большинство из них указывают на тесную связь символа с внешней и внутренней реальностью человека, с его жизнью. Так, Н. Жульен ссылается на связь символов с мотивами человеческих поступков. По мнению Флоренского, символика открывается духом в глубинах существа человека, в средоточии всех его сил жизни, а затем появляется от познавшего и давшего ей родиться созерцателя [Флоренский, 2000].

Ролло Мэй, рассуждая о символах, подчеркивает взаимосвязь сознательного и бессознательного опыта, индивидуального существования и истории человечества. Классик психологии актуализирует живую сущность символов. Он повествует о том, что символ является результатом динамической связи двух полюсов – субъективного и объективного. Эта связь, опирается на живое, активное взаимовлияние и взаимообмен [Мэй, 2001, 37].

Авторы нередко указывают и на органичную и универсальную природу символов. Основание символики – самая реальность, поэтому священные книги всех народов, мудрецы, мистики и поэты столь единодушны в языке символов: они открывают его в себе, а не сочиняют его [Флоренский, 2000, 428]. Жульен указывает на схожесть значения символов, в разных культурах, несмотря на удаленность стран и народов друг от друга [Жульен, 1999, 6]. П.А. Флоренский, рассуждая о символике, выделяет ее историческую и общественную устойчивость. Ученый, богослов повествует о том, что символ, дается нам как нечто готовое, каждый раз заново находимое в недрах внутренней жизни, а затем проявляется нами, как наш дар обществу [Флоренский, 2000, 429].

Остановимся на определении Нади Жульен, понимающей под символом абстрактную

реальность, воплощенную в конкретный знак, способный передать важнейшие логические понятия, идеи и мистические состояния [Жульен, 1999, 5].

Рассмотрим наиболее употребимые образы из рисунков собственной жизни с точки зрения их символики. В подавляющем большинстве рисунков присутствует дом. В этой связи обратим на него свои взоры.

Символ «Дом»

Образ дома послужил основанием для выделения отдельного типа рисунка «Дом на природе». В литературе широко распространено представление о доме, как отображении тела человека. Подобное мнение было обычным в древности, и в наше время тело называют «домом души». Флоренский П.А. в своем труде «Органопроекция» обнаружил то, что тело является прообразом дома. Он ссылаясь на архитектора Витрувия, полагавшего, что «прекрасное здание должно быть подобно хорошо сложенному человеку». Микеланджело, по словам Флоренского, считал, что «части архитектурного целого находятся в таком же соотношении, как части человеческого тела, и тот, кто не знал и не знает строения человеческого тела в анатомическом смысле, не может этого понять» [Флоренский, 2000, 413].

Подтверждение смысловых связей тела человека и дома встречается в иных источниках, где указывают на то, что Дом – ось мира, чрезвычайно емкий космический символ. С одной стороны, дом строится как уменьшенная модель вселенной; с другой стороны, с «пятиконным домом» или «семивратным градом» иногда сравнивают человеческое тело, обладающее пятью чувствами и семью отверстиями [Куклев, Гайдук, 2000]. Дом стал точкой кристаллизации в создании различных достижений цивилизации, символом самого человека, нашедшего свое прочное место во Вселенной [Эппли, 1996].

И дом, и двор символизируют освоенное покоренное, «одомашненное» пространство, где человек находится в безопасности. Это место, где мы родились и куда мы возвращаемся из любых странствий. Дом синонимичен храму и противопоставлен дворцу, хотя дворец служит жилищем для людей, а в храме живут лишь боги. Происходит это потому, что с древнейших времен дом мыслился как центр мира, святилище рода, персонифицированного духами предков [Куклев, Гайдук, 2000].

Дом является важным символом в глубинной психологии, например при толковании сновидений. Эппли считает, что происходящее во сне в доме – происходит внутри нас самих. По его мнению, каждый сновидец может «сам являться благоустроенным, опустившимся, старым или обновленным домом». Кроме того, он называет дом центром мира. Дом связан с идеей священного пространства, развивающейся вокруг очага – оси мира и освященного стенами этого дома. За его порогом простирается мирское пространство [Эппли, 1996].

Во снах дом с его этажами и комнатами является прообразом человека. На психическом плане фасад олицетворяет persona, роль, социальную функцию или маску, принятую в повседневной жизни. Спальня связана с интимной жизнью; этажи означают различные части тела и душевные состояния. Крыша и верхние этажи соотносятся с головой и сознательными функциями; на чердаке лежат воспоминания молодости; кухня – это место психических трансформаций, она является одним из символов посвящения; подвал олицетворяет бессознательное. Уборная означает потребность в освобождении, в порядке. Пустые комнаты соответствуют низшей психической функции, которая нуждается в развитии. Лестницы являются собой связи между различными уровнями личности [Жульен, 1999, 108].

Итак, с одной стороны дом – это уменьшенная модель вселенной, где человек находится в безопасности. С другой стороны, как указывают многие авторы, дом – символ самого человека.

Подытожив информацию из литературных источников, рисунок дома имеет двоякую символическую нагрузку. С одной стороны, дом олицетворяет центр мира, священное пространство. С другой стороны, дом является прообразом человека. Выражаясь языком, приближенным к практической психологии, полагаем, что в рамках рисования собственной жизни «дом» является источником информации как о личностно-психологических свойствах человека, так и комфортности пребывания в ближайшем окружении – в семье, а также о значимости семьи или рода.

Символ «Дерево»

Следующий образ «Дерево» по частоте встречаемости уступает дому самую малость. *Дерево* многозначный древнейший символ, известный практически всем народам мира. Выражает формы мира в органических взаимосвязях человека – как части натурального космоса. Представляет Вселенную, законы жизни и человека как неразрывное целое. В Библии выступает в двух формах: как дерево жизни и как дерево познания [Андреева, 2000, 143].

Поскольку оно корнями уходит в землю, а его ветви устремлены к небу, оно, как и сам человек, является отражением «сущности двух миров» и посредником между «верхом» и «низом». Дерево в широком смысле рассматривается как ось *мира*, вокруг которой группируется космос [Бидерман, 1996, 69].

Дерево – высший природный символ динамичного роста, сезонного умирания и регенерации. В различных культурах многие деревья считались священными или магическими. Почтительное отношение к волшебной силе деревьев основано на примитивных верованиях, что в них живут боги и духи. По мере развития мифологии идея о могучем дереве, которое образует центральную ось мира потока божественной энергии, связывающей сверхъестественный и естественный миры, превратились в символический образ Древа Жизни или Космического Древа. Корни его погружены в воды загробного мира, и проходя через землю, оно достигает небес. Этот символ встречается практически у всех народов. Древо Жизни часто становилось метафорой для сотворения мира. Во многих традициях оно растет на священной горе или в раю. По своей форме дерево – символ развития, его ветви, представляющие разнообразие, отходят от ствола, что является символом единства [Трессидер, 2001].

Дерево источник бурной жизни, дерево, чья густая крона покрывается плодами, является символом плодородия. Ствол, устремленный к небу – воплощение силы и могущества. Корни, уходящие в землю, где погребены мертвые, напоминают об эфемерности физической стороны жизни. Кроме того, ветвистое дерево отождествляется с человеком. Будучи посредником между небом и землей, дерево символизирует возможности эволюционного роста, облагораживания. Дерево призывает распрямиться, определить стержень собственной жизни, прорасти «корнями» в землю, а «вершиной» коснуться неба [Жульен, 1999, 103-104].

Отдельные деревья выражают отдельные аспекты широкого спектра значений. Лиственное дерево – ежегодно меняющуюся листву – символ обновления жизни и образ Божественной сущности; вечнозеленое дерево – символ бессмертия [Андреева, 2000, 155].

Источник духовной энергии вытекает из-под его корней. Змея, обвившая его ствол, либо представляет движущуюся по спирали энергию, идущую из земли, либо служит символом разрушения. Гнезда птиц в кроне дерева – эмблемы душ и небесных посланников. С помощью

Древа Жизни человечество поднимается от низшего уровня развития к духовному просветлению, спасению или освобождению из круга бытия [Трессидер, 2001, 75-76].

Кох, интерпретируя «дерево» как символ стоящего человека, исходит из положений К. Юнга, где корни – коллективное бессознательное. Ствол – импульсы, инстинкты, примитивные стадии. Ветви – пассивность или противостояние жизни [Кох, 2011]. В своей основе интерпретация рисунка дерева К. Коха опирается на графическую схему Макса Пульвера, который сравнивает рисунок с крестом и выделяет 4 зоны, каждая из которых обладает символическим значением. Верх представляет собой интеллектуальную и духовную зону, развитие, контакт с окружающей средой. Центр репрезентирует «Я»: пробужденную сознательную жизнь, чувства. Низ представляет собой бессознательное, зону материальную, эротико-сексуальную, инстинкты, коллективные символы. Левая сторона – связи с самим собой, с прошлым, интроверсия, инфантильная фиксация. Правая сторона – связи с другими людьми, с будущим, экстраверсия [Соловьева, 1999].

Итак, мы отдаем себе отчет в многозначности и чрезвычайном богатстве символа Дерево. В контексте же рефлексии собственной жизни для нас наиболее актуальным является рассмотрение дерева как символа развития от низшего уровня к духовному просветлению, совершенствованию.

Подтверждение данному выводу находим в значимых корреляционных связях с некоторыми психологическими особенностями. Дерево, являющееся символом развития от низшего уровня к духовному просветлению, совершенствованию, имеет значимую связь с типом «гармонизатор», главным признаком которого является совершенствование личности в различных формах освоения человеческой культуры (чтение, музыка, театр, религия, исторические традиции), а также во внутренней работе над собой (размышления о жизни, анализ своих поступков, стремление стать добрее, научиться прощать и любить [Коржова, 2002, 129-130].

В типе рисунка «Дерево» на первом плане расположено дерево, находящееся в очевидном приоритете по сравнению с другими объектами в рисунке. Большое же количество деревьев схожих рангов в рисунке послужило основанием для выделения типа рисунка «Пейзаж». Авторы этих двух типов схожи в некоторых личностных свойствах. Так по анализу корреляций и интерпретационных схем ОЖО (Коржовой Е.Ю.), авторы обоих типов рисунков тянутся к творчеству, к фантазиям и философствованию, часто и к религиозному опыту. Те, кто рисует рисунки типа «Дерево», чаще склонны грустить. Респондентам же типа «Пейзаж» в меньшей степени присущи самоуверенность и самопринятие, они чаще винят себя, уходят в себя. Однако и те и другие склонны к фантазиям и философствованию. Вероятно, респондентам данного типа свойственна созерцательность.

Следующим по частоте использования является образ «человек». Мы назвали данный тип «автопортрет», поскольку эмпирическим путем установили, что автор склонен рисовать самого себя.

Символ «Человек»

Проанализируем данный образ с точки зрения его символики. Трессидер Дж. указывает на то, что человек – венец всего живого, в наиболее древних культурах символ того, что способно к совершенствованию, создан по образу и подобию Бога, сочетает в себе материальное и духовное, небесное и земное. Эта мистическая вера лежит в основе частого представления о человеке как о микрокосме, заключающем в себе, хотя бы и символически, все элементы

мироздания (макрокосма) [Трессидер, 2001, 408]. Человек – между животным и ангелом или то, что следует преодолеть [Андреева, 2000].

Человек (микрокосм). Миф о космическом человеке существует во всех традиционных культурах. Веды рассматривают этого Человека – носителя Вселенной (тот же греческий Атлант) – в качестве космической опоры, поддержки неба и земли [Жульен, 1999].

Применив полученные сведения к смысловому полю практической психологии, полагаем, что символика данного образа сосредоточена на человеке как высшем проявлении всего живого, а также на стремлении и способности к самосовершенствованию.

Исходя из корреляционного анализа со стандартизированным опросником, можно полагать, что респондентам, изображающим тип автопортрет, присуща выраженная субъектная ориентация. То есть автор рисунка скорее всего внутренне активен в созидании собственного бытия, чаще всего субъектно включен во взаимодействие с жизненными ситуациями [Коржова, 2006]. Они чаще обнаруживают активную жизненную позицию. Среди авторов подобных рисунков вполне вероятно встретить человека размышляющего, который стремится проявить активность в решении проблемы, понять свою роль и приспособиться к ситуации. Такое описание подтверждается символической нагрузкой: где «человек» – это то, что способно к совершенствованию.

В некоторых случаях человек в рисунке совершает некую деятельность, то есть его активность направлена на внешний объект. Такой тип рисунка мы назвали «человек деятельный». Опросник жизненных ориентаций (ОЖО) Коржовой показал меньшую субъектную ориентированность авторов подобного рисунка, чем в случае статичного «автопортрета», где активность остается внутри человека. То есть в «человеке деятельном» активность чаще направлена на внешние предметы, объекты, явления, в «автопортрете» активность остается в самом человеке, как бы направлена внутрь.

Мера активности авторов рисунков в созидании собственного бытия

Психометрическое обоснование типов рисования собственной жизни обнаружило наиболее тесную связь с ОЖО, диагностирующего базовые жизненные ориентации, определяющие взаимосвязь внутреннего и внешнего мира человека. Субъект-объектные ориентации в жизненных ситуациях представляют собой интегративную характеристику активности человека в созидании собственного бытия, особенности его субъектной включенности в жизненные ситуации. Представим таблицу средних итогового показателя ОЖО. Его значение меньше 5-ти стеновых баллов соответствует объектной ориентации; больше 6-ти баллов – субъектной. Интервал 5-6 баллов характеризует смешение субъектной и объектной ориентированностей.

Таблица 1 - Образы рисунка в порядке убывания среднего значения итогового показателя ОЖО

Образ	Средний балл итогового показателя ОЖО (в стенах)	Стандартное отклонение σ
Человек	7,2	1,6
Пейзаж	6,2	1,6
Дерево	6,2	1,3
Человек деятельный	5,7	2,3
Дом	5,0	1,8

Как следует из таблицы, уровень активности в созидании собственного бытия очевидно выше у авторов рисунков, изображающих (на переднем плане) человека в рисунке собственной жизни (7,2). Внимание при этом автор фиксирует на человеке, а не на том, что тот делает. Если деятельность человека в рисунке направлена на внешние объекты, то вероятность активности в созидании собственной жизни у автора скорее всего будет ниже (5,7).

В таблице мы видим, что средний балл по образу «человек» (7,2) выходит за пределы среднего уровня (5-6). Это говорит о том, что у респондентов вероятен очень высокий уровень субъектной ориентированности. То есть их жизнедеятельность детерминируется преимущественно особенностями внутренней активности. Они имеют активную жизненную позицию.

Авторы, изображающие в качестве основного образа дерево (6,2) также имеют тенденцию к смешению жизненных ориентаций – субъект-объектная ориентированность. То есть в созидании собственного бытия они проявляются и как субъект (внутренне активно) и как объект (внутренне пассивно). При субъектной включенности активность во взаимодействии с жизненными ситуациями принадлежит самому себе. При объектной ориентированности активность делегируется вовне (людям, обстоятельствам, звездам и т.д.).

Из таблицы также видим, что авторы, уделяющие большое внимание дому в рисунках своей жизни, имеют субъект-объектную ориентированность, с тенденцией к объектной. (5,0). То есть при взаимодействии с жизненными ситуациями они, вероятней всего будут делегировать активность вовне, оставаясь внутренне пассивными. Однако большой разброс среднего – в 1,8 баллов указывает на то, что в редких случаях могут встретиться респонденты с субъектной ориентированностью.

Сформулируем выводы, применив полученные сведения к смысловому полю практической психологии.

Заключение

В рамках рисования собственной жизни «дом» является источником информации как о («теле, доме души») – личностно-психологических свойствах человека, так и комфортности пребывания в ближайшем окружении – в семье, а также о значимости семьи или рода. Полагаем, в случае приоритетности образа дома для респондента жизнедеятельность в меньшей степени детерминируется особенностями внутренней активности, а в большей степени объектами, сконцентрированными во вне: дом, семья, род. Эмпирические данные вторят символике в виде смешения жизненных ориентаций. Авторы рисунка могут активно созидать собственное бытие, но имеют тенденцию к делегированию активности вовне.

Дерево, являющееся символом развития от низшего уровня к духовному просветлению, совершенствованию показал значимую связь с некоторыми феноменами. Важными личностными особенностями у респондентов, для которых образ дерева приоритетен, является совершенствование личности в различных формах освоения человеческой культуры (чтение, музыка, театр, религия, исторические традиции), а также во внутренней работе над собой (размышления о жизни, анализ своих поступков, стремление стать добрее, научиться прощать и любить).

Яркой наиболее очевидной характеристикой символики Человека является его самосовершенствование и Божественная природа. Эмпирика вторит подобной смысловой нагрузке в виде очевидной субъектной ориентированности или внутренней активности в

созидании собственного бытия авторов рисунка.

Рассмотренные положения имеют вероятностный характер и являются основанием для дальнейшего изучения.

Библиография

1. Андреева В. (сост.) Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М., 2000. 576 с.
2. Бидерман Г. Энциклопедия символов. М.: Республика, 1996. 335 с.
3. Жульен Н. Словарь символов. Челябинск: Урал-книга, 1999. 497 с.
4. Коржова Е.Ю. Психологическое познание судьбы человека. СПб., 2002. 334 с.
5. Коржова Е.Ю. Психология жизненных ориентаций человека. СПб., 2006. 384 с.
6. Куклев В. Дом // Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М., 2000. С. 159-161.
7. Мэй Р. Мужество творить: очерк психологии творчества. М., 2001. 128 с.
8. Соловьева С.Л. Тест дерева и его применение в психодиагностике. М.: Курс, 1999. 31 с.
9. Султанова З.В. Типы рисунков в проективной методике «Нарисуй свою жизнь» // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Сер. 12. Вып. 3. Ч. II. С. 266-273.
10. Трессидер Дж. Словарь символов. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001. 448 с.
11. Флоренский П.А. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 2000. Т. 3 (1). 621 с.
12. Эшпли Э. Дом // Энциклопедия символов. М., 1996. С. 73-74.
13. Юнг К.Г. Психология и алхимия. М.: Рефл-бук, 1997. 592 с.

Symbolism of images: house, tree, person in the “Draw your life” drawing technique

Zarina V. Sultanova

PhD in Psychology,
Senior Researcher of the Department of Traditional Culture and Folklore,
Institute of History and Archaeology of the Republic of North Ossetia-Alania,
362025, 46, Vatutina str., Vladikavkaz, Russian Federation;
e-mail: z_sultanova@mail.ru

Abstract

In this article we will try to analyze the main images in the drawings in terms of their symbolism. House, tree and person are the objects that are most widely used by respondents of different genders, ages, ethnicities and regions of residence. We believe that these three images carry an important semantic load when reflecting on one's own life and are reflected in the collective unconscious. In all likelihood, an appeal to symbolism can clarify the meanings of these images and greatly contribute to the interpretation of the drawings. The article analyzes the images most frequently encountered in the drawing test: “Draw your life”. Among them are house, tree, person. These images are discussed from the point of view of their symbolism and the degree of activity in the construction of being by the authors of the drawing. The house is a source of information both about the personality and psychological properties of a person, and the comfort of staying in the immediate environment, in the family. The tree is a symbol of development from the lowest level to spiritual enlightenment. A person is a symbol of self-perfection and Divine nature. Respondents who prefer the image of a person are more inclined to internal activity when building their own lives. The authors depicting a tree in the foreground are characterized by a mixture of active and passive life

positions. Those who prioritize the image of home are more likely to be passive when interacting with life situations.

For citation

Sultanova Z.V. (2022) Simvolika obrazov: «dom», «derevo», «chelovek» v risunochnoi metodike «Narisui svoyu zhizn'» [Symbolism of images: house, tree, person in the “Draw your life” drawing technique]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 11 (6A), pp. 114-122. DOI: 10.34670/AR.2023.80.25.013

Keywords

Projective tests, drawing tests, symbols, draw your life, types of drawings, house, tree, person, life orientation questionnaire.

References

1. Andreeva V. (comp.) (2000) *Entsiklopediya simvolov, znakov, emblem* [Encyclopedia of symbols, signs, emblems]. Moscow.
2. Biderman G. (1996) *Entsiklopediya simvolov* [Encyclopedia of symbols]. Moscow: Respublika Publ.
3. Eppley E. (1996) Dom [House]. In: *Entsiklopediya simvolov* [Encyclopedia of symbols]. Moscow.
4. Florenskii P.A. (2000) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols.]. Moscow: Mysl' Publ. V. 3 (1).
5. Jung K.G. (1997) *Psikhologiya i alkhimiya* [Psychology and alchemy]. Moscow: Refl-buk Publ.
6. Korzhova E.Yu. (2002) *Psikhologicheskoe poznanie sud'by cheloveka* [Psychological knowledge of the fate of man]. St. Petersburg.
7. Korzhova E.Yu. (2006) *Psikhologiya zhiznennykh orientatsii cheloveka* [Psychology of human life orientations]. St. Petersburg.
8. Kuklev V. (2000) Dom [House]. In: *Entsiklopediya simvolov, znakov, emblem* [Encyclopedia of symbols, signs, emblems]. Moscow.
9. May R. (2001) *Muzhestvo tvorit': ocherk psikhologii tvorchestva* [The courage to create]. Moscow.
10. Solov'eva S.L. (1999) *Test dereva i ego primenenie v psikhodiagnostike* [Tree test and its application in psychodiagnostics]. Moscow: Kurs Publ.
11. Sultanova Z.V. (2009) Tipy risunkov v proektivnoi metodike «Narisui svoyu zhizn'» [Types of drawings in the projective technique "Draw your life"]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg University], 12, 3, II, pp. 266-273.
12. Tressider J. (2001) *Slovar' simvolov* [Dictionary of symbols]. Moscow: FAIR-PRESS Publ.
13. Zhul'en N. (1999) *Slovar' simvolov* [Dictionary of symbols]. Chelyabinsk: Ural-kniga Publ.

УДК: 159.942:343.81

DOI: 10.34670/AR.2023.39.24.014

Специфика эмоционального выгорания у сотрудников МВД с различным трудовым стажем

Сергеева Марина Анатольевна

Кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии и педагогики,
Астраханский государственный медицинский университет,
414024, Российская Федерация, Астрахань, ул. Бакинская, 121;
e-mail: mari-s2010@mail.ru

Абдуллаева Алия Салаватовна

Кандидат психологических наук,
доцент кафедры экономики и здравоохранения
с курсом последипломного образования,
Астраханский государственный медицинский университет,
414024, Российская Федерация, Астрахань, ул. Бакинская, 121;
e-mail: alya_kubekova@mail.ru

Фурси Лейла Фаруховна

Кандидат психологических наук,
доцент кафедры гуманитарных наук и психологии,
Астраханский государственный технический университет,
414025, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 16;
e-mail: fursi@inbox.ru

Аннотация

В статье представлены результаты эмпирического исследования эмоционального выгорания у сотрудников МВД с различным трудовым стажем. Проведен анализ понятия синдрома эмоционального выгорания и факторов, которые детерминируют СЭВ. Синдром эмоционального выгорания рассматривается как результат неудачно разрешенного стресса на рабочем месте. Для достижения цели исследования были применены психодиагностические методики: 1) методика диагностики уровня эмоционального выгорания В.В. Бойко; 2) шкала для психологической экспресс-диагностики уровня невротизации (авторы: Б.В. Иовлев, Э.Б. Карпова, А.Я. Вукс). Статистическая обработка данных была произведена с помощью U-критерия Манна-Уитни. Выборку исследования составили: 1 группа – сотрудники МВД с трудовым стажем менее 3-х лет в количестве 16 человек; 2 группа – сотрудники МВД с трудовым стажем более 3-х в количестве 17 человек. В ходе исследования было установлено, что синдрому эмоционального выгорания в различной степени подвержены 22 респондента, у остальных 11 сотрудников не было выявлены признаки эмоционального выгорания. Наиболее оптимальным мероприятием

психологической профилактики профессиональной деформации является социально-психологический тренинг методом деловой игры, также необходимо делать разграничение между профессиональной жизнью и частной.

Для цитирования в научных исследованиях

Сергеева М.А., Абдуллаева А.С., Фурси Л.Ф. Специфика эмоционального выгорания у сотрудников МВД с различным трудовым стажем // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 6А. С. 123-130. DOI: 10.34670/AR.2023.39.24.014

Ключевые слова

Синдром эмоционального выгорания, профессиональная деформация, сотрудники МВД, стресс, невротизация, профессиональная деятельность, профилактика эмоционального выгорания.

Введение

Синдром выгорания представляет собой процесс постепенной утраты эмоциональной, когнитивной и физической энергии, проявляющийся в симптомах эмоционального, умственного истощения, физического утомления, личностной отстраненности и снижения удовлетворения исполнением работы [Густова, Евенко, 2017; Евенко, Погибенко, 2018]. Он рассматривается как результат неудачно разрешенного стресса на рабочем месте. Относительно профессии феномен «эмоционального выгорания» рассматривается как специфический вид профессионального хронического состояния лиц, работающих с людьми (учителей, психологов, психиатров, священников, полицейских, юристов, тренеров, работников сферы обслуживания и др.). [Шкала для психологической экспресс-диагностики уровня невротизации, www]. В исследовании Климовой Е.М. [Климова, 2018] эмоциональное выгорание сотрудников МВД детерминировано следующими симптомами: эмоциональный дефицит, неадекватное эмоциональное реагирование, эмоционально-нравственная дезориентация, расширение сферы экономии эмоции, редукция профессиональных обязанностей. Черенева Е.А. [Черенева, 2021] установила, что особенности профессиональной деятельности сотрудников МВД влияют на возникновение негативных психических состояний у сотрудников, что может способствовать развитию СЭВ и профессиональной деформации личности. В диссертационном исследовании Ильиных О.В. [Ильиных, 2010] показано, что психическое выгорание сотрудников милиции общественной безопасности обладает специфической структурой и деструктивно влияет на профессиональную деятельность. В работе Варданян Ю.В., Воробьевой О.М. [Варданян, Воробьева, 2020] показано, что преодоление СЭВ достигнуто путем ориентации на наиболее значимые личностные ресурсы сотрудников полиции, которые исследуются еще на этапе их профессионального психологического отбора на службу в органы внутренних дел. Люди, находящиеся в постоянном стрессе, тревоге, не могут положительно взаимодействовать с коллегами и клиентами. Проблема исследования эмоционального выгорания является востребованной и необходимой для дальнейшего исследования.

Цель исследования заключалась в том, чтобы определить наличие синдрома эмоционального выгорания у сотрудников МВД, а также на основании полученных результатов, разработать рекомендации по профилактике профессиональной деформации.

Материалы и методы исследования

Для достижения цели исследования были применены психодиагностические методики: 1) методика диагностики уровня эмоционального выгорания В.В. Бойко, позволяет диагностировать механизм психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций в ответ на избранные психотравмирующие воздействия. В.В. Бойко предлагает классифицировать синдром эмоционального выгорания по стадиям. А в каждой стадии выделять характерные симптомы. Выделяют (если рассматривать профессиональное выгорание с позиций общего адаптационного синдрома Г. Селье) 3 стадии развития выгорания (напряжение, сопротивление, истощение) [Методика диагностики уровня эмоционального выгорания, www]; 2) шкала для психологической экспресс-диагностики уровня невротизации (авторы: Б.В. Иовлев, Э.Б. Карпова, А.Я. Вукс). Методика «Уровень невротической астении» (УНА) создана в Психоневрологическом НИИ им. В.М. Бехтерева. Шкала состоит из 38 утверждений, которые были отобраны специалистами психиатрами и клиническими психологами на основе клинического опыта и теоретических представлений о клинике астенического синдрома при невротических расстройствах [Шкала для психологической экспресс-диагностики уровня невротизации, www]. Статистическая обработка данных была произведена с помощью U-критерия Манна-Уитни [Сидоренко, 2003]. Выборку исследования составили: 1 группа – сотрудники МВД с трудовым стажем менее 3-х лет в количестве 16 человек; 2 группа – сотрудники МВД с трудовым стажем более 3-х в количестве 17 человек. Из них 9 сотрудников ОБЭП, 6 сотрудников отдела дознания и 18 сотрудников конвойной службы. Среди них 26 мужчин и 7 женщин. Возрастные и социальные рамки выборки приблизительно равнозначны: возраст сотрудников от 26 до 32 лет, все они относятся к относительно экономически благополучным группам населения, а также имеют высокий социальный статус в коллективе; не имеют алкогольной зависимости, получили высшее образование. Тестирование респондентов проводилось небольшими группами или индивидуально. Результаты исследования представлены в рисунках и таблицах.

Результаты исследования и их обсуждение

В таблице 1 представлены результаты исследований уровня эмоционального выгорания у сотрудников МВД по методике диагностики уровня эмоционального выгорания В.В. Бойко. Как показано в данной таблице, все респонденты разделяются по количеству набранных баллов, как в отдельных симптомах, так и в фазах. Выборка была разделена на 2 эквивалентные группы: 1-ая группа – сотрудники, работающие в МВД менее 3х лет; 2-я группа – сотрудники, работающие в МВД более 3х лет.

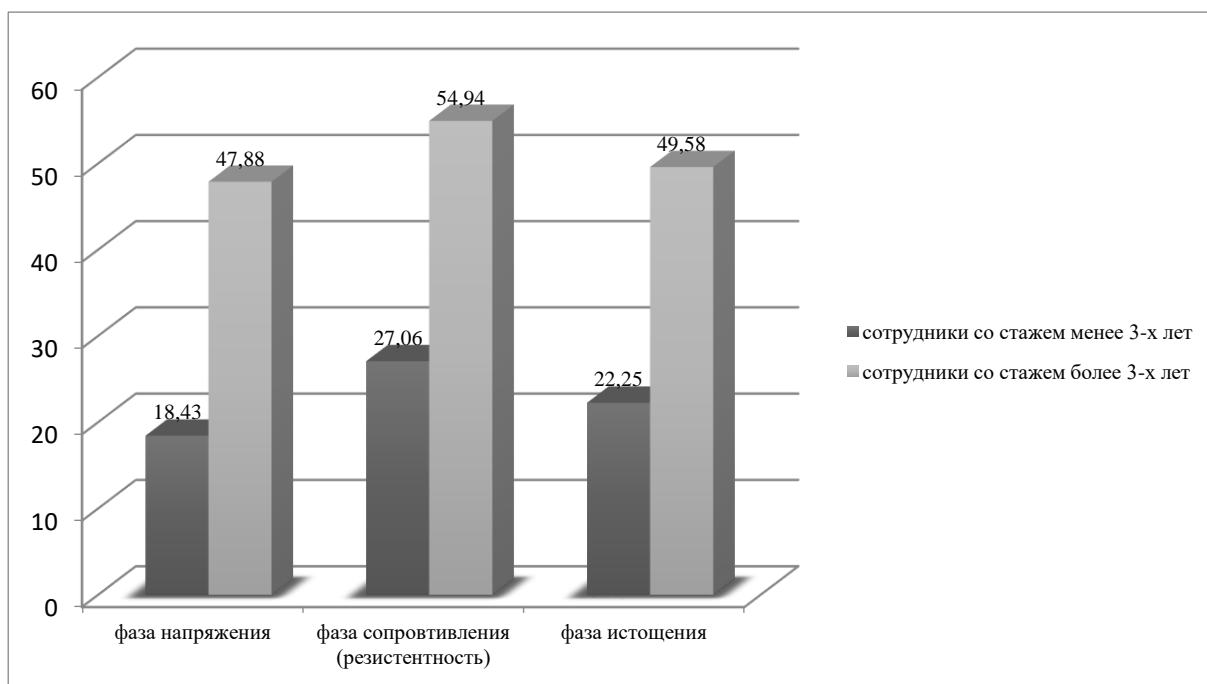
Таким образом, фаза напряжения в первой группе сотрудников:

- не сформирована у 7 респондентов (21,2% опрошенных);
- в стадии формирования у 9 респондентов (27,2%). Проявляется как осознание психотравмирующих факторов деятельности. Сформированной фазы напряжения в этой группе не замечено. Во второй группе фаза напряжения:
 - не сформирована у 2 респондентов (6,06%);
 - в стадии формирования у 5 респондентов (15,1%). Действует механизм «эмоционального переноса» – энергия эмоций направляется не столько вовне, сколько на себя;
 - сформирована у 10 респондентов (30,3%). Чувство беспомощности, профессионал

переживают личностную тревогу, разочарование в себе, в профессии или месте работы.

Фаза резистенции в первой группе:

- не сформирована у 9 респондентов (27,3%);
- в стадии формирования у 7 респондентов (21,21%). Человек стремится к психологическому комфорту и поэтому старается снизить давление внешних обстоятельств.

(составлено автором по материалам исследования)

Рисунок 1 - Уровень эмоционального выгорания у сотрудников МВД по методике В.В. Бойко (%)

Сформированной фазы резистенции в этой группе не зафиксировано.

Во 2-й группе фаза резистенции:

- не сформирована у 3 респондентов (9,09%);
- в стадии формирования у 4 респондентов (12,12%), т.е. профессионал неадекватно «экономит» на эмоциях.
- сформирована у 10 респондентов (30,3%). Профессионал не только осознает, что не проявляет должного эмоционального отношения к своему подопечному.

Фаза истощения в первой группе:

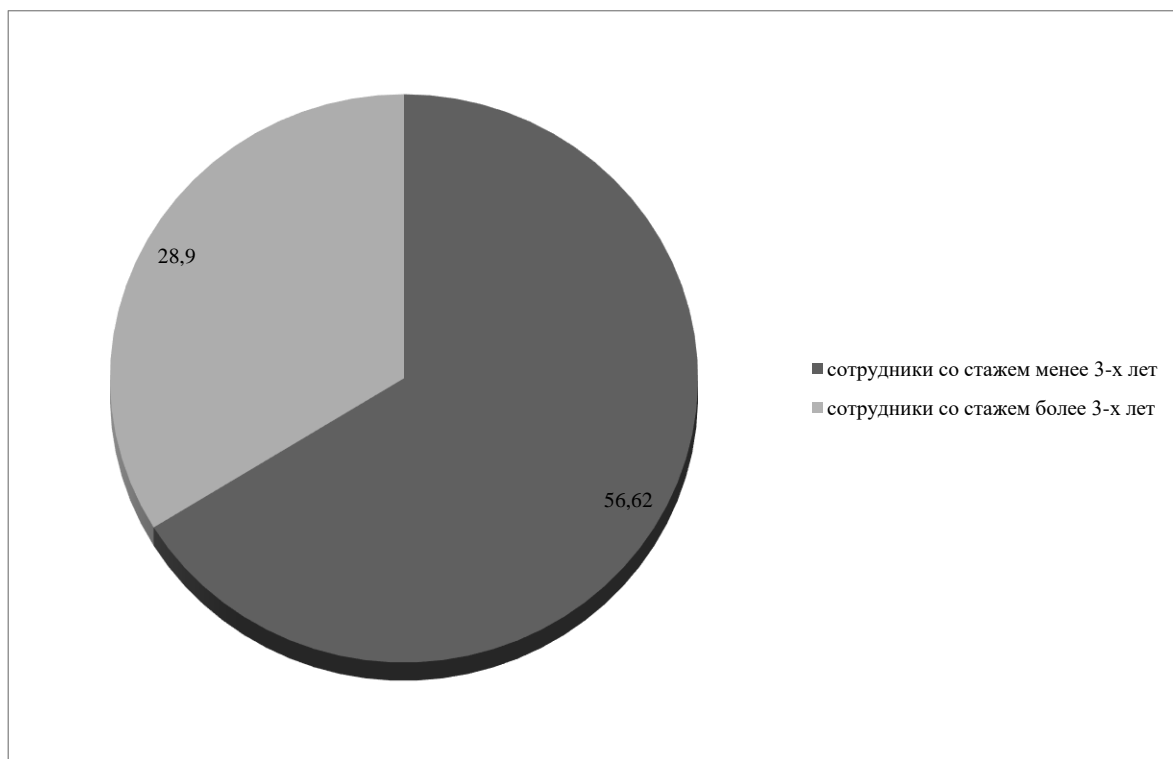
- не сформирована у 10 респондентов (30,3%);
- в стадии формирования у 6 респондентов (18,18%), т.е. падение общего энергетического тонуса и ослаблением нервной системы.

Сформированной фазы истощения в этой группе не зафиксировано.

Во 2-й группе фаза истощения:

- не сформирована у 2 респондентов (6,06%);
- в стадии формирования у 5 респондентов (15,15%). Для них характерна раздражительность, обиды, резкость, грубость;
- сформирована у 10 респондентов (30,3%). Человек постепенно научается работать как

бездушный автомат, почти полностью исключают эмоции из сферы профессиональной деятельности.

(составлено автором по материалам исследования)

Рисунок 2 - Средние значения экспресс-диагностики уровня невротизации у сотрудников МВД

В результате тестовой интерпретации по методике психологической экспресс-диагностики уровня невротизации (авторы: Б.В. Иовлев, Э.Б. Карпова, А.Я. Вукс) в первой группе сотрудников МВД установлено:

- низкий у 6 респондентов (18,18% опрошенных);
- очень низкий у 10 респондентов (30,3%).

Уровень невротизации во второй группе сотрудников МВД со стажем более трех лет установлен:

- пониженный уровень у 7 респондентов (21,21%);
- низкий у 5 респондентов (15,15%);
- очень низкий у 5 респондентов (15,15%).

Применение критерия Манна-Уитни выявило достоверность различий между 2 группами сотрудников МВД с различным уровнем стажа (см. таблицу 1).

Таблица 1 - Таблица достоверности различий

Фактор различия	Критерий	Значимость (p<0,05)
Синдром эмоционального выгорания	U-критерий Манна-Уитни	0,000
Уровень невротизации	U-критерий Манна-Уитни	0,018

(составлено автором по материалам исследования)

Достоверные различия между группами были выявлены в уровне эмоционального выгорания (Методика диагностики уровня эмоционального выгорания В.В. Бойко): высокий уровень эмоционального выгорания выше в первой группе сотрудников со стажем менее 3-х лет ($t=0,000 < 0,05$). Достоверные различия имеются в показателе невротизации между 1 и 2 группой: «высокий уровень невротизации» ($t=0,018 < 0,05$).

Заключение

В ходе исследования было установлено, что синдрому эмоционального выгорания в различной степени подвержены 22 респондента, у остальных 11 сотрудников не было выявлены признаки эмоционального выгорания. Наиболее оптимальным мероприятием психологической профилактики профессиональной деформации является социально-психологический тренинг методом деловой игры, также необходимо делать разграничение между профессиональной жизнью и частной.

Библиография

1. Вардадян Ю.В., Воробьева О.М. Преодоление эмоционального выгорания сотрудников органов внутренних дел как ресурс развития психологической безопасности // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 5. С. 63.
2. Густова Е.А., Евенко С.Л. Современные профессии: состояние, прогнозы и перспективы развития // Прикладная психология: современное состояние, эффективность исследований, перспективы развития. 2017. С. 43-44.
3. Евенко С.Л., Погибенко Л.Б. Психологические компоненты стрессоустойчивости сотрудников службы психологической поддержки онкобольных // Человеческий капитал. 2018. № 3 (111). С. 106-114.
4. Ильиных О.В. Социально-психологическая структура психического выгорания сотрудников милиции общественной безопасности: автореф. дис. ... канд. псих. наук. Кострома, 2010. 21 с.
5. Климова Е.М. Психологические особенности профессионального выгорания сотрудников МВД // Вестник науки и образования. 2018. № 15-1 (51). С. 100-102.
6. Методика диагностики уровня эмоционального выгорания В.В. Бойко. URL: <https://psytests.org/boyko/burnout.html?ysclid=l6s13ziutv951173803>
7. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. СПб.: Речь, 2003. 350 с.
8. Уразаева Г.И. Профессиональная деформация сотрудников полиции в аспекте эмоционального выгорания: социально-психологические условия, механизмы, особенности, факторы // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2014. № 2 (16). С. 14-20.
9. Черенева Е.А. Феномен эмоционального выгорания и профессиональная деформация // Молодой ученый. 2021. № 50 (392). С. 145-146.
10. Шкала для психологической экспресс-диагностики уровня невротизации (авторы: Б.В. Иовлев, Э.Б. Карпова, А.Я. Вукс). URL: <https://psytests.org/clinical/unMm.html?ysclid=l6s15qk8i7142011524>

The specifics of emotional burnout among employees of the Ministry of Internal Affairs with different work experience

Marina A. Sergeeva

PhD in Psychology, Associate Professor,
Department of Psychology and Pedagogy,
Astrakhan State Medical University,
414024, 121, Bakinskaya str., Astrakhan, Russian Federation,
e-mail: mari-s2010@mail.ru

Aliya S. Abdullaeva

PhD in Psychology,
Senior Lecturer of Department of Economics and Health
with a Postgraduate Course,
Astrakhan State Medical University,
414024, 121, Bakinskaya str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: alya_kubekova@mail.ru

Leila F. Fursi

PhD in Psychology, Associate Professor,
Department of Humanities and Psychology,
Astrakhan State Technical University,
414025, 16, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation,
e-mail: fursi@inbox.ru

Abstract

The article presents the results of an empirical study of emotional burnout among employees of the Ministry of Internal Affairs with different length of service. The analysis of the concept of burnout syndrome and the factors that determine the CMEA has been carried out. Burnout syndrome is seen as the result of poorly managed stress in the workplace. To achieve the goal of the study, psychodiagnostic methods were applied: 1) a method for diagnosing the level of emotional burnout by V.V. Boyko; 2) a scale for psychological express diagnostics of the level of neuroticism (authors: B.V. Iovlev, E.B. Karpova, A.Ya. Vuks). Statistical data processing was performed using the Mann-Whitney U-test. The study sample consisted of: Group 1 – employees of the Ministry of Internal Affairs with a work experience of less than 3 years in the amount of 16 people; Group 2 – employees of the Ministry of Internal Affairs with more than 3 work experience in the amount of 17 people. In the course of the study, it was found that 22 respondents were subject to burnout syndrome to varying degrees, the remaining 11 employees did not show signs of burnout. The most optimal measure for the psychological prevention of professional deformation is socio-psychological training by the method of a business game; it is also necessary to make a distinction between professional life and private life.

For citation

Sergeeva M.A., Abdullaeva A.S., Fursi L.F. (2022) Spetsifika emotsional'nogo vygoraniya u sotrudnikov MVD s razlichnym trudovym stazhem [The specifics of emotional burnout among employees of the Ministry of Internal Affairs with different work experience]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 11 (6A), pp. 123-130. DOI: 10.34670/AR.2023.39.24.014

Keywords

Burnout syndrome, professional deformation, employees of the Ministry of Internal Affairs, stress, neuroticism, professional activity, burnout prevention.

References

1. Chereueva E.A. (2021) Fenomen emotsional'nogo vygoraniya i professional'naya deformatsiya [The phenomenon of emotional burnout and professional deformation]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist.], 50 (392), pp. 145-146.
2. Evenko S.L., Pogibenko L.B. (2018) Psikhologicheskie komponenty stressoustoichivosti sotrudnikov sluzhby psikhologicheskoi podderzhki onkol'nykh [Psychological components of stress resistance of employees of the psychological support service for cancer patients]. *Chelovecheskii kapital* [Human capital], 3 (111), pp. 106-114.
3. Gustova E.A., Evenko S.L. (2017) Sovremennye professii: sostoyanie, prognozy i perspektivy razvitiya [Modern professions: state, forecasts and development prospects]. In: *Prikladnaya psikhologiya: sovremennoe sostoyanie, effektivnost' issledovaniy, perspektivy razvitiya* [Applied Psychology: current state, research efficiency, development prospects].
4. Il'nykh O.V. (2010) *Sotsial'no-psikhologicheskaya struktura psikhicheskogo vygoraniya sotrudnikov militsii obshchestvennoi bezopasnosti. Doct. Dis.* [Socio-psychological structure of mental burnout of police officers of public security. Doct. Dis.]. Kostroma.
5. Klimova E.M. (2018) Psikhologicheskie osobennosti professional'nogo vygoraniya sotrudnikov MVD [Psychological features of professional burnout of employees of the Ministry of Internal Affairs]. *Vestnik nauki i obrazovaniya* [Bulletin of Science and Education], 15-1 (51), pp. 100-102.
6. *Metodika diagnostiki urovnya emotsional'nogo vygoraniya V.V. Boyko* [Methodology for diagnosing the level of emotional burnout V.V. Boyko]. Available at: <https://psyttests.org/boyko/burnout.html?ysclid=l6s13ziutv951173803> [Accessed 12/12/2022]
7. *Shkala dlya psikhologicheskoi ekspres-diagnoziki urovnya nevrotizatsii (avtory: B.V. Iovlev, E.B. Karpova, A.Ya. Vuks)* [Scale for psychological express diagnostics of the level of neuroticism (authors: B.V. Iovlev, E.B. Karpova, A.Ya. Vuks)]. Available at: <https://psyttests.org/clinical/unMm.html?ysclid=l6s15qk8i7142011524> [Accessed 12/12/2022]
8. Sidorenko E.V. (2003) *Metody matematicheskoi obrabotki v psikhologii* [Methods of mathematical processing in psychology]. St. Petersburg: Rech' Publ.
9. Urazaeva G.I. (2014) Professional'naya deformatsiya sotrudnikov politzii v aspekte emotsional'nogo vygoraniya: sotsial'no-psikhologicheskie usloviya, mekhanizmy, osobennosti, faktory [Professional deformation of police officers in the aspect of emotional burnout: socio-psychological conditions, mechanisms, features, factors]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2 (16), pp. 14-20.
10. Vardanyan Yu.V., Vorob'eva O.M. (2020) Preodolenie emotsional'nogo vygoraniya sotrudnikov organov vnutrennikh del kak resurs razvitiya psikhologicheskoi bezopasnosti [Overcoming emotional burnout of employees of internal affairs bodies as a resource for the development of psychological security]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of Science. Pedagogy and psychology], 5, p. 63.

УДК: 159.943:616-056.5:616.89

DOI: 10.34670/AR.2023.45.10.015

Нарушения пищевого поведения в аспекте психосоматических расстройств

Абдуллаева Алия Салаватовна

Кандидат психологических наук,
доцент кафедры экономики и здравоохранения
с курсом последипломного образования,
Астраханский государственный медицинский университет,
414024, Российская Федерация, Астрахань, ул. Бакинская, 121;
e-mail: alya_kubekova@mail.ru

Ярахмедова Милана Алиевна

Студентка,
Астраханский государственный медицинский университет,
414024, Российская Федерация, Астрахань, ул. Бакинская, 121;
e-mail: milanaarahmedova2@gmail.com

Аннотация

Расстройства пищевого поведения (РПП), или расстройства питания, или расстройства приема пищи – заболевания, сопровождающиеся стойким нарушением питания или поведения, связанного с питанием, которое нарушает потребление или всасывание пищи, а также значительно ухудшает физическое здоровье и / или психосоциальное функционирование. Эта группа болезней представляет собой этиологически сложную комбинацию биологических, психологических и социальных факторов, имеет свою специфику и представлена в различных диагностических формах. Начиная с 2019 года тем или иным видом нарушения пищевого поведения болело 14 млн. человек, из них это 3 млн. детей, а также подростков. В статье проведен анализ расстройств пищевого поведения в аспекте психосоматических расстройств. Расстройства пищевого поведения – заболевания, сопровождающиеся стойким нарушением питания или поведения, связанного с питанием, которое нарушает потребление или всасывание пищи. Расстройства пищевого поведения имеет высокую смертность (около 20%) в сравнении с другими психическими расстройствами. Определены социокультуральные, психологические, средовые, наследственные, биологические факторы риска возникновения РПП. Некоторые авторы выделяют нормальное и три вида нарушенного пищевого поведения: экстернальное, ограничительное и эмоциогенное пищевое поведение. Когнитивно-поведенческая терапия является эффективным методом психотерапии при расстройствах пищевого поведения.

Для цитирования в научных исследованиях

Абдуллаева А.С., Ярахмедова М.А. Нарушения пищевого поведения в аспекте психосоматических расстройств // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 6А. С. 131-137. DOI: 10.34670/AR.2023.45.10.015

Ключевые слова

Расстройства пищевого поведения, психосоматические расстройства: психологический фактор, социальный фактор, нервная анорексия, нервная булимия, когнитивно-поведенческая терапия.

Введение

Расстройства пищевого поведения (РПП), или расстройства питания, или расстройства приема пищи – заболевания, сопровождающиеся стойким нарушением питания или поведения, связанного с питанием, которое нарушает потребление или всасывание пищи, а также значительно ухудшает физическое здоровье и / или психосоциальное функционирование. Эта группа болезней представляет собой этиологически сложную комбинацию биологических, психологических и социальных факторов, имеет свою специфику и представлена в различных диагностических формах. Начиная с 2019 года тем или иным видом нарушения пищевого поведения болело 14 млн. человек, из них это 3 млн. детей, а также подростков [Institute of Health Metrics and Evaluation, [www](http://www.who.org)]. Нервная анорексия и нервная булимия относятся к нарушениям пищевого поведения, данные виды РПП относятся к чрезмерному беспокойству при приеме еды, чрезмерным беспокойством по поводу внешнего облика и вида. Расстройства пищевого поведения представляют собой опасное заболевание, связанное с нарушением приема пищи. Расстройства пищевого поведения (РПП) имеет высокую смертность (около 20%) в сравнении с другими психическими расстройствами. Во всем мире каждые 62 минуты смертность пациентов обусловлена нарушениями пищевого поведения. Другими словами, смертность для людей с расстройством пищевого поведения в 12 раз выше, в сравнении с пациентами с остальными психическими заболеваниями.

Основная часть

Под пищевым поведением понимается определенное отношение к еде и приемам еды, определенный стереотип питания, причем как повседневной жизни, но также и в ситуациях стресса для личности, а также формирование образа тела [Исаев, 2005]. Пищевое поведение определяется целым рядом факторов: этническими, культурными, социальными нормами, общественными стандартами красоты, семейными традициями, особенностями воспитания и поведения членов семьи, а также биологическими особенностями организма. Со временем эти привычки могут изменяться, но не все эти изменения будут считаться болезненным нарушением пищевого поведения.

Некоторые авторы выделяют нормальное и три вида нарушенного пищевого поведения: экстернальное, ограничительное и эмоциогенное пищевое поведение [Леонова, 2017; Мищенко и др., 2010]. Экстернальное пищевое поведение детерминировано определенными внешними факторами, при которых индивид бессознательно стремится к приемам пищи, например, при рекламе еды и т.д.

Ограничительное пищевое поведение может быть в виде бесконтрольных жестких диет и излишних пищевых самоограничений, чередующихся с периодами срывов и переяданий, что сопровождается формированием чувства вины. Таким образом, закрепляется стереотип

поведения, в котором пищевое вознаграждение сменяется пищевым наказанием и наоборот.

Эмоциогенное пищевое поведение является гиперфагической реакцией на стресс, то есть побудителем к приему пищи является эмоциональный дискомфорт, а не чувство голода. Важно отметить причины, провоцирующие факторы расстройства пищевого поведения. Главенствующую роль в возникновении РПП играют как психологический, так и социальный факторы. В качестве ключевого фактора в возникновении расстройств пищевого поведения выделяют генетический фактор. К настоящему времени были проведены достоверные исследования, доказывающие, что если у ближайших родственников было диагностировано РПП, то риск значительно увеличивается. Некоторые проведенные исследования показывают до 30%, реже до 83% связи генетической предрасположенности на развитие РПП [Bulick et al., 2007].

Среди психологических детерминант нарушений пищевого поведения относят: акцентуации характера, образ своего тела, социализация и адаптация, особенности психосексуального развития и т.д. [Пономарева, 2010]. Н. Bruch была первым исследователем, которая разработала концепцию при изучении нарушений системы питания. Автор предполагал, что нарушенные отношения между матерью и дочерью могут привести к дефициту Эго у детей, провоцируя, таким образом, значительные когнитивные нарушения и расстройство пищевого поведения [Холодная, 2004]. Личность, страдающая от РПП, как правило, имеет низкую самооценку, неприятие себя, чувством вины, чаще всего, такое состояние сопровождается депрессией и субдепрессией, повышенной тревожностью. Расстройства пищевого поведения полностью искажают восприятие себя и собственного тела, и в дальнейшем усугубляет состояние личности. Именно поэтому лечение от нарушения пищевого поведения представляет собой сложный и долгий процесс.

В зарубежных исследованиях представлены данные, показывающие взаимосвязь между сексуальным или физическим насилием, полученным в детстве с высокой долей вероятности появления у них нарушения пищевого поведения и их симптомов [Micali, 2017]. Другими словами, доказано, что существует тесная связь между психологической травмой (насилие как сексуальное, так и физическое, буллинг) и формированием расстройства пищевого поведения. Справедливо отмечено И. Валлис [Валлис, 2021], что на сегодняшний день отмечается недостаточное количество данных о патогенезе и развитии нарушений пищевого поведения.

Другой ведущей детерминантой при формировании расстройств пищевого поведения следует выделить социальный фактор. Поскольку в современной культуре активно продвигается культура женской красоты, а именно стройности и так называемых «идеальных параметров». Многие женщины, а именно молодые женщины из США и Европы, а также многих других стран, вынуждены соблюдать строгие, а порой экстремальные диеты в погоне за «идеальными параметрами». Установлено, что диета и нездоровые ограничения в питании провоцируют риск развития расстройства пищевого поведения. Во многих эмпирических исследованиях было установлено, что молодые женщины, которые соблюдают диеты, увеличивают риск заболеть расстройством пищевого поведения. К примеру, в исследовании, которое было проведено в Великобритании, показало, что девочки-школьницы, которые соблюдали строгие диеты, в восемь раз чаще болели от заболеваний пищевого поведения. То есть диетическая культура в обществе является своеобразным триггером в развитии расстройства пищевого поведения.

Однако, только одного фактора при формировании нарушения пищевого поведения явно недостаточно, поскольку данное заболевание запускает совокупность факторов и провоцирует расстройство пищевого поведения.

Помимо указанного, нарушение пищевого поведения является миграционным расстройством, сочетающееся с другими видами заболеваний. К примеру, на определенном периоде жизни больной может страдать компульсивным перееданием, а на другом этапе может страдать нервной анорексией. При этом данное расстройство может сопровождаться депрессивным состоянием. Или же нервная анорексия может одновременно сочетаться с нервной булимией. При лечении расстройств пищевого поведения больному требуется не только один врач, это группа специалистов, которые помогут преодолеть такой опасный недуг. Сюда входят такие специалисты как: диетолог, кардиолог, гастроэнтеролог, психиатр или психотерапевт и клинический психолог. Таким образом, диетолог помогает наладить и составить план питания для больного, а психотерапевт помогает изменить образ мышления, восприятие собственного тела, формирование адекватной самооценки и т.д. Нередко используется фармакотерапия, поскольку РПП может сопровождаться депрессией и тревожным расстройством. В настоящее время когнитивно-поведенческая психотерапия является одним из эффективных методов в современной психотерапии, который благотворно влияет на мышление человека и исправления ошибок в его поведении, а также позволяющий справиться с таким состояниями как стресс, расстройства пищевого поведения, расстройства психиатрического профиля, психосоматические расстройства, депрессия, в том числе синдром эмоционального выгорания. Основная цель в бихевиоральной психотерапии состоит в том, чтобы подавить нежелательное поведение и сформировать желаемое поведение для преодоления трудностей и решения проблем пациента. Как правило, поведенческие психотерапевты выстраивают терапевтический мост между ним и пациентов, обсуждают его проблемы и находят наиболее эффективные и конструктивные способы и копинг стратегии для решения ведущих проблем клиента. В дальнейшем поведенческая психотерапия показала свою эффективность при таких психических расстройствах как: тревожное расстройство, паническое расстройство, агорафобия, обсессивно-компульсивное расстройство, сексуальные расстройства, недержание мочи и т.д. Главная задача когнитивно-поведенческого терапевта заключается в том, чтобы выявить автоматические мысли пациента, выявить отношение к определенным ситуациям, также скорректировать ошибки мышления, которые в дальнейшем сформируют более адаптивные и положительные мысли, которые позволят поменять неконструктивное поведение пациента.

Основные положения когнитивно-поведенческой психотерапии заключаются в следующем:

1. Все негативные эмоциональные переживания – это не случившаяся ситуация, а только собственная оценка и интерпретация данной ситуации, возникающие мысли об этой ситуации и как вы видите себя;
2. Данные возникающие автоматические мысли и когниции возможно изменить, поменять собственную оценку всех ситуаций, коренным образом изменить возникающие мысли по поводу произошедших ситуаций;
3. Более глубинные убеждения и автоматические мысли только лишь кажутся правдоподобными, однако, они не являются истинными, мысли запускают эмоциональную реакцию, от которых становится хуже;

4. Негативные эмоциональные переживания напрямую коррелируют с привычными образцами мышления, к которой привыкла личность, то есть неправильная переработка полученной информации. Таким образом, личность способна поменять свое мышление. КПТ является лучшим методом лечения нервной булимии, о чем свидетельствует ряд исследований, в том числе исследование, проведенное Национальным институтом здравоохранения и клинического мастерства Великобритании [Agras, 2021]. Программа нацелена на поиск причин возникновения пищевого нарушения (булимия, анорексия, компульсивное неконтролируемое переедание и др.).

Заключение

Нарушения пищевого поведения являются многофакторными расстройствами. Определены социокультуральные, психологические, средовые, наследственные, биологические факторы риска возникновения РПП. Методы КПТ помогают клиентам справляться с нарушениями пищевого поведения посредством стратегий нормализации паттерна питания, устранения триггеров переедания и очищения, а также регуляции эмоций и решения проблем.

Библиография

1. Валлис И. Факторы патогенеза и развития расстройств пищевого поведения // Актуальные исследования. 2021. № 37 (64). С. 27-32.
2. Исаев Д.Н. Эмоциональный стресс, психосоматические и соматопсихические расстройства у детей. СПб.: Речь, 2005. 400 с.
3. Леонова Е.Н. Социально-психологические типы пищевого поведения // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 27. № 2. С. 174-181.
4. Мищенко Т.В. и др. Роль гормонов и типов пищевого поведения в развитии метаболического синдрома // Экспериментальная и клиническая гастроэнтерология. 2010. № 7. С. 12-19.
5. Пономарева Л.Г. Современные представления о расстройствах пищевого поведения // Молодой ученый. 2010. № 10 (21). С. 274-276.
6. Холодная М.А. Когнитивные стили о природе индивидуального ума. М.: Питер, 2004. 384 с.
7. Agras W.S., Bohon C. Cognitive Behavioral Therapy for the Eating Disorders // Annual Review of Clinical Psychology. 2021. 17 (1). P. 417-438.
8. Bulick C. et al. Genetic Epidemiology, Endophenotypes, and Eating Disorder Classification // The International Journal of Eating Disorders. 2007. 40. P. 52-60.
9. Institute of Health Metrics and Evaluation. Global Health Data Exchange (GHDx). URL: <https://vizhub.healthdata.org/gbd-results/>
10. Micali N. Lifetime and 12-month prevalence of eating disorders amongst women in mid-life: A population-based study of diagnoses and risk factors // BMC Medicine. 2017. № 15. P. 135-139.

Eating disorders in the aspect of psychosomatic disorders

Aliya S. Abdullaeva

PhD in Psychology,
Senior Lecturer of Department of Economics and Health
with a Postgraduate Course,
Astrakhan State Medical University,
414024, 121, Bakinskaya str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: alya_kubekova@mail.ru

Milana A. Yarakhmedova

Graduate Student,
Astrakhan State Medical University,
414024, 121, Bakinskaya str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: milanaarahmedova2@gmail.com

Abstract

Eating disorders (EDs) are diseases characterized by persistent eating disorders or eating behaviors that impair food intake or absorption, and significantly impair physical health and/or psychosocial functioning. This group of diseases is an etiologically complex combination of biological, psychological and social factors, has its own specifics and is presented in various diagnostic forms. Since 2019, 14 million people have suffered from some type of eating disorder, of which 3 million are children and adolescents. Eating disorders (EDs) have a high mortality rate (about 20%) compared to other mental disorders. Every 62 minutes worldwide, patients die due to eating disorders. In other words, the mortality rate for people with an eating disorder is 12 times higher than for patients with other mental illnesses. The article analyzes eating disorders in the aspect of psychosomatic disorders. Eating disorders are diseases characterized by persistent eating disorders or eating behaviors that interfere with food intake or absorption. Eating disorders have a high mortality rate (about 20%) compared to other mental disorders. Sociocultural, psychological, environmental, hereditary, biological risk factors for the occurrence of ED have been identified. Some authors distinguish normal and three types of disturbed eating behavior: external, restrictive and emotional eating behavior. Cognitive behavioral therapy is an effective method of psychotherapy for eating disorders.

For citation

Abdullaeva A.S., Yarakhmedova M.A. (2022) Narusheniya pishchevogo povedeniya v aspekte psikhosomaticheskikh rasstroistv [Eating disorders in the aspect of psychosomatic disorders]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 11 (6A), pp. 131-137. DOI: 10.34670/AR.2023.45.10.015

Keywords

Eating disorders, psychosomatic disorders, psychological factor, social factor, anorexia nervosa, bulimia nervosa, cognitive behavioral therapy.

References

1. Agras W.S., Bohon C. (2021) Cognitive Behavioral Therapy for the Eating Disorders. *Annual Review of Clinical Psychology*, 17 (1), pp. 417-438.
2. Bulick C. et al. (2007) Genetic Epidemiology, Endophenotypes, and Eating Disorder Classification. *The International Journal of Eating Disorders*, 40, pp. 52-60.
3. *Institute of Health Metrics and Evaluation. Global Health Data Exchange (GHDx)*. Available at: <https://vizhub.healthdata.org/gbd-results/> [Accessed 12/12/2022]
4. Isaev D.N. (2005) *Emotsional'nyi stress, psikhosomaticheskie i somatopsikhicheskie rasstroistva u detei* [Emotional stress, psychosomatic and somatopsychic disorders in children]. St. Petersburg: Rech' Publ.
5. Kholodnaya M.A. (2004) *Kognitivnye stili o prirode individual'nogo uma* [Cognitive styles about the nature of the individual mind]. Moscow: Piter Publ.
6. Leonova E.N. (2017) Sotsial'no-psikhologicheskie tipy pishchevogo povedeniya [Socio-psychological types of eating behavior]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletin of the Udmurt

-
- University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy], 27, 2, pp. 174-181.
7. Micali N. (2017) Lifetime and 12-month prevalence of eating disorders amongst women in mid-life: A population-based study of diagnoses and risk factors. *BMC Medicine*, 15, pp. 135-139.
 8. Mishchenkova T.V. et al. (2010) Rol' gormonov i tipov pishchevogo povedeniya v razvitii metabolicheskogo sindroma [the role of hormones and types of eating behavior in the development of the metabolic syndrome]. *Eksperimental'naya i klinicheskaya gastroenterologiya* [Experimental and Clinical Gastroenterology], 7, pp. 12-19.
 9. Ponomareva L.G. (2010) Sovremennye predstavleniya o rasstroistvakh pishchevogo povedeniya [Modern ideas about eating disorders]. *Molodoi uchenyi* [Young scientist], 10 (21), pp. 274-276.
 10. Vallis I. (2021) Faktory patogeneza i razvitiya rasstroistv pishchevogo povedeniya [Factors of pathogenesis and development of eating disorders]. *Aktual'nye issledovaniya* [Actual research], 37 (64), pp. 27-32.

УДК 339.13

DOI: 10.34670/AR.2023.36.72.016

Исследование взаимосвязи скрытого нарциссизма и отношения к товарам класса люкс у россиян

Максименко Александр Александрович

Доктор социологических наук, кандидат психологических наук,
профессор департамента психологии,
Высшая школа экономики,
101000, Российская Федерация, Москва, ул. Мясницкая, 20;
e-mail: Maximenko.AI@gmail.com

Юринова Дарья

Студентка,
Институт управления, экономики и финансов,
Костромской государственной университет,
156005, Российская Федерация, Кострома, ул. Дзержинского, 17;
e-mail: yurinova.dasha@yandex.ru

Аннотация

Институт демонстративного поведения в России эволюционирует благодаря как влиянию социально-ответственных и общественно значимых трендов последних 10-20 лет, связанных с просоциальным поведением граждан, так и внешним вызовам, в том числе и санкционному давлению. В этой связи становится актуальным изучение отношения современных россиян к товарам премиум сегмента. Целью настоящего исследования являлось выявление отношения к товарам класса люкс и изучение взаимосвязи этого отношения со скрытым нарциссизмом. В исследовании, проведенном в мае 2022 года на общероссийской выборке в 500 человек с помощью опросников скрытых мотивов потребления роскоши и шкалы скрытого нарциссизма, выяснилось отношение к товарам класса люкс у россиян заключается в получении статусности и желании отделиться от массового сегмента потребления. Желание получить предметы роскоши сопряжено с социофобией и ранимостью. В то же время нежелание демонстрировать предметы роскоши связано у россиян с замкнутостью, заниженной самооценкой и акцентированности на своих проблемах и заботах. В ходе проведенного исследования подтвердилась гипотеза о том, что потребление продуктов класса люкс у россиян взаимосвязано с их личностными особенностями, а именно – со скрытым нарциссизмом.

Для цитирования в научных исследованиях

Максименко А.А., Юринова Д. Исследование взаимосвязи скрытого нарциссизма и отношения к товарам класса люкс у россиян // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 6А. С. 138-151. DOI: 10.34670/AR.2023.36.72.016

Ключевые слова

Психология потребления брендовых товаров, демонстративное потребление, мотивация потребления товаров класса люкс, скрытый нарциссизм, товары класса люкс, роскошь, клубность.

Введение

По данным Euromonitor International, пандемийный 2020 год для рынка предметов роскоши ознаменовался сокращением продаж: падение было зафиксировано и в России, и в европейских странах. В числе причин – отсутствие туристических потоков, меры изоляции, закрытие физических магазинов и низкое доверие потребителей. Так, в Восточной Европе объемы продаж упали на 27% – с \$30,2 млрд. до \$22 млрд., в Западной Европе – на 19%, с \$293,1 млрд. до \$237,6 млрд., в России на 18%, с \$14,7 млрд. до \$12,1 млрд.¹

Изменившиеся за последние 20 лет культура потребления и доступность предметов роскоши существенно повлияли на смысловые коммуникационные месседжи в российском обществе. Несмотря на глобальные вызовы, продолжает расти число состоятельных людей, изменяются привычки среднего класса². При приобретении таких товаров мотивация выбора у любителей роскоши уже не так очевидна. Претерпевает изменения и сам феномен «демонстративного потребления», который был введен в научный оборот Т. Вебленом [Веблен, 1984] и изначально использовался для описания процесса приобретения дорогостоящих товаров и услуг не из соображений полезности или функциональности, а с целью демонстрации высокого социального статуса и личного благосостояния.

Более ранние исследования показывают³, что покупки предметов роскоши доступны небольшой группе россиян, поэтому приобретенный товар класса люкс демонстративно выставляется напоказ, что повышает его ценность для владельца и не всегда отражает действительный уровень доходов потребителя. Однако поведение любителей роскоши не объясняется лишь одной демонстративной одержимостью, которая к тому же поменяла свою корреляцию с доходом. Кажущаяся доступность товаров класса люкс сегрегирует целевые аудитории, создавая их закрытость. Работы российских исследователей [Скоробогатых, 2011; Журавлева, Дегтярева, 2013; Березова et al, 2015; Лезликова, Шеремет, 2016; Бадоев, Засеева, 2017; Ченчик, 2018] позволяют начать осмысление особенностей потребления предметов роскоши российскими покупателями, однако интересно этот процесс дополнить как зарубежными обзорами, так и исследованием, позволяющим прояснить взаимосвязи отношения к товарам класса люкс и психологическими чертами личности.

Многие исследователи рассматривают потребление товаров класса люкс с разных сторон. Так, Й. Вонг с коллегами [Wang et al, 2021] в статье «Носит ли дьявол Prada?» выдвинули предположения, что опыт использования предметов роскоши вызывает у людей ощущение

¹ Перемитин Г. В мире снизился средний чек на покупку роскоши. URL: <https://www.rbc.ru/business/31/08/2021/612d188e9a794712fd80e3e9>

² Рынок предметов роскоши в России и Европе: тренды и прогнозы. URL: <https://retail-loyalty.org/expert-forum/rynok-predmetov-roskoshi-v-rossii-i-evrope-trendy-i-prognozy/>

³ Математика российского люкса: перспективы роста и потребительское поведение. McKinsey, 2018. URL: https://adindex.ru/files2/access/2018_09/174549_Mathematics-of-the-luxury-market-in-Russia.pdf

более высокого социального статуса, который влияет на готовность к просоциальному поведению в зависимости от внешнего контекста. При этом в контексте личного общения высокий социальный статус приводит к менее просоциальному поведению (проявление эгоизма), и, наоборот, в общественном контексте социальный статус способствует просоциальному поведению (проявление большей щедрости). Авторами было проведено несколько исследований с разными условиями и вариантами проявления просоциального поведения. Так, одной группе девушек выдавалась брендовая сумка, а второй – сумка без бренда. По итогу было обнаружено, что девушки, пользующиеся предметами роскоши, ведут себя более щедро, жертвуя больше денег на благотворительность, чем те, кто пользовались небрендовыми предметами, когда их пожертвования происходят публично, на глазах у других людей. Кроме того, авторы отмечают, что обе модели поведения, при которых потребители предметов роскоши проявляют более эгоистичное и более щедрое поведение, обусловлены изменением в восприятии своего социального статуса со стороны женщин, которое вызвано опытом использования предметов роскоши.

В статье «Почему бренды должны бояться робких потребителей?» М. Томсон [Thomson et al, 2012] указывает на то, что потребительское поведение выстраивается по аналогии с межличностным взаимодействием, где тип привязанности играет значительную роль. По этой причине ситуация утраты (разрыв отношений с брендом) как стрессовая ситуация может запускать копинг-механизмы в зависимости от типа привязанности. Авторы показали, что тревога и избегание предрасполагают к «анти-брендовым» реакциям, а также, что связь между повышающимися тревогой и избеганием и анти-брендовым поведением⁴ опосредуются потерей преимуществ от бренда и снижением самооценки.

В статье «Имеет ли роскошь минимальную цену?» Дж. Капферер с коллегами [Karferer et al, 2013] задались вопросом о доступности роскоши и постарались обнаружить у покупателя восприятия цены, ниже которой потребители будут считать продукт, уже не относящийся к категории класса люкс. Результаты опроса показали, что цена товара будет указывать на люксовость товара только в том случае, если бренд продукта неизвестен.

С целью измерения степени люксовости (роскошности) бренда, отношения к понятию роскоши, восприятия роскоши и предпочтений в покупках престижа, В. Доган [Dogan et al, 2020] презентует 18-пунктную шкалу для измерения тенденций потребления роскоши, содержащую пять измерений: уникальность, дороговизна, символическое значение, импульсивное желание и принадлежность к эксклюзивному меньшинству. В результате исследований им на выборке в 1428 респондента было обнаружено также то, что тенденция к потреблению роскоши положительно связана с видимым потреблением и статусным потреблением. Кроме того, по мере повышения уровня интерпретации растет и тенденция потребления роскоши.

Статья И. Дэвиса [Davies et al, 2012] «Заботятся ли покупатели роскоши об этической составляющей?» посвящена выяснению ответа на вопрос: склонны ли потребители задумываться об этической стороне потребления, покупая предметы роскоши, и как это отличается от покупок обычных товаров. Исследовательские вопросы были следующие: 1) задумываются ли потребители об этических вопросах как-то иначе при покупке предметов

⁴ Под анти-брендовым поведением авторы понимают угрозы сотрудникам, воровство и другие способы причинения ущерба бренду.

роскоши, нежели чем при покупке обычных товаров? 2) задумываются ли потребители об этических вопросах с такой же силой, как и при покупке обычных товаров? 3) какие факторы влияют на ограниченное распространение этических предметов роскоши и низкую осведомленность о них? Выяснилось, что фактор этичности при покупке предметов роскоши имеет наименьший вес. При этом в статье не затрагивается социально-опасный [Максименко, Пичугина, 2012] статус товара и этичность самого бизнеса.

В статье «Психология потребителя предметов роскоши» З. Развана и М. Родики [Razvan, Rodica, 2015] исследуются мотивационные элементы потребителя предметов роскоши и соотнесение этих причин с ценностями потребителей. Авторы в ходе исследования выдвинули и доказали следующие предположения: 1) потребление предметов роскоши ассоциируется с успешными людьми; 2) основные психологические факторы, определяющие потребление предметов роскоши, связаны с потребностью в принадлежности, признании и оценке, а ценностями, которые связаны с предметами роскоши, соответствуют потребности в уникальности, социальному статусу и тщеславию.

В исследовании С. Одрина [Audrin et al, 2017] показано, что респонденты, склонные к материалистичности оценивают более положительно продукты, когда они представлены люксовым брендом, чем, когда они представлены не люксовым брендом. И наоборот, опрошенные потребители с нематериалистическими взглядами игнорируют бренд. Этот вывод говорит о том, что личностные характеристики влияют на отношение людей к бренду.

В статье «Совершенство нарциссического «я» Й. Кана и С. Парка [Kang, Park, 2014] указывается на отсутствие прямых данных об особенностях влияния скрытого и открытого нарциссизма на потребительское поведение. Авторы задались следующими исследовательскими вопросами: является ли нарциссическое потребление важным фактором люксовых брендов; как нарциссизм влияет на потребительское поведение в сфере люксовых брендов; какой вклад несет нарциссическое потребление в клиентский капитал люксовых брендов. Было выявлено, что для скрытого нарциссизма характерно приобретение подделок, быстрый цикл покупок, предпочтение трендовым вещам и громким предметам роскоши, а также преобладание количества над качеством. Потребительскому поведению открытого нарциссизма свойственны большая социальная ответственность, более медленный цикл покупок, предпочтение классическим и лимитированным вещам, «тихим» предметам роскоши, а также преобладание качества над количеством. Таким образом, открытый нарциссизм вносит более значимый вклад в клиентский капитал люксовых брендов. Так, клиенты, имеющие тенденции к скрытому нарциссизму, предпочитают изделия с крупными и заметными логотипами, в то время как потребители, имеющие черты открытого нарциссизма, отдают предпочтение бренду с подчеркнутой историей и репутацией.

В статье «Доказательства двух аспектов гордости» Б. Макферраном с коллегами [McFerran et al, 2014] выделяют 2 чувства гордости. Подлинная (но не высокомерная) гордость ведет к усилению стремления к потреблению люксовых брендов, а высокомерная (но не подлинная) гордость является результатом этих покупок и становится той формой гордости, которую потребители демонстрируют наблюдателям со стороны. Авторы выдвинули следующие гипотезы: 1) приобретение люксового бренда усилит надменную гордость больше, чем покупка не-люксового бренда; тем не менее, подлинная гордость не будет зависеть от того, является ли используемый продукт роскошным или не роскошным брендом; 2) наблюдатели делают вывод, что покупатель, потребляющий люксовые бренды, более склонен гордиться своим высокомерием, чем тот, кто использует не роскошные бренды; 3) покупатель, потребляющий

люксовые бренды, будет восприниматься наблюдателями как менее просоциальный, чем тот, кто потребляет не роскошные бренды, и эти отношения будут опосредованы выводом о том, что покупатель испытывает высокомерие, но не подлинную гордость от своего приобретения; 4) люди, которые испытывают временную гордыню (а не подлинную), будут больше желать люксовых брендов; 5) люди, которые испытывают кратковременную подлинную (а не высокомерную) гордость, будут более склонны к люксовым брендам. Авторы обнаружили, что два аспекта гордости по-разному активируются при потреблении брендов, которые являются или не являются символами статуса и роскоши. Потребители мотивированы покупать люксовые бренды из-за особого вида гордости, отличающегося от того, что они испытывают от потребления этих брендов. В частности, в то время как повышение подлинной гордость стимулирует желание к покупке, потребители обнаруживается также повышение уровня высокомерия после приобретения. Кроме того, удалось выяснить, что люди, потребляющие роскошные вещи выглядят как менее просоциальные в глазах наблюдающих.

Н. Бахри-Аммари с коллегами [Bahri-Ammari et al, 2020], основываясь на эффекте победителя, показали, что потребители с независимой самооценкой покупают предметы роскоши для удовлетворения своих гедонистических и утилитарных целей, а потребители с зависимой самооценкой больше заботятся о социальной функции потребления роскоши, известной как эффект «победителя». Авторы выдвинули и доказали гипотезы о взаимосвязи самооценки и эффекта «победителя»: 1) зависимое «я» положительно связано с поведением «победителя» в потреблении роскоши; 2) независимое «я» отрицательно связано с поведением «победителя» в потреблении роскоши. Другими переменными стали социальное сравнение и материализм. В отношении них также были сделаны гипотезы о взаимосвязи самооценки и эффекта «победителя». В результате было получено, что потребители, обладающие зависимой самооценкой, стремятся быть похожими на большинство и принадлежать к определенной группе при покупке предметов роскоши. Однако потребители с независимым «я» хотят найти уникальность и эксклюзивность в предметах роскоши, которые они приобретают.

В исследовании «Как политическая идеология потребителей и цели поддержания статуса взаимодействуют, формируя их стремление к предметам роскоши» Кима Джей Си и коллег [Kim et al, 2018] изучается, как политическая идеология потребителей вызывает чувствительность к цели сохранения статуса (по сравнению с улучшением статуса), что впоследствии приводит к изменению потребления предметов роскоши. Поскольку консервативная политическая идеология увеличивает предпочтение социальной стабильности, авторы предполагают, что консерваторы (по сравнению с либералами) более чувствительны к поддержанию статуса (но не к его продвижению) и, таким образом, проявляют большее стремление к предметам роскоши, когда активизируется цель сохранения статуса. Авторы исследования считают, что политический консерватизм увеличивает потребность в предметах роскоши, когда активирована цель поддержания статуса, но при этом он не влияет на тягу к предметам роскоши, когда активирована цель повышения статуса или, когда цель статуса в принципе отсутствует. Кроме того, было предположено, что когда активизируется цель сохранения статуса, повышенное предпочтение социальной стабильности опосредует влияние политического консерватизма на тягу к предметам роскоши. Авторы смогли доказать, что политический консерватизм увеличивает желание покупать роскошные автомобили среди потребителей с высоким статусом, но не среди потребителей с низким статусом, предположительно потому, что высокий статус активизирует цель сохранения статуса (низкий статус не предполагает желания его сохранить и поддерживать). Консерваторы демонстрируют большее предпочтение

социальной стабильности, чем либералы, занимающие высокие статусные должности. В целом косвенное влияние политического консерватизма на готовность платить для предметов роскоши было опосредовано предпочтением социальной стабильности и смягчено статусными целями.

Таким образом, по итогу выполненного анализа публикаций по теме исследования можно сделать следующие промежуточные выводы: на зарубежном уровне достаточно внимания уделяется исследованию поведения покупок товаров класса люкс. Проводимые исследования рассматривают такое поведение с разных сторон. Одни авторы разрабатывают шкалу для измерения тенденций потребления роскоши, в соответствии с концептуализацией тенденции потребления роскоши. Другие авторы проводят различие между целью поддержания статуса и повышением статуса, а также изучается, как политическая идеология потребителей вызывает чувствительность к цели сохранения статуса. Проводятся исследования, направленные на изучение потребительского поведения роскоши, в основе которого лежит «эффект» победителя, с помощью определенных психологических и социологических факторов. Также исследователи уделяют внимание взаимосвязи нарциссизма, скрытого нарциссизма с поведением при покупке товаров люкс. Авторы подводят читателя к мысли о формировании культуры ответственного потребления. Вероятно, подобные практики необходимо начинать осмыслять со школьной скамьи [Духанина, 2009; Духанина, 2016; Духанина, 2020] совместно с родительским сообществом [Духанина и др., 2014] и институтом просветительства [Духанина, Максименко, 2019].

Несмотря на актуальность проблемы изучения мотивации потребительского поведения, особенно во время пандемии COVID-19, она остается крайне малоизученным феноменом в отечественной науке. Настоящее исследование стремится частично восполнить этот пробел с помощью адаптации методики исследования отношения к продуктам класса люкс на российской выборке, проверки уровня ее валидности и надежности, а также выявлению корреляционных взаимосвязей со скрытым нарциссизмом.

Выборка исследования

Исследование проводилось 04-05 мая 2022 года в режиме онлайн-опроса с помощью сервиса Yandex.Toloka. В нем приняли участие 500 человек, из них 55,6% мужчин и 44,4% женщин, средний возраст опрошенных $M=38,07$; $SD=9,97$.

В классификации, предложенной Й. Ханом [Han et al, 2010] в начале 10-х годов XXI века, опрошенные нами россияне принадлежат преимущественно к хорошо разбирающимся в дорогих брендовых товарах типам («пролетарий» и/или «позер»), но не имеющим возможности приобрести эти вещи, либо приобретающим их качественные подделки или заменители (в отличие от типов «патриций» и «парвеню»).

Методики и гипотеза исследования

В исследовании был использован «Опросник скрытых мотивов потребления роскоши» (в адаптации Дж. Истмана и коллег [Eastman et al, 2022]), построенный на основе парадигмы Дж. Черчилля [Churchill, 1979] и содержащий 10 утверждений, с которыми респондентам было предложено выразить степень согласия по шкале Р. Лайкерта от 1 – полностью не согласен, до 5 – полностью согласен. Дополнительно в диагностический инструментарий были включены методики, измеряющие степень нарциссизма: опросник «Шкала скрытого нарциссизма» (HSNS)

[Hendin, Cheek, 2013]. Кроме того, анкета содержала вопросы социально-демографического характера: пол, возраст, уровень дохода, образования, степень религиозности. Гипотеза исследования состояла в том, что потребление продуктов класса люкс у россиян взаимосвязано с их личностными особенностями, в том числе со скрытым нарциссизмом.

Процедура перевода опросников

К опросникам «Скрытых мотивов потребления роскоши» и «Шкала скрытого нарциссизма» был применен двойной (прямой [англ-русс] и обратный [русс-англ] перевод для более адекватной передачи изначально заложенного в утверждениях смысла. Такая процедура позволяет увеличить степень адекватности восприятия, а также обозначенного контекста.

Результаты исследования

Анализ описательных статистик и факторный анализ мотивов потребления роскоши

Оценивая средние значения по опроснику скрытых мотивов потребления роскоши (табл. 1) можно отметить, что наибольший балл получили такие утверждения как: «Я не люблю рассказывать всем, что у меня есть предметы роскоши» (3,56), «Для меня не важно, знают ли другие о том, какие люксовые бренды у меня есть» (3,49) и «Я бы предпочел, чтобы люди не знали, какими предметами роскоши я пользуюсь» (3,46) и это говорит о том, что большинство опрошенных будет покупать товары для себя, для личного удовлетворения, нежели чтобы показать окружающим какими брендами они пользуются. Наименьшие средние значения получили следующие утверждения: «Я предпочитаю товары класса люкс, которые известны только избранным» (2,47), «Я предпочитаю товары класса люкс, которые известны только экспертам в этой категории продуктов» (2,46) и «Я бы купил товар только потому, что у него есть статус» (2,30), здесь видна другая сторона, меньшая часть опрошенных купили бы товары только лишь потому, что у них есть статус.

Таблица 1 - Факторный анализ и анализ средних значений скрытых мотивов потребителей роскоши

Утверждение	Факторная нагрузка	M(SD)
Фактор «Клубность» (доля объяснимой дисперсии 34,17%)		
Я предпочитаю бренды класса люкс, которые могут оценить только те люди, у которых есть опыт «общения» с подобной категорией товаров	0,800	2,67(1,24)
Я предпочитаю товары класса люкс, которые известны только избранным	0,795	2,47(1,20)
Я предпочитаю товары класса люкс, которые известны только экспертам в этой категории продуктов	0,791	2,46(1,19)
Меня интересуют новые товары со статусом	0,721	2,68(1,25)
Я бы купил товар только потому, что у него есть статус	0,692	2,30(1,28)
Фактор «Секретность/Закрытость» (доля объяснимой дисперсии 25,54%)		
Я бы предпочел, чтобы люди не знали, какими предметами роскоши я пользуюсь	0,832	3,46(1,19)
Мне нравится держать свои покупки предметов роскоши в секрете	0,785	3,14(1,19)
Я предпочитаю пользоваться предметами роскоши в приватной обстановке (без свидетелей)	0,776	3,14(1,18)

Утверждение	Факторная нагрузка	M(SD)
Я не люблю рассказывать всем, что у меня есть предметы роскоши	0,731	3,56(1,21)
Для меня не важно, знают ли другие о том, какие люксовые бренды у меня есть	0,578	3,49(1,36)

В первый фактор (табл. 1) «*Клубность*» вошли такие утверждения как «я предпочитаю бренды класса люкс, которые могут оценить только те люди, у которых есть опыт «общения» с подобной категорией товаров» (0,800), «я предпочитаю товары класса люкс, которые известны только избранным» (0,795), «я предпочитаю товары класса люкс, которые известны только экспертам в этой категории продуктов» (0,791), «меня интересуют новые товары со статусом» (0,721) и «я бы купил товар только потому, что у него есть статус» (0,692). Как видно из таблицы 1, данный фактор объединил те утверждения, которые характеризуют статусное потребление покупателя товаров класса люкс.

Во второй фактор «*Секретность/Закрытость*» вошли такие утверждения как: «я бы предпочел, чтобы люди не знали, какими предметами роскоши я пользуюсь» (0,832), «мне нравится держать свои покупки предметов роскоши в секрете» (0,785), «я предпочитаю пользоваться предметами роскоши в приватной обстановке (без свидетелей)» (0,776), «я не люблю рассказывать всем, что у меня есть предметы роскоши» (0,731) и «для меня не важно, знают ли другие о том, какие люксовые бренды у меня есть» (0,578). Данный фактор объединил утверждения, которые указывают на закрытость потребителей, их изолированности и обособленности от массового сегмента.

Анализ корреляционных взаимосвязей мотивов роскоши и социально-демографических характеристик выборки

В ходе корреляционного анализа отношения к товарам класса люкс и социально-демографических характеристик опрошенных потребителей были выявлены следующие взаимосвязи. Так, отношение к люксовым товарам оказалось взаимосвязано с полом респондентов: для мужчин менее важным оказалось демонстративное поведение («для меня не важно, знают ли другие о том, какие люксовые бренды у меня есть» ($p < 0,01$)), а для женщин подобные характеристики продуктов класса люкс оказались более важными и значимыми («я предпочитаю товары класса люкс, которые известны только избранным» ($p < 0,001$), «я предпочитаю товары класса люкс, которые известны только экспертам в этой категории продуктов» ($p < 0,01$), «я предпочитаю бренды класса люкс, которые могут оценить только те люди, у которых есть опыт «общения» с подобной категорией товаров» ($p < 0,01$), «меня интересуют новые товары со статусом» ($p < 0,05$) и «я бы купил товар только потому, что у него есть статус» ($p < 0,001$)).

Предпочтение товаров класса люкс оказалось отрицательно взаимосвязано с уровнем образования. Так, чем выше образование потребителей, тем они меньше предпочитают товары для избранных: «я предпочитаю товары класса люкс, которые известны только избранным» ($r = -0,098$, при $p < 0,05$) и «я предпочитаю бренды класса люкс, которые могут оценить только те люди, у которых есть опыт «общения» с подобной категорией товаров» ($r = -0,100$, при $p < 0,05$).

Субъективный уровень дохода потребителей ожидаемо проявился в следующей взаимосвязи: чем он выше, тем больше потребительская заинтересованность в приобретении товаров класса люкс («я предпочитаю товары класса люкс, которые известны только экспертам в этой категории продуктов» ($r = -0,087$, при $p < 0,05$) и «меня интересуют новые товары со

статусом» ($r=-0,189$, при $p<0,001$) образовалась отрицательная взаимосвязь).

С остальными параметрами социального паспорта (возрастом и уровнем религиозности) и утверждениями опросника отношения к товарам класса люкс значимых корреляционных связей не было обнаружено.

Анализ описательных статистик шкалы скрытого нарциссизма

Наибольшие средние значения были получены по следующим утверждениям опросника «Шкала скрытого нарциссизма»: «я могу полностью погрузиться в размышления о своих личных делах, своем здоровье, своих заботах или своих отношениях с другими» (3,59), «я чувствую, что по темпераменту отличаюсь от большинства людей» (3,27) и «я часто интерпретирую замечания других людей по-своему» (3,26), при этом наименьшие значения средних по следующим утверждениям: «мне не нравится делить достижения с другими» (2,99), «я втайне раздражаюсь, когда другие люди приходят ко мне со своими проблемами, отнимая мое время и прося моего сочувствия» (2,81) и «когда я вхожу в комнату, я часто становлюсь застенчивым и чувствую, что взгляды других людей устремлены на меня» (2,80).

Факторный анализ данных скрытого нарциссизма

Первый фактор «Социофобия» включил такие утверждения как «я втайне раздражаюсь, когда другие люди приходят ко мне со своими проблемами, отнимая мое время и прося моего сочувствия» (0,763), «я чувствую, что у меня достаточно забот, чтобы не беспокоиться о проблемах других людей» (0,699), «я легко погружаюсь в свои собственные интересы и забываю о существовании других» (0,644), «мне не нравится быть в группе, если я не знаю, что меня ценит хотя бы один из присутствующих» (0,621) и «мне не нравится делить достижения с другими» (0,596).

Второй фактор, названный нами «Ранимость», включил в себя следующие утверждения: «мои чувства легко задеть насмешками или пренебрежительными замечаниями других» (0,824), «когда я вхожу в комнату, я часто становлюсь застенчивым и чувствую, что взгляды других людей устремлены на меня», (0,710), «я часто интерпретирую замечания других людей по-своему» (0,589) и «я могу полностью погрузиться в размышления о своих личных делах, своем здоровье, своих заботах или своих отношениях с другими» (0,520) (табл. 2).

Таблица 2 - Факторный анализ данных, полученных с помощью опросника «скрытый нарциссизм»

Утверждения	Факторы	
	Социофобия	Ранимость
1. Я могу полностью погрузиться в размышления о своих личных делах, своем здоровье, своих заботах или своих отношениях с другими	0,040	0,520
2. Мои чувства легко задеть насмешками или пренебрежительными замечаниями других	0,062	0,824
3. Когда я вхожу в комнату, я часто становлюсь застенчивым и чувствую, что взгляды других людей устремлены на меня	0,233	0,710
4. Мне не нравится делить достижения с другими	0,596	0,209
5. Я чувствую, что у меня достаточно забот, чтобы не беспокоиться о проблемах других людей	0,699	0,061
6. Я чувствую, что по темпераменту отличаюсь от большинства людей	0,455	0,479
7. Я часто интерпретирую замечания других людей по-своему	0,380	0,589
8. Я легко погружаюсь в свои собственные интересы и забываю о существовании других	0,644	0,206
9. Мне не нравится быть в группе, если я не знаю, что меня ценит хотя бы один из присутствующих	0,621	0,232

Утверждения	Факторы	
	Социофобия	Ранимость
10. Я втайне раздражаюсь, когда другие люди приходят ко мне со своими проблемами, отнимая мое время и прося моего сочувствия	0,763	0,044
Факторный вес	3,58	1,22

Результаты взаимосвязей отношения к товарам класса люкс и скрытого нарциссизма.

Рассмотрим результаты корреляционных взаимосвязей между утверждениями опросника отношения к товарам класса люкс и параметрами скрытого нарциссизма, начав анализ корреляционных связей с утверждениями, с которыми у респондентов наибольшая степень согласия. С нежеланием рассказывать о своих предметах роскоши («я не люблю рассказывать всем, что у меня есть предметы роскоши») прослеживается взаимосвязь со следующими параметрами скрытого нарциссизма: «я могу полностью погрузиться в размышления о своих личных делах, своем здоровье, своих заботах или своих отношениях с другими» ($r=0,303$, при $p<0,001$), «я чувствую, что по темпераменту отличаюсь от большинства людей» ($r=0,165$, при $p<0,001$), «я легко погружаюсь в свои собственные интересы и забываю о существовании других» ($r=0,141$, при $p<0,01$) и «мне не нравится быть в группе, если я не знаю, что меня ценит хотя бы один из присутствующих» ($r=0,144$, при $p<0,001$).

Другое закрытое качество характера потребителя («для меня не важно, знают ли другие о том, какие люксовые бренды у меня есть») оказалось положительно взаимосвязано с параметрами скрытого нарциссизма: «я могу полностью погрузиться в размышления о своих личных делах, своем здоровье, своих заботах или своих отношениях с другими» ($r=0,304$, при $p<0,001$).

Между желанием оставить приобретение товара люкс в тайне («я бы предпочел, чтобы люди не знали, какими предметами роскоши я пользуюсь») также есть значимые взаимосвязи с параметрами скрытого нарциссизма: «я могу полностью погрузиться в размышления о своих личных делах, своем здоровье, своих заботах или своих отношениях с другими» ($r=0,281$, при $p<0,001$), «я чувствую, что у меня достаточно забот, чтобы не беспокоиться о проблемах других людей» ($r=0,165$, при $p<0,001$), «я чувствую, что по темпераменту отличаюсь от большинства людей» ($r=0,172$, при $p<0,001$), «я часто интерпретирую замечания других людей по-своему» ($r=0,121$, при $p<0,01$) и «мне не нравится быть в группе, если я не знаю, что меня ценит хотя бы один из присутствующих» ($r=0,121$, при $p<0,01$).

Заключение

Обзор англоязычных источников позволил выявить следующие особенности потребительского поведения покупателей предметов премиум сегмента. Так, зарубежными исследователями было показано, что опыт в использовании предметов роскоши вызывает у людей ощущение более высокого социального статуса, который влияет на готовность к просоциальному поведению в зависимости от внешнего контекста: в контексте личного общения высокий социальный статус приводит к менее просоциальному поведению (проявление эгоизма), и, наоборот, в общественном контексте социальный статус способствует просоциальному поведению (проявление большей щедрости). Потребительское поведение выстраивается по аналогии с межличностным взаимодействием, где тип привязанности играет значительную роль. Цена товара будет указывать на люксовость товара только в том случае,

если бренд продукта неизвестен. Покупатели товаров класса «люкс», склонные к материалистичности оценивают более положительно продукты, когда они представлены люксовым брендом, чем, когда они представлены не люксовым брендом. И наоборот, опрошенные потребители с нематериалистическими взглядами игнорируют бренд. Открытый нарциссизм вносит более значимый вклад в клиентский капитал люксовых брендов: клиенты, имеющие тенденции к скрытому нарциссизму, предпочитают изделия с крупными и заметными логотипами, в то время как потребители, имеющие черты открытого нарциссизма, отдают предпочтение бренду с подчеркнутой историей и репутацией. Подлинная (но не высокомерная) гордость ведет к усилению стремления к потреблению люксовых брендов, а высокомерная (но не подлинная) гордость является результатом этих покупок и становится той формой гордости, которую потребители демонстрируют наблюдателям со стороны. Исследователи доказывают взаимосвязь самооценки и эффекта «победителя», а также социального сравнения и материализма, влияющего на потребительское поведение в сегменте товаров люксов. Консерваторы (по сравнению с либералами) более чувствительны к поддержанию статуса (но не к его продвижению) и, таким образом, проявляют большее стремление к предметам роскоши, когда активизируется цель сохранения статуса. Поэтому политический консерватизм увеличивает потребность в предметах роскоши, когда активирована цель поддержания статуса, но при этом он не влияет на тягу к предметам роскоши, когда активирована цель повышения статуса или, когда цель статуса в принципе отсутствует.

Проведенное исследование отношения российских потребителей к товарам класса люкс позволило выявить следующие взаимосвязи. В результате факторного анализа данных скрытых мотивов потребления роскоши были обнаружены два значимых фактора, характеризующие отношения россиян к товарам класса люкс: это статусность и желание отделиться от массового сегмента потребления. Женщины больше ценят брендовые вещи класса люкс, также предпочитают премиум сегмент люди с более высоким достатком и люди, имеющие меньший уровень образования. Факторный анализ данных скрытого нарциссизма позволил выделить два фактора: «социофобия» и «ранимость». Нежелание демонстрировать предметы роскоши связано у россиян с некоторой замкнутостью, заниженной самооценкой, акцентированности на своих проблемах и заботах. Таким образом, в ходе проведенного исследования гипотеза о том, что потребление продуктов класса люкс у россиян взаимосвязано с их личностными особенностями, а именно – со скрытым нарциссизмом, нашла подтверждение.

Библиография

1. Бадоев С.Х., Засеева К.Т. Современное состояние и перспективы развития российского рынка товаров класса люкс // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2017. № 2. С. 194-197.
2. Березова И.С., Тихомирова И.И., Рыбакова Е.А. Анализ рынка товаров и услуг класса люкс в России // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2015. № 2 (11). С. 279-281.
3. Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 368 с.
4. Духанина Л.Н. Инфраструктура одаренности, или доживем ли до понедельника 2020 года? // Психологическая наука и образование. 2009. № 4. С. 31-40.
5. Духанина Л.Н., Собкин В.С., Адамчук Д.В. Современный учитель: удовлетворенность материальным статусом // Педагогическое образование в государствах – участниках СНГ: современные проблемы, концепции, теории и практика. 2014. С. 48-58.
6. Духанина Л.Н. Сотрудничество организаций дошкольного образования и родительской общественности в условиях современных вызовов // Воспитание и обучение детей младшего возраста. 2016. № 5. С. 577-579.
7. Духанина Л.Н., Максименко А.А. Просветительские запросы россиян // Вопросы образования. 2019. № 2. С. 226-240.
8. Духанина Л.Н. Ценности и жизненные приоритеты российских школьников // Вестник Костромского

- государственного университета. Сер.: Педагогика, психология, социокинетика. 2020. № 2. С. 20-28.
9. Журавлева О.С., Дегтярева А.А. Особенности и тенденции развития рынка товаров роскоши // П-Економу. 2013. № 2 (168). С. 49-54.
 10. Лезликова М.А., Шеремет Е.В. Позиционирование торговой марки в премиум-сегменте // Вестник Московского государственного университета печати. 2016. № 2. С. 143-144.
 11. Максименко А.А., Пичугина Е.Г. Контрмаркетинг табакокурения. Кострома, 2012. 358 с.
 12. Скоробогатых И.И. Маркетинг отношений в сетевом взаимодействии акторов индустрии товаров класса «люкс»: теория, методология, практика: дис. ... д-ра экон. наук. М., 2011. 396 с.
 13. Ченчик А.В. Портрет современного потребителя товаров класса люкс (роскоши) // Российское предпринимательство. 2018. Т. 19. № 4. С. 1315-1322. doi: 10.18334/rp.19.4.38995
 14. Audrin C. et al. When symbolism overtakes quality: Materialist's consumers disregard product quality when faced with luxury brands // Journal of Economic Psychology. 2017. Vol. 61. P. 115-123. Doi: 10.1016/j.joep.2017.04.001
 15. Bahri-Ammari N., Coulibaly D., Ben Mimoun M.S. The bandwagon luxury consumption in Tunisian case: The roles of independent and interdependent self-concept // Journal of Retailing and Consumer Services. 2020. Vol. 52. P. 1-12. Doi: 10.1016/j.jretconser.2019.101903
 16. Churchill G.A. Jr. A paradigm for developing better measures of marketing constructs // Journal of Marketing Research. 1979. Vol. 16 (1). P. 64-73. <https://doi.org/10.1177/002224377901600110>
 17. Davies I.A., Lee Z., Ahonkhai I. Do consumers care about ethical-luxury? // Journal of Business Ethics. 2012. Vol. 106 (1). P. 37-51. DOI:10.1007/s10551-011-1071-y
 18. Dogan V., Ozkara B.Y., Dogan M. Luxury consumption tendency: conceptualization, scale development and validation // Current Psychology. 2020. Vol. 39 (3). P. 934-952. Doi:10.1007/s12144-018-9813-y
 19. Han Y.J., Nunes J.C., Drèze X. Signaling Status with Luxury Goods: The Role of Brand Prominence // Journal of Marketing. 2010. Vol. 74 (July). P. 15-30.
 20. Hendin H.M., Cheek J.M. The Hypersensitive Narcissism Scale (HSNS). Measurement Instrument Database for the Social Science. 2013. URL: www.midss.ie
 21. Kang Y., Park S. The perfection of the narcissistic self: A qualitative study on luxury consumption and customer equity // Journal of Business Research. 2014. Vol. 69. P. 3813-3819. Doi: 10.1016/j.jbusres.2015.12.073.
 22. Kapferer J.N., Klippert C., Leproux L. Research Article Does luxury have a minimum price? An exploratory study into consumers' psychology of luxury prices // Journal of Revenue and Pricing Management. 2013. Vol. 13. P. 2-11. Doi:10.1057/rpm.2013.34
 23. Kim J.C., Park B., Dubois D. How Consumers' Political Ideology and Status-Maintenance Goals Interact to Shape Their Desire for Luxury Goods // Journal of Marketing. 2018. Vol. 82 (6). P. 132-149. Doi:10.1509/jm.17.0059
 24. McFerran B., Aquino K., Tracy J.L. Evidence for two facets of pride in consumption: Findings from luxury brands // Journal of Consumer Psychology. 2014. Vol. 24 (4). P. 455-471. Doi: 10.1016/j.jcps.2014.03.004
 25. Raskin R., Terry H. A principal-components analysis of the Narcissistic Personality Inventory and further evidence of its construct validity // Journal of Personality and Social Psychology. 1988. Vol. 54 (5). P. 890-902. Doi: 10.1037//0022-3514.54.5.890. PMID: 3379585.
 26. Razvan Z., Rodica M.Z. Psychology of Luxury Goods Consumer // International Conference on Marketing and Business Development Journal. 2015. Vol. 1 (1). P. 200-208.
 27. Thomson M., Whelan J., Johnson A. Why brands should fear fearful consumers: How attachment style predicts retaliation // Journal of Consumer Psychology. 2012. Vol. 22. P. 289-298. Doi: 10.1016/j.jcps.2011.04.006
 28. Wang Y., John D.R., Griskevicious V. Does the devil wear Prada? Luxury product experiences can affect prosocial behavior // International Journal of Research in Marketing. 2021. Vol. 38. P. 104-119. Doi:10.1057/bm.2012.9

The relationship of latent narcissism and consumption of luxury goods among the Russians

Aleksandr A. Maksimenko

Doctor of Sociology, PhD in Psychology,
Higher School of Economics,
101000, 20, Myasnitskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Maximenko.AI@gmail.com

Dar'ya V. Yurino

Graduate Student of the Institute of Management, Economics and Finance,
Kostroma State University,
156005, 17, Dzerzhinskogo str., Kostroma, Russian Federation;
e-mail: yurino

Abstract

The institution of demonstrative behavior in Russia is evolving due to both the influence of socially responsible and socially significant trends of the last 10-20 years related to the prosocial behavior of citizens, and external challenges, including sanctions pressure. In this regard, it becomes relevant to study the attitude of modern Russians to premium segment goods. The purpose of this study was to identify attitudes towards luxury goods and to study the relationship of this attitude with hidden narcissism. In a study conducted in May 2022 on an all-Russian sample of 500 people using questionnaires of hidden motives for luxury consumption and a scale of hidden narcissism, it turned out that the attitude to luxury goods among Russians is to gain status and the desire to separate from the mass segment of consumption. The desire to receive luxury items is associated with social phobia and vulnerability. At the same time, the unwillingness to show luxury goods is associated with Russians with isolation, low self-esteem and focus on their problems and worries. In the course of the study, the initial hypothesis was confirmed that the consumption of luxury products among Russians is interconnected with their personal characteristics, namely, with hidden narcissism.

For citation

Maksimenko A.A., Yurino

Keywords

Psychology consumption of branded goods, demonstrative consumption, motivation for the consumption of luxury goods, hidden narcissism, luxury goods, luxury, clubbing.

References

1. Audrin C. et al. (2017) When symbolism overtakes quality: Materialist's consumers disregard product quality when faced with luxury brands. *Journal of Economic Psychology*, 61, pp. 115-123. Doi: 10.1016/j.joep.2017.04.001
2. Badoev S.Kh., Zaseeva K.T. (2017) Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya rossiiskogo rynka tovarov klassa lyuks [Current state and development prospects of the Russian market of luxury goods]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski* [State and municipal management. Scientific notes], 2, pp. 194-197.
3. Bahri-Ammari N., Coulibaly D., Ben Mimoun M.S. (2020) The bandwagon luxury consumption in Tunisian case: The roles of independent and interdependent self-concept. *Journal of Retailing and Consumer Services*, 52, pp. 1-12. Doi: 10.1016/j.jretconser.2019.101903
4. Berezova I.S., Tikhomirova I.I., Rybakova E.A. (2015) Analiz rynka tovarov i uslug klassa lyuks v Rossii [Analysis of the market of luxury goods and services in Russia]. *Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavtiki* [Actual problems of aviation and cosmonautics], 2 (11), pp. 279-281.
5. Chenchik A.V. (2018) Portret sovremennogo potrebitelya tovarov klassa lyuks (roskoshi) [Portrait of a modern consumer of luxury goods]. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo* [Russian Journal of Entrepreneurship], 19, 4, pp. 1315-1322. doi: 10.18334/rp.19.4.38995

6. Churchill G.A. Jr. (1979) A paradigm for developing better measures of marketing constructs. *Journal of Marketing Research*, 16 (1), pp. 64-73. <https://doi.org/10.1177/002224377901600110>
7. Davies I.A., Lee Z., Ahonkhai I. (2012) Do consumers care about ethical-luxury? *Journal of Business Ethics*, 106 (1), pp. 37-51. DOI:10.1007/s10551-011-1071-y
8. Dogan V., Ozkara B.Y., Dogan M. (2020) Luxury consumption tendency: conceptualization, scale development and validation. *Current Psychology*, 39 (3), pp. 934-952. Doi:10.1007/s12144-018-9813-y
9. Dukhanina L.N. (2009) Infrastruktura odarennosti, ili dozhivem li do ponedel'nika 2020 goda? [The Infrastructure of Giftedness, or Will We Live Until Monday 2020?]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and education], 4, pp. 31-40.
10. Dukhanina L.N. (2016) Sotrudnichestvo organizatsii doskol'nogo obrazovaniya i roditel'skoi obshchestvennosti v usloviyakh sovremennykh vyzovov [Cooperation between preschool education organizations and the parent community in the face of modern challenges]. *Vospitanie i obuchenie detei mladshego vozrasta* [Education and training of young children], 5, pp. 577-579.
11. Dukhanina L.N. (2020) Tsennosti i zhiznennye priority rossiiskikh shkol'nikov [Values and life priorities of Russian schoolchildren]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pedagogika, psikhologiya, sotsiokinetika* [Bulletin of the Kostroma State University. Series: Pedagogy, psychology, sociokinetics], 2, pp. 20-28.
12. Dukhanina L.N., Maksimenko A.A. (2019) Prosvetitel'skie zaprosy rossiyan [Educational requests of Russians]. *Voprosy obrazovaniya* [Questions of education], 2, pp. 226-240.
13. Dukhanina L.N., Sobkin V.S., Adamchuk D.V. (2014) Sovremenniy uchitel': udovletvorennost' material'nym statusom [Modern teacher: satisfaction with material status]. In: *Pedagogicheskoe obrazovanie v gosudarstvakh – uchastnikakh SNG: sovremennye problemy, kontseptsii, teorii i praktika* [Pedagogical education in the CIS member states: modern problems, concepts, theories and practice].
14. Han Y.J., Nunes J.C., Drèze X. (2010) Signaling Status with Luxury Goods: The Role of Brand Prominence. *Journal of Marketing*, 74 (July), pp. 15-30.
15. Hendin H.M., Cheek J.M. (2013) *The Hypersensitive Narcissism Scale (HSNS)*. *Measurement Instrument Database for the Social Science*. Available at: www.midss.ie [Accessed 12/12/2022]
16. Kang Y., Park S. (2014) The perfection of the narcissistic self: A qualitative study on luxury consumption and customer equity. *Journal of Business Research*, 69, pp. 3813-3819. Doi: 10.1016/j.jbusres.2015.12.073.
17. Kapferer J.N., Klippert S., Leproux L. (2013) Research Article Does luxury have a minimum price? An exploratory study into consumers' psychology of luxury prices. *Journal of Revenue and Pricing Management*, 13, pp. 2-11. Doi:10.1057/rpm.2013.34
18. Kim J.C., Park B., Dubois D. (2018) How Consumers' Political Ideology and Status-Maintenance Goals Interact to Shape Their Desire for Luxury Goods. *Journal of Marketing*, 82 (6), pp. 132-149. Doi:10.1509/jm.17.0059
19. Lezlikova M.A., Sheremet E.V. (2016) Pozitsionirovanie torgovoi marki v premium-segmente [Trademark Positioning in the Premium Segment]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta pechati* [Bulletin of the Moscow State University of Printing Arts], 2, pp. 143-144.
20. Maksimenko A.A., Pichugina E.G. (2012) *Kontrmarketing tabakokureniya* [Countermarketing of tobacco smoking]. Kostroma.
21. McFerran B., Aquino K., Tracy J.L. (2014) Evidence for two facets of pride in consumption: Findings from luxury brands. *Journal of Consumer Psychology*, 24 (4), pp. 455-471. Doi: 10.1016/j.jcps.2014.03.004
22. Raskin R., Terry H. (1988) A principal-components analysis of the Narcissistic Personality Inventory and further evidence of its construct validity. *Journal of Personality and Social Psychology*, 54 (5), pp. 890-902. Doi: 10.1037//0022-3514.54.5.890. PMID: 3379585.
23. Razvan Z., Rodica M.Z. (2015) Psychology of Luxury Goods Consumer. *International Conference on Marketing and Business Development Journal*, 1 (1), pp. 200-208.
24. Skorobogatykh I.I. (2011) *Marketing otnoshenii v setevom vzaimodeistvii aktorov industrii tovarov klassa «lyuks»: teoriya, metodologiya, praktika. Doct. Dis.* [Relationship marketing in the network interaction of actors in the luxury goods industry: theory, methodology, practice. Doct. Dis.]. Moscow.
25. Thomson M., Whelan J., Johnson A. (2012) Why brands should fear fearful consumers: How attachment style predicts retaliation. *Journal of Consumer Psychology*, 22, pp. 289-298. Doi: 10.1016/j.jcps.2011.04.006
26. Veblen T. (1984) *Teoriya prazdnogo klassa* [The Theory of the Leisure Class]. Moscow: Progress Publ.
27. Wang Y., John D.R., Griskevicius V. (2021) Does the devil wear Prada? Luxury product experiences can affect prosocial behavior. *International Journal of Research in Marketing*, 38, pp. 104-119. Doi:10.1057/bm.2012.9
28. Zhuravleva O.S., Degtyareva A.A. (2013) Osobennosti i tendentsii razvitiya rynka tovarov roskoshi [Features and trends in the development of the luxury goods market]. *II-Economy*, 2 (168), pp. 49-54.

УДК 159

DOI: 10.34670/AR.2023.57.27.017

Нивелирование эффекта социальной желательности при исследовании показателей успешности пользователей социальных сетей

Устин Павел Николаевич

Кандидат психологических наук,
доцент кафедры общей психологии,
Институт психологии и образования,
Казанский федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: pavust@mail.ru

Вахитов Галим Зарибзянович

Кандидат экономических наук, доцент,
кафедра анализа данных и технологий
программирования Института вычислительной
математики и информационных технологий,
Казанский федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: GZVahitov@kpfu.ru

Шевцов Алексей Маркович

Кандидат психологических наук, доцент,
кафедра общей психологии Института психологии и образования,
Казанский федеральный университет,
420008, Российская Федерация, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: aldarkwing@yandex.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19-18-00253, «Нейросетевая психометрическая модель когнитивно-поведенческих предикторов жизненной активности личности на базе социальных сетей», <https://rscf.ru/project/19-18-00253/>

Аннотация

Анализ персональных профилей пользователей социальных сетей все шире используется в психологических исследованиях. Соответственно, формируется методология анализа данных профилей, как ранее возникла методология анализа анкет. В ходе предлагаемого исследования возможных предикторов успешности личности в виртуальной среде анализировались их персональные профили в социальной сети ВКонтакте. Отсутствие вопросов к респондентам и их ответов не позволяет применять традиционные методы анализа влияния данного эффекта. Проблема снижения влияния эффекта социальной желательности на результаты анализа профилей решалась нами через

выявление параметров профиля, наименее подверженных влиянию этого эффекта. В результате из большого набора количественных и качественных данных, доступных исследователю на странице пользователя в социальных сетях, был выделен итоговый набор параметров.

Для цитирования в научных исследованиях

Устин П.Н., Вахитов Г.З., Шевцов А.М. Нивелирование эффекта социальной желательности при исследовании показателей успешности пользователей социальных сетей // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 6А. С. 152-161. DOI: 10.34670/AR.2023.57.27.017

Ключевые слова

Эффект социальной желательности, социальные сети, персональный профиль пользователя социальной сети, успешность, предикторы успешности.

Введение

Феномен социальной желательности активно исследуется с середины прошлого века. Первое описание этого феномена принадлежит A.L. Edwards, который назвал его «эффектом фасада», предполагая, что человек всегда в большей или меньшей степени хочет казаться лучше, чем он есть на самом деле [Edwards, 1957]. В этом плане социальную желательность можно рассматривать, как стремление соответствовать идеальным образцам, принятым в обществе.

В психологии эффект социальной желательности принято понимать как склонность людей представлять себя преимущественно в выгодном свете [Корсини, Ауэрбах, 2006, 1564]. У различных людей данная склонность различается. В этой связи социальная желательность может быть представлена как личностная черта сродни ролевой гибкости, адаптивности. Лицо, проявляющее социальную желательность в ответах при участии в психологическом исследовании, ведёт себя адаптивно, пытаясь выбрать оптимальную стратегию во взаимодействии, в частности, с исследователем.

В условиях проведения исследования с использованием тестов, существует набор методов, позволяющих преодолеть влияние эффекта социальной желательности на результаты [там же]. Во-первых, варианты ответов на любой пункт теста должны быть уравниены с точки зрения их социальной желательности. Во-вторых, можно отобрать тестовые пункты, которые в большей степени репрезентируют психологическое понятие интереса, чем социальная желательность. В-третьих, можно формулировать инструкции для испытуемых таким образом, чтобы они снижали вероятность того, что респонденты будут отвечать исходя из социальной желательности (подчеркивание анонимности исследования или предупреждение о том, что неточные ответы могут оцениваться). В-четвертых, влияние социальной желательности может статистически исключаться из тестовых показателей на этапе обработки ответов [там же]. Также эффект социальной желательности может быть отчасти нейтрализован обезличиванием исследователя или подачей заведомо ложной цели исследования.

Цель исследования - выделить показатели, которые наименее подвержены влиянию эффекта социальной желательности при проведении психологических исследований на основе анализа метрик персонального профиля пользователей социальной сети.

Теоретическое обоснование исследования

Проведение исследования, построенного на анализе персональных профилей пользователей социальных сетей, не предполагает наличия вопросов и ответов. В процессе выявления предикторов успешности (академической, профессиональной, социальной) пользователей при анализе их профилей нам необходимо было снизить влияние эффекта социальной желательности. Для этого было необходимо на основе анализа источников выявить стандартные методы решения аналогичных задач, а затем выявить возможности их применения к анализу профилей в социальной сети на материалах проводимого исследования.

Социальные сети позволяют пользователю представить себя в отличном от реальности свете. Как отмечает О.А. Пикулева, можно выделить различные мотивы самопрезентации пользователя социальной сети (поддержание чувства собственной уникальности, демонстрация своей принадлежности к определенной среде и др.) [Пикулева, 2005, 86]. S. Turkle отметила, что у всех пользователей интернета есть возможность придумать новые личности, новые места и новые роли [Turkle, 2005, 63]. A. Barak, J. Suler показывают, что анонимность интернета дает людям возможность экспериментировать с разными личностями [Barak, Suler, 2008]. Согласно M. Burke, профиль – это акт управления впечатлениями о себе, отсюда, когда мы представляем себя другим, мы стремимся подчеркнуть некоторые аспекты нашей личности, а другие смягчить [Burke, 2011].

По мнению А.П. Глухова, социальные медиа позволяют проактивно, в режиме асинхронности сделать выбор, какие элементы идентичности пользователи хотят презентовать, а какие хотят скрыть. Настройки конфиденциальности социальных платформ позволяют создавать множественные имиджи для различных аудиторий, поэтому родители видят учебные достижения, а друзья получают фото с шутками. Уровень проактивности в формировании виртуального «Я-образа», как показывают проведенные данным автором интервью, произведен от характера и типа общения. Если ситуация и/или партнер по общению имеет для представителя цифрового поколения субъективно значимый характер (как, например, общение с работодателем или преподавателем), уровень самоконтроля в самоподаче значительно повышается (по сравнению, например, с ситуацией дружеского общения). Имеет также значение субъективный учет величины предполагаемой аудитории, в личной переписке самоконтроль выражен значительно меньше, чем в ситуации публикации поста, который попадает во френд-ленту [Глухов, 2020, 109].

По мнению P. Wallace, постоянно обновляемый профиль в социальных сетях превращается в нарратив о собственной идентичности, транслируемый пользователем и состоящий из тщательно отобранных материалов для того, чтобы произвести впечатление на публику [Wallace, 2015]. Данный факт позволяет утверждать, что анализ содержания учётной записи в социальной сети позволяет оценивать психологический портрет пользователя в динамике, практически в режиме реального времени. Разумеется, подобный подход весьма трудозатратен при его реализации без применения специальных алгоритмов анализа.

Пользователь, получая обратную связь (через лайки, комментарии и др.), может редактировать свой персональный профиль для получения положительных отзывов от других. Также пользователь социальной сети имеет возможность регулировать коммуникации с другими пользователями. К примеру, он может ограничивать доступ к информации на своей персональной страничке. Для этого он может использоваться формирование списка «друзей», которым будет доступна информация на персональной странице. Для других страничка пользователя будет «закрытой». Также может быть заблокирована возможность написать

сообщение владельцу странички. Также существует возможность внести человека в «черный список», ограничивающий доступ к страничке.

У социальной сети ВКонтакте есть ряд особенностей, которые выделяются рядом исследователей. Так, Л.В. Оконечникова в своей работе отмечает, что их респонденты демонстрировали схожую степень осознанности самораскрытия в реальном общении и в социальных сетях [Оконечникова, 2011]. Они связывают это с тем, что пользователи данной сети посещают ее как пространство для общения с друзьями, известными им и в реальном общении. Человек не будет пытаться управлять своим образом ради пользователей, которых он не знает. Хотя социальные сети и дают доступ к профилю пользователя социальной сети значительному количеству незнакомых людей, но намерение самораскрытия нацелено на людей, которые ему знакомы.

С.Г. Ушкин утверждает, что косвенно можно оценить степень влияния эффекта социальной желательности на профиль пользователя ВКонтакте по его визуальному образу [Ушкин, 2012, 165]. При этом данный автор выделил следующие виды пользователей. Скрытый тип личности - аватар в профиле представлен не собственным изображением, а некой «маской», мало информации о себе, друзей, фотографий, аудиозаписей, записей на стене. Социально-дезориентированный тип - собственная фотография, средняя дистанция от собеседника на основной фотографии, информация в профиле заполнена частично. Социально-ориентированный тип - собственная фотография, профиль заполнен информацией о себе, фотоальбомами, аудиозаписями, «постами» на стене, стремлением максимально приблизиться к зрителю.

Также есть ряд исследований, посвященных выявлению тематики, с которой в наибольшей степени связана неискренность различных групп пользователей. К примеру, М. Tremolada с соавторами на основе метода Марлоу-Крауна выявили темы, с которыми связана неискренность подростков-пользователей социальных сетей [Tremolada et al., 2022].

Таким образом, по итогам анализа существующих исследований, удалось сформировать перечень показателей онлайн-активности субъекта коммуникации, которые, с одной стороны могут быть однозначно измерены, а с другой стороны, подвержены незначительной коррекции с позиции социальной желательности.

Экспериментальная база исследования

Изучение влияния эффекта социальной желательности на ответы испытуемых возникло в процессе изучения содержания персональных профилей пользователей социальных сетей, являющихся предикторами их жизненной активности. В качестве проявлений жизненной активности выступают: академическая успешность, профессиональная успешность, социальная успешность. Поскольку очевидное направление исследования (avenue of research) связи психологических характеристик с эффективностью деятельности предполагает применение психодиагностических процедур, а они, в свою очередь, подвержены влиянию эффекта социальной желательности, был выбран путь анализа характеристик наполнения персонального профиля социальной сети как объективного показателя социальной активности.

Нами был проведен комплексный анализ характеристик виртуального поведения студентов в социальных сетях через анализ метрик их персонального профиля в социальной сети «ВКонтакте» (количество фотографий, аудио, видео, друзей, постов, «лайков» и т.д.). На основе работы с ИАС «Студент» (Электронный университет) была сформирована база данных, включающая более 30 000 студентов. Сбор и анализ данных осуществлялись с помощью ранее

разработанной «Информационно-аналитической системой автоматизированного мониторинга персональных страниц пользователей социальных сетей «ВКонтакте» [Давлетшин, Бердников, Устин, 2019].

Результаты исследования

Со страницы пользователя ВКонтакте можно получить информацию количественного и качественного характера. Качественные параметры являются результатом обработки таких данных профиля пользователя социальной сети, как тексты, посты и репосты, тематические группы (интересные страницы). Количественные данные из профиля в социальной сети включают в себя: количество фото, видео, аудиозаписей, групп (интересных страниц), друзей и др.

Ряд разделов профиля заполняются пользователем аналогично ответам на вопросы в процессе прохождения опроса: основная информация, контакты, интересы, образование, карьера, военная служба, жизненная позиция. В раздел основной информации могут быть внесены: имя и фамилия, пол, семейное положение, дата рождения, родной город, знание языков, ближайшие родственники. В раздел «Интересы» могут быть внесены пункты: деятельность, интересы, любимая музыка, любимые фильмы, любимые телешоу, любимые книги, любимые игры, любимые цитаты, о себе. В раздел «Жизненная позиция» могут быть внесены пункты: политические предпочтения, мировоззрение (отношение к религии), главное в жизни, главное в людях, отношение к курению, отношение к алкоголю, источник вдохновения. Разделы о контактах, образовании, карьере, военной службе могут быть заполнены конкретными данными о своих контактах, об учебных заведениях, местах работы или службы, годах учебы, работы или службы.

Разделы, которые владелец страницы заполняет как ответы на вопросы, изначально рассматривались в рамках нашего исследования в качестве подверженных влиянию эффекта социальной желательности, в них пользователь целенаправленно формирует свой имидж, подчеркивает свои положительные черты. Также прямо нацелены на формирование имиджа не только фотографии владельца страницы. Зачастую пользователи указывают иностранные учебные заведения, в которых якобы учатся, или из двух оконченных учебных заведений указывают то, которое обладает более высоким рейтингом, а также указывают в качестве родного города более крупный город или город за рубежом.

Поиск параметров, наименее подверженных влиянию эффекта социальной желательности был связан с исключением влияния ряда факторов, выявленных при анализе источников по данной теме. Параметры должны быть нечувствительными к мотивации нахождения студента в сети, его уровню самоконтроля, степени анонимности, типу личности по степени открытости, основным обсуждаемым темам, то есть к тем параметрам, которые были выявлены при анализе источников по данной проблеме.

Нечувствительность к мотивации нахождения студентов во ВКонтакте обеспечивалась характером сбора данных при исследовании, а также анализом времени нахождения в сети и временем создания профиля. Поиск студентов в сети осуществлялся по их именам и фамилиям в студенческих и институтских группах в рамках социальной сети. То есть студенты, формируя свои профили, учитывают наличие в числе своих подписчиков и друзей, как других студентов университета, так и преподавателей, сотрудников университета. Выявить время нахождения владельца профиля в социальной сети не представляется возможным. Поэтому для выяснения времени нахождения в социальной сети сначала рассчитывался показатель последнего

появления владельца профиля в сети. Далее процедура вычисления этого параметра осуществлялась несколько раз через равные промежутки времени и за определенный период времени (шесть месяцев) вычислялось среднее время, насколько давно пользователь заходил в сеть. Если человек часто заходит в сеть, то среднее время от периодических замеров до времени его заходов намного меньше, чем у тех, кто заходит в сеть редко. Далее выяснялось, насколько определенные параметры чувствительны к изменению этого среднего времени.

Время создания профиля также косвенно характеризует мотивацию студента. Основная часть профилей создана задолго до поступления студентов в университет, более половины из них создано более чем за 5 лет до проведения исследования. И только менее 10% профилей создано в период обучения в университете, что может свидетельствовать о наличии желания создать себе новый профиль, специально предназначенный для университетской аудитории. Но это не означает отсутствие у того же лица ранее созданного профиля, ориентированного на более раннюю аудиторию. В целом же продолжительность времени существования профиля не имеет корреляции ни с курсом обучения студента, ни с успеваемостью студента, ни количественными параметрами (количество фотографий, видеозаписей и так далее). Это отсутствие корреляции связано с тем, что пользователи сети периодически удаляют и фотографии, и видеозаписи и записи на стене.

Нечувствительность к уровню самоконтроля должна обеспечиваться анализом только таких параметров, которые с позиций, принятых в окружении человека, не могут считаться положительными или отрицательными. То есть приоритетными будут параметры, не несущие содержательного характера в понимании пользователя сети. К примеру, количество фотографий, или количество друзей, или количество видеозаписей само по себе не характеризует человека с негативной или позитивной стороны. Фотографии или видеозаписи, в частности, попадают в общий доступ в зависимости от их содержания, а не в зависимости от их количества.

Нечувствительность к степени анонимности оценивалась по существованию зависимости указания владельцем профиля своего имени и фамилии, а также наличия фотографий. К примеру, если владелец профиля находится в группе ВКонтакте со студентами академической группы, но имя и фамилия в профиле не совпадают с именем и фамилией ни одного студента группы (3,6% в нашей выборке), если у него нет фотографий (20,8%), то данная страница рассматривалась как страница с элементами анонимности (всего таких оказалось 22,6%, так как у некоторых студентов и имя было указано вымышленное, и фотографии отсутствовали). Если же владелец верно указал имя и фамилию одного из студентов академической группы, в профиле есть фотографии, то данная страница рассматривалась как профиль без признаков анонимности. Более тонких градаций по анонимности не исследовалось. Далее выявлялось, отличается ли среднее значение какого-то параметра (количество интересных страниц пользователя, выполненное нейросетью описание тематики видеозаписей и так далее) для профилей с признаками и без признаков анонимности. Ни по одному из параметров не было найдено отличий, превышающих 5%.

В итоге в качестве предикторов успешности, не чувствительных к влиянию эффекта социальной желательности, были выбраны следующие: количество фотографий, количество видеозаписей, количество друзей, количество подписчиков, количество интересных страниц, тематическая направленность интересных страниц, частота встречаемости определенных слов на стене пользователя, частота встречаемости определенных слов в выполненных нейросетью описаниях фотографий, видеозаписей, аудиозаписей на странице пользователя.

Тематическая направленность интересных страниц пользователя включена в данный набор в связи с тем, что профиль пользователя ВКонтакте представляет интересные страницы не в произвольном порядке, а в порядке частоты обращения пользователя к ним. То есть попытка представить свои приоритеты иными, чем они есть на самом деле связана с постоянным вынужденным заходом на неинтересные страницы с целью корректировки статистики. При этом анализировались не все интересные страницы у каждого пользователя, а только первые 10, то есть те 10 страниц, на которые он заходит чаще всего. Это связано с тем, что хотя в среднем по выборке у студентов 95 интересных страниц, но менее чем у 1% студентов не указано ни одной интересной страницы, а у 2,5% указано менее 10 интересных страниц.

Обсуждение полученных результатов

Согласно Р. Корсини и А. Ауэрбаху имеется 4 метода снижения влияния эффекта социальной желательности на результаты опросов. Заполнение пользователем социальной сети своего профиля хотя изначально и предполагает наличие внимания со стороны других пользователей социальной сети, но не предполагает участия в психологическом исследовании. Поэтому актуален лишь четвертый метод, предполагающий исключение из результатов анализа статистики влияния эффекта социальной желательности. В нашем исследовании мы сделали это через выбор из всей массы данных, которые могут быть скачаны со страницы пользователя для анализа только тех, которые статистически нечувствительны к изменению определенных параметров.

Мотивацией присутствия человека в социальной сети ВКонтакте является общение с друзьями и со знакомыми. Это не сеть для подбора супругов или поиска работы, где соискатели размещают свои резюме и, следовательно, стремятся произвести на окружающих оптимальное впечатление. Следовательно, можно утверждать, что анализируемые показатели персональных профилей пользователей социальной сети не подвергались сознательной и целенаправленной корректировке по мотивам социальной желательности.

Заключение

В настоящий момент времени влияние эффекта социальной желательности на респондентов психологических опросов достаточно хорошо изучено: существует шкала оценки этого влияния, набор методов для снижения влияния. Проведение исследования пользователей социальной сети через анализ их персональных профилей не подразумевает наличия прямого взаимодействия исследуемых лиц с исследователем. Поэтому при анализе профиля необходимо найти ряд параметров, наименее чувствительных к влиянию данного эффекта.

В исследовании к числу наименее зависимых от данного эффекта параметрам могут быть отнесены следующие количественные параметры: количество фотографий, видеозаписей, друзей, последователей, интересных страниц (групп). К качественным параметрам могут быть отнесены тематическая направленность интересных страниц, семантические особенности текстов на страницах пользователей, семантические особенности выполненных обученными нейросетями описаний фотографий, видеозаписей, аудиозаписей на странице пользователя.

Все элементы на странице пользователя, подразумевающие ответы на анкетные вопросы (перечисление любимых книг, кинофильмов, взгляды на желательное социальное устройство, отношение к религии и др.) нами были исключены из числа свободных от влияния эффекта

социальной желательности.

Библиография

1. Глухов А.П. Менеджмент и ресоциализация межличностных отношений молодежи в социальных сетях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. №23 (1). С. 89-124.
2. Давлетшин Н.М., Бердников А.А., Устин П.Н. Методы автоматического сбора информации об активности пользователей социальной сети ВКонтакте // Лобачевские чтения-2019: сб. статей. Казань: Изд-во КФУ, 2020. С. 189-191.
3. Корсини Р., Ауэрбах А. Психологическая энциклопедия. 2-е изд. СПб.: Питер, 2006. 1876 с.
4. Оконечникова Л.В. Исследование особенностей анонимности и самораскрытия в Интернет-общении: (на примере индонезийской и русской культур) // Известия Уральского государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 4 (95). С. 203-214.
5. Пикулева О.А. Самопрезентация личности в процессе социального взаимодействия // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2005. Серия 6. Выпуск 1. С.82-86.
6. Ушкин С.Г. Визуальные образы пользователей социальной сети «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. №5. С.160-172.
7. Barak A., Suler J. Reflections on the Psychology and Social Science of Cyberspace // A. Barak (Ed.) Psychological Aspects of Cyberspace: Theory, Research, Applications. Cambridge: Cambridge University Press. 2008. P. 1-12.
8. Burke M. Reading, Writing, Relationships: The Impact of Social Network Sites on Relationships and Well-Being // Human-Computer Interaction Institute School of Computer Science. Pennsylvania: Carnegie Mellon University Pittsburgh, 2011. P.189.
9. Edwards A.L. The social desirability variable in personality assessment and research. N.Y.: The Dryden Press, 1957. 177 p.
10. Tremolada M., Silingardi L., Taverna L. Social Networking in Adolescents: Time, Type and Motives of Using, Social Desirability, and Communication Choices // Int. J. Environ. Res. Public Health. 2022. 19(4). P. 18-24.
11. Turkle S. Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet. N.Y., 1995. 352 p.
12. Wallace P. The Psychology of the Internet. Cambridge. Cambridge University Press. 2015. 404 p.

Leveling the effect of social desirability in the study of success rates of social network users

Pavel N. Ustin

PhD in Psychology, Associate Professor,
Department of General Psychology,
Institute of Psychology and Education,
Kazan Federal University,
420008, 18, Kremlevskaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: pavust@mail.ru

Galim Z. Vakhitov

Ph.D. in Economic, Associate Professor,
Department of Data Analysis and Programming Technologies,
Institute of Computational Mathematics and Information Technologies,
Kazan Federal University,
420008, 18, Kremlevskaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: GZVahitov@kpfu.ru

Aleksey M. Shevcov

PhD in Psychological Sciences, associate Professor,
Department of General psychology,
Institute of psychology and education,
Kazan Federal University,
420008, 18, Kremlevskaya str., Kazan, Russian Federation;
e-mail: aldarkwing@yandex.ru

Abstract

Analysis of personal profiles of social network users is increasingly being used in psychological research. Accordingly, a methodology for analyzing these profiles is being formed, just as the methodology for analyzing questionnaires had emerged earlier. In the proposed research of possible predictors of a person's success in the virtual environment, their personal profiles in the social network VKontakte were analyzed. The lack of questions to the respondents and their answers does not allow to apply traditional methods of analyzing the influence of this effect. We solved the problem of reducing the influence of the social desirability effect on the results of profile analysis by identifying the profile parameters least affected by this effect. As a result, the final set of parameters was selected from a large set of quantitative and qualitative data available to the researcher on the user's page in social networks. The study reflects the solution of one of the tasks of researching the possibilities of predicting personal life activity through social networks.

For citation

Ustin P.N., Vakhitov G.Z., Shevtsov A.M. (2022) Nivelirovanie efekta sotsial'noi zhelatel'nosti pri issledovanii pokazatelei uspehnosti pol'zovatelei sotsial'nykh setei [Leveling the effect of social desirability in the study of success rates of social network users]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 11 (6A), pp. 152-161. DOI: 10.34670/AR.2023.57.27.017

Keywords

Social desirability effect, social networks, personal profile of a social network user, success, predictors of success.

References

1. Barak A., Suler J. (2008) Reflections on the Psychology and Social Science of Cyberspace. In A. Barak (Ed.) *Psychological Aspects of Cyberspace: Theory, Research, Applications*. Cambridge: Cambridge University Press.
2. Burke M. (2011) Reading, Writing, Relationships: The Impact of Social Network Sites on Relationships and Well-Being. In: *Human-Computer Interaction Institute School of Computer Science*. Pennsylvania: Carnegie Mellon University Pittsburgh.
3. Davletshin N.M., Berdnikov A.A., Ustin P.N. (2020) Metody avtomaticheskogo sbora informacii ob aktivnosti pol'zovatelej social'noj seti VKontakte [Methods of automatic collection of information about the activity of users of the social network VKontakte]. In: *Lobachevskie chtenija-2019: sb. Statej* [Lobachevskie readings-2019]. Kazan': Izd-vo KFU, pp. 189-191.
4. Edwards A.L. (1957) *The social desirability variable in personality assessment and research*. N.Y.: The Dryden Press.
5. Gluhov A.P. (2020) Menedzhment i resocializacija mezhlichnostnyh otnoshenij molodezhi v social'nyh setjah [Management and resocialization of interpersonal relationships of young people in social networks]. In: *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. №23 (1). P. 89-124.
6. Korsini R., Aujebah A. (2006) Psihologicheskaja jenciklopedija. [Psychological Encyclopedia] 2-e izd. SPb.: Piter.

7. Okonechnikova L.V. (2011) Issledovanie osobennostej anonimnosti i samoraskrytija v Internet-obshhenii: (na primere indonezijskoj i ruskoj kul'tur) [The study of the peculiarities of anonymity and self-disclosure in Internet communication: (on the example of Indonesian and Russian cultures)]. In: *Izvestija Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Serija 1. Problemy obrazovanija, nauki i kul'tury* [Izvestia of the Ural State University. Series 1. Problems of Education, Science and Culture]. No 4. Vol. 95. P. 203-214.
8. Pikuleva O.A. (2005) Samoprezentacija lichnosti v processe social'nogo vzaimodejstvija [Self-presentation of personality in the process of social interaction]. In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Vestnik (Herald) of Saint-Petersburg University]. Ser. 6. Iss. 1. P.82-86.
9. Tremolada M., Silingardi L., Taverna L. (2022) Social Networking in Adolescents: Time, Type and Motives of Using, Social Desirability, and Communication Choices. In: *Int. J. Environ. Res. Public Health*. 19(4). P. 18-24.
10. Turkle S. (1995) *Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet*. N.Y., 1995.
11. Ushkin S.G. (2012) Vizual'nye obrazy pol'zovatelej social'noj seti «Vkontakte» [Visual images of users of the social network "Vkontakte"]. In: *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social change]. No 5. P.160-172.
12. Wallace P. (2015) *The Psychology of the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press.

УДК 159

DOI: 10.34670/AR.2023.98.96.018

Развитие аутопсихологической компетентности руководителя предприятия

Жиганков Дмитрий Валентинович

Студент,
Московский институт психоанализа,
121170, Российская Федерация, Москва, просп. Кутузовский, 34;
e-mail: dmitry-mrs@mail.ru

Рыбников Сергей Васильевич

Кандидат психологических наук,
доцент кафедры социальной психологии,
Московский институт психоанализа,
121170, Российская Федерация, Москва, просп. Кутузовский, 34;
e-mail: rsvmarket@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена актуальной на сегодняшний день проблеме развития аутопсихологической компетентности руководителя предприятия. В работе рассмотрены теоретические основы понятия аутопсихологической компетентности и программа для развития аутопсихологической компетентности руководителя предприятия. В результате исследования выявлены два подхода к теоретическому изучению аутопсихологической компетентности как психического феномена. Кроме того, разработана, апробирована и описана технология повышения аутопсихологической компетентности применительно к руководителям предприятий. За основу взята технология коучинга в виде серии коучинговых сессий с группой руководителей. Выявлена и зафиксирована положительная корреляция между уровнем аутопсихологической компетенции руководителя предприятия и его профессиональной эффективностью. Данные выводы сделаны методом сравнения с контрольной группой руководителей. Статья в целом направлена на заполнение пробелов в исследованиях аутопсихологической компетентности применительно к сфере экономики, предпринимательской деятельности и руководства предприятием.

Для цитирования в научных исследованиях

Жиганков Д.В., Рыбников С.В. Развитие аутопсихологической компетентности руководителя предприятия // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 6А. С. 162-168. DOI: 10.34670/AR.2023.98.96.018

Ключевые слова

Аутопсихологическая компетентность, эффективность работы руководителя, методика развития аутопсихологической компетентности.

Введение

На фоне санкционного режима в современной России возрастает уровень тревожности и неопределенности у руководителей предприятий, этот фактор в условиях высокой конкуренции в сфере товарно-рыночных отношений демонстрирует необходимость создания и реализации механизмов повышения устойчивости психики руководителей. Развитие аутопсихологической компетентности руководителя предприятия в условиях действующих санкций, экономической ситуации в стране и в мире является способом повышения устойчивости психики руководителя, позволяет стабилизировать его управленческую деятельность [Голубева, 2015].

В рамках исследования необходимо выяснить, действительно ли развитие аутопсихологической компетентности руководителя предприятия положительно влияет на эффективность его управленческой деятельности.

Основная часть

Аутопсихологическая компетенция и ее сущность рассматриваются во многих работах отечественных и зарубежных авторов. Понятие аутопсихологической компетенции рассматривается впервые в работах А.К. Марковой, Г.И. Метельского и Н.В. Кузьминой. Авторы определяют ее как систему личностных знаний, умений и навыков, которые способны не только повысить уровень самопознания и саморегуляции, но и реализовать внутренний резерв самосовершенствования, используя свои психологические ресурсы для создания благоприятных жизненных условий. Зарубежным авторами аутопсихологическая компетентность представляется совокупностью знаний, умений и навыков, которые способствуют успешной деятельности.

В соответствии с теорией исследования данной проблемы, есть два подхода к исследованию аутопсихологической компетентности: субъектно-деятельностный подход (К.А. Абульханова, Б.Г. Ананьев, А.В. Брушлинский, Т.Е. Егорова, С.Л. Рубинштейн) и акмеологический (Н.В. Афанасьева, А.А. Бодалев, А.А. Деркач, Н.В.Кузьмина, Д.А. Леонтьев, В.В. Лешин, А.К. Маркова, Г.И. Метельский).

Также существует ряд проблем и препятствий развития аутопсихологической компетенции: несформированность ценностных ориентаций личностно-профессионального роста, недостаточный уровень знаний, неэффективное межличностное взаимодействие, само развитие данной компетенции не является частью обучения, а также мотивация к саморазвитию и получению систематических знаний об аутопсихологической компетентности как особом виде компетентности, направленной на познание и развитие себя как индивида, личности, субъекта деятельности минимальна [Невструева, Иванова, 2019].

В целом аутопсихологическая компетентность складывается из умений, направленных на: самодиагностику, самокоррекцию, саморазвитие, самомотивирование, эффективную работу с информацией, психолингвистическую компетентность. Существует система факторов, влияющих на процесс развития аутопсихологической компетенции на индивидуальном, личностном, субъектно-деятельностном и социальном уровнях. Есть биохимические, конституциональные, общесоматические, нейродинамические, психодинамические, акмеологические и социально-психологические факторы.

Существуют низкий, средний и высокий уровни аутопсихологической компетенции. Для достижения высокого необходимы следующие навыки: самоанализ, ассертивность,

положительная самооценка, самореализация, оптимизм, эмпатия, способность к межличностным отношениям, гибкость поведения. Также существуют условия к развитию аутопсихологической компетентности, большая часть которых может быть создана индивидом.

Руководитель предприятия в своей профессиональной деятельности может проявить аутопсихологическую компетентность следующими способностями: уверенность в своих силах, основанная на глубоком анализе и критике собственных навыков, достоинств и недостатков; самосовершенствование профессиональной деятельности за счет собственных ресурсов (в основном психологических); рефлексия; креативность; организаторские способности; эмпатия, способность в социальных отношениях понимать оппонента, учитывать его мотивы и интересы; развитие навыков для улучшения профессиональной деятельности и навыка принятия верных управленческих решений [Жукова, Исакова, 2017].

На основе анализа различных теоретических и практических исследований аутопсихологической компетенции мы разработали технологию повышения аутопсихологической компетентности у руководителей предприятия.

Она разработана для развития семи умений, необходимых для высокого уровня аутопсихологической компетентности, объединенных в направления для изучения и последующего повышения: профессиональная компетенция, эмпатия, саморазвитие и ассертивность.

С целью контроля результатов выбраны следующие методы диагностики: диагностика профессиональной компетентности и эффективности у руководителей разного уровня, диагностика социальной эмпатии, диагностика реализации потребностей в саморазвитии, тест на ассертивность (модифицированный В. Каппони, Т. Новак) и экспертная оценка эффективности деятельности руководителя. В программу повышения аутопсихологической компетентности входят вводная сессия коучинга, анализ ситуации и сбор необходимой информации, демонстрация новых навыков, анализ и поиск ресурсов, реализация плана с использованием стилей, техник, завершающая сессия коучинга – подведение итогов проделанной работы, оценка эффективности коучинга.

План состоит из шести занятий, где первое и последнее – вводное и завершающее, а остальные занятия направлены на четыре области умений и навыков, которые являются частью аутопсихологической компетентности руководителя предприятия.

Первое из узконаправленных занятий – о реализации существующего потенциала (самореализации). В ходе работы участники проходят тренинг, позволяющий вернуть мотивацию к саморазвитию, собирают выводы, открытия, потребности и проводят корректировку индивидуального плана развития.

Второе занятие – о развитии эмпатии – включало в себя групповые тренинги. Так как взаимодействие участников основано на их партнерстве и выиграть каждый из них может, только помогая друг другу, участники непроизвольно начинают налаживать связь. Пока их сотрудничество взаимовыгодно – связь поддерживается, испытуемые вырабатывают коммуникативные навыки, учатся проявлять свою расположенность, соответственно, тренинги позволяют развить эмпатию.

Ассертивному поведению посвящено третье занятие. Участники прошли тренинги, направленные на осознание собственной ассертивности, были рассмотрены различные роли: в жизни чаще встречаются люди с пассивностью в поведении (это жертвы) или агрессивностью (манипуляторы), чем ассертивные (самодостаточные). Затем участники также на практике рассмотрели разницу поведения и приняли позицию самодостаточного человека.

Следующее занятие о развитии компетенции руководителя основывается на принятии своих сильных и слабых сторон, где первые усиливаются, а вторые нейтрализуются. В рамках тренинга были выявлены начальные данные, своеобразный путь руководителя. Затем каждый из участников получил опыт принятия руководительских решений, на которые влияют различные факторы, что на практике позволяет в условиях стресса принимать наиболее правильные с точки зрения эффективности решения.

Таким образом, теоретический материал в сфере аутопсихологической компетентности позволяет разработать технологию повышения аутопсихологической компетентности руководителя предприятия на основе коучинг-сессий.

Для оценки эффективности проведенной программы были проведены пять диагностик: по четырем составляющим аутопсихологической компетентности и для экспертной оценки эффективности деятельности руководителя. Средний результат на всех тестах показал положительную динамику в экспериментальной группе. Улучшения уровня эмпатии особенно заметны для участников, у которых начальный уровень был низким и средним. Полученные сведения говорят о том, что коучинг оказался эффективным для 40% участников. Общий показатель участников, овладевших по результату теста ассертивностью, больше половины. У испытуемых выстроилось мнение о себе, а также своем поведении, появилась способность оценивать себя реалистично. В тесте на профессиональную компетентность руководителя полностью исчез самый низкий показатель «до 20», а наиболее благоприятные стали выше.

Использование программы повышения аутопсихологической компетенции предпринимателя оказалось действенным способом повышения качества работы самого руководителя. По мнению испытуемых, их продуктивность повысилась, приобретенные умения используются в работе, взаимодействие с коллегами улучшилось и стало более комфортным, что благотворно влияет на рабочую среду в целом. В основном отмечается практическая польза от коуч-сессий по эмпатии и ассертивности, но результаты теста также подтверждают положительную динамику во всех направлениях. То есть часть результатов заметна еще во время программы, а остальные навыки имеют накопительный эффект и могут проявиться в дальнейшей работе. Применение разработанной технологии повышения уровня аутопсихологической компетентности положительно сказывается на личностном росте руководителя и его управленческой деятельности.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что теоретический материал в сфере аутопсихологической компетенции многообразен и рассмотрен многими авторами. Тем не менее узконаправленных работ по отдельным профессиям немного, но теории достаточно для применения в различных профессиональных направлениях. Рассматривая аутопсихологическую компетентность руководителя предприятия, мы обнаружили сходства и различия с другими направлениями, применили тренинги и практики, которые могли повлиять на эффективность руководителя. Как видно в результате коуч-сессий, занятия, направленные на четыре области умений и навыков, которые являются частью аутопсихологической компетентности руководителя предприятия, оказали положительное воздействие как на самих руководителей, так и на их управленческую деятельность.

Таким образом, доказана эффективность использования технологии повышения уровня аутопсихологической компетентности руководителя предприятия и ее положительное влияние на эффективность его управленческой деятельности.

Библиография

1. Белов В.В., Привалова Е.П. Акмеологический подход к разработке описательной модели аутопсихологической компетентности топ-менеджеров коммерческих организаций // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2020. № 4. С. 216-234.
2. Голубева И.В. Аутопсихологическая компетентность как составляющая профессиональной деятельности личности // Региональная научно-практическая конференция «Психологическая культура и психологическое здоровье личности в современных социокультурных условиях». Тольятти: Тольяттинский государственный университет, 2015. С. 230-232.
3. Елагина А.С., Оздамирова Л.М. Концептуальные подходы к формированию когнитивной модели эмоционального интел-лекта // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 3А. С. 274-279. DOI: 10.34670/AR.2022.85.75.035
4. Жукова Т.В., Исакова Н.А. Модель профессиональной компетентности руководителя образовательной организации в условиях введения профессионального стандарта // Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. 2017. № 2. С. 497-503.
5. Невструева Т.Х., Иванова А.В. Аутопсихологическая компетентность в контексте профессиональной самореализации личности // Сборник научных трудов «Психология профессиональной деятельности: проблемы, содержание, ресурсы». Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2019. С. 305-308.
6. Огарь А.А., Степнова Л.А. Система оценки компетентностей специалистов коммерческих организаций на основе идеальной модели показателей эффективности // Закс Л.А. и др. (ред.) Материалы XXII российской научно-практической конференции (с международным участием) «Публичное/частное в современной цивилизации». Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2020. С. 611-614.
7. Привалова Е.П. Личностная зрелость как элемент в структуре аутопсихологической компетентности топ-менеджеров и предпринимателей малого и среднего бизнеса // Актуальные научные исследования в современном мире. 2022. № 1-4(81). С. 94-101.
8. Степнова Л.А. Анализ современных представлений по проблеме аутопсихологической компетентности личности профессионала // Сборник материалов Всероссийского симпозиума психологов «Психология XXI века: вызовы, поиски, векторы развития». Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. С. 671-678.
9. Byrka M., Chubrey O. Auto-psychological competence of future teacher as a component of professional training and development // Fundamental and applied researches in practice of leading scientific schools. – 2019. – Т. 33. – №. 3. – С. 3-5.
10. Tatarkina N. I. Protection of Mental Health in the Development of Autopsychological Competence // Перспективы науки. – 2010. – №. 13. – С. 7-9.

Development of autopsychological competence of the head of the company

Dmitrii V. Zhigankov

Student,
Moscow Institute of Psychoanalysis,
121170, 34 Kutuzovskii av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: dmitry-mrs@mail.ru

Sergei V. Rybnikov

PhD in Psychology,
Associate Professor of the Department of social psychology,
Moscow Institute of Psychoanalysis,
121170, 34 Kutuzovskii av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: rsvmarket@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the current problem of the development of autopsychological competence of the head of the enterprise. The paper considers the theoretical foundations of the concept of autopsychological competence and the program for the development of autopsychological competence of the head of the enterprise. The study revealed two approaches to the theoretical study of autopsychological competence as a mental phenomenon. In addition, a technology for improving autopsychological competence has been developed, tested and described in relation to managers of enterprises. The technology of coaching is taken as a basis in the form of a series of coaching sessions with a group of managers. The researchers identified and recorded a positive correlation between the level of autopsychological competence of the head of the enterprise and his professional efficiency. These conclusions were made by comparison with the control group of managers. The article as a whole is aimed at filling gaps in the research of autopsychological competence in relation to the field of economics, entrepreneurship and enterprise management.

For citation

Zhigankov D.V., Rybnikov S.V. (2022) Razvitie autopsikhologicheskoi kompetentnosti rukovoditelya predpriyatiya [Development of autopsychological competence of the head of the company]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 11 (6A), pp. 162-168. DOI: 10.34670/AR.2023.98.96.018

Keywords

Autopsychological competence, effectiveness of the work of the head, methodology of the development of autopsychological competence.

References

1. Belov V.V., Privalova E.P. (2020) Akmeologicheskii podkhod k razrabotke opisatel'noi modeli autopsikhologicheskoi kompetentnosti top-menedzherov kommercheskikh organizatsii [Acmeological approach to the development of a descriptive model of autopsychological competence of top managers of commercial organizations]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin], 4, pp. 216-234.
2. Golubeva I.V. (2015) Autopsikhologicheskaya kompetentnost' kak sostavlyayushchaya professional'noi deyatel'nosti lichnosti [Autopsychological competence as a component of a person's professional activity]. In: *Regional'naya nauchno-prakticheskaya konferentsiya "Psikhologicheskaya kul'tura i psikhologicheskoe zdorov'e lichnosti v sovremennykh sotsiokul'turnykh usloviyakh"* [Regional Conf. "Psychological culture and psychological health of a person in modern socio-cultural conditions"]. Tol'yatti: Tolyatti State University, pp. 230-232.
3. Nevstrueva T.Kh., Ivanova A.V. (2019) Autopsikhologicheskaya kompetentnost' v kontekste professional'noi samorealizatsii lichnosti [Autopsychological competence in the context of professional self-realization of personality]. In: *Sbornik nauchnykh trudov "Psikhologiya professional'noi deyatel'nosti: problemy, sodержanie, resursy"* [Collection of scientific papers "Psychology of professional activity: problems, content, resources"]. Khabarovsk: Pacific State University, pp. 305-308.
4. Ogar' A.A., Stepnova L.A. (2020) Sistema otsenki kompetentnostei spetsialistov kommercheskikh organizatsii na osnove ideal'noi modeli pokazatelei effektivnosti [The system of assessing the competencies of specialists of commercial organizations based on an ideal model of performance indic]. In: Zaks L.A. et al. (eds.) *Materialy XXII rossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem) «Publichnoe/chastnoe v sovremennoi tsivilizatsii»* [Proc. Conf. "Public/private in modern civilization"]. Ekaterinburg: Humanitarian University, pp. 611-614.
5. Privalova E.P. (2022) Lichnostnaya zrelost' kak element v strukture autopsikhologicheskoi kompetentnosti top-menedzherov i predprinimatelei malogo i srednego biznesa [Personal maturity as an element in the structure of autopsychological competence of top managers and entrepreneurs of small and medium-sized businesses]. *Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire* [Current scientific research in the modern world], 1-4(81), pp. 94-101.

6. Stepnova L.A. (2019) Analiz sovremennykh predstavlenii po probleme autopsikhologicheskoi kompetentnosti lichnosti professionala [Analysis of modern ideas on the problem of autopsychological competence of a professional personality]. In: *Sbornik materialov Vserossiiskogo simpoziuma psikhologov "Psikhologiya XXI veka: vyzovy, poiski, vektory razvitiya"* [Collection of materials of the All-Russian Symposium of Psychologists "Psychology of the XXI century: challenges, searches, vectors of development"]. Ryazan': Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service, pp. 671-678.
7. Zhukova T.V., Isakova N.A. (2017) Model' professional'noi kompetentnosti rukovoditelya obrazovatel'noi organizatsii v usloviyakh vvedeniya professional'nogo standarta [The model of professional competence of the head of an educational organization in the conditions of the introduction of a professional standard]. In: *Konferentsium ASOU: sbornik nauchnykh trudov i materialov nauchno-prakticheskikh konferentsii* [ASOU conference: collection of scientific papers and materials of scientific and practical conferences], 2, pp. 497-503.
8. Elagina A.S., Ozdamirova L.M. (2022) Kontseptual'nye podkhody k formirovaniyu kognitivnoi modeli emotsional'nogo intellekta [Conceptual approaches to the formation of a cognitive model of emotional intelligence]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 11 (3A), pp. 274-279. DOI: 10.34670/AR.2022.85.75.035
9. Byrka, M., & Chubrey, O. (2019). Auto-psychological competence of future teacher as a component of professional training and development. *Fundamental and applied researches in practice of leading scientific schools*, 33(3), 3-5.
10. Tatarkina, N. I. (2010). Protection of Mental Health in the Development of Autopsychological Competence. *Перспективы науки*, (13), 7-9.

УДК 159

DOI: 10.34670/AR.2023.49.16.019

Личностно-профессиональное развитие студентов в контексте формирования и развития управленческой компетентности

Степнова Людмила Анатольевна

Доктор психологических наук,
приглашенный профессор,
Российский университет дружбы народов,
117198, Москва, Российская Федерация, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: stepnova@gmail.com

Аннотация

Социально-экономические процессы, запущенные в обществе в начале XXI века, поставили систему профессионального образования в условия необходимости глубоких системных преобразований. Современные подходы к обретению профессии затрагивают такие вопросы, как непрерывное профессиональное развитие, формирование профессиональных стратегий жизнедеятельности, психологические условия, факторы и средства становления профессионала, управление компетентностью специалистов и руководителей разных направлений профессиональной деятельности. В статье рассмотрены основные подходы современных ученых к исследованию личностно-профессионального развития студентов, которое оказывает воздействие на становление и развитие у них управленческой компетентности. Автором рассмотрен и проанализирован период студенчества как этап реального перехода к настоящей взрослости как отдельной социальной категории. На основе проведенного теоретического исследования автором статьи выделены основные направления личностно-профессионального развития студентов, оказывающие воздействие на становление и развитие управленческой компетентности.

Для цитирования в научных исследованиях

Степнова Л.А. Личностно-профессиональное развитие студентов в контексте формирования и развития управленческой компетентности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 6А. С. 169-173. DOI: 10.34670/AR.2023.49.16.019

Ключевые слова

Компетентность, управленческая компетентность, личностно-профессиональное развитие, факторы личностно-профессионального развития.

Введение

Повышенный интерес со стороны исследователей к изучению личностно-профессионального развития студентов в контексте формирования и развития управленческой компетентности обоснован реформами и преобразованиями высшей школы. Кризисное явление в системе профобразования связано с поиском новых ценностей и ориентиров, определяемых социальной значимостью высшего образования. Учитывая высокую динамику изменений, происходящих в реальной экономике, и быструю потерю актуальности профессиональных навыков и знаний, традиционно проводимые образовательные программы не могут обеспечить непрерывное обновление профессиональных навыков, что приводит к низкокачественному выпуску специалистов. Таким образом, есть объективная проблема поиска современных методов и форм подготовки резочных специалистов, которые, в первую очередь, должны быть при выходе на рынок труда ориентированы на самоподготовку, профессиональное развитие и самосовершенствование, т.е. постоянное поддержание собственной конкурентоспособности.

В разных исследованиях речь идет о надпрофессиональных компетенциях, метакомпетенциях, транспрофессиональных компетенциях, интегрированных личностных качествах и т.д., успешное владение которыми позволит личности оставаться на высоком уровне продуктивности в условиях постоянных изменений.

В силу вышеизложенного можно резюмировать, что исследование на этапе овладения профессией профессионального и личностного развития субъекта предоставляет возможность описать данный процесс в содержательном плане, а также осуществлять поиск новых современных ориентиров по подготовке студентов для неустойчивых экономических и социальных систем современного мира, отыскивать ответы на вызовы, которые на сегодняшний день стоят перед системой существующего профессионального образования.

На разных этапах исследования применен комплекс методов, включающий в себя теоретические методы научного исследования – анализ, синтез, классификация.

Основная часть

Период студенчества – это этап реального перехода к настоящей взрослости, вместе с тем в представлениях о будущей профессии, своих возможностях и перспективах еще много незрелых суждений и взглядов [Татарникова, 2013, 16]. Настоящее Я в этом возрасте больше тяготеет к будущему и выступает как новая ипостась личностного самоопределения.

В.Н. Сулима [Сулима, 2017, 75] пишет о том, что период обучения в высшей школе является одним из ключевых, определяющих дальнейшую успешность ЛПП. Основные задачи этого этапа связаны с адаптацией к новым социальным ролям и требованиям к самоорганизации, внутренней мотивации, саморазвитию. Именно это противоречие выступает важнейшей причиной разворачивания нормативного кризиса данного периода.

Б.Г. Ананьев подчеркивает переходный характер этапа студенчества: завершение юношества и начало взрослости. Ведущей деятельностью периода является учебно-профессиональная, в процессе которой осуществляются перестройки ценностно-смысловой сферы личности [Ананьев, 1974, 83].

А.А. Реан описывает еще один важнейший вектор развития в период ранней взрослости. Формирование личностных структур происходит в тесной связи с когнитивным развитием, включающим в себя диалектическое мышление, готовность принимать на себя обязательства и

ответственность, гибкость мышления [Реан, 2002, 56].

В работах А.Г. Ковалева и В.Н. Мясищева выделяются три ключевых аспекта изучения студенчества как отдельной социальной категории. В их числе психологический аспект (темперамент, характер, задатки, способности); социальный аспект (отношения внутри группы, личностные свойства, определяемые принадлежностью к той или иной социальной группе); биологический аспект (врожденные рефлексy, инстинкты, тип ВНД) [Ковалев, Мясищев, 2009, 189].

Отдельным направлением личностно-профессионального развития в связи с новообразованиями возраста является формирование профессионального самосознания. В структуре этого феномена обнаруживаются такие компоненты, как осознание принадлежности к профессиональной группе, самооценка соответствия профессиональному эталону, личное мнение человека о признании его профессионалами, знание собственного индивидуального стиля деятельности, представление о себе и своей работе в будущем [Климов, 1996, 72].

В.Н. Сулима перечисляет базовые направления личностно-профессионального развития студентов [Сулима, 2017, 77]: 1) самоактуализация студентов в учебной деятельности; 2) этическое, эстетическое и духовное развитие; 3) развитие профессиональной направленности; 4) конкретизация жизненных планов и выработка жизненной позиции; 5) формирование профессиональных компетенций и необходимых способностей; 6) повышение уровня ответственности и самостоятельности; 7) рост уровня притязаний в области будущей профессии; 8) формирование качеств, необходимых в будущей деятельности; 9) развитие инициативы и креативности; 10) формирование психологической готовности к профессиональной деятельности.

Результатом личностно-профессионального развития на уровне овладения профессией является готовность к решению профессиональных задач [Толочек, 2005, 247]. Профессиональная подготовка в психологии понимается как сложное комплексное образование, включающее в себя функциональные, психологические и операционные компоненты, позволяющие человеку эффективно выполнять свои профессиональные задачи [Боленко, 2012, 4].

Выводы

Профессиональная готовность является результатом системной работы в направлении личностно-профессионального развития студентов и, основываясь на представленных выше данных, включает в себя развитие способности к самоактуализации, саморазвитию, самопознанию, духовному росту; мотивационно-ценностного компонента готовности (профессиональной направленности, уровня притязаний в области будущей профессии); личностного компонента (профессионально-значимых личностных качеств, инициативности, ответственности, самостоятельности, креативности); когнитивно-оценочного компонента (профессиональных компетенций и необходимых способностей; жизненной позиции, профессиональных планов).

Было установлено, что основными направлениями личностно-профессионального развития в контексте становления и развития управленческой компетентности являются самоактуализация студентов в учебной деятельности; этическое, эстетическое и духовное развитие; развитие профессиональной направленности; конкретизация жизненных планов и выработка жизненной позиции; формирование профессиональных компетенций и необходимых

способностей; повышение уровня ответственности и самостоятельности; рост уровня притязаний в области будущей профессии; формирование качеств, необходимых в будущей деятельности; развитие инициативы и креативности; формирование психологической готовности к профессиональной деятельности.

Библиография

1. Ананьев Б.Г. К психофизиологии студенческого возраста // Современные психологические проблемы высшей школы. 1974. Вып. 2. С. 82-89.
2. Боленко Ю.В. Психологическая готовность как компонент профессиональной подготовки специалиста // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2012. № 1 (60). С. 1-6.
3. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. 512 с.
4. Ковалев А.Г., Мясищев В.Н. Психические особенности человека. М.: Изд-во МГУ, 2009. 264 с.
5. Реан А.А. Психология человека от рождения до смерти. СПб., 2002. 656 с.
6. Сулима В.Н. Личностно-профессиональное развитие студентов в период обучения в высшем учебном заведении // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. № 5. С. 74-78.
7. Татарникова Н.С. Реализация принципа индивидуализации в деятельности педагога // Вестник Мининского университета. 2013. № 1 (1). 16 с.
8. Толочек В.А. Современная психология труда. СПб., 2005. 479 с.
9. Орчакова Л.Г. Интеграционные инновационные процессы в высшем профессиональном образовании: новые технологии обучения. В сборнике: Образование, экономика, право в современном информационном обществе. Материалы VIII международной научной конференции. 2012. С. 133-136.
10. Нехорошева Е.В. Исследование учебно-профессиональной мотивации студентов образовательных организаций // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2015. № 1 (5). С. 69-75.

Personal and professional development of students in the context of the formation and development of managerial competence

Lyudmila A. Stepnova

Doctor of Psychology,
Visiting Professor,

Peoples' Friendship University of Russia,

117198, 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian Federation;

e-mail: stepnovala@gmail.com

Abstract

The socio-economic processes launched in society at the beginning of the XXI century have put the vocational education system in conditions of the need for deep systemic transformations. Modern approaches to acquiring a profession affect such issues as continuous professional development, the formation of professional life strategies, psychological conditions, factors and means of becoming a professional, competence management of specialists and managers of various areas of professional activity. The article discusses the main approaches of modern scientists to the study of personal and professional development of students, which has an impact on the formation and development of their managerial competence. The author considers and analyzes the period of student life as a stage of real transition to real adulthood, as a separate social category. Based on the theoretical research carried out, the author of the article identifies the main directions of personal and professional

development of students that have an impact on the formation and development of managerial competence.

Fort citation

Stepnova L.A. (2023) Lichnostno-professional'noe razvitie studentov v kontekste formirovaniya i razvitiya upravlencheskoi kompetentnosti [Personal and professional development of students in the context of the formation and development of managerial competence]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 11 (6A), pp. 169-173. DOI: 10.34670/AR.2023.49.16.019

Keywords

Competence, managerial competence, personal and professional development, factors of personal and professional development.

References

1. Anan'ev B.G. (1974) K psikhofiziologii studencheskogo vozrasta [On the psychophysiology of student age]. *Sovremennye psikhologicheskie problemy vysshei shkoly* [Modern psychological problems of higher education], 2, pp. 82-89.
2. Bolenko Yu.V. (2012) Psikhologicheskaya gotovnost' kak komponent professional'noi podgotovki spetsialista [Psychological readiness as a component of professional training of a specialist]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 1 (60), pp. 1-6.
3. Klimov E.A. (1996) *Psikhologiya professional'nogo samoopredeleniya* [Psychology of professional self-determination]. Rostov-on-Don: Feniks Publ.
4. Kovalev A.G., Myasishchev V.N. (2009) *Psikhicheskie osobennosti cheloveka* [Mental characteristics of a person]. Moscow: Publishing House of Moscow State University.
5. Rean A.A. (2002) *Psikhologiya cheloveka ot rozhdeniya do smerti* [Human psychology from birth to death]. Saint Pettersburg.
6. Sulima V.N. (2017) Lichnostno-professional'noe razvitie studentov v period obucheniya v vysshem uchebnom zavedenii [Personal and professional development of students during their studies at a higher educational institution]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika* [Bulletin of the Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics], 5, pp. 74-78.
7. Tatarnikova N.S. (2013) Realizatsiya printsipa individualizatsii v deyatelnosti pedagoga [Implementation of the principle of individualization in the activities of a teacher]. *Vestnik Mininskogo universiteta* [Bulletin of the Minin University], 1 (1).
8. Tolochek V.A. (2005) *Sovremennaya psikhologiya truda* [Modern psychology of work]. Saint Pettersburg.
9. Orchakova L.G. (2012) Integratsionnye innovatsionnye processy v vysshem professional'nom obrazovanii: novye tekhnologii obucheniya [Integration innovation processes in higher professional education: new learning technologies] V sbornike: Obrazovanie, ekonomika, pravo v sovremennom informatsionnom obshchestve. Materialy VIII mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii [In the collection: Education, economics, law in the modern information society. Materials of the VIII International Scientific Conference] pp. 133-136.
10. Nekhorosheva E.V. (2015) Issledovanie uchebno-professional'noj motivatsii studentov obrazovatel'nykh organizatsij [Research of educational and professional motivation of students of educational organizations] *Ekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya*. [Economic and socio-humanitarian studies.] № 1 (5). pp. 69-75.

УДК 159

DOI: 10.34670/AR.2023.81.15.020

Психологические факторы протестного поведения молодежи**Степнова Людмила Анатольевна**

Доктор психологических наук,
приглашенный профессор,
Российский университет дружбы народов,
117198, Москва, Российская Федерация, ул. Миклухо-Маклая, 6;
e-mail: stepnova@gmail.com

Сафонова Татьяна Евгеньевна

Кандидат физико-математических наук,
доцент кафедры информатики и прикладной математики,
Институт государственной службы и управления,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Россия,
119571, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 82;
e-mail: tesafonova@gmail.com

Огарь Алексей Андреевич

Кандидат психологических наук,
генеральный директор ООО «Научно-исследовательский
хаб актуальных разработок в области психологии»,
354208, Российская Федерация, Сочи,
с. Верхнеармянское Лоо, ул. Кироваканская, 21;
e-mail: ogaralexey@yandex.ru

Соломина Мария Эдуардовна

Студент,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Россия,
119571, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 82;
e-mail: solomina.me@yandex.ru

Аннотация

Статья направлена на исследование понимания студенческой молодежью ряда протестных политических понятий с использованием метода семантического дифференциала. Представлены материалы эмпирического исследования, полученные на выборке студентов 1-5 курсов московских вузов. В исследовании (N=100) приняли участие респонденты в возрасте от 16 до 30 лет (M=19,0), из которых 65% были женского пола. Для исследования были отобраны понятия протестного дискурса и разработаны

специализированные шкалы частного семантического дифференциала. Полученные результаты дают возможность говорить о том, что смысловые детерминанты протестных настроений формулируются как «Прогрессивность, позитивность», «Демократичность, саморегулируемость», «Нужный, популярный». В контексте данных смыслов происходит осознание студентами современных протестных реалий. В семантическом смысловом пространстве выделенных факторов 4 из 6 оцениваемых понятия получили неоднозначные оценки, что в целом характеризует амбивалентность, противоречивость понимания и отношения студенческой молодежи к протестной тематике. Протестные митинги и уличные акции воспринимаются как непрогрессивные, но при этом студенты считают, что они нужны, популярны и демократичны. Гражданское общество воспринимается как ненужное и непопулярное. Закон воспринимается как прогрессивное и нужное, но недемократичное.

Для цитирования в научных исследованиях

Степнова Л.А., Сафонова Т.Е., Огарь А.А., Соломина М.Э. Психологические факторы протестного поведения молодежи // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 6А. С. 174-183. DOI: 10.34670/AR.2023.81.15.020

Ключевые слова

Семантический дифференциал, протестные представления, протестная активность, эмоционально-смысловые детерминанты протестных представлений, семантическое пространство.

Введение

Исследователи отмечают преобладание в целом аполитичности российской молодежи (А.В. Селезнева, В.Е. Зиненко, Е.А. Сафошкина), низкого уровня протестной активности (О.В. Попова). На этом фоне в интернет-среде активно формируются различного рода протестные настроения. Какие психологические факторы способствуют вовлечению студенческой молодежи в протестные акции? Что способствует преобразованию абсентеистических установок молодежи в активно протестные?

Для ответа на данный вопрос было проведено исследование понимания студенческой молодежью ряда протестных политических понятий с использованием метода семантического дифференциала. Данный метод позволяет проанализировать эмоционально-смысловые детерминанты протестных представлений студенческой молодежи.

На основе результатов Всероссийского исследования политического сознания молодежи (2014–2015 гг.) отмечается невысокая протестная активность российской молодежи, «вопреки расхожим представлениям о «бунтующей молодежи», сегмент протестующей и недовольной властью части населения России в возрасте до 30 лет незначителен. 28,7% готовы участвовать только в санкционированных акциях, для 13,76% нет внутренних барьеров для участия в несанкционированных акциях, 39,7% не считают для себя возможным участвовать в протестных акциях вообще» [Попова, 2017, 161].

Выявлены и охарактеризованы «основные формы политической активности молодежи – электоральное участие, участие в деятельности молодежных общественно-политических организаций и движений, участие в деятельности молодежных представительных институтов

при органах власти, профессиональная (общественно-политическая) деятельность. Рассмотрены технологии повышения политической активности молодежи» [Селезнева, Зиненко, 2020, 192].

На основе данных ВЦИОМ о количестве молодых людей, участвующих в протестах за период с 2018 года (протестные акции 5 мая и 9 сентября 2018 г.) выделены особенности политической активности современной молодежи: «половина от общего количества молодых людей страны участвуют в политике посредством выборов, ...вторая же половина состоит из абсентеистов, большинство которых мало что знают о сфере политики...лишь небольшая часть молодых абсентеистов руководствуются нигилистическими идеями» [Сафошкина, www].

Отмечается усиление роли «спонтанных процессов в формировании политического сознания молодежи. Тем самым создаются условия для воспроизводства неопределенности в сфере политических отношений. В этой связи особое значение имеет дальнейшее исследование латентных механизмов в становлении молодежи как субъекта социально-политических отношений» [Сорокин, 2007, 52].

Таким образом, в политологических и социологических работах отечественных авторов анализируются преимущественно вопросы участия-неучастия молодежи в протестных акциях, предлагаются способы повышения конструктивных форм политической активности молодежи. Психологических детерминант протестной активности в данных исследованиях не выявлено.

Основная часть

Анализ психосемантических исследований различных аспектов политического сознания показал следующее.

В.Ф. Петренко отмечает, что «психосемантические методы позволяют выявить скрытые, плохо рефлекслируемые представления, которые в конечном итоге оказывают доминирующее влияние на наблюдаемое политическое поведение, политическое мышление, содержание политического сознания людей» [Петренко и др., 2000, 36].

Что касается объектов изучения политической психологии данным методом, то, как правило, это какие-либо декларации, программы политических партий, восприятие политических лидеров (их образ, характер, особенности характера и поведения) и их деятельности, то есть составление психологического портрета [Петренко, Митина, 2015]. Однако протестная тематика, как узкий спектр политического дискурса, не изучается.

В исследовании с применением метода семантического дифференциала социально-политических стереотипов респондентам предлагалось оценить и сопоставить два государства: СССР и современную Россию, а также советского человека и современного россиянина [Сикевич, 2016]. Для шкал, характеризующих государства, были предложены следующие пары прилагательных: «миролюбивое – воинственное», «развитое – неразвитое», «зависимое – независимое», «правовое – неправовое», «эффективное – неэффективное», «демократическое – недемократическое» и т.д., а для составления типичного образа гражданина для оценки были представлены следующие пары антонимов: «общительный – замкнутый», «нравственный – безнравственный», «богатый – бедный», «свободный – не свободный» и прочее, то есть были представлены такие описательные характеристики, которых для исследования меры удовлетворенности современного состояния общества было достаточно.

В исследовании «Образы российских политических лидеров в представлении молодежи: семантическая реконструкция» изучено отношение молодежи к современным политическим лидерам. Были получены факторные структуры по каждому политическому лидеру,

объединяющие интеллектуальные, лидерские и человеческие качества [Марин, 2020].

Ю.В. Калмакова, О.В. Кожевникова провели «контент-анализ вербальных откликов респондентов на слово «политика», который позволил выявить преобладание нейтральных ассоциаций, на основании полученных данных разработан исследовательский инструментарий для применения специализированного семантического дифференциала» [Калмакова, Кожевникова, 2018, 593-601].

В исследовании И.Б. Бовиной, М.Е. Сачковой «в рамках теории социальных представлений была реализована серия исследований, позволивших говорить о специфике социальных представлений студенческой молодежи о подчинении и неподчинении в разных культурах. Для выявления структуры СП использовалась методика направленных ассоциаций с последующим прототипическим анализом данных по П. Вержесу» [Бовина, Сачкова, 2020, 80]. Результаты исследования показали, что «социальные представления о подчинении кристаллизуются вокруг элементов, обладающих, с точки зрения респондентов, нейтральной валентностью: начальник, власть, доминирование; социальные представления о неподчинении выстраиваются вокруг элементов, имеющих позитивную коннотацию: свобода и воля, а также элементов с негативной коннотацией: непослушание, бунт, нарушение закона» [там же, 88]. То есть в данном исследовании мы видим подтвержденную эмпирически связь между понятиями «неподчинение», «бунт», «нарушение закона».

Анализ исследований зарубежных авторов выявил следующие аспекты изучения психологических причин протестного поведения молодежи. Исследование, проведенное в рамках теории самоопределения (E. Deci, R. Ryan) на подростках 15-18 лет, показало, что интерес к политике инициируется включенностью подростков в события, которые вызывают их гражданский интерес и основаны на реализации потребностей в автономии, родственности и компетентности. Формат значимых для подростков событий касается «национальных и международных проблем, которые являются угрожающими, и это бросает вызов убеждениям и нравственности подростков» [Stattin, Hussein, Özdemir, Russo, 2017, 306].

Была исследована реакция членов привилегированных групп на различные типы протестов, предполагая, что привилегированные с большей вероятностью будут сопротивляться переменам, поскольку им есть что терять как в моральном, так и в материальном плане [Teixeira, Spears, Yzerbyt, 2020]. Участникам из привилегированных групп были представлены статьи в средствах массовой информации, в которых сообщалось о коллективных протестах групп, находящихся в неблагоприятном положении, в результате незаконной дискриминации (например, этнических меньшинств, женщин, иммигрантов и беженцев). Половина участников видела «нормативные» протесты (марши, демонстрации или санкционированные забастовки), а другая половина – «ненормативные» протесты (взлом или блокирование дорог). Результаты показали, что поддержка протеста определялась как типом протеста, так и уровнем групповой идентификации участников к привилегированному членству в группе. Те, кто отождествлял себя с привилегированными, отвергали ненормативный протест больше, чем нормативный протест. Для тех, у кого низкий уровень идентификации, тип протеста не имел значения [там же]. Данный вывод, на наш взгляд, может быть использован в конструктивной работе с молодежью: позитивная групповая легитимизация молодежных групп снизит уровень их неконструктивных протестных настроений.

В другом исследовании сделана попытка объяснить, почему люди участвуют в политическом насилии [Birga, Moyano, Nisa, 2020]. Исследование показало, что существует связь между смыслом жизни и готовностью к самопожертвованию и поддержкой политического насилия, поиск ощущений является одним из психологических механизмов, связывающих

поиск смысла людьми с поддержкой экстремального поведения (например, поддержка политического насилия).

На основе понимания этих принципов авторы разработали и успешно протестировали «два вмешательства, направленных на предотвращение процесса радикализации, а именно (а) сокращение поиска людьми смысла, направляя их на размышления об их личном, значимом наследии, и (б) создание захватывающей, но мирной альтернативной группы, которая удовлетворяет их потребность в захватывающих ощущениях. Оба подхода имеют отношение к усилиям по предотвращению и вмешательству для смягчения поддержки политического насилия» [там же].

В исследовании радикальных экстремистских мнений было показано, что данная радикализация психологически отличается от радикализации экстремистских действий. Это объясняется тем, что «исследования в области социальной психологии давно установили, что установки нелегко перевести в действия; слабая связь между отношением и поведением особенно очевидна в отношении отношений, связанных с экстремальным поведением» [McCauley, Moskalko, 2017, 65].

Таким образом, в зарубежных исследованиях протестного поведения выделены следующие психологические факторы: интерес к политике инициируется включенностью подростков в события, которые вызывают их гражданский интерес и основаны на реализации потребностей в автономии, родственности и компетентности; принадлежность к привилегированным членам группы не связана с поддержкой ненормативного протеста, потому что он негативно влияет социальный имидж их группы; поиск сильных ощущений является одним из психологических механизмов, связывающих поиск смысла людьми с поддержкой экстремального поведения; радикализация экстремистских мнений не всегда приводит к радикализации экстремистских действий. Протестная тематика изучается с точки зрения мотивационных, социально-психологических, поведенческих психологических факторов. В частности, рассматриваются смысловые детерминанты экстремального поведения: поиск смысла в сильных ощущениях, реализация подростками потребностей в автономии, родственности и компетентности.

Проведенный анализ показал, что протестные представления молодежи, в частности студенческой молодежи, с использованием метода семантического дифференциала не изучались. Поэтому в качестве метода исследования понимания студенческой молодежью протеста был выбран метод семантического дифференциала. Основная задача исследования состояла в разработке специализированных шкал семантического дифференциала для оценки ряда понятий, составляющих протестных дискурс политического сознания студенческой молодежи.

В соответствии с правилами проведения методики семантического дифференциала на первом этапе было определено множество оцениваемых понятий [Кожевникова, Вьюжанина, 2016; Osgood, 1957]. В нашем исследовании индуктивным методом был определен следующий список понятий: *гражданское общество, протестные митинги, оппозиция, закон, анархия, уличные акции*.

Данная группа понятий, на наш взгляд, позволяет со всех сторон подойти к оценке понимания протеста и произвести качественный анализ всех его компонентов, так как отношение респондентов ко всем вышеперечисленным явлениям так или иначе отражает их отношение к пониманию протеста.

Далее экспертным путем было определено множество шкал (дескрипторов), которые используются для оценки выделенного списка понятий. В нашем исследовании шкалы специализированного семантического дифференциала для оценки понятий протестного

дискурса были сформулированы ассоциативным методом, в ходе которого сформированная группа экспертов из числа студентов и преподавателей (n=25 чел.) предлагала свои определения к предложенным понятиям.

После сбора все продуцированные шкалы были унифицированы, дополнены антонимами, а также были удалены некоторые абсолютно нерелевантные пары прилагательных. Всего была сформирована и включена в опрос 21 шкала, релевантная для каждого понятия.

Выборочная совокупность составила 100 студентов различных московских вузов: женщины – 65%, мужчины – 35%, в возрасте от 16 до 30 лет (M=19), большинство студентов обучаются на 1-3 курсах, по направлению подготовки преобладают студенты гуманитарных специальностей.

Весь поступивший массив информации был подвергнут первичной обработке, в которую входили исправления и унификация массивов, а затем их сортировка, позволяющая выявить показатели частоты и частотности.

Для обработки поступивших ответов было задействовано использование программного комплекса для статистического анализа Statistica.

Смысловая интерпретация первого фактора, на который приходится основной вес и который показывает общую оценку, может быть обозначена **«Прогрессивность, позитивность»** (демократический, эффективный, правомерный, прогрессирующий, позитивный, гуманный, безопасный, одобряемый, развитый, нужный, принимаемый, хороший, системный); второго фактора – **«Демократичность, саморегулируемость»** (подконтрольный, эгалитарный, динамичный, саморегулируемый, добровольный, несистемный), третьего фактора – **«Нужный, популярный»** (демократичный, прогрессирующий, реальный, управляемый, нужный, планируемый, популярный).

Для понимания смысловых оттенков оцениваемые понятия были размещены в семантическом пространстве базисных смысловых факторов-векторов (факторов) (рис. 1).

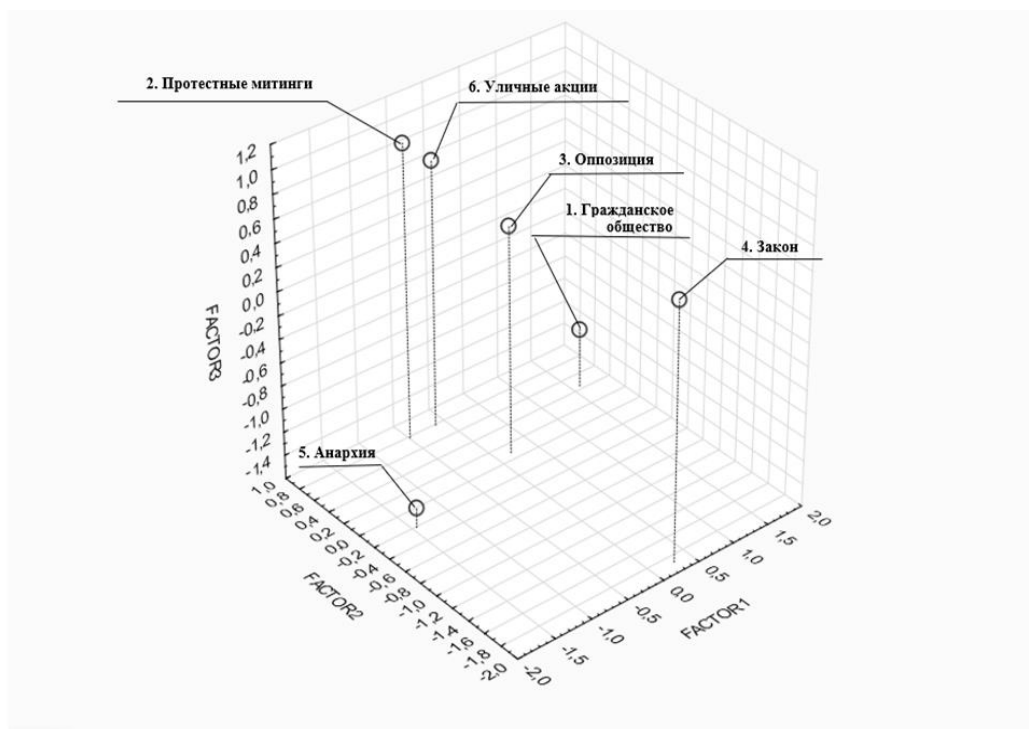

Рисунок 1 - Размещение исходных понятий в пространстве выделенных факторов

Заключение

Таким образом, проведенное исследование показало, что смысловые детерминанты протестных настроений формулируются, как «Прогрессивность, позитивность», «Демократичность, саморегулируемость», «Нужный, популярный». В контексте данных смыслов происходит осознание студентами современных протестных реалий, которые возникают в обществе.

В семантическом смысловом пространстве выделенных факторов 4 из 6 оцениваемых понятия получили неоднозначные оценки, что в целом характеризует амбивалентность, противоречивость понимания и отношения студенческой молодежи к протестной тематике.

Протестные митинги и уличные акции воспринимаются как непрогрессивные, но при этом студенты считают, что они нужны, популярны и демократичны. Гражданское общество воспринимается как ненужное и непопулярное. Закон воспринимается как прогрессивное и нужное, но недемократичное.

Однозначные оценки получили понятия «Анархия» и «Оппозиция»: первое – отрицательные, второе – положительные. Студенты предпочитают анархии порядок, а оппозицию считают необходимой.

Исходя из того, что проведенное исследование является пилотными, его выводы имеют предварительный характер. Однако разработанные шкалы могут быть использованы в дальнейших исследованиях, что позволит проверить их валидность для оценки понятий протестного дискурса.

Библиография

1. Бовина И.Б., Сачкова М.Е. Подчинение и неподчинение в понимании студенческой молодежи: поисковое исследование // Психология и право. 2020. Том 10. № 4. С. 76-92. DOI:10.17759/psylaw.2020100406.
2. Калмакова Ю.В., Кожевникова О.В. Психосемантический подход к изучению представлений молодежи о политике // СГН. 2018. № 1 (2). С. 593-602.
3. Кожевникова О.В., Вьюжанина С.А. Психосемантика. Метод семантического дифференциала. Ижевск: Удмуртский университет, 2016. 120 с.
4. Марин Е.Б. Образы российских политических лидеров в представлении молодежи: семантическая реконструкция // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 2. С. 82-105. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.642
5. Петренко В.Ф. и др. Психосемантический анализ этнических стереотипов: лики толерантности и нетерпимости. М.: Смысл, 2000. 73 с.
6. Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантический анализ политического менталитета общества // Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика. 2015. № 3.
7. Попова О.В. Особенности политического сознания современной российской молодежи // Политическая наука. 2017. № 1. С. 138-162.
8. Сафошкина Е.А. Особенности политической активности молодежи в современной России. URL: <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/160713881/>
9. Селезнева А.В., Зиненко В.Е. Политическая активность российской молодежи: современные тенденции развития // Вестник МГОУ. 2020. № 2. С. 192-208.
10. Серкин В.П. Специализированные семантические дифференциалы для оценки работы, профессии и профессионала // Психологическая диагностика. 2007. № 5. С. 11-29.
11. Сикевич З.В. Метод семантического дифференциала в социологическом исследовании (опыт применения) // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2016. Вып. 3. С. 118-128. DOI: 10.21638/11701/spbu12.2016.309.
12. Сорокин О.В. Особенности формирования политического сознания современной российской молодежи // Власть. 2007. № 8. С. 45-52.
13. Birga M., Moyano M., Nisa C.F. The Role of Sensation Seeking in Political Violence: An Extension of the Significance Quest Theory // Journal of Personality and Social Psychology: Personality Processes and Individual Differences. 2020. Vol. 118. No. 4. P. 743-761.
14. McCauley, Moskalkenko S. Understanding political radicalization: The two-pyramids model // American Psychologist.

-
2017. No. 72(3). P. 205-216.
15. Osgood Ch.E. The measurement of meaning. Urbana, 1957.
16. Stattin H., Hussein O., Özdemir M., Russo S. Why do some adolescents encounter everyday events that increase their civic interest whereas others do not? // *Developmental Psychology*. 2017. No. 53(2). P. 306-318.
17. Teixeira C.P., Spears R., Yzerbyt V.Y. Is Martin Luther King or Malcolm X the more acceptable face of protest? High-status groups' reactions to low-status groups' collective action // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2020. No. 118(5). P. 919-944.

Psychological factors of youth protest behavior

Lyudmila A. Stepnova

Doctor of Psychology,
Visiting Professor,
Peoples' Friendship University of Russia,
117198, 6 Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: stepnova@gmail.com

Tat'yana E. Safonova

PhD in Physical and Mathematical Sciences,
Associate Professor of the Department of informatics and applied mathematics,
Institute of Public Service and Management,
Russian Academy of National Economy and Public
Administration under the President of the Russian Federation,
119571, 82 Vernadskogo av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: tesafonova@gmail.com

Aleksei A. Ogar'

PhD in Psychology,
General Director of the LLC "Research Hub of current developments
in the field of psychology",
354208, 21, Kirovokanskaya str., Verkhnearmyanskoye
Loo village, Sochi, Russian Federation;
e-mail: ogaralexey@yandex.ru

Mariya E.a Solomina

Student,
Russian Academy of National Economy and Public
Administration under the President of the Russian Federation,
119571, 82 Vernadskogo av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: solomina.me@yandex.ru

Abstract

This study is aimed at studying the understanding of a number of protest political concepts by the student youth using the method of semantic differential. The materials of an empirical study obtained on a sample of students of 1-5 courses of Moscow universities are presented. The study (N=100) involved respondents aged 16 to 30 years (M=19.0), of which 65% were female. The concepts of protest discourse were selected for the study and specialized scales of a particular semantic differential were developed. The obtained results make it possible to say that the semantic determinants of protest moods are formulated as "Progressiveness, positivity", "Democracy, self-regulation", "Necessary, popular". In the context of these meanings, students become aware of the modern protest realities. In the semantic space of the selected factors, four out of six evaluated concepts received ambiguous assessments; this fact generally characterizes the ambivalence, inconsistency of understanding and attitude of student youth to the protest theme. Protest rallies and street actions are perceived as non-aggressive, but at the same time, students believe that they are necessary, popular and democratic. Civil society is perceived as unnecessary and unpopular. The law is perceived as progressive and necessary, but undemocratic.

For citation

Stepnova L.A.a, Safonova T.E., Ogar' A.A., Solomina M.E. (2023) Psikhologicheskie faktory protestnogo povedeniya molodezhi [Psychological factors of youth protest behavior]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 11 (6A), pp. 174-183. DOI: 10.34670/AR.2023.81.15.020

Keywords

Semantic differential, protest representations, protest activity, emotional and semantic determinants of protest representations, semantic space.

References

1. Birga M., Moyano M., Nisa C.F. (2020) The Role of Sensation Seeking in Political Violence: An Extension of the Significance Quest Theory. *Journal of Personality and Social Psychology: Personality Processes and Individual Differences*, 118(4), pp. 743-761.
2. Bovina I.B., Sachkova M.E. (2020) Podchinenie i nepodchinenie v ponimani studentcheskoi molodezhi: poiskovoe issledovanie [Subordination and disobedience in the understanding of student youth: a search study]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 10(4), pp. 76-92. DOI:10.17759/psylaw.2020100406.
3. Kalmakova Yu.V., Kozhevnikova O.V. (2018) Psikhosemanticheskii podkhod k izucheniyu predstavlenii molodezhi o politike [Psychosemantic approach to the study of youth ideas about politics]. *SGN*, 1(2), pp. 593-602.
4. Kozhevnikova O.V., V'yuzhanina S.A. (2016) *Psikhosemantika. Metod semanticheskogo differentsiala* [Psychosemantics. Semantic differential method]. Izhevsk: Udmurt University.
5. Marin E.B. (2020) Obrazy rossiiskikh politicheskikh liderov v predstavlenii molodezhi: semanticheskaya rekonstruktsiya [Images of Russian political leaders in the minds of the youth: semantic reconstruction]. *Vestnik Instituta sotsiologii* [Bulletin of the Institute of Sociology], 11(2), pp. 82-105. DOI: 10.19181/vis.2020.11.2.642
6. McCauley, Moskaleiko S. (2017) Understanding political radicalization: The two-pyramids model. *American Psychologist*, 72(3), pp. 205-216.
7. Osgood Ch.E. (1957) The measurement of meaning. Urbana.
8. Petrenko V.F., Mitina O.V. (2015) Psikhosemanticheskii analiz politicheskogo mentaliteta obshchestva [Psychosemantic analysis of the political mentality of society]. *Vestnik SPbGU. Seriya 16: Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletin of St. Petersburg State University. Series 16: Psychology. Pedagogy], 3.
9. Petrenko V.F., Mitina O.V., Berdnikov K.V., Kravtsova A.R., Osipova V.S. (2000) *Psikhosemanticheskii analiz etnicheskikh stereotipov: liki tolerantnosti i neterpimosti* [Psychosemantic analysis of ethnic stereotypes: faces of tolerance and intolerance]. Moscow: Smysl Publ.
10. Popova O.V. (2017) Osobennosti politicheskogo soznaniya sovremennoi rossiiskoi molodezhi [Features of the political

-
- consciousness of modern Russian youth]. *Politicheskaya nauka* [Political science], 1, pp. 138-162.
11. Safoshkina E.A. *Osobennosti politicheskoi aktivnosti molodezhi v sovremennoi Rossii* [Features of the political activity of youth in modern Russia]. Available at: <https://istina.msu.ru/conferences/presentations/160713881> [Accessed 12/11/2022].
 12. Selezneva A.V., Zinenko V.E. (2020) Politicheskaya aktivnost' rossiiskoi molodezhi: sovremennye tendentsii razvitiya [Political activity of the Russian youth: modern development trends]. *Vestnik MGOU* [Bulletin of the Moscow State Regional University], 2, pp. 192-208.
 13. Serkin V.P. (2007) Spetsializirovannye semanticheskie differentsialy dlya otsenki raboty, professii i professionala [Specialized semantic differentials for evaluating work, profession and professional]. *Psikhologicheskaya diagnostika* [Psychological diagnostics], 5, pp. 11-29.
 14. Sikevich Z.V. (2016) Metod semanticheskogo differentsiala v sotsiologicheskom issledovanii (opyt primeneniya) [Semantic differential method in sociological research (experience of application)]. *Vestnik SPbGU. Seriya 12. Sotsiologiya* [Bulletin of St. Petersburg State University. Series 12. Sociology], 3, pp. 118-128. DOI: 10.21638/11701/spbu12.2016.309.
 15. Sorokin O.V. (2007) Osobennosti formirovaniya politicheskogo soznaniya sovremennoi rossiiskoi molodezhi [Features of the formation of the political consciousness of modern Russian youth]. *Vlast'* [Power], 8, pp. 45-52.
 16. Stattin H., Hussein, O., Özdemir M., Russo S. (2017) Why do some adolescents encounter everyday events that increase their civic interest whereas others do not? *Developmental Psychology*, 53(2), pp. 306-318.
 17. Teixeira C.P., Spears R., Yzerbyt V.Y. (2020) Is Martin Luther King or Malcolm X the more acceptable face of protest? High-status groups' reactions to low-status groups' collective action. *Journal of Personality and Social Psychology*, 118(5), pp. 919-944.

УДК 159

DOI: 10.34670/AR.2023.75.35.021

Психологическое сопровождение ведения переговоров при разрешении конфликтных ситуаций

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15А;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15А;
профессор кафедры уголовного права,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20А;
профессор кафедры частного права,
Пермский институт ФСИН России,
614012, Российская Федерация, Пермь, ул. Карпинского, 125;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Аннотация

Переговорный процесс неотъемлемая часть жизнедеятельности как человека в частности, так и общества в целом. Данное касается практически всех аспектов бытия. В сложившейся непростой нынешней политической ситуации в мире, и конкретно у наших ближайших соседей, переговоры однозначно решили бы многие проблемные вопросы. Но как известно, переговоры это взаимодействие заинтересованных в разрешении конфликта (спора) сторон. К сожалению, следует констатировать, что без взаимного уважения, перманентных коммуникаций сложно скоординировать общую позицию по предмету конфликта (спора). Отсутствие непосредственного контакта не позволяет скоррелировать генеральную линию, что приводит в свою очередь к усугублению конфликтных ситуаций. В представленной работе мы не будем заострять внимание на глобальных исторических процессах происходящих в настоящий момент, а несколько сузим предмет исследования.

Для цитирования в научных исследованиях

Слабкая Д.Н., Новиков А.В. Психологическое сопровождение ведения переговоров при разрешении конфликтных ситуаций // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 6А. С. 184-191. DOI: 10.34670/AR.2023.75.35.021

Ключевые слова

Конфликты, социальное партнерство, переговорный процесс, конфликтующие стороны, стратегия переговоров.

Введение

Слово «переговоры» возникло в 15 веке непосредственно от латинского «negotiationem» - бизнес, трафик, (именительный negotiatio, из «neg» - нет и «otatio» - досуг) и от старофранцузского «negociacion». Расширение смысла от «ведения бизнеса» до включения «ведения переговоров» о чем-либо произошло на латыни. Значение «взаимное обсуждение и согласование условий сделки или соглашения» относится к 1570-м годам.

Основная часть

Понятийно-категориального аппарата термина «переговоры» нет, однако вряд ли кого-либо затруднит дать свое определение этого действия. Тем не менее приведем некоторые авторские определения.

Французский исследователь Лионель Белланже утверждает, что: «Переговоры – это инструмент человеческого поведения, средство, эффективно использовать которое может каждый. Это взаимодействие отдельных лиц или групп лиц, преследующих одну более или менее общую цель: установить между собой соглашение» [Белланже, 2002].

По мнению голландского социолога Уильяма Мастенбрука: «...переговоры – это умение успешно сочетать личную выгоду с взаимозависимостью» [Мастенбрук, 1996, 138].

И как гласит старая французская народная мудрость (поговорка): «La négociation n'est pas une place pour les rafales, c'est une place pour la diplomatie», что в дословном переводе означает: «Переговоры – это не место для порывов, а место для дипломатии».

Сублимируя вышесказанное, а также на основании своего жизненного опыта подведем черту и выразим мнение, что в широком смысле переговоры – это взаимодействие, коммуникация между сторонами, имеющих равные возможности в контроле ситуации и принятии решения, с намерением достичь благоприятного исхода по крайней мере по одному вопросу спора либо конфликта (при его наличии), которое как правило закрепляется документом.

Для достижения заявленных целей и позитивного исхода, прежде всего необходимо создать благоприятный психологический климат.

В психологическом плане приоритетная задача переговоров – убедить собеседника принять за основу вашу позицию, ни в коем случае не следует стремиться к достижению односторонних выгод. Как правило, инициатором проведения переговоров выступает наиболее психологически подготовленная сторона [Дуглас, 2012].

В предпринимательской деятельности в качестве эффективных методов регулирования отношений (внутри организации) и разрешения возникающих спорных ситуаций и конфликтов является создание и развитие системы социального партнерства. Этот метод предполагает ведение переговоров, как основное средство достижения взаимоприемлемого решения, включая взаимные компромиссы и уступки. Переговоры как сложный процесс взаимодействия между спорящими либо конфликтующими сторонами, независимо от характера и масштабов конфликта, должны основываться на общих нормах, разработанных в ходе их осуществления. Многолетний опыт использования переговоров для разрешения конфликтов, позволяет определить основные принципы, этапы и стратегии для проведения переговоров [Хисматулина, 2006].

Для успешного проведения переговоров в качестве основного принципа необходимо,

прежде всего, определить цели и на них ориентироваться. Если стороны в переговорах руководствуются другими мотивами, отличными от первоначальной цели, урегулировать конфликтную ситуацию будет очень сложно, а зачастую и невозможно.

Б.И. Хасан в своей работе «Конструктивная психология конфликта» также указывает на другие принципы ведения переговоров, лежащие в основе его успешного поведения:

принцип воли сторон, согласно которому переговоры не могут проводиться без осознания участниками своей объективной необходимости;

принцип, согласно которому каждая сторона имеет свой собственный интерес к переговорам. Именно наличие интереса является мерой эффективности переговоров, вокруг которых строятся и ведутся переговоры;

стороны имеют подготовку и навыки для проведения переговоров. В организации переговоров может принимать участие посредник;

наличие ресурсов для реализации совместных договоренностей и решений, принятых в ходе переговоров [Хасан, 2003, 132].

Принципы, представленные Б. И. Хасаном, кажутся универсальными для всех видов переговоров, даже при ведении переговоров по разрешению конфликтов. Они применяются ко всем областям, включая разрешение споров и конфликтов в предпринимательской деятельности. Итогом переговоров в идеале должно стать урегулирование конфликтной ситуации. Однако разрешение конфликтной ситуации само по себе может быть выражено несколькими способами.

В общей теории конфликтологии принято различать три основных результата переговоров в зависимости от желаемого результата: компромисс, принятие асимметричного решения и поиск принципиально нового решения конфликтной ситуации. В случае компромиссного разрешения конфликта стороны идут на взаимные уступки [Черкасова, 2019].

По словам А.Я. Анцупова: «...компромисс – это наиболее типичное решение, основанное на результатах переговоров, когда стороны готовы удовлетворить хотя бы часть интересов друг друга». Принятие асимметричного решения в ходе переговоров означает, что в ходе переговоров принимается решение о значительных уступках одной из сторон. Такой исход переговоров наблюдается, когда стороны не находят общего знаменателя для принятия компромиссного решения, а также в тех случаях, когда статусы и возможности властного воздействия сторон существенно отличаются.

Кроме того, результатом переговоров может стать совершенно новое, взаимовыгодное решение.

Принципы выработки такого решения отражены в работе Р. Фишера и У. Юри «Путь к соглашению, или переговорам без поражения». Такое решение может быть принято только тогда, когда стороны договорятся расширить сферу конфликтной ситуации и более подробно рассмотреть ее с разных точек зрения, чтобы выработать качественно новое решение, отвечающее интересам обеих сторон конфликта [Фишер, 1992].

Вышеизложенные возможные результаты переговоров в значительной мере зависят от переговорной стратегии выбранной сторонами спора (конфликта).

А.Л. Стрёмовская определяет переговорную стратегию как предварительно выбранный подход к достижению конкретной задачи или цели заключения соглашения или контракта во время переговоров с другой стороной...

Что касается переговоров как метода разрешения конфликтов, то переговорная стратегия может быть определена как предварительный подход к урегулированию конфликтов в ходе

переговоров.

Т. Б. Попельницкая определяет следующие компоненты такой стратегии:

- 1) выяснение позиции оппонента;
- 2) наличие союзников и выявление оппозиции;
- 3) адаптация своих предложений и идей к пониманию и интересам второй стороны;
- 4) поиск возможности дискредитировать оппонента;
- 5) готовность к проведению первой встречи. [Попельницкая, 2016, 46]

В соответствии с выбранной стратегией оппоненты очерчивают правила и определяют свою модель ведения переговоров.

Можно сказать, что модель ведения переговоров действует в рамках стратегии ведения переговоров и в некоторых случаях позволяет сторонам лавировать между стратегиями.

Спорящие (конфликтующие) стороны могут по-разному интерпретировать переговорный процесс:

- либо как способ продолжения (затягивания) конфликта (конфронтация), при котором обе стороны или одна из сторон заранее «заточена» на противостояние, но в рамках переговорного процесса;
- либо как процесс его прекращения (конструктивный подход), основанный на обоюдном желании прекратить спор (конфликт) и завершить его на взаимовыгодных условиях.

В ходе переговоров возникает спор о конкретных позициях (точке зрения на спорную ситуацию) сторон, но не об их интересах.

Е.А. Овсянникова предлагает рассматривать переговоры, основанные на интересах сторон, как вторую возможную переговорную стратегию. Выбор такой стратегии представляется более уместным в свете конкретных аспектов переговоров как способа разрешения конфликтов, а также целей переговоров. Эта переговорная стратегия основана на сотрудничестве и партнерстве между сторонами и отвечает одному из требований эффективных переговоров: равенству сторон. При выборе такой стратегии переговоров, стороны руководствуются поиском взаимоприемлемого решения проблемы, что приводит к тому, что решение, принятое в результате переговоров, отвечает интересам обеих сторон [Овсянникова, 2015].

Несмотря на очевидные преимущества стратегия переговоров, основанная на интересах сторон и методе принципиальных переговоров, по-прежнему имеет ряд недостатков, определяемых спецификой конкретной ситуации.

Например, эти стратегии не могут применяться в переговорном процессе по урегулированию конфликта, первопричина которого кроется в ограниченности ресурса, на которое претендуют оппоненты. В данном случае взаимоисключающие интересы сторон создают невозможность реализации вышеуказанных переговорных стратегий.

Помимо вышеуказанного, следует отметить, что необходимость ведения переговоров зачастую обусловлена уже наличием спора (конфликта), крайне затруднительно в этом конкретном случае от конфронтации тут же перейти к согласию и взаимным уступкам.

По нашему частно-научному мнению, для всех жизненных ситуаций не может существовать выигрышной универсальной стратегии, в той связи, что оппоненты видят успешность урегулирования спора (конфликта) по разному и нередко ожидают полярных последствий.

Как уже говорили выше, проводимые в спорной (конфликтной) ситуации переговоры, являются наиболее частным случаем.

Американский политолог и практик Ф. Чарльз Икле предлагает разделять переговоры по целеполаганию сторон на пять категорий, а именно:

- 1) о продолжении ранее достигнутых соглашений;

- 2) переговоры по нормализации отношений;
- 3) переговоры с целью перераспределения прав и обязанностей;
- 4) переговоры с новым партнером;
- 5) переговоры о получении косвенных результатов, консенсус по которым не отражен в формальных соглашениях.

Не требует доказательств тот факт, что ведение переговорного процесса заинтересованными сторонами (даже при помощи посредников), самый оперативный и действенный способ разрешения спорной ситуации (конфликта). В предпринимательской деятельности (и не только) существует альтернативная возможность разрешения споров, минуя переговорный процесс, посредством судебной системы.

Однако это влечет за собой определенные издержки:

- в временном диапазоне (разбирательства в судах достаточно продолжительны);
- дополнительное напряженное психоэмоциональное состояние;
- финансовая составляющая (сборы и пошлины, которые могут быть высокими);
- наличие риска проигрыша, выиграет только одна сторона, а вступившее в законную силу решение суда придется исполнять.

Заключение

Следовательно, переговоры самый действенный способ достижения обоюдовыгодных целей противоборствующих сторон «мирным» путем, с возможностью и далее вести взаимовыгодное сотрудничество.

Несомненно, искусство ведения переговорного процесса требует наличия определенных знаний в разных областях наук (психологии делового общения, юридической психологии, юриспруденции, социологии и др.), высокого уровня профессиональной компетентности. Наличие опыта, который приходит с практикой, умением учиться на чужих и своих ошибках и навыков проведения переговоров будет однозначным плюсом в достижении поставленных целей.

Библиография

1. Анцупов А.Я., Шипилов А.И. Конфликтология: Учебник для вузов. – М.: ЮНИТИ, 2000. – 551 с.
2. Белланже Лионель. Переговоры, 5 изд. / Пер. с франц. Под ред. И.В. Андреевой. - СПб.: Издательский Дом «Нева», 2002. - 122, [1] с.; 21 см. - (Школа бизнеса); ISBN 5-7654-2307-8
3. Борисенко, З. В. Подходы к изучению переговоров в психологии / З. В. Борисенко // Бюллетень науки и практики. – 2016. – № 4(5). – С. 503-509. – DOI 10.5281/zenodo.54708. – EDN VUDDXJ.
4. Дуглас С. Психологические особенности деловых переговоров // Журнал «Психологические особенности деловых переговоров». 2012. №6. <http://td.poligrafyaunas.ru/journal/2012/6-2012/psixologicheskie-osobennosti-delovyix-peregovorov.html>
5. Интернет источник: "переговоры | Происхождение и значение переговоров в онлайн-словаре этимологии". <https://www.etymonline.com/word/negotiation>.
6. Интернет источник: <https://psy-top.ru/borozdina/285-39.html?ysclid=ldpq8qprouz114711577>
7. Нужный, А.А. Особенности ведения деловых переговоров / А.А. Нужный. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2014. – № 6.2 (65.2). – С. 28-30. – URL: <https://moluch.ru/archive/65/10861/> (дата обращения: 14.11.2022).
8. Интернет ресурс: <https://lektsii.org/6-80067.html?ysclid=ldpux87365502067760>
9. Мастенбрук, Уильям. Управление конфликтными ситуациями и развитие организации : Пер. с англ. / Уильям Мастенбрук. - Москва : ИНФРА-М, 1996. - 253,[1] с. : ил.; 21 см. - (ПБ. Профессиональная библиотека. Серия "Менеджмент"); ISBN 5-86225-238-X
10. Новиков, А. В. Психолого-педагогические приемы консультанта при предоставлении правовой помощи

- гражданам в юридической клинике / А. В. Новиков, Д. Н. Слабкая // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2020. – Т. 9. – № 5-1. – С. 59-64. – DOI 10.34670/AR.2020.78.83.009. – EDN ZTZOMZ.
11. Обухова, А.Н. Психологическое обеспечение переговорного процесса с деловыми партнерами / А.Н. Обухова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 44 (386). – С. 199-202. – URL: <https://moluch.ru/archive/386/85062/> (дата обращения: 14.11.2022).
 12. Овсянникова Е.А., Серебрякова А.А. Конфликтология: Учебно-методическое пособие. М.: Флинта, 2015. 335 с.
 13. Основы конфликтологии : учебное пособие / под редакцией д-ра экон. наук, проф. С.Г. Плещица . – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2012. – 207 с.
 14. Попельницкая Т.Б. Специфика внутрифирменных переговоров в компаниях с различной силой организационной культуры: дис. ... канд. псих. наук. – Ярославль, 2016. – 214 с.
 15. Слабкая, Д. Н. Феномен юридического конфликта. Юридическая психология / Д. Н. Слабкая, А. В. Новиков // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2021. – Т. 10. – № 1-1. – С. 161-167. – DOI 10.34670/AR.2021.81.39.022. – EDN DHOPCС.
 16. Стрёмовская А.Л. Возможные стратегии ведения переговорного процесса // Российский внешнеэкономический вестник. – 2008. – № 12. С. 79-88.
 17. Хасан, Б.И. Конструктивная психология конфликта [Текст] : учебное пособие по дисциплине "Педагогика" цикла "Общепрофессиональные дисциплины": описание и анализ конфликта. Модели разрешения конфликта. Технологии переговорного процесса. Тренировка переговоров / Б. И. Хасан. - Москва [и др.] : Питер, 2003 (Тип. Правда 1906). - 250 с.
 18. Хисматуллина, З. Н. Социальное партнерство как механизм управления организационным конфликтом / З. Н. Хисматуллина // Вестник Казанского технологического университета. – 2006. – № 2. – С. 388-394. – EDN HUWPXR.
 19. Черкасова, А. А. Стратегии ведения переговоров при разрешении конфликтов в трудовом коллективе / А. А. Черкасова, Ю. О. Сулягина // Научный электронный журнал Меридиан. – 2019. – № 16 (34). – С. 72-74. – EDN UNLHUT.
 20. Фишер Р., Юри У. Путь к согласию, или переговоры без поражения / пер. с англ. А. Гореловой. – М.: Наука, 1992. – 158 с.

Psychological support of negotiation in resolving conflict situations

Diana N. Slabkaya

Senior Scientific Officer,
Scientific-Research Institute of Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law,
Professor of Law, Chief Scientific Officer,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of Criminal Law Department,
Astrakhan State University,
4140546, 20a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
Professor of the Department of Private Law,
Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
614012, 125, Karpinskogo str., Perm, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Abstract

The negotiation process is an integral part of the life of both a person in particular and society as a whole. This applies to almost every aspect of life. In the current difficult current political situation in the world, and specifically among our closest neighbors, negotiations would unambiguously resolve many problematic issues. But as you know, negotiations are the interaction of the parties interested in resolving the conflict (dispute). Unfortunately, it should be stated that without mutual respect, permanent communications, it is difficult to coordinate a common position on the subject of the conflict (dispute). The absence of direct contact makes it impossible to correlate the general line, which in turn leads to the aggravation of conflict situations. In the presented work, we will not focus on the global historical processes taking place at the moment, but rather narrow the subject of research.

For citation

Slabkaya D.N., Novikov A.V. Psikhologicheskoe soprovozhdenie vedeniya peregovorov pri razreshenii konfliktnykh situatsiy [Psychological support of negotiation in resolving conflict situations]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 11 (6A), pp. 184-191. DOI: 10.34670/AR.2023.75.35.021

Keywords

Conflicts, social partnership, negotiation process, conflicting parties, negotiation strategy.

References

1. Antsupov A.YA., Shipilov A.I. Konfliktologiya: Uchebnik dlya vuzov. – M.: YUNITI, 2000. –551 s.
2. Bellanzhe Lionel'. Peregovory, 5 izd. / Per. s frants. Pod red. I.V. Andreyevoy. - SPb.: Izdatel'skiy Dom «Neva», 2002. - 122, [1] s.; 21 sm. - (Shkola biznesa); ISBN 5-7654-2307-8
3. Borisenko, Z. V. Podkhody k izucheniyu peregovorov v psikhologii / Z. V. Borisenko // Byulleten' nauki i praktiki. – 2016. – № 4 (5). – S. 503-509. – DOI 10.5281/zenodo.54708. – EDN VUDDXJ.
4. Duglas S. Psikhologicheskiye osobennosti delovykh peregovorov // Zhurnal «Psikhologicheskiye osobennosti delovykh peregovorov». 2012. №6. <http://td.poligrafiaunas.ru/journal/2012/6-2012/psixologicheskie-osobennosti-delovyix-peregovorov.html>
5. Internet istochnik: "peregovory | Proiskhozhdeniye i znacheniyeye peregovorov v onlayn-slovar'e etimologii". <https://www.etymonline.com/word/negotiation>.
6. Internet istochnik: <https://psy-top.ru/borozdina/285-39.html?ysclid=ldpq8qpouz114711577>
7. Nuzhnyy, A.A. Osobennosti vedeniya delovykh peregovorov / A.A. Nuzhnyy. – Tekst : neposredstvennyy // Molodoy uchenyy. – 2014. – № 6.2 (65.2). – S. 28-30. – URL: <https://moluch.ru/archive/65/10861/> (data obrashcheniya: 4.11.2022).
8. Internet resurs: <https://lektsii.org/6-80067.html?ysclid=ldpux87365502067760>
9. Mastenbruk, Uil'yam. Upravleniye konfliktnymi situatsiyami i razvitiye organizatsii : Per. s angl. / Uil'yam Mastenbruk. - Moskva : INFRA-M, 1996. - 253,[1] s. : il.; 21 sm. - (PB. Professional'naya biblioteka. Seriya "Menedzhment"); ISBN 5-86225-238-X
10. Novikov, A. V. Psikhologo-pedagogicheskiye priyemy konsul'tanta pri predostavlenii pravovoy pomoshchi grazhdanam v yuridicheskoy klinike / A. V. Novikov, D. N. Slabkaya // Psikhologiya. Istoriko-kriticheskiye obzory i sovremennyye issledovaniya. – 2020. – T. 9. – № 5-1. – S. 59-64. – DOI 10.34670/AR.2020.78.83.009. – EDN ZTZOMZ.
11. Obukhova, A.N. Psikhologicheskoye obespecheniye peregovornogo protsessa s delovymi partnerami / A.N. Obukhova. – Tekst : neposredstvennyy // Molodoy uchenyy. – 2021. – № 44 (386). – S. 199-202. – URL: <https://moluch.ru/archive/386/85062/> (data obrashcheniya: 14.11.2022).
12. Ovsyannikova Ye.A., Serebryakova A.A. Konfliktologiya: Uchebno-metodicheskoye posobiye. M.: Flinta, 2015. 335 s.
13. Osnovy konfliktologii : uchebnoye posobiye / pod redaktsiyey d-ra ekon. nauk, prof. S.G. Pleshchitsa . – SPb. : Izd-vo

-
- SPbGUEF, 2012. – 207 s.
14. Popel'nitskaya T.B. Spetsifika vnutrifornennykh peregovorov v kompaniyakh s razlichnoy siloy organizatsionnoy kul'tury: dis. ... kand. psikh. nauk. – Yaroslavl', 2016. – 214 s.
 15. Slabkaya, D. N. Fenomen yuridicheskogo konflikta. Yuridicheskaya psikhologiya / D. N. Slabkaya, A. V. Novikov // Psikhologiya. Istoriko-kriticheskiye obzory i sovremennyye issledovaniya. – 2021. – T. 10. – № 1-1. – S. 161-167. – DOI 10.34670/AR.2021.81.39.022. – EDN DHOPCC.
 16. Stremovskaya A.L. Vozmozhnyye strategii vedeniya peregovornogo protsessa // Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik. – 2008. – № 12. S. 79-88.
 17. Khasan, B.I. Konstruktivnaya psikhologiya konflikta [Tekst] : uchebnoye posobiye po distsipline "Pedagogika" tsikla "Obshcheprofessional'nyye distsipliny": opisaniye i analiz konflikta. Modeli razresheniya konflikta. Tekhnologii peregovornogo protsessa. Trenirovka peregovorov / B. I. Khasan. - Moskva [i dr.] : Piter, 2003 (Tip. Pravda 1906). - 250 s.
 18. Khismatullina, Z. N. Sotsial'noye partnerstvo kak mekhanizm upravleniya organizatsionnym konfliktom / Z. N. Khismatullina // Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta. – 2006. – № 2. – S. 388-394. – EDN HUWPXR.
 19. Cherkasova, A. A. Strategii vedeniya peregovorov pri razreshenii konfliktov v trudovom kollektive / A. A. Cherkasova, YU. O. Sulyagina // Nauchnyy elektronnyy zhurnal Meridian. – 2019. – № 16 (34). – S. 72-74. – EDN UNLHUT.
 20. Fisher R., Yuri U. Put' k soglasiyu, ili peregovory bez porazheniya / per. s angl. A. Gorelovoy. – M.: Nauka, 1992. – 158 s.

УДК 159

DOI: 10.34670/AR.2023.50.70.022

Побег из мест заключения под стражу, как психологическая проблема

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15а;
профессор кафедры уголовного права,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20а;
профессор кафедры частного права,
Пермский институт ФСИН России,
614012, Российская Федерация, Пермь, ул. Карпинского, 125;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Дикопольцев Дмитрий Евгеньевич

кандидат психологических наук
подполковник внутренней службы
Заместитель начальника НИЦ-2 – начальник отдела 1
Научно-исследовательский институт ФСИН,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15А;
e-mail: dimarik62rus@yandex.ru

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт ФСИН,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15А;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

Настоящая статья посвящена исследованию такой специфичной темы, как побег из учреждений уголовно-исполнительной системы. Не для кого не секрет, что пенитенциарная история не только отечественная, но и мировая насчитывает огромное количество способов побегов заключенных из мест лишения свободы, в которых проявились их изощренность и изобретательность. И ничего глобально не меняется: всегда будет существовать категория осужденных, которые, надеясь на скорейшее освобождение, пусть даже и противоправным путем, ждут появления благоприятной ситуации для совершения побега, с целью уклонения от отбывания уголовного наказания. Именно указанное выше обстоятельство определяет актуальность рассмотрения данной темы. В

контексте исследования выступает проблема изучения психологических аспектов побегов осужденных из учреждений уголовно-исполнительной системы. Психологический анализ побегов позволяет понять их ценностное значение для личности, выяснить стимулы и мотивацию поведения совершивших побег осужденных, систематизировать те признаки, по которым возможно прогнозировать подготовку осужденных к побегам и возможное поведение после совершения побега.

Для цитирования в научных исследованиях

Новиков А.В., Дикопольцев Д.Е., Слабкая Д.Н. Побег из мест заключения под стражу, как психологическая проблема // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 6А. С. 192-199. DOI: 10.34670/AR.2023.50.70.022

Ключевые слова

Психологические предпосылки, уголовно-исполнительная система, побег, стимулирующие ситуации, побудительные мотивы, закрытый социум.

Введение

Исследование причин, побуждающих к совершению побегов из учреждений уголовно-исполнительной системы, психологического состояния лиц склонных к побегу, предпосылки и причины данного феномена вызывают у исследователей перманентный интерес.

Следует отметить, что Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ) предусмотрено наказание (ст. 313) за побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи.

Однако отечественное уголовное законодательство не содержит понятийно-категориального аппарата термина «побег», и в разных источниках можно найти авторские толкования этого термина, которые по сути имеет унифицированное понимание.

Так, прокуратура Оренбургской области определяет побег, как: «незаконное самовольное оставление учреждений, в которых отбываются наказания в виде лишения свободы, ареста или меры пресечения в виде содержания под стражей»

Основная часть

По мнению О.Г. Ковалева, под побегом из-под надзора понимается в уголовно-исполнительном и уголовном праве как противоправное нарушение, выражающееся в незаконном оставлении осужденными исправительных учреждений, в которых они содержатся [Ковалев, 2022].

В свою очередь О.И. Нестерова, считает, что в широком смысле под побегом следует понимать умышленное оставление осужденными или заключенными места отбывания наказания или содержания под стражей. Побег считается совершенным, когда осужденный или заключенный преодолел основное ограждение [Нестерова, 2020].

Известно, что любой побег имеет два компонента: психологический и технический [Пирожков, 2007]. В настоящей работе постараемся раскрыть ситуацию побега с психологической точки зрения. Непосредственные причины преступного (противоправного)

поведения всегда кроются в личностных характеристиках индивида.

Признанный советский учёный-правовед, специалист по уголовно-исполнительному праву Н.А. Стручков в 1970 году высказал позицию, что «от личности преступника, со всеми ее биологическими и психологическими особенностями, нужно не отмахиваться, а выяснять их роль в формировании мотивов поведения людей» [Стручков, 1970, 111].

Согласимся в вышесказанном, исходным пунктом в психологическом анализе побегов является выявление их личностной значимости для осужденного. Совершая побег, субъект подвергает опасности свою жизнь. Он однозначно отдает себе отчет, что рано или поздно будет задержан. Непременно ухудшится его правовое положение, однако не взирая на это, совершает побег.

По-видимому, ценности, приобретаемые побегом, представляются для субъекта более значимыми, а последствия побега менее серьезными. Здесь возможен и самообман. Нельзя не учитывать и провоцирующую роль отдельных случаев побегов, которые длительное время администрации не удается ликвидировать. Это порождает иллюзию безнаказанности, надежду на то, что риск будет незначительным, а плодами свободы, достигнутой таким путем, можно будет пользоваться долго.

Как утверждает А.Н. Баранов, по состоянию на 2019 год: «...в настоящее время уклоняются от отбывания наказания около тысячи человек, совершивших побег из учреждений уголовно-исполнительной системы, при этом, около 30 % бежавших покинули территорию Российской Федерации» [Баранов, 2019].

С криминологических позиций стремление осужденных совершить побег рассматривается как закономерное явление, т.е. как вполне осознанная реакция конкретной личности на правовой статус, приобретенный по решению суда, а также в связи с условиями исполнения и отбывания наказания; на нарушение судом принципов справедливости и гуманности при назначении наказания; на сложившуюся систему отношений с осужденными и персоналом по месту отбывания наказания, родственниками, другими лицами, в том числе криминальными элементами, оставшимися на свободе [Баранов, 2003].

По мнению Н.П. Барабанова, непосредственными побудительными мотивами являются: негативная реакция на факт помещения в условия, ограничивающие свободу; реализация защитной функции с целью обезопасить себя от реальной угрозы стать жертвой преступления; стремление увидеть родных и близких; агрессивность и желание мести в отношении отдельных находящихся на свободе лиц из числа преступных связей свидетелей, работников правоохранительных и других органов [Баранов, 2008].

Для понимания психологической сущности побегов осужденных важно рассмотреть ситуации, которые их стимулируют, а также мотивацию поведения лиц, их совершающих.

Чаще всего мотивами совершения побега выступают следующие:

1. Нежелание отбывать наказание;
2. Желание побывать дома, тяжелая ситуация в семье;
3. Конфликты с другими осужденными;
4. Отказ в представлении к условно-досрочному освобождению;
5. Ситуативные, неопределенные;
6. Иные.

В условиях отбывания наказания в виде изоляции от общества, можно выявить несколько типичных ситуаций, которые выступают для субъекта стимулом к совершению побега, а именно:

Ситуация фрустрации (от латинского *frustratio* – обман, тщетное ожидание) – психическое

состояние, вызванное неуспехом в удовлетворении потребности, желания. Лишение свободы вызывает ломку и крушение жизненных планов человека. И если определенная категория способна переориентироваться и сравнительно безболезненно отказаться от прежних планов и сформировать новые перспективы (как на период отбывания наказания, так и на последующую жизнь). Другие же сравнительно долго не могут их сформировать, находясь какое-то время в состоянии фрустрации. В этом в некоторой степени болезненном состоянии человек способен ухватиться за любую, даже иллюзорную, возможность каким-то образом, хотя бы частично, реализовать свои прежние жизненные планы («пусть день на свободе, но мой»). Следует отметить, что ситуация фрустрации чаще всего вызывается большими сроками лишения свободы, тяжкими хроническими заболеваниями, при которых неизбежен летальный исход.

Психотравмирующая ситуация. Сам факт уголовного наказания и обстоятельства, сопутствующие его отбыванию (изменение у человека социального и гражданско-правового статусов, лишение его привычного уклада жизни и деятельности, своего круга общения, различные правоограничения и т.п.), создают ситуацию, способную нанести серьезную психическую травму [Зарбуев, с. 28]. Принципиальными особенностями этой ситуации являются: внезапность и большая степень концентрации психотравмирующего воздействия на личность; осознание тягот нового уклада жизни, режима, правоограничений при внутреннем их неприятии; неспособность личности найти адекватные способы преодоления психической травмы.

Следует также учитывать, что психотравмирующие ситуации чаще всего встречаются в адаптационный период отбывания наказания. Однако они могут возникнуть и перед освобождением из исправительных учреждений, когда ситуация ожидания освобождения трансформируется в психотравмирующую ситуацию и осужденный разрешает ее, совершая побег [Казберов, 2019].

Ситуация прессинга (от английского *pressing < to press* давить; теснить, затруднять). Изоляция от общества провоцирует у индивида деструкцию (от латинского *destructio* – разрушение) психологического состояния, это связано с крушением у человека его привычного круга общения и принудительным его помещением в закрытый социум, характеризующийся повышенной агрессивностью по отношению к своим членам. Указанный социум способен оказывать сильнейшее психологическое давление (прессинг) на личность, поскольку отступление от соблюдения ее норм и традиций влечет за собой применение карательных санкций, отличающихся особой жестокостью, изошренностью и унижением личности. Противостоять такому психологическому давлению индивид может порой лишь при надежной внешней защите со стороны коллектива, друзей, пользующимся авторитетом в среде осужденных. Если такой защиты он не находит, то начинает изыскивать свои средства преодоления давления, одним из них может стать побег.

Ситуация подражания (заразительности). Находясь в среде себе подобных, осужденный присматривается к окружающим. Поведение некоторых он берет себе за образец и начинает умышленно или неосознанно им подражать.

Каждая из вышеуказанных ситуаций «в чистом виде» встречается редко. Чаще обстоятельства складываются так, что осужденный испытывает влияние нескольких или всех элементов типических ситуаций, хотя преобладающим, провоцирующим значением, «последней каплей» при этом выступает какая-то одна.

Приведенная выше, рассмотренная система провоцирующих ситуаций может порождать следующие типические мотивы побегов осужденных: мотивы уклонения от отбывания

уголовного наказания, мотивы психологической защиты, мотивы достижения выгод, мотивы протеста.

Наиболее распространенная мотивация побегов связана с уклонением осужденных от отбывания уголовного наказания. Как уже отмечалось выше в формировании указанного мотива основную роль играет ситуация фрустрации. Реже встречаются мотивы, обусловленные психотравмирующей ситуацией. Это объясняется тем, что большинство уклоняющихся от отбывания наказания знают порядки и правила исправительных учреждений, приспособились к ним. Поэтому наказание оказывает на них меньшее психотравмирующее влияние.

Следующими, по количественной составляющей является мотивация, связанная с психологической защитой. Преобладают среди них мотивы, вызванные психотравмирующей ситуацией: желание исключить давление обстановки изоляции от общества, тоска по свободе.

Далее следует указать мотивацию «достижения выгод». Желание «отдохнуть» от изоляции от общества, эмоционального одиночества; стремление встретиться с близкими, формирует у субъекта временную перспективу [Власенко, 2014], которая часто является не только общественно опасной, но и вредной для личности, поскольку выгода оказывается иллюзорной, а последствия побега – тяжелыми. Следует указать, что две трети из них возникли под влиянием фрустрации.

Присутствует также мотивация протеста (демарша), как реакция на «несправедливые» действия сотрудников уголовно-исполнительной системы. Такая ситуация может возникнуть в обстановке нарушения контактов и отсутствии взаимопонимания между сотрудниками УИС и осужденными. Суть ее заключается в стремлении поступить «на зло» администрации. Причинами, провоцирующими данную мотивацию в преобладающих случаях, выступают психотравмирующие ситуации и в меньшей степени ситуации подражания.

Заключение

Можно резюмировать, что уголовно-исполнительная практика и специальные исследования показывают, что мотивы совершения побегов на протяжении длительного времени остаются в основной своей массе неизменными.

Также не вызывает сомнения и сама социально-негативная сущность побегов, которая кроме очевидной общественной опасности состоит в том, что данное преступное деяние негативно влияет на нормальное функционирование учреждений уголовно-исполнительной системы, препятствует достижению целей уголовного наказания и дискредитирует работу УИС в целом.

Библиография

1. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 № 63-ФЗ. КонсультантПлюс
2. Баранов А.Н. К вопросу предупреждения правонарушений, связанных с побегами из ИУ, СИЗО и при конвоировании: оперативно-розыскной аспект // Современные научные исследования и инновации. 2019. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2019/02/88725> (дата обращения: 24.11.2022).
3. Баранов Н.П. Организация деятельности исправительных учреждений по предупреждению и пресечению массовых беспорядков, захватов заложников, побегов : Монография / Н.П. Барабанов; Рязань. 2003 (Отделение полигр. РИО Акад. Минюста России). – 361 с.
4. Барабанов Н.П., Савардунова В.Н. Теоретические, организационные, криминологические, психологические и правовые основы предупреждения и пресечения чрезвычайных ситуаций криминального характера (побегов, захватов заложников, массовых беспорядков) в исправительных учреждениях : монография / Н.П. Балабанов, В.Н. Савардунова; Рязань : Акад. права и упр. ФСИН России, 2008. – 363 с.
5. Власенко, А.И. Временная перспектива как подструктура самосознания депривированной личности / А.И.

- Власенко. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2014. – № 8 (67). – С. 921-924. – URL: <https://moluch.ru/archive/67/11380/> (дата обращения: 10.12.2022).
6. Дикопольцев, Д.Е. О некоторых аспектах индивидуальной работы с осужденными, как составляющей процесса исправления / Д.Е. Дикопольцев, А.В. Новиков // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России : Научно-практическое ежеквартальное издание. Том Выпуск 3. – Москва : Научно-исследовательский институт ФСИН России, 2021. – С. 143-147.
 7. Зарбуев, А.Н. Состояние нервно-психической сферы у здоровых лиц и больных туберкулезом, находящихся в учреждениях пенитенциарной системы / А. Н. Зарбуев, И.В. Темирбаева // Медицинский вестник Башкортостана. – 2011. – Т. 6. – № 5. – С. 28-32. – EDN OOESSV.
 8. Интернет источник: <https://trends.rbc.ru/trends/social/61385cc69a794757b4cda93b>
 9. Интернет источник, прокуратура Оренбургской области: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_56/activity/legal-education/explain?item=78404153
 10. Казберов, П.Н. Социализация и ресоциализация в пенитенциарной сфере : Учебник / П.Н. Казберов, А.В. Новиков, Д.Н. Слабая ; Под общей редакцией А.В. Новикова. Том 1. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Русайнс", 2019. – 144 с. – ISBN 978-5-4365-3425-1. – EDN CDSMUP.
 11. Ковалев О.Г., Семенова Н.В. Профилактика побеговой активности осужденных как фактор обеспечения безопасности в исправительных учреждениях УИС// Научный сетевой журнал «Столыпинский вестник» №1 / 2022. С. 345-353.
 12. Лопина, М.В. Способы и ухищрения, применяемые осужденными, подозреваемыми, обвиняемыми для совершения побегов из СИЗО и тюрем / М.В. Лопина, А.А. Романов // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Том Выпуск 2. – Москва : ФКУ НИИ ФСИН России, 2020. – С. 102-109. – EDN ZXSUNN.
 13. Пирожков В.Ф. Криминальная психология. – М.: "Ось-89", 2007. – 704 с. Издание учебное. (Юридическая психология). ISBN 978-5-98534-717-3
 14. Нестерова О.И. Предупреждение побегов осужденных и лиц, содержащихся под стражей. Пенитенциарная наука. 2020; 14(2):205–211. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-205-211.
 15. Сенкевич, В.В. Общие начала и критерии назначения наказания за побег по законодательству России и стран СНГ / В.В. Сенкевич // Уголовно-исполнительное право. – 2006. – № 1(1). – С. 71-75. – EDN JXDYYV.
 16. Стручков Н.А. Советская исправительно-трудовая политика и ее роль в борьбе с преступностью [Текст]. - Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1970. - 271 с.
 17. Чернышкова, М.П. Социально-психологический анализ побеговых ситуаций в учреждениях УИС / М.П. Чернышкова, М.Г. Дебольский, О.Л. Дегтярева // Прикладная юридическая психология. – 2015. – № 4. – С. 119-127.

Escape from places of detention as a psychological problem

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law,
Professor of Law, Chief Scientific Officer,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of Criminal Law Department,
Astrakhan State University,
4140546, 20a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
Professor of the Department of Private Law,
Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
614012, 125, Karpinskogo str., Perm, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Dmitry E. Dikopoltsev

PhD in Psychology,
Lieutenant Colonel of Internal Service,
Scientific-Research Institute of Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: dimarik62rus@yandex.ru

Diana N. Slabkaya

Senior Scientific Officer,
Scientific-Research Institute of Federal Penitentiary Service of Russia,
125130, 15a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

This article is devoted to the study of such a specific topic as an escape from the institutions of the penitentiary system. It's not a secret for anyone that the penitentiary history, not only domestic, but also world, has a huge number of ways for prisoners to escape from places of deprivation of liberty, in which their sophistication and ingenuity were manifested. And nothing globally changes: there will always be a category of convicts who, hoping for an early release, even if illegally, are waiting for a favorable situation to escape in order to evade serving a criminal sentence. It is the above circumstance that determines the relevance of this topic. In the context of the study, the problem of studying the psychological aspects of escapes of convicts from institutions of the penitentiary system comes forward. The psychological analysis of escapes allows us to understand their value for the individual, to find out the incentives and motivations for the behavior of convicts who have escaped, to systematize those signs by which it is possible to predict the preparation of convicts for escapes and possible behavior after the escape.

For citation

Novikov A.V., Dikopoltsev D.E., Slabkaya D.N. Pobeg iz mest zakljuchenija pod strazhu, kak psihologicheskaja problema [Escape from places of detention as a psychological problem]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 11 (6A), pp. 192-199. DOI: 10.34670/AR.2023.50.70.022

Keywords

Psychological prerequisites, penitentiary system, escape, stimulating situations, motives, closed society

References

1. "Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii" ot 13.06.1996 № 63-FZ. Konsul'tantPlyus
 2. Baranov A.N. K voprosu preduprezhdeniya pravonarusheniy, svyazannykh s pobegami iz IU, SIZO i pri konvoirovanii: operativno-rozysknoy aspekt // *Sovremennyye nauchnyye issledovaniya i innovatsii*. 2019. № 2 [Elektronnyy resurs]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2019/02/88725> (data obrashcheniya: 24.11.2022).
 3. Baranov N.P. Organizatsiya deyatelnosti ispravitel'nykh uchrezhdeniy po preduprezhdeniyu i presecheniyu massovykh besporyadkov, zakhvatov zalozhnikov, pobegov : Monografiya / N.P. Barabanov; Ryazan'. 2003 (Otdeleniye poligr. RIO Akad. Minyusta Rossii). – 361 s.
-

4. Barabanov N.P., Savardunova V.N. Teoreticheskiye, organizatsionnyye, kriminologicheskiye, psikhologicheskiye i pravovyye osnovy preduprezhdeniya i presecheniya chrezvychaynykh situatsiy kriminal'nogo kharaktera (pobegov, zakhvatov zalozhnikov, massovykh besporyadkov) v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh : monografiya / N.P. Balabanov, V.N. Savardunova; Ryazan' : Akad. prava i upr. FSIN Rossii, 2008. – 363 s.
5. Vlasenko, A.I. Vremennaya perspektiva kak podstruktura samosoznaniya deprivirovannoy lichnosti / A.I. Vlasenko. – Tekst : neposredstvennyy // Molodoy uchenyy. – 2014. – № 8 (67). – S. 921-924. – URL: <https://moluch.ru/archive/67/11380/> (data obrashcheniya: 10.12.2022).
6. Dikopol'tsev, D.Ye. O nekotorykh aspektakh individual'noy raboty s osuzhdennymi, kak sostavlyayushchey protsessa ispravleniya / D.Ye. Dikopol'tsev, A.V. Novikov // Nauchnyye trudy FKU NII FSIN Rossii : Nauchno-prakticheskoye yezhekvertal'noye izdaniye. Tom Vypusk 3. – Moskva : Nauchno-issledovatel'skiy institut FSIN Rossii, 2021. – S. 143-147.
7. Zarbuyev, A.N. Sostoyaniye nervno-psikhicheskoy sfery u zdorovykh lits i bol'nykh tuberkulezom, nakhodyashchikhsya v uchrezhdeniyakh penitentsiarnoy sistemy / A. N. Zarbuyev, I.V. Temirbayeva // Meditsinskiy vestnik Bashkortostana. – 2011. – T. 6. – № 5. – S. 28-32. – EDN OOESSV.
8. Internet istochnik: <https://trends.rbc.ru/trends/social/61385cc69a794757b4cda93b>
9. Internet istochnik, prokuratura Orenburgskoy oblasti: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_56/activity/legal-education/explain?item=78404153
10. Kazberov, P.N. Sotsializatsiya i resotsializatsiya v penitentsiarnoy sfere : Uchebnik / P.N. Kazberov, A.V. Novikov, D.N. Slabkaya ; Pod obshchey redaktsiyey A.V. Novikova. Tom 1. – Moskva : Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu "Rusayns", 2019. – 144 s. – ISBN 978-5-4365-3425-1. – EDN CDSMUP.
11. Kovalev O.G., Semenova N.V. Profilaktika pobegovoy aktivnosti osuzhdennykh kak faktor obespecheniya bezopasnosti v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh UIS// Nauchnyy setevoy zhurnal «Stolypinskiy vestnik» №1 / 2022. S. 345-353.
12. Lopina, M.V. Sposoby i ukhishchreniya, primenyayemye osuzhdennymi, podozrevayemyimi, obvinyayemyimi dlya soversheniya pobegov iz SIZO i tyurem / M.V. Lopina, A.A. Romanov // Nauchnyye trudy FKU NII FSIN Rossii. Tom Vypusk 2. – Moskva : FKU NII FSIN Rossii, 2020. – S. 102-109. – EDN ZXSUNN.
13. Pirozhkov V.F. Kriminal'naya psikhologiya. – M.: "Os'-89", 2007. – 704 s. Izdaniye uchebnoye. (Yuridicheskaya psikhologiya). ISBN 978-5-98534-717-3
14. Nesterova O.I. Preduprezhdeniye pobegov osuzhdennykh i lits, sodержashchikhsya pod strazhey. Penitentsiarnaya nauka. 2020; 14(2):205–211. DOI 10.46741/2686-9764-2020-14-2-205-211.
15. Senkevich, V.V. Obshchiye nachala i kriterii naznacheniya nakazaniya za pobeg po zakonodatel'stvu Rossii i stran SNG / V.V. Senkevich // Ugolovno-ispolnitel'noye pravo. – 2006. – № 1(1). – S. 71-75. – EDN JXDYYV.
16. Struchkov N.A. Sovetskaya ispravitel'no-trudovaya politika i yeye rol' v bor'be s prestupnost'yu [Tekst]. - Saratov : Izdvo Sarat. un-ta, 1970. - 271 s.
17. Chernyshkova, M.P. Sotsial'no-psikhologicheskiiy analiz pobegovykh situatsiy v uchrezhdeniyakh UIS / M.P. Chernyshkova, M.G. Debol'skiy, O.L. Degtyareva // Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya. – 2015. – № 4. – S. 119-127.

УДК 159.9

DOI: 10.34670/AR.2023.56.82.023

Состояние социально-билингвальной среды в Республике Тыва**Лицкевич Евгений Юрьевич**

Ассистент кафедры психологии,
Кызылский педагогический институт,
Тувинский государственный университет,
667000, Российская Федерация, Кызыл, ул. Ленина, 36;
e-mail: lis180@list.ru

Аннотация

В данной статье нами рассматривается фактическое состояние на данный период времени социокультурных и языковых тенденций в Республике Тыва на примере младших школьников средней общеобразовательной школы города Кызыла, которое сформировалось за последние десять-пятнадцать лет в результате происходящих социально-исторических процессов и событий в стране и мире. С учетом психологических особенностей возраста младшие школьники в силу своей обучаемости являются наиболее восприимчивыми к воздействию внешних факторов, формирующих их личности и когнитивные способности через окружающую языковую среду. В том числе будет обозначено влияние социальной среды на языковое развитие личности ребенка, формирование или нивелирование у него билингвизма. Также будут показаны некоторые особенности этнического самовосприятия билингвов и монолингвов титульной нации республики, выявленные в ходе фронтального анкетирования учащихся стандартных классов средней общеобразовательной школы города Кызыла. Наряду с индивидуальными социально-психологическими особенностями формирования личностей младших классов будут отмечены происходящие в настоящее время языковые интерференции, носящие массовый характер среди населения республики на данном этапе развития общества, и которые уже завершились или снизили интенсивность в других национальных республиках с естественной билингвальной социокультурной средой.

Для цитирования в научных исследованиях

Лицкевич Е.Ю. Состояние социально-билингвальной среды в Республике Тыва // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 6А. С. 200-207. DOI: 10.34670/AR.2023.56.82.023

Ключевые слова

Билингвизм, нейропсихология, этнопсихология, социальная психология, самовосприятие, младшие школьники, речь, речевое развитие, психолингвистика, высшие психические функции.

Введение

Вошедшая в 1944 году в состав СССР Республика Тыва до настоящего времени остается одним из немногих регионов со значительным преобладанием коренного населения над другими народностями и достаточно сохранными традиционным укладом жизни и национальным языком.

Титульным языком в Республике Тыва является тувинский язык, который, являясь неотъемлемой частью культуры тувинского народа, согласно типологии В.Ю. Михальченко все еще является функционально развитым. Однако, к настоящему времени такие языковые процессы как интерференция русского и тувинского языков проявляются все сильнее и отчетливее.

Основная часть

Предложенное У. Вайнайрхом в 1953 году определение интерференции претерпело значительные изменения, однако остается традиционным в понимании сущности языкового воздействия и подразумевает «...случаи отклонения от норм любого из языков, которые происходят в речи двуязычных в результате того, что они знают больше языков, чем один, т.е. вследствие языкового контакта» [Иванова, 2011, 46].

По наблюдению автора, все большее количество молодых людей из числа учащихся школ и студентов ВУЗа предпочитают общаться между собой (как разговаривать, так и переписываться в социальных сетях и мессенджерах) на русском языке. При этом, количество лиц, в достаточной мере и даже свободно владеющих вторым для них, не родным русским языком также увеличивается. Тувинский язык в данный период времени существенно преобладает в таких социальных сферах как семья и быт, уступая русскому языку во всех остальных сферах жизни, а основными носителями тувинского языка являются люди старшего поколения.

Здесь следует указать на выявленную исследователями языка закономерность языковой компетенции и соотношения родного и неродного языков: *уровень компетенции второго языка очень во многом зависит от уровня владения первым, родным языком*, и то, что *уровень владения тувинским языком остается прежним либо снижается*.

Схожие тенденции и процессы были замечены и обозначены и в других национальных республиках Российской Федерации.

Так, Т.Г. Боргоякова указывает [Абакан, 2011, 13], что «уровень владения родным языком у существенной части хакасов оставляет желать лучшего», и это «связано с тем, что родители не уверены, что это пригодится ребенку в жизни». На то, что по мере взросления тувинцы отказываются от родного языка в пользу русского, указывает в своем исследовании Т.Н. Журавель [Абакан, 2011, 17]. Утрату большинством населения Республики Хакасия родного для этого региона хакасского языка обозначает А.А. Прокопенко [Абакан, 2011, 58]. Таким образом, процессы языкового сдвига присущи не только тувинскому этносу, но и таким народностям как хакасы, якуты [Иванова, 2011], и другим.

При этом для всех национальных этносов остается актуальным вопрос сохранения языковой компетенции, а именно знания и умения корректного и адекватного использования языковых средств, родного языка и получения такой компетенции в русском языке.

С учетом изложенного, в условиях развития билингвального общества в указанных и других подобных регионах с сохранением первого родного национального языка и использованием

социально значимого государственного русского языка считаем уместным и адекватным использование достаточно нового термина, введенного Э.А. Григорьяном, *неисконно русская речь*, который, подразумевая под собой «совокупность устных и письменных произведений людей, которые не считают русский язык родным или единственным родным», и являясь продуктом устойчивого национально-русского двуязычия, будет синонимичен таким встречающимся понятиям как «русская речь нерусских», «русская речь билингвов» и некоторым другим, встречающимся в специальной литературе [Иванова, 2011, 18].

Двуязычие – явление многоаспектное и глубоко социальное. Его социолингвистический аспект тесно переплетается с социальной сферой личности билингва, который живет и функционирует в условиях двуязычия среди и с подобными себе, деятельность которых также характеризуется сменой языка использования в зависимости от социальной среды.

Таким образом, мы обозначили влияние средовых факторов на формирование психики, в том числе развитие высших психических функций и этнического самоопределения ребенка-билингва в условиях двуязычной и двукультурной среды.

В целях изучения и описания этносоциальной и билингвальной среды в Республике Тыва было проведено исследование среди учащихся стандартных начальных классов средней общеобразовательной школы № 1 города Кызыла.

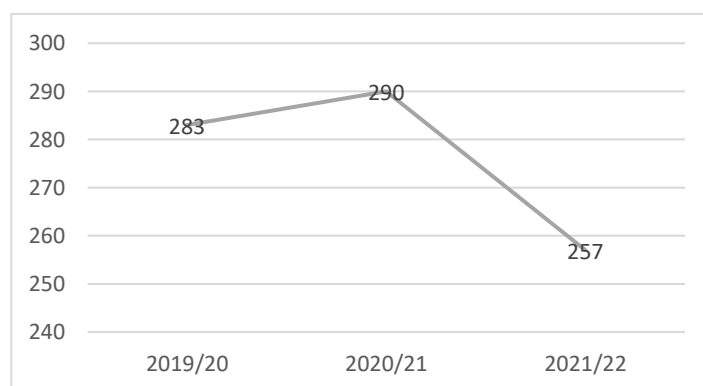

Рисунок 1 – Количество учащихся вторых классов

Посредством беседы, наблюдения, анкетирования и изучения школьной документации устанавливались этническое соотношение учащихся внутри вторых классов, особенности этнического самовосприятия учащихся этих классов и то, какими языковыми компетенциями они обладают.

В результате проведенного анализа этносоциального состава вторых классов посредством изучения школьной документации было установлено, что среднее общее количество учащихся вторых классов остается на уровне. Так, в 2019/20 учебном году во вторых классах училось 283 ученика, в 2020/21 учащихся этих классов было 290, а в 2021/22 учебном году – 257¹.

При стабильном общем количестве учащихся вторых классов также остаются стабильными и показатели этнической принадлежности учащихся.

Из 283 учащихся вторых классов в 2019/20 учебном году этническими тувинцами были 226

¹ Заметное снижение общего количества учащихся вторых классов связано с открытием новой школы в городе Кызыле, куда для обучения по месту жительства была переведена часть учащихся.

учащихся, этническими русскими – 47 учащихся, представителями других этносов² явились 9 учащихся.

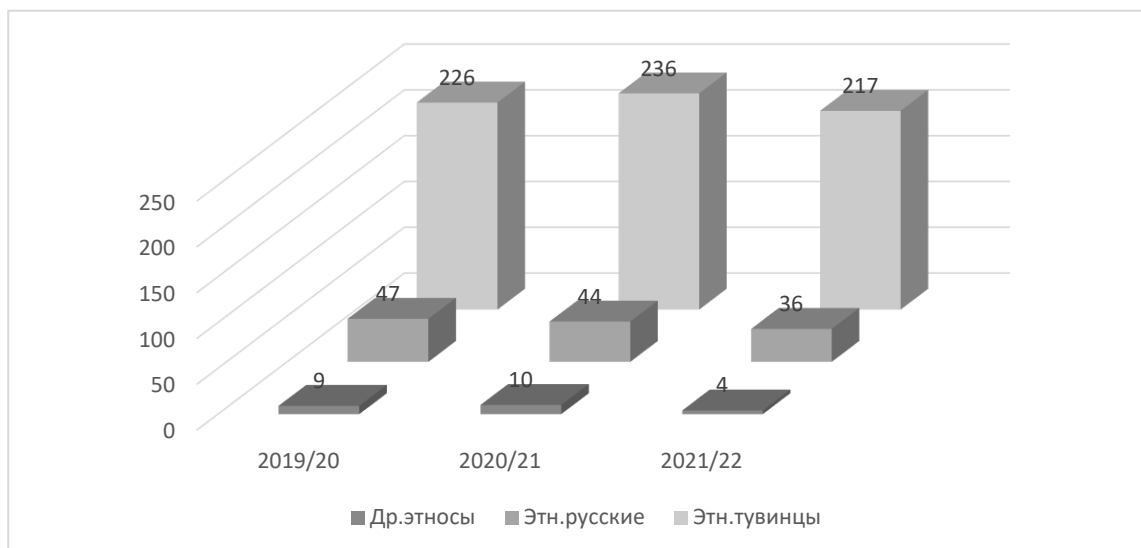

Рисунок 2 – Распределение учащихся вторых классов по этнической принадлежности

Из 290 учащихся вторых классов в 2020/21 учебном году этническими тувинцами были 236 учащихся, этническими русскими – 44 учащихся, представителями других этносов явились 10 учащихся. Из 257 учащихся вторых классов в 2021/22 учебном году этническими тувинцами были 217 учащихся, этническими русскими – 36 учащихся, представителями других этносов явились 4 учащихся. Таким образом, мы наглядно увидели объективную социокультурную среду, в которой живут и функционируют младшие школьники города Кызыла.

В школах города Кызыла обучение в начальных классах и классах среднего звена традиционно ведется как на русском, так и на тувинском языках, в связи с чем классы соответственно делятся на классы с русским языком обучения и на классы с тувинским языком обучения.

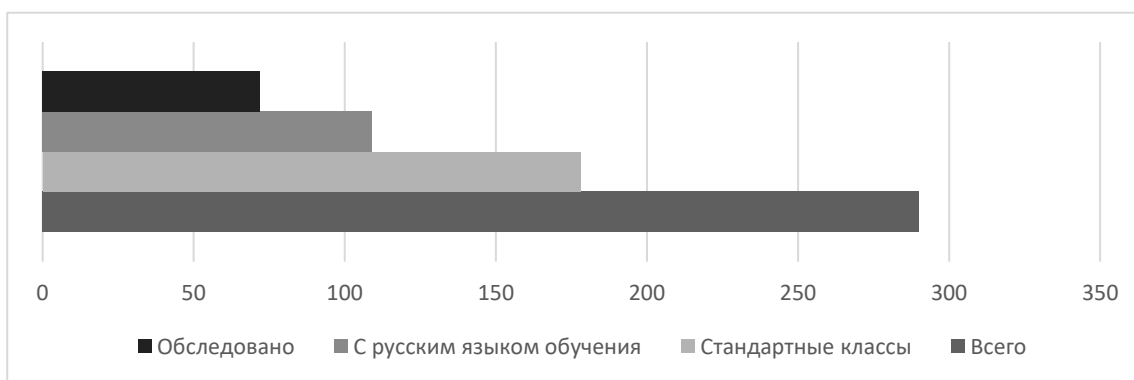

Рисунок 3 – Распределение учеников по классам с русским и тувинским языками обучения

² В преобладающем большинстве киргизы и армяне.

Из имеющейся информации по двум стандартным классам с русским языком обучения за 2020/21 учебный год становится известно, что в них обучалось 72 учащихся, по 36 в каждом. При этом общее количество учащихся вторых классов, как было указано ранее, составляло 290 ребят, из которых 178 обучались в стандартных, не лицейных, классах. Из них учебную программу с русским языком обучения проходили 109 учащихся.

Из этих 72 учащихся не приняло участие в исследовании 5 детей, из оставшихся этническими тувинцами являются 55, этническими русскими 8, представителями других этносов 4.

При этом, в ходе анкетирования учащиеся идентифицировали себя как тувинцев 43 ребенка из 55, что составляет 64,1% от общего количества обследованных детей, и только 78,1% от количества этнических тувинцев. При этом сюда были отнесены некоторые дети, которые на вопрос «Кто ты по национальности?» отвечали «русский и тувинский», «тувинка и кыргызка», «русский, немного тувинский» и т.п.

Как русские идентифицировали себя 20 учащихся, или 29,8%, при этом 12 учащихся, являющихся этническими тувинцами (21,8% от количества обследованных этнических тувинцев), идентифицировали себя как русских. Как представителей других этносов идентифицировали себя четверо (1 армян и 3 кыргызы), что составило 5,9% группы. Также в ходе исследования были отслежены языковые компетенции данной группы учащихся.

Навык владения тувинским языком проверялся посредством просьбы перевести с русского и сказать на тувинском языке три следующих предложения: «По улице навстречу друг другу едут две машины, одна – синяя, вторая – зеленая» (*«Орукта ийи машина бот боттарынче уткуштур халдын кел чор, бирээзи кок, бирээзи ногаан»*), «Вчера на завтрак я ел очень вкусное мясо» (*«Дуун чаагай эът чидим»*) и «Сегодня у меня шесть уроков, два из которых я не люблю» (*«Богун алды кичээлдиг мен, ийизинге ынак эвес мен»*).

В результате при обобщении полученных результатов было установлено, что из 67 обследованных учащихся являются монолингвами и владеют только русским языком 38 учащихся (56,7%), из которых этнических русских 8 человек (21%), этнических тувинцев 28 (73,6%), других этносов 2 (5,2%).

Таким образом, в экспериментальной группе из 55 этнических тувинцев монолингвами оказались 28 человек или 50,9%. Билингвами с разным уровнем языковых компетенций оказались 27 этнических тувинцев (49%). Аналогичное исследование было проведено в 2021/22 учебном году среди учащихся стандартных вторых классов как с обучением на русском языке, так и с обучением на тувинском языке. Экспериментальная группа в этом случае составила 157 из 257 учащихся (61%) вторых классов той же школы, из которых 101 (39,2%) обучались по программе с русским языком обучения и 56 (21,7%) по программе с тувинским языком обучения.

Трое учащихся по различным причинам участие в исследовании не принимали.

В классах с программой обучения на русском языке этнических тувинцев было 78 или 79,5% от общего количества обследованных. Количество этнических русских составило 16 учащихся, 16,3% соответственно.

Другие этносы представляли 4 учащихся (4%).

В двух классах с программой обучения на тувинском языке обучалось всего 56 учеников, все этнические тувинцы.

Таким образом, из 154 обследованных учеников 134 (87%) были этническим тувинцами, 16 (10,3%) этническими русскими, 4 ребенка принадлежали к иным этносам (2,5%).

При выяснении тех же самых моментов, что и в группе 2020/21 года, т.е. этнической самоидентификации и языковых компетенций, в данной группе были получены следующие результаты:

- общее количество билингвов во всех классах составило 38 учащихся (24,6%), при этом 26 билингвов, 68,4% от их общего количества или 19,4% этнических тувинцев всех классов приходится на классы с программой обучения на тувинском языке. При этом, 29 учащихся данных классов (51,7%) указали, что владеют только русским языком, 26 являются билингвами (46,4%) с разной степенью языковых компетенций. Один учащийся данных классов участие в обследовании не принимал.
- из 154 обследованных учащихся за вычетом 16 этнических русских детей еще 29 (21,6% всех обследованных этнических тувинцев) самоидентифицировали себя как русских, один ребенок (0,7%) отнес себя к кыргызам.

Таблица 1 – Распределение учеников на билингвов и монолингвов

	2020/21 учебный год (данные приводятся только по описанной выше части учащихся)			2021/22 учебный год		
	Всего	Программа обучения на русском языке	Программа обучения на тувинском языке	Всего	Программа обучения на русском языке	Программа обучения на тувинском языке
Билингвы	27	27	Нет данных	38	12	26
Монолингвы	28	28	Нет данных	96	66	30
Всего	55	55	Нет данных	134	78	56

В целях наглядной иллюстрации полученных данных считаем уместным привести в пример имеющую место быть ситуацию и описать некоторые неявные тенденции и закономерности.

Так, в практике автора был случай, когда мама учащегося в начальной школе этнического тувинца-монолингва, скрывая за смехом и шутками свою озабоченность языковой и этносоциальной ситуацией в семье, рассказывала, что ее ребенок высказывал ей «претензии», что «она не родила его русским», а некоторые родители, этнические тувинцы-билингвы, при поступлении ребенка-монолингва в школу, стараются записать его в класс с программой обучения на тувинском языке, надеясь, к сожалению, не всегда оправдано, что там их ребенок выучит традиционный для региона тувинский язык. В то же время встречаются родители, которые независимо от их языковых компетенций и языковых компетенций ребенка, стараются устроить ребенка в класс с программой обучения на русском языке, мотивируя это тем, что «ему ЕГЭ потом сдавать», «так сейчас все на русском!» и т.п., то есть, тонко чувствуя и осознавая происходящие культурные и языковые сдвиги в обществе, интуитивно понимая значимость для жизни в целом и карьеры в частности уровня владения русской речью, учитывают их при выстраивании траектории социального и интеллектуального развития ребенка.

Заключение

Подводя итоги нашей работы, мы приходим к следующим выводам:

- В настоящее время на территории Республики Тыва в бикультурных условиях существует динамично развивающаяся естественная билингвальная среда, охватывающая подавляющую часть населения, независимо от этнической принадлежности;

- Как традиционный тувинский язык, так и пришлый в регион русский язык испытывают сильную интерференцию со стороны друг друга;
- Среди населения республики увеличивается количество монолингвов, носителей только русского языка;
- Уровень и качество языковых компетенций в неисконно русском языке среди билингвального населения республики также увеличиваются.
- Языковые сдвиги в социокультурном пространстве республики оказывают влияние на соотношение количества монолингвов и билингвов, что в свою очередь также оказывает влияние на социальную и психолингвистическую среды и меняет их, катализируя все большие интерференции.

Библиография

1. Боргоякова Т.Г. Преимущества билингвизма и проблемы билингвального образования в Республике Хакасия // Миноритарные языки в поликультурном пространстве России. Абакан, 2007. С. 6-13.
2. Выготский Л.С. Мышление и речь. СПб.: Питер, 2021. 432 с.
3. Журавель Т.Н. Сферы функционирования тувинского языка в Усинской котловине Красноярского края // Миноритарные языки в поликультурном пространстве России. Абакан, 2011. С. 16-19.
4. Иванова Н.И. Функционирование государственных языков Республики Саха (Якутия) в СМИ: социолингвистическая парадигма. Новосибирск: Наука, 2011. 240 с.
5. Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. М.: ЛКИ, 2007. 256 с.
6. Лурия А.Р. Психологическое наследие: Избранные труды по общей психологии. М.: Смысл, 2003. 431 с.
7. Лурия А.Р. Язык и сознание. СПб.: Питер, 2019. 336 с.
8. Микадзе Ю.В. Нейропсихология детского возраста. СПб.: Питер, 2021. 288 с.
9. Прокопенко А.А. Билингвизм: личный опыт, проблемы и перспективы // Миноритарные языки в поликультурном пространстве России. Абакан, 2011. 99 с.
10. Семенович А.В. Введение в нейропсихологию детского возраста. М.: Генезис, 2019. 319 с.
11. Хомская Е.Д. Нейропсихология. СПб.: Питер, 2005. 496 с.

The state of the socio-bilingual environment in the Republic of Tyva

Evgenii Yu. Litskevich

Assistant of the Department of Psychology,
Kyzyl Pedagogical Institute,
Tuva State University,
667000, 36, Lenina str., Kyzyl, Russian Federation;
e-mail: lis180@list.ru

Abstract

In this article, we consider the actual state of socio-cultural and linguistic trends in the Republic of Tyva for a given period of time on the example of junior schoolchildren of the secondary school of the city of Kyzyl, which has been formed over the past ten to fifteen years as a result of ongoing socio-historical processes and events in the country and the world. Considering the psychological characteristics of age, younger schoolchildren, by virtue of their learning ability, are the most susceptible to the effects of external factors that shape their personalities and cognitive abilities through the surrounding language environment. In particular, the influence of the social environment

on the linguistic development of the child's personality, the formation or leveling of bilingualism in him will be indicated. It will also show some features of the ethnic self-perception of bilinguals and monolinguals of the titular nation of the republic, identified during a frontal survey of students of standard classes of the secondary school of the city of Kyzyl. Along with the individual socio-psychological features of the formation of the personalities of the younger classes, the linguistic interferences currently taking place will be noted, which are of a massive nature among the population of the republic at this stage of the development of society, and which have already ended or decreased in intensity in other national republics with a natural bilingual socio-cultural environment.

For citation

Litskevich E.Yu. (2022) Sostoyanie sotsial'no-bilingval'noi sredy v Respublike Tyva [The state of the socio-bilingual environment in the Republic of Tyva]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 11 (6A), pp. 200-207. DOI: 10.34670/AR.2023.56.82.023

Keywords

Bilingualism, neuropsychology, ethnopsychology, social psychology, self-perception, junior schoolchildren, speech, speech development, psycholinguistics, higher mental functions,

References

1. Borgoyakova T.G. (2007) Preimushchestva bilingvizma i problemy bilingval'nogo obrazovaniya v Respublike Khakasiya [Advantages of bilingualism and problems of bilingual education in the Republic of Khakassia]. In: *Minoritarnye yazyki v polikul'turnom prostranstve Rossii* [Minority languages in the multicultural space of Russia]. Abakan.
2. Ivanova N.I. (2011) *Funktsionirovanie gosudarstvennykh yazykov Respublii Sakha (Yakutiya) v SMI: sotsiolingvisticheskaya paradigma* [The functioning of the state languages of the Republic of Sakha (Yakutia) in the media: a sociolinguistic paradigm]. Novosibirsk: Nauka Publ.
3. Khomskaya E.D. (2005) *Neiropsikhologiya* [Neuropsychology]. St. Petersburg: Piter Publ.
4. Luriya A.R. (2007) *Osnovnye problemy neirolingvistiki* [Basic problems of neurolinguistics]. Moscow: LKI Publ.
5. Luriya A.R. (2003) *Psikhologicheskoe nasledie: Izbrannye trudy po obshchei psikhologii* [Psychological Heritage: Selected Works in General Psychology]. Moscow: Smysl Publ.
6. Luriya A.R. (2019) *Yazyk i soznanie* [Basic problems of neurolinguistics]. St. Petersburg: Piter Publ.
7. Mikadze Yu.V. (2021) *Neiropsikhologiya detskogo vozrasta* [Neuropsychology of childhood]. St. Petersburg: Piter Publ.
8. Prokopenko A.A. (2011) Bilingvizm: lichnyi opyt, problemy i perspektivy [Bilingualism: personal experience, problems and prospects]. In: *Minoritarnye yazyki v polikul'turnom prostranstve Rossii* [Minority languages in the multicultural space of Russia]. Abakan.
9. Semenovich A.V. (2019) *Vvedenie v neiropsikhologiyu detskogo vozrasta* [Introduction to neuropsychology of childhood]. Moscow: Genezis Publ.
10. Vygotskii L.S. (2021) *Myshlenie i rech'* [Thinking and speech]. St. Petersburg: Piter Publ.
11. Zhuravel' T.N. (2011) Sfery funktsionirovaniya tuvinskogo yazyka v Usinskoj kotlovine Krasnoyarskogo kraya [Spheres of the functioning of the Tuvan language in the Usinsk basin of the Krasnoyarsk Territory]. In: *Minoritarnye yazyki v polikul'turnom prostranstve Rossii* [Minority languages in the multicultural space of Russia]. Abakan.

УДК 159.99

DOI: 10.34670/AR.2023.20.76.024

Смыслоразностные ориентации как важный ресурс реабилитации лиц с наркотической зависимостью

Назаров Александр Владимирович

директор,
Центр реабилитации и социальной адаптации «Енисей»,
660032, Российская Федерация, Красноярск, ул. Андрея Дубенского, 4;
e-mail: eniseyrc@yandex.ru

Лисняк Марина Анатольевна

кандидат медицинских наук, доцент,
Красноярский государственный медицинский
университет им проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого,
660022, Российская Федерация, Красноярск, ул. Партизана Железняка, 1;
e-mail: lisnyakm@mail.ru

Стоянова Екатерина Иннокентьевна

кандидат психологических наук, доцент,
Красноярский государственный медицинский
университет им проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого,
660022, Российская Федерация, Красноярск, ул. Партизана Железняка, 1;
e-mail: katya-chernova@yandex.ru

Живаева Юлия Валерьяновна

кандидат психологических наук, доцент,
Красноярский государственный медицинский
университет им проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого,
660022, Российская Федерация, Красноярск, ул. Партизана Железняка, 1;
e-mail: yul-zhivaeva@yandex.ru

Колкова Светлана Михайловна

кандидат психологических наук, доцент,
Сибирский федеральный университет,
660041, Российская Федерация, Красноярск, пр. Свободный, 79;
e-mail: kolkova67@mail.ru

Приходько Наталья Константиновна

студентка 5 курса специальности «Клиническая психология»
Красноярский государственный медицинский
университет им проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого,
660022, Российская Федерация, Красноярск, ул. Партизана Железняка, 1;
e-mail: prikhodko_natalia

Аннотация

В статье представлены результаты исследований смысложизненных ориентаций и локуса контроля личности у лиц с наркотической зависимостью, проходящих реабилитацию. Также выявлены различия в уровне субъективного контроля в изучаемых выборках. Полученные данные могут говорить о том, что для лиц с наркотической зависимостью, проходящих реабилитацию, имеет смысл проведение психотерапевтических воздействий, направленных на повышение значимости контроля над собственной жизнью. Ценности жизни, ее смыслы, интернальность локуса контроля могут выступать личностным ресурсом при реабилитации лиц с наркотической зависимостью. Целью исследования было изучение смысложизненных ориентаций лиц с наркотической зависимостью. Мы предположили, что у лиц с наркотической зависимостью будет наблюдаться низкий уровень целеполагания, низкий уровень контроля собственной жизни. Были поставлены задачи изучить особенности целеполагания и выявить уровень субъективного контроля у лиц с химической зависимостью.

Для цитирования в научных исследованиях

Назаров А.В., Лисняк М.А., Стоянова Е.И., Живаева Ю.В., Колкова С.М., Приходько Н.К. Смысложизненные ориентации как важный ресурс реабилитации лиц с наркотической зависимостью // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 6А. С. 208-220. DOI: 10.34670/AR.2023.20.76.024

Ключевые слова

Реабилитационный процесс, смысложизненные ориентации, наркозависимые, локус контроля, ресурсы личности.

Введение

Произошедшие в последние годы масштабные изменения в мировой экономике, а также запреты, спровоцированные в том числе распространением пандемии коронавирусной инфекции, оказали влияние и на незаконный оборот наркотических средств. Стремясь адаптироваться к изменениям ситуации, лидеры наркогруппировок организовали локальное производство наркотических веществ, частично отказавшись от задействования сложных международных логистических схем их переброски от мест производства до нелегальных рынков сбыта.

Одновременно распространение пандемии новой коронавирусной инфекции способствовало снижению внимания органов власти и управления многих государств на

антинаркотическое направление, а также перенаправлению внутренних финансовых и иных ресурсов на цели общественного здравоохранения. Указанные обстоятельства привели к тому, что, по оценкам профильных западных экспертов, доступность наркотиков в мире к концу 2021 г. достигла новых исторических максимумов.

Основная часть

Доступность наркотических средств по причинам, указанным выше, напрямую связана с повышением процента людей с различными видами зависимостей. Зависимое поведение влияет на все сферы жизни человека и влечет за собой деформацию профессиональных, семейных, личных и социальных отношений. Учитывая, что злоупотребление психоактивными веществами приобрело масштабы национального бедствия, остро встал вопрос не только профилактики зависимого поведения, но и реабилитации лиц, уже попавших в химическую зависимость.

Как известно, ценностно-смысловая сфера личности складывается в процессе социализации в результате сопоставления собственных потребностей, мотивов, интересов, убеждений человека с общественными требованиями, нормами, идеалами. По мнению ряда отечественных исследователей, содержание ценностно-смысловой сферы, определяет центральную позицию личности, оказывает влияние на направленность и содержание социальной активности, общий подход к окружающему миру и самому себе, придает смысл и направление деятельности человека, определяет его поведение и поступки.

Взаимосвязь ценностных приоритетов, смысложизненных ориентаций с личностными особенностями у лиц, страдающих наркотической зависимостью недостаточно изучены. Учитывая, что эти данные способны стать важным ресурсом в реабилитационной работе, можно уверенно заявлять об актуальности подобных исследований, так как именно на систему личностных смыслов воздействуют программы социальной реабилитации наркозависимых лиц.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования её результатов при построении и реализации реабилитационных программ для лиц с наркотической зависимостью, а также при расширении теоретических знаний в сфере аддиктивной психологии при подготовке соответствующих специалистов.

Исследование смысложизненных ориентаций лиц с наркотической зависимостью проводилось на базе Автономной некоммерческой организации Центр реабилитации и социальной адаптации «Енисей» (г. Красноярск).

В исследовании участвовали мужчины в возрасте от 25 до 40 лет, средний возраст 34 года, 50 человек из них имели наркотическую зависимость, 10 человек игровую зависимость. Все лица приняли участие в исследовании добровольно, на момент исследования эти лица за медицинской помощью не обращались и не получали медикаментозного лечения, проходили курс социальной реабилитации.

Были использованы психодиагностические методы: методика исследования смысложизненных ориентаций (СЖО) Д.А. Леонтьева; методика УСК (уровень субъективного контроля).

По методике «Смысложизненные ориентации» А.Н. Леонтьева в результате проведенного эмпирического исследования были получены результаты, представленные в таблицах 1 и 2.

**Таблица 1 - Данные по методике «Смысложизненные ориентации»
респондентов экспериментальной группы**

Средний показатель	Цели в жизни	Процесс жизни	Результат жизни	Локус контроля – Я	Локус контроля – Жизнь
Среднее	26,70	26,32	21,16	17,08	25,92

Из результатов, представленных в таблице 1, мы можем видеть, что показатели по шкале «Цели в жизни» имеют в среднем значения ниже среднего уровня (29 человек – 58%), что свидетельствует о низком уровне целеполагания лиц с химической аддикцией, слабой прорисованности и осознанности будущего. Данные по шкале «Процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни» также свидетельствуют о неудовлетворенности своей жизнью. Так, значения ниже среднего у 30 человек из 50, (60%) По шкале «Результативность жизни или удовлетворенность самореализацией» также отмечаются низкие и средние показатели (данные ниже среднего у 36 человек – 72%). Данные шкалы «Локус контроля - Я (Я - хозяин жизни)» свидетельствуют, что респонденты не обладают достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле, контролировать события собственной жизни (данные ниже среднего у 23 человек – 46%). Данные шкалы «Локус контроля - жизнь или управляемость жизни» показывают, что респонденты мало контролируют свою жизнь (данные ниже среднего у 32 человек – 69%).

**Таблица 2 - Данные по методике «Смысложизненные ориентации»
респондентов контрольной группы**

Средние показатели	Цели в жизни	Процесс жизни	Результат жизни	Локус контроля – Я	Локус контроля – Жизнь
Среднее	30,10	29,60	24,60	18,20	27,00

Из результатов, представленных в таблице 2, мы можем видеть, что у представителей контрольной группы средние и индивидуальные показатели по шкале «Цели в жизни» располагаются в диапазоне средних нормативных величин. Только у одного респондента значение ниже среднего (10 % от контрольной выборки). Это характеризует целеустремленность, наличие или в жизни испытуемого целей в будущем, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу. Однако, практически не встречается значений выше среднего, что, скорее обусловлено наличием игровой аддикции. Данные по шкале «Процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни» также свидетельствуют о большей, чем в экспериментальной группе, удовлетворенности своей жизнью. Значение ниже среднего у 20 % от контрольной выборки. По шкале «Результативность жизни или удовлетворенность самореализацией» отмечаются средние показатели. Только у одного респондента значение ниже среднего (10 % от контрольной выборки). Данные шкалы «Локус контроля - Я (Я - хозяин жизни)» свидетельствуют, что респонденты обладают достаточной свободой выбора, строят свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле, контролируют события собственной жизни. Значение ниже среднего у 30 % от контрольной выборки. Данные шкалы «Локус контроля - жизнь или управляемость жизни» показывают, что респонденты достаточно осмысленно контролируют свою жизнь. Только у трех респондентов значение ниже среднего (30 % от контрольной выборки).

По методике «Уровень субъективного контроля» в результате проведенного эмпирического

исследования были получены результаты, представленные в таблицах 3 и 4.

Таблица 3 - Данные по методике «Уровень субъективного контроля»

Средние показатели	экспериментальной группы						
	Ио	Ид	Ин	Ис	Ип	Им	Из
Среднее	22,16	4,24	4,36	4,48	3,12	1,44	1,46

Таблица 4 - Данные по методике «Уровень субъективного контроля»

Средние показатели	контрольной группы						
	Ио	Ид	Ин	Ис	Ип	Им	Из
Среднее	29,00	7,30	6,50	5,70	5,10	1,90	2,20

Из результатов, представленных в таблицах 3 и 4, мы можем видеть, что у представителей и экспериментальной, и контрольной групп средние и индивидуальные показатели по шкале общей интернальности располагаются в среднем диапазоне. Однако, средние данные респондентов с химической аддикцией существенно ниже. Это означает, что представители экспериментальной группы имеют невысокий уровень субъективного контроля над любыми значимыми ситуациями. Они не видят связи между своими действиями и значимыми событиями, которые они рассматривают как результат случая или действия других людей. Наглядно эти данные представлены на рис. 1 и 2.

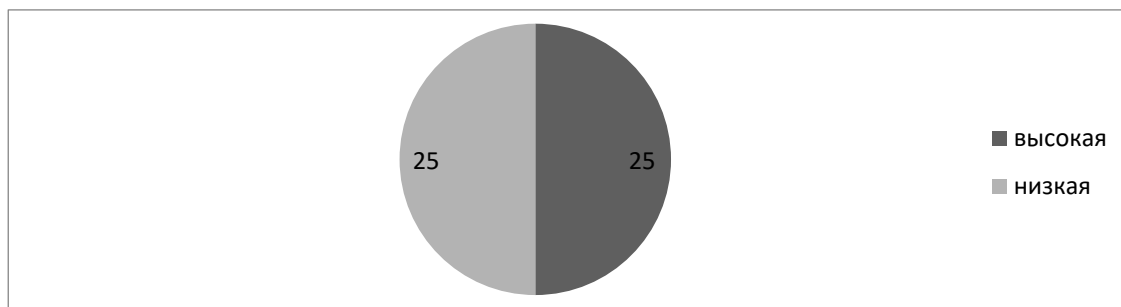

Рисунок 1 - Уровень общей интернальности в экспериментальной группе

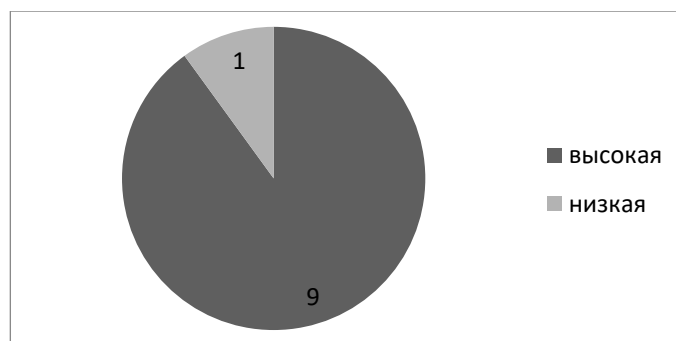

Рисунок 2 - Уровень общей интернальности в контрольной группе

По шкале интернальности в области достижений (Ид) различия в показателях среднего арифметического почти в 2 раза, при этом значительно более низкие показатели в экспериментальной группе. Это свидетельствует о том, что респонденты с химической

аддикцией связывают свои успехи, достижения и радости с внешними обстоятельствами — везением, счастливой судьбой или помощью других людей. Сами они не несут ответственности за них. Наглядно эти данные представлены на рис. 3 и 4.

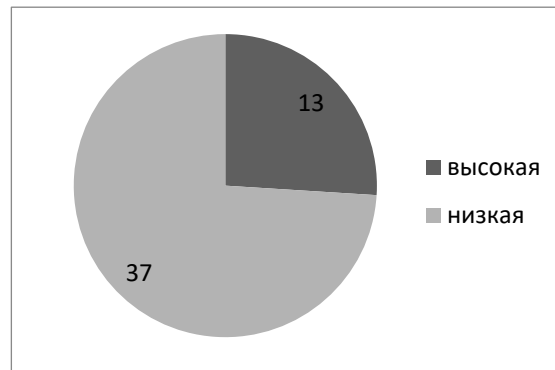

Рисунок 3 - Уровень интернальности в области достижений в экспериментальной группе

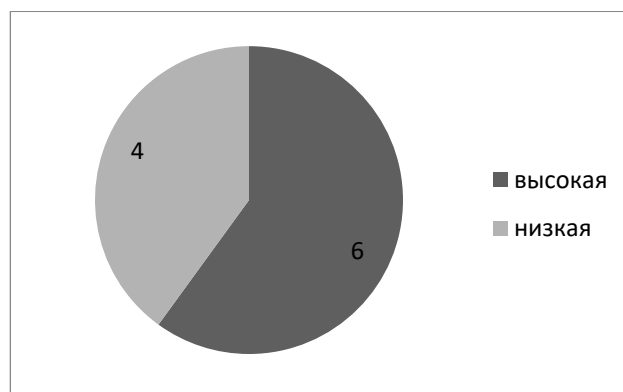

Рисунок 4 - Уровень интернальности в области достижений в контрольной группе

Данные по шкале интернальности в области неудач (Ин) свидетельствуют о низком чувстве субъективного контроля по отношению к отрицательным событиям и ситуациям, стремлении возложить ответственность за подобные события на других людей или считать их результатами невезения. Наглядно эти данные представлены на рис. 5 и 6.

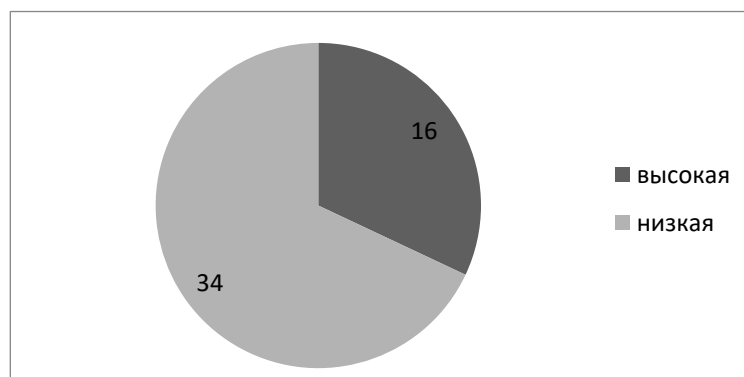

Рисунок 5 - Уровень интернальности в области неудач в экспериментальной группе

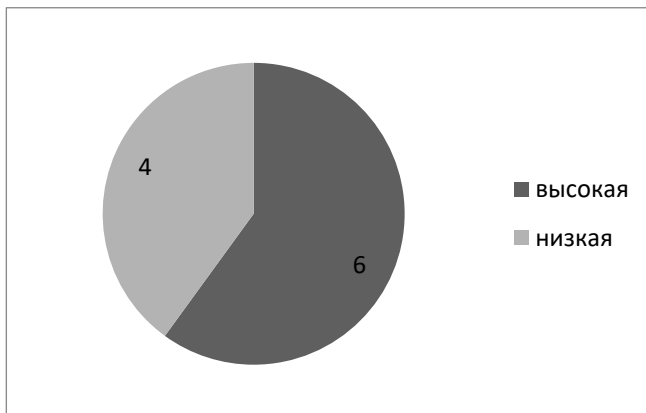

Рисунок 6 - Уровень интернальности в области неудач в контрольной группе

Респонденты экспериментальной группы по шкале интернальности в семейных отношениях (Ис) считают своих партнеров причиной значимых ситуаций, возникающих в его семье. Собственная же роль существенно принижается. Наглядно эти данные представлены на рис. 7 и 8.

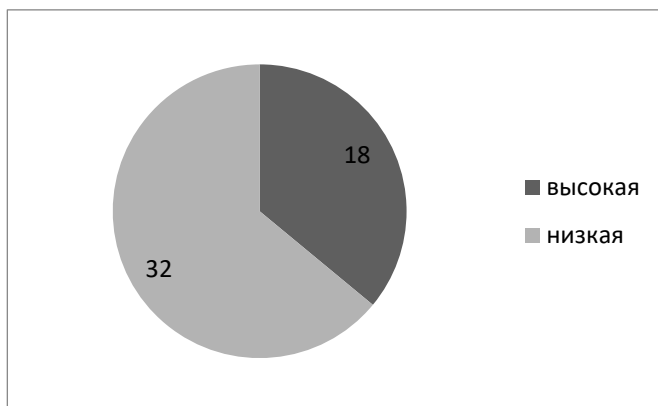

Рисунок 7 - Уровень интернальности в семейных отношениях в экспериментальной группе

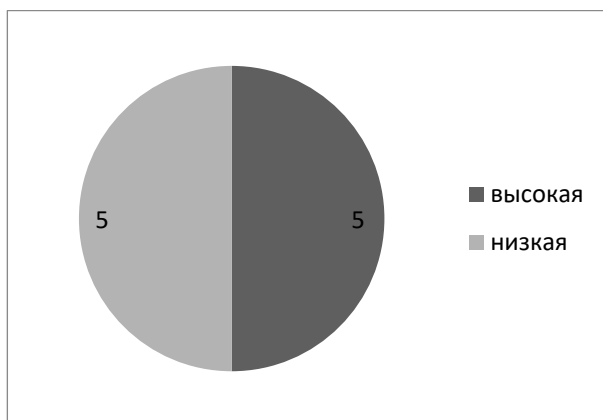

Рисунок 8 - Уровень интернальности в области семейных отношений в контрольной группе

По шкале интернальности в области производственных отношений (Ип) данные экспериментальной группы указывают на склонность придавать более важное значение внешним обстоятельствам — руководству, коллегам по работе, везению — невезению. Наглядно эти данные представлены на рис. 9 и 10.

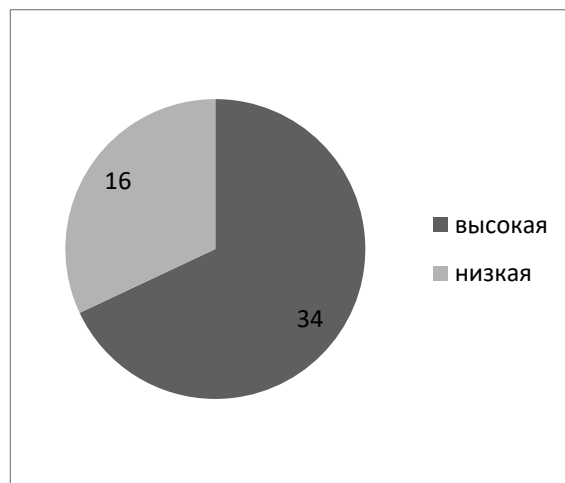

Рисунок 9 - Уровень интернальности в производственных отношениях в экспериментальной группе

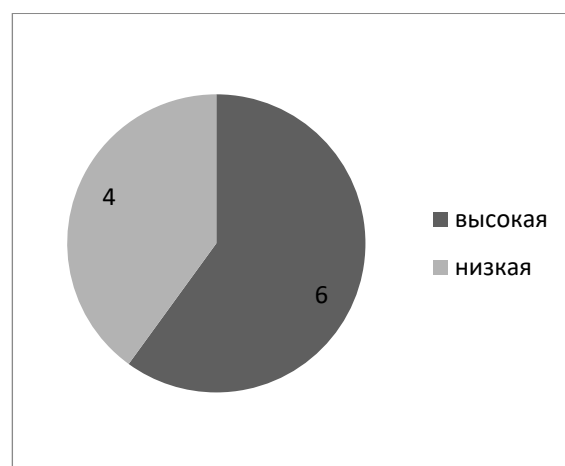

Рисунок 10 - Уровень интернальности в производственных отношениях в контрольной группе

Данные лиц с химической аддикцией по шкале интернальности в области межличностных отношений (Им) указывают на то, что такие люди не склонны брать на себя ответственность за свои отношения с окружающими. Наглядно эти данные представлены на рис. 11 и 12.

Шкала интернальности в отношении здоровья и болезни (Из) имеет невысокий средний балл, как и большинство индивидуальных значений респондентов экспериментальной группы. Это свидетельствует о том, что человек не считает себя ответственным за своё здоровье и полагает, что выздоровление не зависит преимущественно от его действий. Они считают здоровье и болезнь результатом случая, а выздоровление придет в результате действий других людей. Наглядно эти данные представлены на рис. 13 и 14.

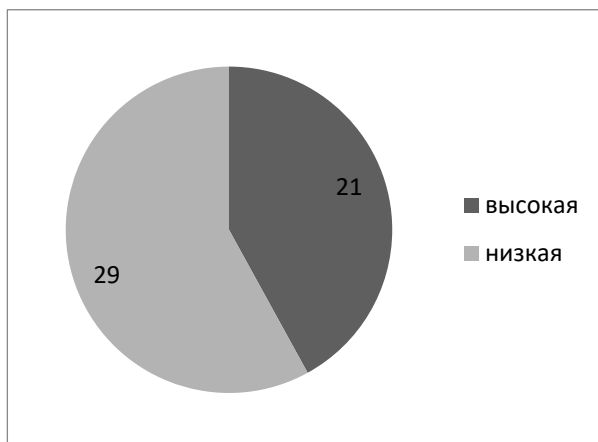

Рисунок 11 - Уровень интернальности в межличностных отношениях в экспериментальной группе

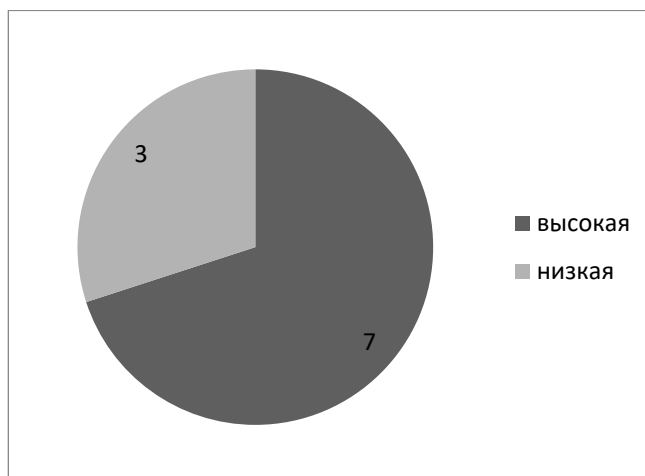

Рисунок 12 - Уровень интернальности в межличностных отношениях в контрольной группе

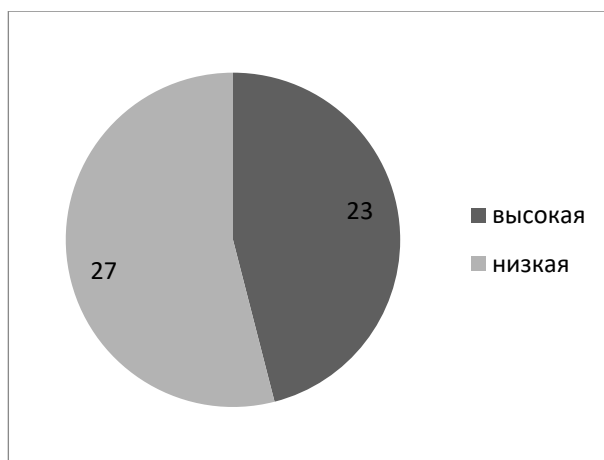

Рисунок 13 - Уровень интернальности в области здоровья и болезни в экспериментальной группе

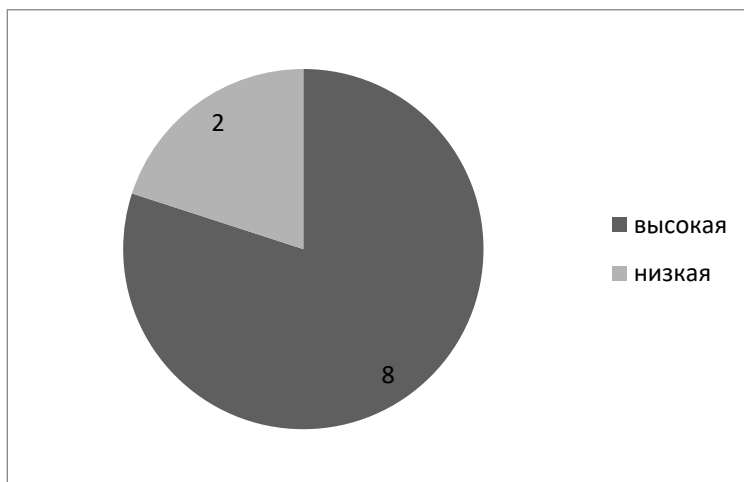

Рисунок 14 - Уровень интернальности в области отношения к здоровью и болезни в контрольной группе

Заключение

Таким образом, проведя эмпирическое исследование, мы делаем вывод о том, что у лиц с наркотической зависимостью существенно снижены показатели управления своей жизнью, ее целенаправленностью. Отсутствие значимых различий по шкалам «Локус контроля – Я» и «Локус контроля-жизнь» по методике смысложизненные ориентации между членами контрольной и экспериментальной групп свидетельствуют о том, что аддиктивная личность, независимо от типа аддикции, не склонна брать на себя ответственность за управление собственной жизнью.

Локус контроля над различными сферами жизни экстернальный, обседеваемые предпочитают не брать ответственность на себя за события своей жизни.

Библиография

1. Абульханова-Славская К.А. Развитие личности в процессе жизнедеятельности // Психология формирования и развития личности. 1981. С. 19—44.
2. Дереча Г.И., Дереча В.А. О значении изучения смысложизненных ориентаций у больных алкоголизмом. Текст: электронный // Медицинская психология в России. 2010. № 2. URL: [http:// medpsy.ru](http://medpsy.ru) (Дата обращения 15.10.2022).
3. Доклад о наркоситуации в России в 2021 году // Государственный антинаркотический комитет. Москва. 2022. 48 с.
4. Зенцова Н.И., Каклюгин Н.В. Динамика смысложизненных ориентаций у лиц с опийной зависимостью, участвующих в реабилитационных программах религиозного и нерелигиозного типа // Вестник Московского университета. Психология. 2012. № 3. С. 49–57.
5. Клинические рекомендации «Психические и поведенческие расстройства, вызванные употреблением психоактивных веществ. Абстинентное состояние отмены) с делирием». 2020.
6. Леонтьев Д.А. Очерк психологии личности. М.: Смысл, 1993. 43 с.
7. Особенности эмоционально-мотивационной сферы наркозависимых и их роль в прекращении потребления психоактивных веществ. Пособие для врачей. Санкт-Петербург 2009. 37 с.
8. Павликова Ю.А. Влияние алкогольной зависимости на профессиональную мотивацию личности // The Newman In Foreign Policy. 2020. № 54 (98). С. 78-84.
9. Попова Т.А. Смысложизненные ориентации и локус контроля личности как ресурсы благополучного старения // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2019. № 1. С. 49-58.
10. Серый А В, Яницкий М.С. Ценностно-смысловая сфера личности / Учебное пособие. - Кемерово: Кемеровский государственный университет. 1999. 92 с.

Meaningful life orientations as an important resource for rehabilitation of people with drug addiction

Alexander V. Nazarov

Director,
Center for Rehabilitation and Social Adaptation "Yenisei",
660032, 4, Andrey Dubensky str., Krasnoyarsk, Russian Federation;
e-mail: eniseyrc@yandex.ru

Marina A. Lisnyak

Candidate of Medical Sciences, Associate Professor,
Krasnoyarsk State Medical
University named after prof. V.F. Voino-Yasenetsky,
660022, 1, Partizan Zheleznyak str., Krasnoyarsk, Russian Federation;
e-mail: lisnyakm@mail.ru

Ekaterina I. Stoyanova

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Krasnoyarsk State Medical
University named after prof. V.F. Voino-Yasenetsky,
660022, 1, Partizan Zheleznyak str., Krasnoyarsk, Russian Federation;
e-mail: katya-chernova@yandex.ru

Yulia V. Zhivaeva

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Krasnoyarsk State Medical
University named after prof. V.F. Voino-Yasenetsky,
660022, 1, Partizan Zheleznyak str., Krasnoyarsk, Russian Federation;
e-mail: yul-zhivaeva@yandex.ru

Svetlana M. Kolkova

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor,
Siberian Federal University
660041, 79, Svobodny Ave., Krasnoyarsk, Russian Federation;
e-mail: kolkova67@mail.ru

Natalia K. Prikhodko

5th year student of the specialty "Clinical Psychology"
Krasnoyarsk State Medical
University named after prof. V.F. Voino-Yasenetsky,
660022, 1, Partizan Zheleznyak str., Krasnoyarsk, Russian Federation;
e-mail: prikhodko_natalia

Abstract

The article presents the results of studies of life-meaning orientations and the locus of personality control in people with drug addiction undergoing rehabilitation. Differences in the level of subjective control in the studied samples were also revealed. The data obtained may indicate that for people with drug addiction undergoing rehabilitation, it makes sense to conduct psychotherapeutic interventions aimed at increasing the importance of control over their own lives. The values of life, its meanings, the internality of the locus of control can act as a personal resource in the rehabilitation of people with drug addiction. The aim of the study was to study the life-meaning orientations of people with drug addiction. We assumed that people with drug addiction would have a low level of goal-setting, a low level of control over their own lives. The tasks were set to study the features of goal-setting and to identify the level of subjective control in people with chemical dependence.

For citation

Nazarov A.V., Lisnyak M.A., Stoyanova E.I., Zhivaeva Yu.V., Kolkova S.M., Prikhodko N.K. (2022) Smyslozhiznennye orientacii kak vazhnyj resurs reabilitacii lic s narkoticheskoj zavisimost'ju [Meaningful life orientations as an important resource for rehabilitation of people with drug addiction]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 11 (6A), pp. 208-220. DOI: 10.34670/AR.2023.20.76.024

Keywords

Rehabilitation process, life orientations, drug addicts, locus of control, personal resources.

References

1. Abulkhanova-Slavskaya K.A. Personality development in the process of life activity // Psychology of personality formation and development. 1981. pp. 19-44.
2. Derecha G.I., Derecha V.A. On the importance of studying life orientations in patients with alcoholism. Text: electronic // Medical psychology in Russia. 2010. No. 2. URL: <http://medpsy.ru> (Date of appeal 15.10.2022).
3. Report on the drug situation in Russia in 2021 // State Anti-Drug Committee. Moscow. 2022. 48 p.
4. Zentsova N.I., Kaklyugin N.V. Dynamics of life-meaning orientations in persons with opium addiction participating in rehabilitation programs of religious and non-religious type // Bulletin of the Moscow University. Psychology. 2012. № 3. C. 49–57.
5. Clinical recommendations "Mental and behavioral disorders caused by the use of psychoactive substances. Withdrawal state of withdrawal) with delirium." 2020.
6. Leontiev D.A. An essay on personality psychology. M.: Sense, 1993. 43 p.
7. Features of the emotional and motivational sphere of drug addicts and their role in stopping the consumption of psychoactive substances. A manual for doctors. Saint Petersburg 2009. 37 p.
8. Pavlikova Yu.A. The influence of alcohol dependence on professional motivation of the individual // The Newman In Foreign Policy. 2020. No. 54 (98). pp. 78-84.
9. Popova T.A. Life-meaning orientations and locus of personality control as resources of successful aging // Bulletin of the

Perm State Humanitarian Pedagogical University. 2019. No. 1. pp. 49-58.

10. Gray A V, Yanitsky M.S. Value-semantic sphere of personality / Textbook. - Kemerovo: Kemerovo State University. 1999. 92 p.

УДК 159

DOI: 10.34670/AR.2023.78.44.025

Теоретический анализ понятия «психологическое благополучие» человека

Асадуллин Мурад Ринатович

Кандидат юридических наук,
Координатор федеральной общественной
спортивной организации «НАТАТАМИ»,
450043, Российская Федерация, Уфа, бульвар Тухвата Янаби, 53/2;
e-mail: asadullin-murad@yandex.ru

Аннотация

В статье представлен теоретический анализ понятия психологического благополучия как комплексного феномена повседневной жизни человека, определяющего его внутреннее состояние и механизм его продуцирования во внешнюю среду, влияющего на восприятие окружающей действительности. Объектом исследования выступает сложносоставной комплекс физических, психологических, социокультурных, духовных, аксиологических элементов, формирующих системное состояние человека. Предмет исследования – психологическое благополучие как комплексное понятие, характеризующее эмоциональное состояние повседневного опыта человека. Целью исследования является понимание психологического благополучия через теоретический анализ общепризнанных научных источников и собственную моноспекцию индивидуального опыта. Задачи исследования заключаются в изучении общепризнанных научных источников психологического знания; детекции психологического благополучия как феномена повседневной жизни; формулировке объективных и научно обоснованных выводов. Методологией исследования выступает теоретико-эвристический подход, базирующийся на экстраспективных методах научного познания. Представлена дефиниция психологического благополучия на основе синтеза теоретических изысканий отечественных и зарубежных ученых; представлено разграничение понятий субъективного и психологического благополучия; вводится понятие «дискретности» уровня психологического благополучия; рассматривается понятие гедонистической адаптации применительно к субъективному и психологическому благополучию.

Для цитирования в научных исследованиях

Асадуллин М.Р. Теоретический анализ понятия «психологическое благополучие» человека // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 6А. С. 221-233. DOI: 10.34670/AR.2023.78.44.025

Ключевые слова

Благополучие, психическое здоровье, совладание, тревожность, позитивные аффекты, негативные аффекты, счастье, бивалентный компонент.

Введение

Понятие «психологическое благополучие» человека вошло в состав терминов психологической науки достаточно давно, и на данный момент существует многообразие смыслов и трактовок данного понятия. В настоящее время в отечественной психологической науке феномен психологического благополучия человека формально считается в достаточной мере изученным. Но на практике ускорение и быстрое изменение факторов внешней среды, изменение структуры возможностей и угроз в общем виде ставят перед человеком новые вызовы. Возникновение новых несистематических рисков, атипичных проблем в повседневной жизни, которые неизбежно возникают в процессе трансформации общественного пространства в сторону цифровизации и информатизации с изменением технологического уклада, неизбежно влияет на психологическое благополучие человека. И психологическое благополучие, как психический феномен, вслед за изменениями внешней среды и способов реагирования внутренней среды человека также меняет свою форму и содержание. Целью данного исследования является теоретический анализ результатов различных исследований психологического благополучия и оценка достаточности современного понимания феномена психологического благополучия для положительной эмоциональной оценки повседневного опыта человека.

Материалы и методы

Рождение и эволюция понимания психологического благополучия приходится на 60-70-е годы прошлого века. Так, значимый исследователь предметной области П. Уорр в своей работе 1978 года, посвященной психологическому благополучию, его измерению и трем составным аспектам, пишет следующее: «Выделены два кластера специфических элементов беспокойства, связанные с финансовой и семейной тревогой и с тревогой по поводу здоровья. Третий показатель (оценка текущей жизни в целом) представляет основную группу пунктов счастья, при этом предусматривает дополнительные параметры для более детального исследования» [Warr, 1978, 111]. Говоря о фундаментальных фигурах, сформировавших понятие психологического благополучия как данности, автор перечисляет следующих исследователей: «...которая связана с чувствами людей по поводу их повседневной деятельности (например, Брэдберн¹ [Bradburn, 1969], 1969; Уорр и Уолл, 1975; Кэмпбелл, 1976)... которое иногда идентифицируется как позитивное психическое здоровье (например, Яхода, 1958; Герцберг, 1966; Берг, 1975)» [Warr, 1978, 111].

Проведенные учеными научные изыскания проблематики позволяют выделить ведущие направления изучения понятия «психологическое благополучие» человека, что дает конкретное и систематизированное представление о нем. Однако, несмотря на кажущееся относительное понимание того, что входит в содержание понятия «психологическое благополучие», среди зарубежных и отечественных представителей научной психологической мысли отсутствует

¹ Из перечисленных П. Уорром исследователей автор сделал ссылку только на N.M. Bradburn [Bradburn, 1969], так как, по мнению многих исследователей, его вклад был одним из определяющих в формирование понимания психологического благополучия. Работы остальных исследователей можно увидеть в оригинале работы П. Уорра [Warr, 1978].

однообразии в смысловом и содержательном аспекте данного феномена. Целью настоящего исследования является анализ теоретических аспектов данного понятия, краткий обзор зарубежных и отечественных подходов к исследованию понятия «психологическое благополучие» с формулировкой собственных дефиниций предметной области.

По мнению И.А. Стрелкова [Стрелков, www], не только в научной среде, но и в реальной повседневной жизни также происходит развитие знания о психологии благополучия человека. Изучением психологического благополучия или, с другой стороны, психологического неблагополучия конкретного человека занимаются частнопрактикующие психологи, которые объективно полностью посвящают себя заботам о его психологическом комфорте. Однако, с точки зрения И.А. Стрелкова, недостаток такого знания состоит в том, что оно обусловлено конкретной психологической школой или модальностью, которые зачастую не пересекаются между собой.

С точки зрения А.Е. Созонтова, феномен благополучия следует рассматривать с учетом гедонистических и эвдемонистических подходов. А.Е. Созонтов [Созонтов, 2006] выделяет четкие критерии для определения данных подходов. Гедонистический подход определяется когнитивно-поведенческой психологией. Такой подход дает возможность определить относительно устойчивую структуру благополучия, которая включает в себя два базовых конструкта: «удовлетворенность жизнью как когнитивный аспект» и «интенсивность и баланс позитивного и негативного аффектов как эмоциональный аспект» [Фомина, 2016, 2]. При таком подходе наилучшим способом повышения уровня субъективного благополучия будет считаться адаптивное социальное поведение, т.е. умение и способность гармонично самореализоваться во всех сферах жизни с учетом предписанных социальных норм и правил. В противовес гедонистическому, эвдемонический подход направлен на гуманистическую и экзистенциальную традицию, которая изобилует теоретическими суждениями в ущерб практическому применению. В границах такого подхода структура благополучия лишена четкости.

В литературе проблема благополучия и неблагополучия в прошлом находит свой отклик в различных философских, социологических трудах. Поэтому сам термин благополучия не является новым и используется в научной психологической литературе разных стран.

Так, например, в русском языке при обращении к толковому словарю С.И. Ожегова [Ожегов, 2000], мы можем увидеть, что благополучие определяется двумя сторонами жизни – семейной и материальной. Спокойное и счастливое состояние в семейной жизни называется семейным благополучием, а жизнь в довольстве и полная обеспеченность является благополучием материальным.

Однако толковый словарь В. Даля [Даль, 1998] не содержит в себе определения «благополучие», но содержит близкое по значению определение счастья, которое определяется как желанная насущная жизнь, сущность которого можно истолковать как личностно привлекательное, субъективно значимое и высокооцениваемое качество индивидуальной жизни.

В зарубежной литературе теоретической базой для исследования психологического благополучия как самостоятельной категории послужили работы Н. Брэдберна [Bradburn, 1969], Уорра [Warr, 1978], Кэмпбелла [Campbell, 1976]. Данные авторы рассматривали психологическое благополучие как эмоциональное восприятие элементов повседневного поведения. Психологическое благополучие как составной элемент психического здоровья рассматривается в работах Герцберга [Herzberg, 1966].

Н. Брэдберн [Брэдберн, 2005] дифференцировал психологическое благополучие от ряда других понятий, таких как самоактуализация, самооценка, автономия, но в то же время обозначил, что эти понятия имеют области взаимного пересечения. Сконструированная им модель структуры психологического благополучия представляет собой некое равновесие между поочередным преобладанием двух видов аффекта – негативного и позитивного, утвердив такой баланс одним из основных показателей благополучия личности.

Наиболее близким понятием к психологическому благополучию является субъективное благополучие. О нем впервые наиболее отчетливо говорит Э. Динер [Diener, Ryan, 2009]. При этом понимание им субъективного благополучия очень близко к позиции Н. Брэдберна, но психологическое благополучие здесь становится частью субъективного, которое, по его мнению, состоит из трех основных компонентов: приятные и неприятные эмоции, удовлетворение (эмоциональная и когнитивная стороны самопринятия).

Для характеристики состояния субъективного мира личности в аспекте его благоприятности употребляются термины «счастье», «удовлетворенность жизнью», «эмоциональное благополучие», «оптимизм», однако понятие «субъективное благополучие», по мнению М.В. Соколовой [Соколова, 2006], «представляется психологически более точным». Именно субъективное благополучие является психологическим феноменом, которое побуждает стремление человека к внутреннему равновесию, комфорту, ощущению удовлетворенности и счастья.

В современных работах исследователей интересует вопрос о том, из чего складывается ощущение благополучия, как оно влияет на жизнь и деятельность субъекта. Субъективное благополучие рассматривается как феномен, относящийся к внутренней системе личности, к внутренним критериям адаптации в социальной среде.

В своих работах А.Е. Созонтов психологическое благополучие интерпретирует как «удовлетворенность жизнью, отсутствие выраженной тревожности, депрессивных симптомов, социальную активность, соотношение позитивных и негативных аффективных проявлений» [Созонтов, 2013].

Л.В. Куликов уделяет внимание тому, что «благополучие и чувство благополучия весьма значимы для всего субъективного (внутреннего) мира личности» [Куликов, 1997].

Понятие благополучия рассматривается как основной критерий здоровья. По мнению специалистов ВОЗ, «здоровье – состояние полного физического, умственного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов». Исследователи смежных областей научного знания подчеркивают, что субъективное благополучие тесно связано и с соматическим здоровьем.

Также следует подчеркнуть, что по своей природе психологическое благополучие личности является субъективным, так как оценка собственного благополучия опирается на переживания личности по отношению к различным сторонам своей жизни, деятельности и самого себя.

М.В. Соколова выделяет три категории субъективного благополучия:

- 1) Внешние критерии, по которым определяется психологическое благополучие как добродетельная, «правильная жизнь», то есть соответствие системе ценностей, принятой в культуре.
- 2) Субъективное благополучие – гармоничное удовлетворение желаний и стратегий человека.
- 3) Субъективное благополучие как превосходство положительных эмоций над отрицательными эмоциями. Это определение показывает положительные эмоции,

которые переживает человек и которые либо объективно преобладают в его жизни, либо он субъективно к ним склоняется.

Соколова выделила признаки субъективного благополучия [Соколова, 2006, 9]:

- 1) Субъективность; субъективное благополучие находится внутри индивидуального опыта человека.
- 2) Позитивность измерения. Субъективное благополучие – это не только отсутствие отрицательных факторов, что является характерным для многих определений психического здоровья человека. Необходимо наличие определенных положительных показателей.
- 3) Глобальность измерения. Субъективное благополучие, как правило, включает «...глобальную оценку все аспектов жизни человека» [Соколова, 2006, 16].

По мнению М.В. Соколовой, все эти признаки должны лежать в основе теоретических и эмпирических исследований субъективного благополучия.

М. Аргайл [Аргайл, 2013] рассматривает субъективное благополучие как сочетание трех независимых компонентов: удовлетворенность жизнью, наличие положительных эмоций и отсутствие отрицательных эмоций. Автор подчеркивает, что счастье – это переживание удовлетворенности жизнью как таковой, оценка личностью своего прошлого и настоящего; частота и интенсивность приятных эмоций. Счастье понимается как благоприятное эмоциональное переживание, аффективный компонент благополучия.

Л.В. Куликов [Куликов, 1997] делает акцент на том, что субъективное благополучие – относительно устойчивое переживание, так как различные стороны жизни человека оказывают на него существенное влияние и проявляют индивидуальное отношение как к себе, так и к окружающей действительности. Собственно переживание субъективного благополучия является основной составной частью доминирующего психического состояния.

Р.М. Шамионова говорит о том, что каждая личность обладает субъективным благополучием, т.е. склонна давать оценку себе и своей жизни, и содержит в себе три компонента: «...когнитивный, эмоциональный, поведенческий...» [Шамионов, 2004, 78].

Для понимания изучаемого явления Р.М. Шамионов определяет субъективное благополучие как понятие, выражающее собственное отношение человека к своей личности, жизни и процессам, имеющим важное для него значение с точки зрения усвоенных нормативных представлений о «благополучной» внешней и внутренней среде, и характеризующееся переживанием удовлетворенности [Шамионов, 2004, 79].

Обычно авторы различают субъективное благополучие на три компонента – физическое или телесное, психологическое и социальное. Такой подход в понимании данного феномена согласуется с пониманием психологов к внутренней структуре личности, включающей единство трех «Я».

В структуре личности У. Джеймс [Джеймс, 1991] выделил четыре составляющие и расположил их в порядке значимости: от низшей – к высшей, от физической – к духовной. Духовное «Я» включает внутреннее и субъективное бытие человека, набор его религиозных, политических, философских и нравственных установок. Материальное «Я» включает то, что человек отождествляет с собой (его дом, частная собственность, семья, друзья и пр.). Социальное «Я» включает в себя признание и уважение, которые получает человек в обществе, его социальную роль. Физическое «Я» включает тело человека, его первичные биологические потребности. Все перечисленные составляющие тесно связаны между собой и оказывают влияние друг на друга. Потеря какой-либо составляющей «Я» приведет к потере части личности.

Ясно, что при изучении субъективного благополучия личности важно исходить из того, что составляющие «Я» неразрывны между собой, благодаря чему обеспечивается устойчивость и целостность личности. Единство этих составляющих становится фактором субъективного благополучия.

В настоящее время довольно большое количество работ посвящено понятию «субъективное благополучие». Наиболее часто субъективное благополучие авторы определяют как «широкую категорию феноменов, заключающихся в эмоциональной реакции людей, их удовлетворенности отдельными сферами жизни, а также в их суждениях о качестве жизни в целом».

Например, в качестве составляющих субъективного благополучия Л.В. Куликов [Куликов, 1997] предлагает следующие взаимосвязанные компоненты:

- 1) Социальное благополучие – удовлетворенность социальным статусом, состоянием общества, к которому принадлежит индивид, межличностным связям и так далее.
- 2) Духовное благополучие – возможность приобщиться к богатствам духовной культуры, осознание и переживание смысла своего существования, свобода вероисповедания и так далее.
- 3) Физическое (телесное) благополучие – хорошее физическое самочувствие, телесный комфорт, ощущение здоровья и так далее.
- 4) Материальное благополучие – удовлетворенность материальной стороной своей жизни, материальной стабильность и так далее.
- 5) Психологическое благополучие (душевный комфорт) – слаженность всех процессов психики и ее функций, гармония личности, ощущение целостности и внутреннего равновесия.

Помимо указанных элементов субъективного благополучия, в его составе иногда выделяют отсутствие тревожности и депрессии, жизненные достижения, хорошие взаимоотношения в семье.

Стоит отметить, что большой интерес психологов вызывает изучение удовлетворенностью жизнью.

Так, О.С. Копина [Копина, Сулова, Заикин, 1995] исследовала, как удовлетворенность жизнью связана с самооценкой здоровья, образованием, полом, социальным положением. При этом удовлетворенность жизнью автором понимается как наличие в сознании личностного смысла происходящих в жизни человека событий.

В исследованиях, проведенных Н.А. Растригиной [Растригина, 2017], была выявлена связь между удовлетворенностью жизнью и способностью личности наилучшим образом соотносить свои желания и возможности в соответствии со сложившимися обстоятельствами. Кроме этого, прямой связи между удовлетворенностью и ориентацией на избегание неудач и стремлением к успеху выявлено не было.

Интересным, на наш взгляд, является исследование О.С. Васильевой и Е.А. Демченко [Васильева, Демченко, 2001], посвященное изучению основных характеристик жизненных стратегий человека. Результаты проведенного исследования выявили, что присутствие в жизни целей, которые опираются на фундамент ценностей и отношений человека, взятие на себя ответственности за их реализацию и за жизнь в целом, влияют на удовлетворенность жизнью и психическое здоровье человека. Испытуемые с высокой степенью осмысленности жизни, возлагающие на себя ответственность за все происходящие в ней события, более удовлетворены результатом своей реализации, чувствуют себя уверенными управленцами своей жизни и ощущают жизнь наполненной радостными и эмоционально яркими событиями. При высоком

уровне осмысленности жизни респонденты принимают на себя всю ответственность за дальнейший сценарий своей жизни. Более того, они находят свою жизнь более интересной, эмоционально содержательной, чем те, которые не верят в способность влиять на ход событий, происходящих в их жизни. Данная категория людей часто не испытывают удовольствия от собственной жизни и убеждены, что их жизнью управляют различные ситуации, события и обстоятельства, а также другие люди и их мнение. Потому, по мнению авторов, это в большей степени является причиной подверженности неврозам, межличностным и внутриличностным конфликтам.

С точки зрения Л.В. Куликова [Куликов, 1997], оценка удовлетворенностью жизни зависит от того, на какие основания опирается личность: на внешние обстоятельства жизни или на собственную оценку своим решениям, действиям, поступкам, на самоанализ собственной успешности.

При изучении литературы, посвященной исследованию различных элементов и аспектов удовлетворенности, было обнаружено, что авторов по большей части интересует удовлетворенность жизнью либо удовлетворенность предметной деятельностью. Проблема удовлетворенности является сложной, которую следует решать в совокупности внутренних и внешних составляющих, таких как личностные, познавательные, эмоциональные, социальные, политические и так далее.

Понимание благополучия основывается на отношении личности к тем или иным событиям и явлениям в ее жизни, сопровождающимся соответствующими состояниями, переживанием. Пока не изменится отношение к чему-либо, невозможно сменить свое состояние.

Для изучения субъективного благополучия В.М. Куликов [Куликов, 1997] считает необходимым выделить два основных компонента: когнитивный (рефлексивный) – мнение об отдельных сторонах своей жизни и эмоциональный – детерминирующий эмоциональный тон отношений к этим сторонам.

Именно то, как личность интерпретирует те или иные ситуации, во многом определяет переживание субъективного благополучия. Когнитивная и эмоционально-оценочная интерпретация ситуации детерминирует направленность активности личности, которая предопределяет то, какую стратегию поведения использует личность. В зависимости от локуса субъективного благополучия, активность личности в соответствии с этим может быть направлена либо вовне, либо во внутреннюю деятельность, так же может вообще отсутствовать.

Е.Ю. Коржова [Коржова, 2002] различает соматически ориентированные стратегии поведения в зависимости от уровня жизнедеятельности, стратегии, которые ориентированы на внешний мир (профессиональные, непрофессиональные, социальные), и стратегии поведения, которые ориентированы на внутренний мир личности (реагирование на уровне эмоций, мышления).

Выбор различных стратегий поведения связан с особенностью ситуации, с уровнем ее значимости для личности, ценностными предпочтениями для личности, ценностными предпочтениями и устремлениями человека.

При этом Р.М. Шамионов [Шамионов, 2004, 45] говорит о том, что «субъективное благополучие выполняет регуляторную функцию по отношению к поведению и само является результатом деятельности по саморегуляции психических состояний» [там же]. Можно сделать предположение, что субъективное благополучие является продуктом отношений человека к людям, предметам внешнего мира, к себе.

Основное влияние дохода имеет не прямой, а опосредованный характер (например, через улучшение условий проживания и укрепления здоровья, получения образования). Тем не менее, известно, что бывают несчастные миллионеры и довольные жизнью бедняки, что связано, в частности, с существованием других источников счастья, более важных, чем деньги, которые со временем не меняются.

По мнению Л.В. Куликова [Куликов, 1997, 117], условно хорошие условия жизни, закрывающие собой базовые жизненные потребности, не оказывают непосредственного влияния на удовлетворенность жизнью отдельных людей. На переживания эмоционального комфорта, благополучия, счастья в большей степени оказывает влияние то, как человек воспринимает себя в качестве члена общества, какое место он в нем занимает, как он оценивает процесс самоутверждения в окружающем мире, как он понимает смысл жизни. Здесь особенно важны удовлетворенность ходом жизни в целом, благополучность раскрытия своих потенциалов, удовлетворение потребностей в самореализации.

Из данных, полученных Р.М. Шамионовым [Шамионов, 2004, 46], основанием целостного понимания собственного благополучия является субъективное восприятие и отношение к различным сторонам жизни.

Итак, по нашему мнению, теоретический аспект состоит в том, что субъективное благополучие содержит три компонента психического явления: когнитивный, эмоциональный, поведенческий, которые тесно взаимосвязаны между собой и влияют друг на друга.

Основными компонентами субъективного благополучия являются различные виды удовлетворенности: собой и жизнью в целом, деятельностью, отношениями большим и малым социумом. Удовлетворенность является внутренним фактором личности, из чего определяется ее отношение к себе, познавательная активность.

В настоящее время нет общепринятого мнения о том, как соотносятся между собой такие понятия, как субъективное и психологическое благополучие; субъективное благополучие и удовлетворенность жизнью; субъективное благополучие и счастье.

С одной стороны, К. Рифф, Э. Динер считают, что субъективное благополучие является одной из составляющих психологического благополучия, с другой стороны, Л.В. Куликов, М.В. Соколова, Р.М. Шамионов и другие полагают, что психологическое благополучие – часть субъективного.

Благополучие – многофакторный конструкт, характеризующийся сложной взаимосвязью социальных, культурных, экономических, психологических, физических и духовных факторов [Карапетян, 2014, 117]. Оно зависит от наличия ясных целей, успешности реализации планов деятельности и поведения, наличия ресурсов и условий для достижения целей. Благополучие создает удовлетворяющие межличностные отношения, возможности общаться и получать от этого положительные эмоции, удовлетворять потребность в эмоциональном тепле.

Конструкт психологического благополучия К. Рифф [Ryff, 1989] принимается многими исследователями, а разработанная ею методика измерения психологического благополучия используется в исследовательской практике многих стран.

К. Рифф обобщил и выделил основные составляющие психического благополучия, создал методику их измерения, определил основные критерии психологического благополучия личности. В модель психологического благополучия К. Рифф вошли следующие компоненты: позитивные отношения с другими; самопринятие (позитивная оценка себя и своей жизни); автономия (способность следовать своим собственным убеждениям); компетентность (контроль над окружающей средой, способность эффективно управлять своей жизнью); наличие целей,

придающих жизни направленность и смысл; личностный рост как чувство непрекращающегося развития и самореализации.

Позитивные отношения с другими здесь автором понимается и как умение сопереживать, и и умение быть открытым для общения. Кроме этого, данная характеристика включает в себя наличие навыков, помогающих устанавливать и поддерживать контакты с другими людьми, желание быть гибкими во взаимодействии с другими людьми, умение находить компромисс. Соответственно, об отсутствии данного качества будет свидетельствовать одиночество, неумение устанавливать и поддерживать доверительные отношения, нежелание искать компромиссы, замкнутости.

Самопринятие показывает позитивную оценку себя и своей жизни, осознание своих положительных качеств и недостатков. Противоположность самопринятия отражает чувство неудовлетворенности собой, неудовлетворенности своим прошлым, при этом определенные качества своей личности оцениваются негативно.

Автономия – способность следовать своим убеждениям, быть независимым, может позволить себе нестандартное мышление и поведение, оценивает себя исходя из собственных предпочтений. Следовательно, недостаток этого качества ведет к конформизму, чрезмерной зависимости от мнения окружающих людей, поведение человека и образ мыслей сильно подвержены влиянию социума, возникают трудности в принятии собственных решений.

Компетентность – способность эффективно управлять своей жизнью, умение добиваться желаемого, преодолевать различные трудности на пути реализации собственных целей. Неспособность что-то изменить или улучшить для реализации своих целей, ощущение собственного бессилия, некомпетентности свидетельствуют о недостаточном уровне этой характеристики.

Другой важной характеристикой психологического благополучия является наличие жизненных целей, осмысленность существования, ощущение ценности о том, что было в прошлом, происходит в настоящем и будет происходить в будущем. Ощущение бессмысленности, тоски, скуки свидетельствует об отсутствии целей в жизни.

Личностный рост – стремление к самореализации, развитию и учению, ощущение собственного прогресса. Если личностный рост невозможен, то следствием будут стагнация, отсутствие веры в свои способности к переменам, уменьшение интереса к жизни.

Результаты

В результате теоретического анализа различных источников предметной области представим синтез теоретических конструкций предметной области в виде дефиниций категориально-понятийного аппарата исследования.

Психологическое благополучие (авторское определение) – дискретное состояние человека, обусловленное эмоциональной оценкой повседневного опыта, восприятие которого зависит от наличия положительных и отрицательных аффектов во фрейме индивидуального уровня тревожности конкретного человека.

Дискретность состояния определяется через объективацию психологического благополучия в рамках эвдемонистического и гедонистического подходов. Субъективное благополучие выступает интроспекцией психологического благополучия в рамках эвдемонистического и гедонистического подходов. Отличительным признаком психологического благополучия от субъективного благополучия выступает объективация эмоциональной оценки повседневного

опыта. В первом случае объективация достигается измеримостью и коррелируемостью аффектов, формирующих восприятие повседневного опыта, во втором случае субъективация определяется индивидуальной оценкой повседневного опыта, которая имеет контекстный характер.

Уровень тревожности человека имеет высокую значимость для эмоциональной среды оценки, как для психологического, так и субъективного благополучия. Уровень тревожности связан с совладанием как механизмом адаптации и приспособления к стрессорам окружающей среды в условиях ограниченности или отсутствия необходимых ресурсов.

Обсуждение

Следует отметить, что субъективное благополучие может быть определено через «гедонистическую адаптацию» [Brickman, 1971, 287]. Гедонистическая адаптация представляет собой механизм, который снижает воздействие аффектов эмоциональных событий в жизни человека. Предполагается, что постоянные изменения в субъективном благополучии (англ. SWB) на длительных временных промежутках не могут быть постоянны, так как уровень SWB человека неизбежно возвращается к своему базовому уровню, явление, известное как «гедонистическая беговая дорожка» [Luhmann, 2018, 1]. При этом дискуссионным остается вопрос о длительности изменения уровня SWB. Существует значительное количество классических теорий и формулировок гедонистической адаптации: теория уровня адаптации, теория диапазона частот, гедонистический релятивизм и гедонистическая беговая дорожка, теория процесса-оппонента, концепция генетически детерминированной заданной точки, различие между десенсибилизацией и сдвигами в уровнях адаптации, а также теория динамического равновесия. В большинстве теорий постулируется невозможность постоянства изменения уровня субъективного благополучия, что также относится к психологическому благополучию, как экстраспекции субъективного благополучия. Отсюда мы вводим понятие дискретности состояний психологического благополучия в дефиниции, представленной выше.

Заключение

Психологическое благополучие как феномен повседневной жизни человека имеет важнейшее значение в качестве ключевой компоненты эмоциональной среды и взаимодействия человека и окружающей среды. Аффекты, которые регулируют процесс взаимодействия, формируют уровень психологического благополучия, который, по нашему мнению, характеризуются дискретностью проявлений. При всем многообразии формулировок и трактовок психологического благополучия как феномена повседневной жизни психологическое благополучие объективирует свою данность в повседневном опыте человека,

Библиография

1. Аргайл М. Психология счастья. СПб.: Питер, 2013. 270 с.
2. Брэдберн Н. Структура психологического благополучия. Ярославль: Инфра, 2005.
3. Васильева О.С., Демченко Е.А. Изучение основных характеристик жизненной стратегии человека // Вопросы психологии. 2001. № 2. С. 74-84.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: ТЕРРА, 1998. С 688.
5. Джеймс У. Психология. М.: Педагогика, 1991. 368 с.
6. Карапетян Л.В. Теоретические подходы к пониманию субъективного благополучия // Известия Уральского

- федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2014. Т. 123. № 1. С. 171-182.
7. Копина О.С., Сулова Е.А., Заикин Е.В. Экспресс-диагностика уровня психоэмоционального напряжения и его источников // Вопросы психологии. 1995. Т. 3. С. 119-132.
 8. Коржова Е.Ю. Психологическое познание судьбы человека. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2002. 334 с.
 9. Куликов Л.В. Психология настроения. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1997. 225 с.
 10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000. 940 с.
 11. Растригина Н.А. Экспериментально-психологическое исследование проблемы самоорганизации личности, проявляющейся во временной позиции. М., 2017. 78 с.
 12. Созонтов А.Е. Гедонистический и эвдемонистический подходы к проблеме психологического // Вопросы психологии. 2006. № 4. С. 105-114.
 13. Созонтов А.Е. Основные жизненные стратегии российских студентов // Вестник Московского ун - та. Серия 14, Психология. 2013. № 3. С. 17.
 14. Соколова М.В. Шкала субъективного благополучия. Ярославль, 2006. 42 с.
 15. Стрелков И.А. О проблеме психологического благополучия / неблагополучия в современной психологии. URL: [http:// conf2](http://conf2).
 16. Фомина О.О. Благополучие личности: проблемы и подходы к исследованию в отечественной психологии // Мир науки. Педагогика и психология. 2016. Т. 4. №. 6. С. 1-12.
 17. Шамионов Р.М. Психология субъективного благополучия личности. Саратов: Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 2004. 180 с.
 18. Bradburn N.M. The structure of psychological well-being. 1969.
 19. Brickman P. Hedonic relativism and planning the good society // Adaptation level theory. 1971. С. 287-301.
 20. Campbell A. Subjective measures of well-being // American psychologist. 1976. Т. 31. №. 2. С. 117-124. DOI: 10.1037/0003-066X.31.2.117.
 21. Diener E., Ryan K. Subjective well-being: A general overview // South African journal of psychology. 2009. Т. 39. №. 4. С. 391-406.
 22. Herzberg F.I. Work and the Nature of Man. 1966.
 23. Luhmann M., Intelisano S. Hedonic adaptation and the set point for subjective well-being // Handbook of well-being. 2018. С. 1-27.
 24. Ryff C.D. Explorations on the meaning of psychological wellbeing // Journ. Pers. Soc. Psychol. 1989. № 57. P. 1069
 25. Warr P. A study of psychological well-being // British journal of Psychology. 1978. Т. 69. №. 1. С. 111-121. DOI: 10.1111/j.2044-8295.1978.tb01638.x.

Theoretical analysis of the concept "psychological well-being" of a person

Murad R. Asadullin

PhD in Law,
Federal Public Relations Coordinator,
Sports Organization "NATATAMI",
450043, 53/2 Tukhvata Yanabi Boulevard, Ufa, Russian Federation;
e-mail: asadullin-murad@yandex.ru

Abstract

The article presents a theoretical analysis of the concept of psychological well-being as a complex phenomenon of a person's daily life, which determines his internal state and the mechanism of its production into the external environment, influencing the perception of the surrounding reality. The object of the study is a complex of physical, psychological, socio-cultural, spiritual, axiological elements that form the systemic state of a person. The subject of the study is psychological well-being as a complex concept that characterizes the emotional state of a person's everyday experience. The purpose of the study is to understand psychological well-being through a theoretical analysis of

generally accepted scientific sources and one's own monospection of individual experience. The objectives of the study are to study the generally recognized scientific sources of psychological knowledge; detection of psychological well-being as a phenomenon of everyday life; formulation of objective and scientifically substantiated conclusions. The research methodology is a theoretical and heuristic approach based on extraspective methods of scientific knowledge. The definition of psychological well-being is presented on the basis of a synthesis of theoretical studies of domestic and foreign scientists; a distinction is made between the concepts of subjective and psychological well-being; the concept of "discreteness" of the level of psychological well-being is introduced; the concept of hedonistic adaptation is considered in relation to subjective and psychological well-being.

For citation

Asadullin M.R. (2022) Teoreticheskii analiz ponyatiya «psikhologicheskoe blagopoluchie» cheloveka [Theoretical analysis of the concept "psychological well-being" of a person]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 11 (6A), pp. 221-233. DOI: 10.34670/AR.2023.78.44.025

Keywords

Well-being, mental health, coping, anxiety, positive affects, negative affects, happiness, bivalent component.

References

1. Argail M. (2013) *Psikhologiya schast'ya* [Psychology of happiness]. Saint Petersburg: Piter Publ.
2. Bradburn N.M. (1969) *The structure of psychological well-being..*
3. Bredbern N. (2005) *Struktura psikhologicheskogo blagopoluchiya* [The structure of psychological well-being]. Yaroslavl: Infra Publ.
4. Brickman P. (1971) Hedonic relativism and planning the good society. *Adaptation level theory*, pp. 287-301.
5. Campbell A. (1976) Subjective measures of well-being. *American psychologist*, 31(2), pp. 117-124. DOI: 10.1037/0003-066X.31.2.117.
6. Dal' V.I. (1998) *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language], in 4 vols. Moscow: TERRA Publ., pp. 688.
7. Diener E., Ryan K. (2009) Subjective well-being: A general overview. *South African journal of psychology*, 39(4), pp. 391-406.
8. Dzheims U. (1991) *Psikhologiya* [Psychology]. Moscow: Pedagogika Publ.
9. Fomina O.O. (2016) Blagopoluchie lichnosti: problemy i podkhody k issledovaniyu v otechestvennoi psikhologii [Personal well-being: problems and approaches to research in domestic psychology]. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya* [World of Science. Pedagogy and psychology], 4(6), pp. 1-12.
10. Herzberg F.I. (1966) *Work and the Nature of Man*.
11. Karapetyan L.V. (2014) Teoreticheskie podkhody k ponimaniyu sub"ektivnogo blagopoluchiya [Theoretical approaches to understanding subjective well-being]// *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [Proceedings of the Ural Federal University. Series 1: Problems of education, science and culture], 123(1), pp. 171-182.
12. Kopina O.S., Suslova E.A., Zaikin E.V. (1995) Ekspres-diagnostika urovnya psikhoemotsional'nogo napryazheniya i ego istochnikov [Express diagnostics of the level of psycho-emotional stress and its sources]. *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology], 3, pp. 119-132.
13. Korzhova E.Yu. (2002) *Psikhologicheskoe poznanie sud'by cheloveka* [Psychological knowledge of human fate]. Saint Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical University.
14. Kulikov L.V. (1997) *Psikhologiya nastroyeniya* [Psychology of mood]. Saint Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University.
15. Luhmann M., Intelisano S. (2018) Hedonic adaptation and the set point for subjective well-being. *Handbook of well-being*, pp. 1-27.
16. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. (2000) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language], 4th ed. Moscow: Azbukovnik Publ.

17. Rastrigina N.A. (2017) *Eksperimental'no-psikhologicheskoe issledovanie problemy samoorganizatsii lichnosti, proyavlyayushcheysya vo vremennoi pozitsii* [Experimental psychological study of the problem of personality self-organization, manifested in a temporary position]. Moscow.
18. Ryff C.D. (1989) Explorations on the meaning of psychological wellbeing. *Journ. Pers. Soc. Psychol.*, 57, p. 1069.
19. Shamionov R.M. (2004) *Psikhologiya sub"ektivnogo blagopoluchiya lichnosti* [Psychology of subjective well-being of the individual]. Saratov: Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky.
20. Sokolova M.V. (2006) *Shkala sub"ektivnogo blagopoluchiya* [Scale of subjective well-being]. Yaroslavl'.
21. Sozontov A.E. (2006) Gedonisticheskii i evdemonisticheskii podkhody k probleme psikhologicheskogo [Hedonistic and eudemonistic approaches to the problem of the psychological]. *Voprosy psikhologii* [Questions of psychology], 4, pp. 105-114.
22. Sozontov A.E. (2013) Osnovnye zhiznennye strategii rossiiskikh studentov [Basic life strategies of Russian students]. *Vestnik Moskovskogo un-ta. Seriya 14, Psikhologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 14, Psychology], 3, p. 17.
23. Strelkov I.A. *O probleme psikhologicheskogo blagopoluchiya / neblagopoluchiya v sovremennoi psikhologii* [On the problem of psychological well-being / ill-being in modern psychology]. Available at: [http:// conf2](http://conf2) [Accessed 12/05/2022].
24. Vasil'eva O.S., Demchenko E.A. (2001) Izuchenie osnovnykh kharakteristik zhiznennoi strategii cheloveka [Study of the main characteristics of a person's life strategy]. *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology], 2, pp. 74-84.
25. Warr P. (1978) A study of psychological well-being. *British journal of Psychology*, 69(1), pp. 111-121. DOI: 10.1111/j.2044-8295.1978.tb01638.x.

УДК 159.9.072

DOI: 10.34670/AR.2023.90.29.026

Связь психических состояний с волевыми качествами у спортсменов командных видов спорта

Носкова Марина Владимировна

Кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры клинической психологии и педагогики,
Уральский государственный медицинский университет,
620028, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Репина, 3;
e-mail: mn66@mail.ru

Набойченко Евгения Сергеевна

Декан факультета психолого-социальной работы
и высшего сестринского образования, профессор,
завкафедрой клинической психологии и педагогики,
Уральский государственный медицинский университет,
620028, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Репина, 3;
e-mail: dhona@mail.ru

Шершнев Виктор Николаевич

Кандидат физико-математических наук, доцент,
научный сотрудник Института промышленной экологии УРОРАН;
доцент кафедры технической физики,
Уральский федеральный университет,
620002, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: vikniksher@gmail.com

Аннотация

В данной статье авторы рассматривают важность психических состояний и волевых качеств у спортсменов командных видов спорта, которые приобретают особое значение в современном спорте, поскольку спортивный успех достигается слаженностью действий, эмоциональным тонусом, интересом, комфортностью, настойчивостью. Каждый спортсмен несет ответственность за всю команду. Исходя из этого, цель исследования – определение взаимосвязи психических состояний с волевыми качествами у спортсменов. В исследовании приняли участие 482 спортсмена подросткового возраста от 14-17 лет, занимающиеся командными видами спорта (футбол, баскетбол, хоккей, водное поло, лыжное двоеборье). В ходе эмпирического исследования получены результаты, свидетельствующие о существовании положительных и умеренных связей между психической активностью и настойчивостью; самообладанием и настойчивостью, а также отрицательных и умеренных связей между психической активностью и самообладанием; настойчивостью и самообладанием. Психическая активация, напряжение и комфортность

имеют среднюю степень выраженности, а интерес и эмоциональный тонус – высокую степень выраженности; превалирует средний уровень самообладания и настойчивости у спортсменов. Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в психологическом консультировании спортсменов и их родителей, тренеров, для психопрофилактики, а также для разработки психокоррекционных программ с целью проработки психических состояний и развития волевых качеств у спортсменов командных видов спорта.

Для цитирования в научных исследованиях

Носкова М.В., Набойченко Е.С., Шершнева В.Н. Связь психических состояний с волевыми качествами у спортсменов командных видов спорта // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 6А. С. 234-242. DOI: 10.34670/AR.2023.90.29.026

Ключевые слова

Спорт, спортсмен, психические состояния, психическая активация, эмоциональный тонус, интерес, комфорт, напряжение, волевые качества, самообладание.

Введение

В современном спорте значительное внимание уделяется психологической подготовке спортсмена. Остро стоят вопросы, касающиеся психических состояний и волевых качеств у спортсменов командных видов спорта, обуславливающие их успешность в спортивной деятельности.

Командные виды спорта – это виды спорта, где необходимо сотрудничество для преодоления сопротивления соперника. Важно отметить, что в этих видах спорта требуется максимально слаженные действия, психическая активация, самообладание, настойчивость. Командные виды спорта следует рассматривать как целостное, сложное явление, а не только как последовательность отдельных технико-тактических действий [Быков, 2021]. Отсюда следует, что от спортсменов командных видов спорта требуется максимально развитые волевые качества, определяющие оптимальность их психических состояний. Психические состояния регулируют деятельность и поведение человека в разных жизненных сферах [Байгужин, Шибкова, 2022].

Основная часть

В спортивной психологии существуют различные понятия и концепции, связанные с психическими состояниями. Многие исследователи, рассматривая вопросы психических состояний у спортсменов, считали, что психические состояния имеют определенные промежутки времени. Так, В.Ф. Сопов отмечал, что «психические состояния – это переживание личностью конкретного отношения к возможным результатам актуального отрезка времени» [Сопов, 2004, 47]. В своей работе он акцентировал внимание на важности динамики изменений психических состояний у спортсменов, которая определяет множество оттенков переживаний, влияющие на успешность результатов в их спортивной деятельности.

«Психические состояния изучаются как функционирование психики человека в

определенный промежуток времени, оказывают влияние на протекание психических процессов и на формирование психических свойств личности» [Кашапов, 2016, 73].

Структурно-функциональная модель, разработанная А.О. Прохоровым, предлагает несколько уровней усложняющихся состояний, связанные с ситуациями, деятельностью и социальным функционированием, а также деятельностью и образом жизни [Прохоров, 2004]. Он выделил такие психические состояния как вера, эмоциональность, полярность, настроение, активация, осознанность.

Л.А. Чумаченко и Е.А. Ибрагимовой в своем исследовании отмечают, что на соревнованиях спортсмен может испытывать различные психические состояния: агрессивность, стартовая злость (тревога и нервозность), страх перед соревнованием или стресс. Часто у спортсмена возникают ошибки информации от тренера или партнера [Чумаченко, Ибрагимова, 2019]. Также они подчеркивают, что для подготовки спортсмена к соревнованиям психологическая подготовка будет более эффективна, если он знает свое состояние перед соревнованием и понимает его уровень готовности для реализации имеющегося уровня подготовки. В связи с этим, большое значение для осознания собственных психических состояний и их проработки играют волевые качества.

С точки зрения Е.П. Ильина, основные волевые качества спортсмена – сила воли, настойчивость, смелость, терпеливость, упорство, решительность [Ильин, 2018], определяющие результативность в спортивной деятельности. В свою очередь, Г.Р. Шагивалеевой определены необходимые волевые качества для преодоления трудностей, возникающие в процессе спортивной деятельности – целеустремленность, инициативность, самостоятельность, выдержка и самообладание [Шигивалеева, Штерц, Бисерова, 2018]. По результатам эмпирического исследования выявления волевых качеств у футболистов 15-16 лет, В.А. Москвину, Н.В. Москвиной и Н.С. Шуминой, удалось доказать, что «из волевых качеств испытуемых наиболее развиты усидчивость, настойчивость и выдержка, самообладание» [Москвин, Москвина, Шумова, 2014, 36]. Волевые качества рассматривают еще с точки зрения волевой саморегуляции. По мнению Elbe A.-M., Szymanski B., Beskmann J., волевая регуляция является важным фактором, который обеспечивает высокие достижения в спортивной деятельности [Elbe, Szymanski, Beckmann, 2005]. На наш взгляд, настойчивость, самообладание у спортсменов, занимающиеся командными видами спорта в учебно-тренировочных и соревновательных процессах представляют важную основу проявлений у них волевых возможностей. Связано это с сознательным стремлением к достижению цели, несмотря на возникающие трудности, экстремальные условия. Самообладание позволяет сохранять эмоциональный тонус, настрой, психическую активацию, интерес.

И.С. Шемет и С.С. Шемет в своем исследовании «Проблема диагностики и развития волевых качеств спортсменов» делают вывод о том, что «волевые качества стоит рассматривать как конкретные проявления воли. В качестве ключевых качеств вполне можно назвать совокупность из таких качеств как целеустремленность, а также упорство и настойчивость в достижении целей. Также к указанной категории качеств целесообразно отнести качества такого порядка как решительность, смелость, самообладание...» [Шемет, 2021, 228].

Теоретический анализ показал, что в настоящее время в психологии спорта представлено недостаточное количество исследований, посвященных взаимосвязи психических состояний с волевыми качествами спортсменов командных видов спорта, что определило нашу актуальность темы.

Целью исследования является определение взаимосвязи психических состояний с волевыми

качествами у спортсменов командных видов спорта.

Гипотеза исследования. Предполагается, что существует взаимосвязь психических состояний с волевыми качествами у спортсменов командных видов спорта.

Эмпирическое исследование позволяет решить следующие задачи:

- Определить степень выраженности психических состояний спортсменов, занимающиеся командными видами спорта.
- Выявить уровень волевых качеств у спортсменов.
- Выявить взаимосвязь психических состояний с волевыми качествами у спортсменов командных видов спорта.

Материалы и методы

Выборку составили 482 спортсмена подросткового возраста от 14-17 лет, занимающиеся командными видами спорта (футбол, баскетбол, хоккей, водное поло, лыжное двоеборье, синхронное плавание). В этом возрасте у спортсменов наблюдаются высокие энергетические затраты психологических ресурсов, направленные на преодоление физических и психических нагрузок. Подростковый возраст является кризисным периодом в жизни человека, характеризующийся личностной неустойчивостью и трудностями эмоционально-волевого контроля.

Для решения поставленных задач исследования мы применяли методики:

«Анкета оценки психической активации, интереса, эмоционального тонуса, напряжения и комфортности Л.А. Курганского и Т.А. Немчина [Барканова, 2009];

Опросник «Диагностика волевого самоконтроля» А.Г. Зверкова и Е.В. Эйдмана [Москвин, Москвина, Шумова, 2014].

Анкета для оценки психической активности, интереса, эмоционального тонуса, напряжения, комфортности [Барканова, 2009] устанавливает уровень психических состояний. Анкета представляет собой список из 20 полярных состояний. Спортсмену предлагалось оценить собственное состояние по рейтинговой шкале. Ответы обрабатываются согласно утвержденному ключу. Исходя из полученного результата, определяется степень выраженности.

Опросник «Диагностика волевого самоконтроля» (А.Г. Зверков и Е.В. Эйдман) [Зверков, Эйдман, 1990] направлен на обобщение индивидуального стиля волевой личностной саморегуляции. Волевая саморегуляция – способность человека осознанно управлять своими психическими состояниями, волевыми качествами, поведением. В методике рассматриваются две субшкалы, определяющие настойчивость и самообладание у спортсменов.

Субшкала «настойчивость» характеризует сознательное намерение спортсмена к завершению своего дела или действия, используя собственный энергетический потенциал. В субшкале «самообладание» отражены уровень произвольного контроля эмоциональных состояний.

Опросник содержит 30 вопросов, из 24 утверждения являются рабочими, а 6 – маскировочными.

Обработка и анализ эмпирических данных проводились с использованием программного пакета Statistica v7, в котором был создан массив данных и выполнены основные расчеты. Из числовых характеристик выборок определены среднее арифметическое и коэффициенты корреляции Пирсона.

Результаты и их обсуждение

Средние баллы показателей психических состояний у спортсменов представлены на рисунке 1.

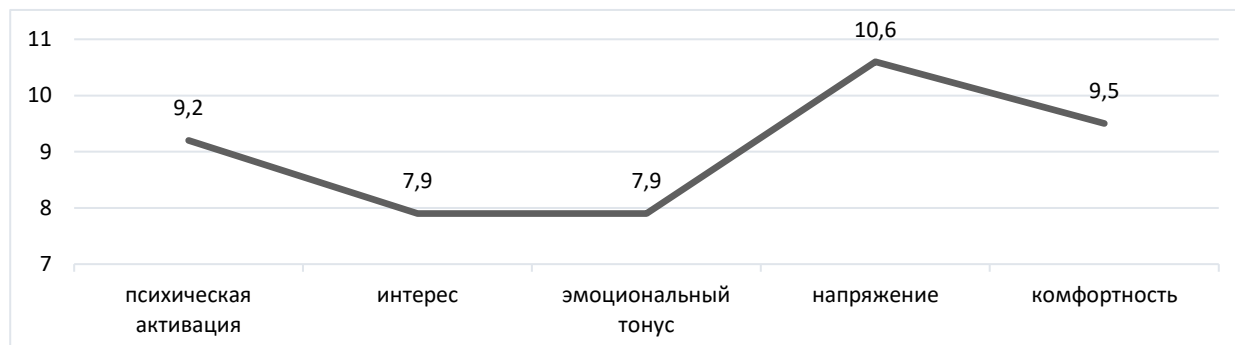

Рисунок 1 - Средний балл показателей психических состояний у спортсменов командных видов спорта

Психическая активация спортсмена связана с его состоянием нервной системы и уровнем ее возбуждения и реактивности.

Интерес играет важную роль на разных этапах спортивной подготовки и зависит от эмоциональных состояний личности; является формой волевой регуляции и обеспечивает направленность на понимание целей деятельности.

Эмоциональный тонус позволяет оценить уровень активности организма человека для реализации внутренней регуляции поведения.

Напряжение показывает состояние спортсмена, связанное с предвидением негативных для него развития событий.

Комфортность представляет собой психическое состояние благополучия, гармонии; связано с эффективностью деятельности, совпадением ожидания и реальностью.

Далее мы определили степень выраженности (уровни) показателей психических состояний у спортсменов командных видов спорта (рис. 2).

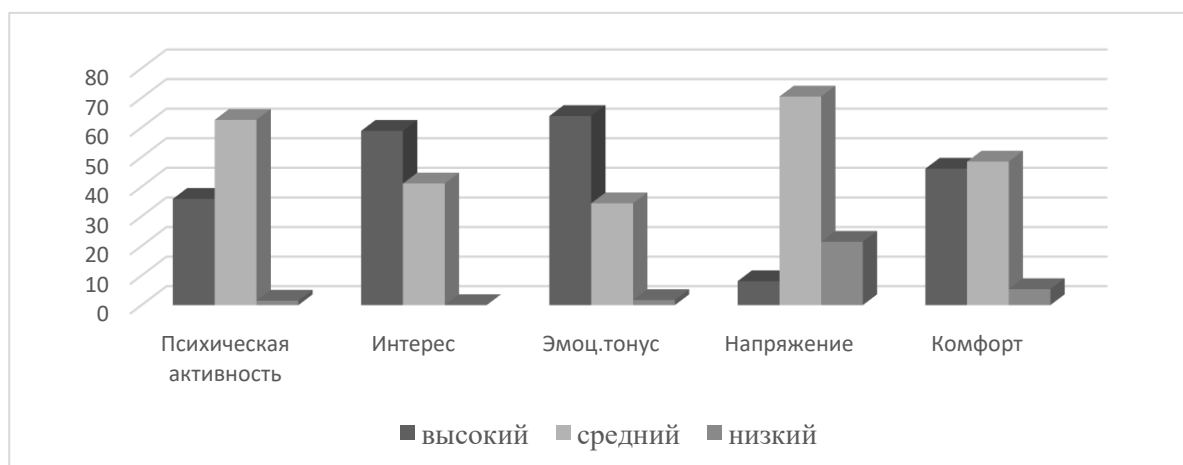

Рисунок 2 - Уровневое соотношение выраженности показателей психических состояний у спортсменов командных видов спорта, %

На основании полученных результатов, представленных на рисунке 2, было установлено, что психическое состояние характеризуется высоким уровнем эмоционального тонуса и интереса; средним уровнем психической активности, напряжения и комфорта.

Результаты диагностики волевого самоконтроля представлены в таблице 1.

Таблица 1 - Распределение по уровням шкал волевого самообладания у спортсменов, %

Уровень	Субшкалы	
	самообладание	настойчивость
высокий	20,5	19,3
средний	72	76,5
низкий	7,5	4,2

Как видно из таблицы 1, превалирует средний уровень самообладания и настойчивости у спортсменов. Можно сделать вывод, что спортсмены работоспособные, стремятся к выполнению поставленной цели, в целом присутствует внутреннее спокойствие, но, в сложных и непредвиденных ситуациях, может снижаться внимательность, осознанность управления своими эмоциями, поведением.

Далее был проведен корреляционный анализ на выявление взаимосвязи показателей психических состояний с волевыми качествами у спортсменов, занимающиеся командными видами спорта.

Результаты корреляционного анализа представлены в таблице 2.

Таблица 2 - Взаимосвязи показателей психических состояний с волевыми качествами у спортсменов

Показатели	ПА	И	Эм.Т	Н	К	СО	Н
ПА	1	0,2	0,14	0,32	0,22	-0,35	-0,2
И		1	0,2	0,1	0,12	-0,05	-0,03
ЭмТ			1	0,17	0,13	-0,21	-0,08
Н				1	0,29	-0,55	-0,19
К					1	-0,27	-0,15
СО						1	0,33
Н							1

Примечание:

*Условные обозначения: ПА – психическая активность, И – интерес, ЭмТ – эмоциональный тонус, Н – напряжение, К – комфортность, СО – самообладание, Н – настойчивость.

**Красным выделены статистически значимые коэффициенты.

Согласно данным из таблицы 2, наблюдаются положительные и умеренные связи между психической активностью и настойчивостью, ($r=0,32$ при $p<0,05$); самообладанием и настойчивостью ($r=0,33$ при $p<0,05$); отрицательные и умеренные связи между психической активностью и самообладанием ($r=-0,35$ при $p<0,05$); настойчивостью и самообладанием ($r=-0,55$ при $p<0,05$).

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что психические состояния и волевые качества имеют особое значение в командных видах спорта, так как

спортивный успех достигается слаженностью действий, эмоциональным тонусом, интересом, комфортностью, настойчивостью. Каждая личность, находясь в команде, несет ответственность, проявляя волевые качества и показывая высокий уровень самообладания.

Анализ полученных результатов показал, что психическая активация, напряжение и комфортность имеют среднюю степень выраженности, а интерес и эмоциональный тонус – высокую степень выраженности; превалирует средний уровень самообладания и настойчивости у спортсменов. Обнаружены положительные и умеренные связи между психической активностью и настойчивостью; самообладанием и настойчивостью, а также отрицательные и умеренные связи между психической активностью и самообладанием; настойчивостью и самообладанием.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в психологическом консультировании спортсменов и их родителей, тренеров, для психологической профилактики, а также для разработки психокоррекционных программ с целью проработки тех или иных психических состояний и развития волевых качеств у спортсменов командных видов спорта.

Библиография

1. Байгужин П.А., Шибкова Д.З. Нестабильные психические состояния у обучающихся-спортсменов // Психология. Психофизиология. 2022. № 2. С. 102-114.
2. Барканова О.В. (сост.) Методика диагностики эмоциональной сферы: психологический практикум. Красноярск: Литера-принт, 2009. Вып. 2. 237 с.
3. Быков А.В. Понятие игровой модели в командных игровых видах спорта // Известия ТулГУ. Физическая культура. Спорт. 2021. № 10. С. 58-64.
4. Зверков А.Г., Эйдман Е.В. Диагностика волевого самоконтроля (опросник ВСК) // Практикум по психодиагностике. Психодиагностика мотивации и саморегуляции. М.: МГУ, 1990. С. 116-124.
5. Ильин Е.П. Психология спорта. СПб.: Питер, 2018. 352 с.
6. Кашапов М.М., Огородова Т.В., Филиппович Х.Н. Доминирующие психические состояния и тревожности у спортсменов командных и индивидуальных видов спорта // Вестник Удмуртского университета. Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 26. Вып. 2. С. 73-79.
7. Москвин В.А., Москвина Н.В., Шумова Н.С. Волевые качества и устойчивость мотивации спортсменов-футболистов 15-16 лет // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2014. № 6. С. 35-38.
8. Прохоров А.О. (ред.) Системный анализ психических состояний // Психология состояний. Хрестоматия. М., 2004. С. 141-153.
9. Сопов В.Ф. Психические состояния спортивной деятельности как функциональные образования и их классификация // Вестник спортивной науки. 2004. № 2. С. 47-52.
10. Чумаченко Л.А., Ибрагимова Е.А. Оценка предстартового психологического состояния спортсменов. Психологическая подготовка спортсменов в соревновательный период // Здравоохранение Югры: опыт и инновации. 2019. № 1. С. 49-51.
11. Шемет И.С., Шемет С.С. Проблема диагностики и развития волевых качеств спортсменов // Обзор педагогических исследований. 2021. Т. 3. № 7. С. 228-233.
12. Шигивалеева Г.Р., Штерц О.М., Бисерова Г.К. Волевые качества спортсменов как субъективный фактор достижения успеха в командных видах спорта // Теория и практика физической культуры. 2018. № 3. С. 9-11.
13. Elbe A.-M., Szymanski B., Beckmann J. The development of volition in young elite athletes // Psychology of Sport and Exercise. 2005. 6.5. P. 559-569.

Relationship of mental states with volitional qualities in team sports athletes**Marina V. Noskova**

PhD in Psychology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Clinical Psychology and Pedagogy,
Ural State Medical University,
620028, 3, Repina str., Ekaterinburg, Russian Federation,
e-mail: mn66@mail.ru

Evgeniya S. Naboichenko

Dean of the Faculty of Psychological and Social Work
and Higher Nursing Education, Professor,
Head of the Department of Clinical Psychology and Pedagogy,
Ural State Medical University,
620028, 3, Repina str., Ekaterinburg, Russian Federation,
e-mail: dhona@mail.ru

Viktor N. Shershnev

PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor,
Researcher of the Institute of Industrial Ecology of Ural Department of RAS;
Associate Professor of the Department of Technical Physics,
Ural Federal University,
620002, 19, Mira str., Yekaterinburg, Russian Federation;
e-mail: vikniksher@gmail.com

Abstract

In this article, the authors consider the importance of mental states and volitional qualities in athletes of team sports, which are of particular importance in modern sports, since sports success is achieved by coherence of actions, emotional tone, interest, comfort, perseverance. Each athlete is responsible for the entire team. Based on this, the purpose of the study is to determine the relationship between mental states and volitional qualities in athletes. The study involved 482 adolescent athletes aged 14-17 years old involved in team sports (football, basketball, hockey, water polo, Nordic combined). In the course of empirical research, results were obtained indicating the existence of positive and moderate relationships between mental activity and persistence; self-control and perseverance, as well as negative and moderate relationships between mental activity and self-control; perseverance and self-control. Mental activation, tension and comfort have an average degree of severity, and interest and emotional tone, a high degree of severity; the average level of self-control and perseverance among athletes prevails. The practical significance of the study lies in the fact that its results can be used in psychological counseling of athletes and their parents, coaches, for psycho-prophylaxis, as well as for the development of psycho-corrective programs in order to work out mental states and develop volitional qualities in team sports athletes.

For citation

Noskova M.V., Naboichenko E.S., Shershnev V.N. (2022) Svyaz' psikhicheskikh sostoyanii s volevymi kachestvami u sportsmenov komandnykh vidov sporta [Relationship of mental states with volitional qualities in team sports athletes]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 11 (6A), pp. 234-242. DOI: 10.34670/AR.2023.90.29.026

Keywords

Sport, athlete, mental states, mental activation, emotional tone, interest, comfort, tension, volitional qualities, self-control.

References

1. Baiguzhin P.A., Shibkova D.Z. (2022) Nestabil'nye psikhicheskie sostoyaniya u obuchayushchikhsya-sportsmenov [Unstable mental states in student-athletes]. *Psikhologiya. Psikhofiziologiya* [Psychology. Psychophysiology], 2, pp. 102-114.
2. Barkanova O.V. (comp.) (2009) *Metodika diagnostiki emotsional'noi sfery: psikhologicheskii praktikum* [Methods of diagnosing the emotional sphere: a psychological workshop]. Krasnoyarsk: Litera-print Publ. Is. 2.
3. Bykov A.V. (2021) Ponyatie igrovoi modeli v komandnykh igrovyykh vidakh sporta [The concept of a game model in team game sports]. *Izvestiya TulGU. Fizicheskaya kul'tura. Sport* [News of TulGU. Physical Culture. Sport], 10, pp. 58-64.
4. Chumachenko L.A., Ibragimova E.A. (2019) Otsenka predstartovogo psikhologicheskogo sostoyaniya sportsmenov. Psikhologicheskaya podgotovka sportsmenov v sorevnovatel'nyi period [Assessment of the pre-start psychological state of athletes. Psychological training of athletes during the competitive period]. *Zdravookhranenie Yugry: opyt i innovatsii* [Healthcare of Yugra: experience and innovations], 1, pp. 49-51.
5. Elbe A.-M., Szymanski B., Beckmann J. (2005) The development of volition in young elite athletes. *Psychology of Sport and Exercise*, 6.5, pp. 559-569.
6. Il'in E.P. (2018) *Psikhologiya sporta* [Sports psychology]. St. Petersburg: Piter Publ.
7. Kashapov M.M., Ogorodova T.V., Filippovich Kh.N. (2016) Dominiruyushchie psikhicheskie sostoyaniya i trevozhnosti u sportsmenov komandnykh i individual'nykh vidov sporta [Dominant mental states and anxiety in athletes of team and individual sports]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika* [Bulletin of the Udmurt University. Philosophy. Psychology. Pedagogy], 26, 2, pp. 73-79.
8. Moskvina V.A., Moskvina N.V., Shumova N.S. (2014) Volevye kachestva i ustoichivost' motivatsii sportsmenov-futbolistov 15-16 let [Volitional qualities and stability of motivation of athletes-football players aged 15-16]. *Fizicheskaya kul'tura: vospitanie, obrazovanie, trenirovka* [Physical culture: education, education, training], 6, pp. 35-38.
9. Prokhorov A.O. (ed.) (2004) Sistemnyi analiz psikhicheskikh sostoyanii [System analysis of mental states]. In: *Psikhologiya sostoyanii. Khrestomatiya* [Psychology of states. Reader]. Moscow.
10. Shemet I.S., Shemet S.S. (2021) Problema diagnostiki i razvitiya volevykh kachestv sportsmenov [The problem of diagnostics and development of volitional qualities of athletes]. *Obzor pedagogicheskikh issledovaniy* [Review of pedagogical research], 3, 7, pp. 228-233.
11. Shigivaleeva G.R., Shterts O.M., Biserova G.K. (2018) Volevye kachestva sportsmenov kak sub"ektivnyi faktor dostizheniya uspekha v komandnykh vidakh sporta [Volitional qualities of athletes as a subjective factor in achieving success in team sports]. *Teoriya i praktika fizicheskoi kul'tury* [Theory and practice of physical culture], 3, pp. 9-11.
12. Sopov V.F. (2004) Psikhicheskie sostoyaniya sportivnoi deyatel'nosti kak funktsional'nye obrazovaniya i ikh klassifikatsiya [Mental states of sports activity as functional formations and their classification]. *Vestnik sportivnoi nauki* [Bulletin of sports science], 2, pp. 47-52.
13. Zverkov A.G., Eidman E.V. (1990) Diagnostika volevogo samokontrolya (oprosnik VSK) [Diagnostics of volitional self-control (VSC questionnaire)]. In: *Praktikum po psikhodiagnostike. Psikhodiagnostika motivatsii i samoregulyatsii* [Workshop on psychodiagnosics. Psychodiagnosics of motivation and self-regulation]. Moscow: MSU.

УДК 159.91:550.75:316.354.4(470)(045)

DOI: 10.34670/AR.2023.72.11.027

Психоэмоциональный статус добровольцев, проживающих в средних широтах, на одном из этапов проекта «Гелиомед-2»**Осколкова Анна Ивановна**

Доктор медицинских наук, профессор,
профессор кафедры пропедевтики внутренних болезней,
Саратовский государственный медицинский университет,
410012, Российская Федерация, Саратов, ул. Большая Казачья, 112;
e-mail: kodochigovaai@yandex.ru

Паршина Светлана Серафимовна

Доктор медицинских наук, доцент,
профессор кафедры терапии с курсами кардиологии,
функциональной диагностики и гериатрии,
Саратовский государственный медицинский университет,
410012, Российская Федерация, Саратов, ул. Большая Казачья, 112;
e-mail: kodochigovaai@yandex.ru

Самсонов Сергей Николаевич

Кандидат физико-математических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт космофизических исследований и аэронавтики им. Ю.Г. Шафера
Сибирского отделения Российской академии наук,
677027, Российская Федерация, Якутск, пр. Ленина, 31;
e-mail: kodochigovaai@yandex.ru

Терехина Елена Сергеевна

Студентка,
Саратовский государственный медицинский университет,
410012, Российская Федерация, Саратов, ул. Большая Казачья, 112;
e-mail: kodochigovaai@yandex.ru

Шляпников Никита Викторович

Студент,
Саратовский государственный медицинский университет,
410012, Российская Федерация, Саратов, ул. Большая Казачья, 112;
e-mail: kodochigovaai@yandex.ru

Полиданов Максим Андреевич

Студент,
Саратовский государственный медицинский университет,
410012, Российская Федерация, Саратов, ул. Большая Казачья, 112;
e-mail: maksim.polidanoff@yandex.ru

Кондрашкин Иван Евгеньевич

Студент,
Саратовский государственный медицинский университет,
410012, Российская Федерация, Саратов, ул. Большая Казачья, 112;
e-mail: kodochigovaai@yandex.ru

Афанасьева Татьяна Николаевна

Кандидат медицинских наук, доцент,
доцент кафедры терапии с курсами кардиологии,
функциональной диагностики и гериатрии,
Саратовский государственный медицинский университет,
410012, Российская Федерация, Саратов, ул. Большая Казачья, 112;
e-mail: kodochigovaai@yandex.ru

Аннотация

В статье были проанализированы психологические особенности личности добровольцев, проживающих в средних широтах, на одном из этапов многоширотного мониторинга «Гелиомед-2». Было установлено, что чуть меньше половины лиц, находившихся под нашим наблюдением, обладали психологической чувствительностью к меняющимся факторам космической погоды, остальные же не имели подобной чувствительности. При этом лица, являющиеся носителями психологической чувствительности к изменениям геомагнитной возмущенности, были существенно более тревожны и менее адаптивны во всех сферах стресс-преодолевающего поведения, по сравнению с теми, кто такой чувствительностью не обладал, в связи с чем они нуждаются в определенном психологическом сопровождении. Полученные данные свидетельствуют о том, что добровольцы, проживающие в средних широтах, разнородны по психоэмоциональным свойствам и чувствительности к геомагнитной возмущенности. Те, кто психологически чувствительны к меняющейся геомагнитной возмущенности, были статистически значимо тревожнее и менее адаптивны во всех сферах стресс-преодолевающего поведения, по сравнению с теми, кто подобной чувствительностью не обладал. Среди наблюдаемых нами лиц наиболее проблемными оказались когнитивная и эмоциональная копинг-сферы, особенно ярко это проявлялось у индивидов, чувствительных к изменениям космической погоды. Таким образом, именно добровольцы, обладающие психологической чувствительностью к изменениям факторов космической погоды, нуждаются в психологическом сопровождении.

Для цитирования в научных исследованиях

Осколкова А.И., Паршина С.С., Самсонов С.Н., Терехина Е.С., Шляпников Н.В., Полиданов М.А., Кондрашкин И.Е., Афанасьева Т.Н. Психоэмоциональный статус добровольцев, проживающих в средних широтах, на одном из этапов проекта «Гелиомед-2» // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 6А. С. 243-254. DOI: 10.34670/AR.2023.72.11.027

Ключевые слова

Психологическая чувствительность, геомагнитная возмущенность, многоширотный мониторинг, средние широты, личностная тревожность, стресс-преодолевающее поведение.

Введение

Психоэмоциональное и физиологическое состояние человека в значительной мере определяют различные циклические процессы окружающей среды. Особенно значимой группой внешних факторов являются физические явления, от которых напрямую зависят все биохимические процессы в клетке, а следовательно, и работа всего организма [Рахманов, Гаджибрагимов, 2009]. К числу данных факторов относят геомагнитную возмущенность, вызванную солнечной активностью [Григорьев, 2010; Рагульская, Чибисов, 2011].

На сегодняшний день было проведено множество исследований, описывающих влияние геомагнитных явлений на организм человека, в особенности на наиболее чувствительные к стрессу системы: сердечно-сосудистую и нервную [там же; Цандеков, 2014; Самсонов, Манькина, Паршина, 2016]. Также рядом авторов доказано наличие зависимости психоэмоционального состояния человека от геомагнитной возмущенности [Kodochigova et al., 2018]. Так на фоне геомагнитных бурь у здоровых людей наблюдается снижение работоспособности, повышение утомляемости, изменение поведенческих реакций [Кодочигова и др., 2016; Бобина, 2009; Яковлев, Жирков, 2009].

Важно отметить, что в условиях современного общества, крайне подверженного расстройствам биоритмики и различным видам стресса, актуально изучение факторов риска развития болезненных состояний. По данным ВОЗ, лидирующей причиной смертности среди населения является сердечно-сосудистая патология. Геомагнитная возмущенность может негативно влиять на реологические свойства крови, тромбоцитарную активность, состояние микроциркуляторного русла и работу сердца [Самсонов, Манькина, Паршина, 2016; Киричук и др., 2009; Ханин, 1976]. Все это способствует развитию и прогрессированию заболеваний сердечно-сосудистой системы.

На сегодняшний день ряд исследований доказывают наличие прямой зависимости между психоэмоциональной нагрузкой и риском развития сердечно-сосудистых заболеваний [Самсонов, Манькина, Паршина, 2016; Паршина и др., 2015; Киричук и др., 2009]. Однако до настоящего времени остается много нерешенных вопросов, связанных с изменениями психоэмоционального статуса личности, в зависимости от психологической чувствительности к геомагнитной возмущенности с позиции определения уровня тревожности, типа личности, построения стресс-преодолевающего поведения в когнитивной, эмоциональной и поведенческой сферах. Это определяет актуальность и необходимость настоящего исследования.

Цель исследования: проанализировать психологическое состояние жителей средней полосы на одном из этапов многоширотного мониторинга, с учетом наличия у них психологической чувствительности к изменениям геомагнитной возмущенности.

Объекты и методы. Исследования были проведены весной 2018 года при выполнении одного из этапов многоширотного мониторинга «Гелиомед-2» на базе одной из клинических больниц города Саратова, целью которого было изучение влияния космической погоды на здоровье добровольцев, проживающих в средних широтах.

В исследовании были задействованы 32 человека мужского и женского пола, средний возраст участников составил 44,2 (41,8; 45,7) года. Мониторинг «Гелиомед-2», стартовавший в 2014 году, проводится в Саратове (средние широты), Якутске (субавроральные широты) и поселке Тикси (авроральные широты), в весенний период по два месяца наблюдения (март, апрель), так как геомагнитная возмущенность достигает максимальных значений именно в эти месяцы.

Для получения необходимой информации испытуемым определяли уровни реактивной тревожности по Ч. Спилбергеру-Ю. Ханину ежедневно на протяжении всего этапа наблюдения [Ханин, 1976; Карандашев, Лебедева, Спилбергер, 2004]. Для выявления особенностей личностного реагирования в начале исследования добровольцы были протестированы с помощью опросников на построение стресс-преодолевающего поведения с дифференциацией по сферам Э. Хайма [Heim, 1988], определения личностной тревожности по Ч. Спилбергеру-Ю. Ханину [Ханин, 1976; Карандашев, Лебедева, Спилбергер, 2004], проективной методики – психометрического теста С. Делингер [Dellinger, 1989].

На протяжении всего этапа мониторинга ежедневно учитывался Кр-индекс – интегральный показатель геомагнитной возмущенности.

Исследование проведено в соответствии с Хельсинской декларацией Всемирной Медицинской Ассоциации (редакция 2013 г.) и с одобрения этического комитета ФГБОУ ВО Саратовский ГМУ им. В.И. Разумовского Минздрава России. До проведения исследования всеми участниками мониторинга было подписано добровольное информированное согласие.

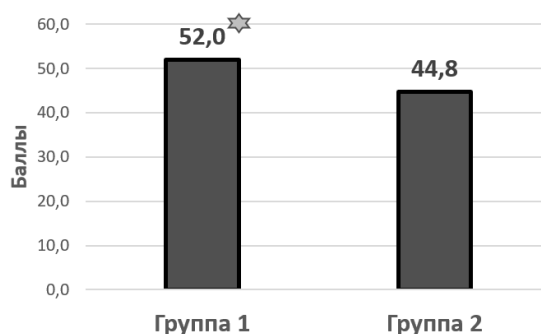
Статистическая обработка полученных результатов проводилась с помощью программы «STATGRAF Plus for Windows 8,0». Порядок переменных в данной выборке был неправильным, поэтому применяли непараметрические методы математической статистики. Для сравнения переменных использовали критерий парных сравнений Вилкоксона, а для сравнения групп – U-критерий Манна-Уитни. За достоверность принималась данные по значениям не менее 95%.

Результаты исследования

После проведенного нами ежедневного тестирования по Ч. Спилбергеру-Ю. Ханину и сопоставления его результатов с уровнями Кр-индекса, все добровольцы были поделены на две группы: 1-я группа состояла из лиц, психологически чувствительных к колебаниям геомагнитной возмущенности, у которых были выявлены совпадения (в 66,7% случаев) максимальных пиковых значений реактивной тревожности и Кр-индекса (45,46%); 2-я группа состояла из психологически нечувствительных к изменяющейся геомагнитной возмущенности (54,54%). Результаты тестирования по Ч. Спилбергеру-Ю. Ханину (личностная тревожность) представлены на рисунке 1.

Исходя из данных, представленных на рис. 1, видна существенная разница в значениях личностной тревожности у представителей двух групп: в первой группе у большинства добровольцев выявлена высокая тревожность как диспозиция, в то время как во второй группе

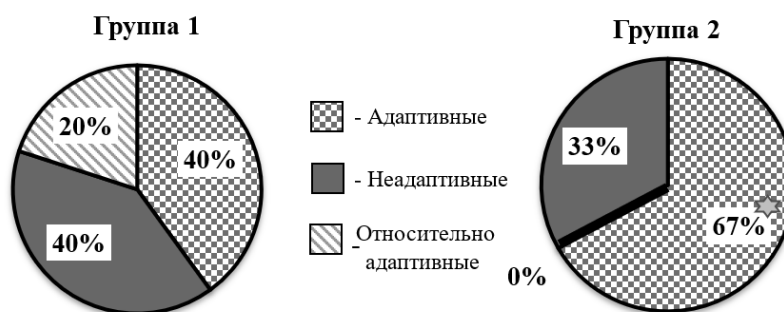
преобладают индивиды с умеренным уровнем личностной тревожности ($p < 0,05$).

Примечание. Обозначение групп: 1-я группа – добровольцы с психологической чувствительностью к изменениям геомагнитной возмущенности, 2-я группа – лица, не имеющие подобной чувствительности; * – означает статистически значимые различия показателей

Рисунок 1 - Распределение уровней личностной тревожности в баллах у лиц в группах

Результаты обследования добровольцев, проживающих в средних широтах, по Э. Хайму на построение копинг-поведения с дифференциацией по сферам (когнитивной, эмоциональной и поведенческой) проиллюстрированы на рис. 2-4.

Примечание. Обозначения те же, что и на рис. 1.

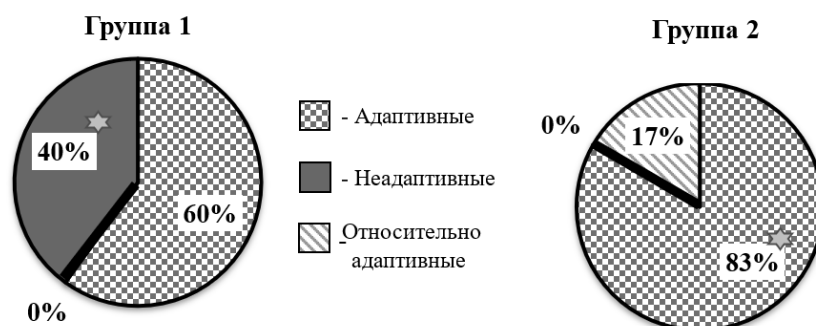
Рисунок 2 - Распределение выбора когнитивных копинг-стратегий у наблюдаемых нами лиц

Согласно данным, представленным на рис. 2, можно утверждать, что в 1-й группе было равное соотношение выбора адаптивных и неадаптивных копинг-стратегий, в то время как у индивидов 2-й группы преобладали адаптивные стратегии мышления при стрессовых ситуациях ($p < 0,05$). Также важно отметить, что группа лиц, психологически чувствительных к гелиогеомагнитным влияниям, неадаптивные стратегии выбирали чаще, чем те, у кого подобная чувствительность не была выявлена.

Детальный анализ выбора копинг-когниций показал, что у индивидов первой группы среди адаптивных стратегий преобладали сохранение самообладания и проблемный анализ, а во второй группе – сохранение самообладания (50,0%) и установка собственной ценности (50,0%). У добровольцев 1-й группы среди выбранных неадаптивных стратегий превалировало смирение (100,0%), а у 2-й группы – игнорирование (50,0%) и диссимуляция (50,0%).

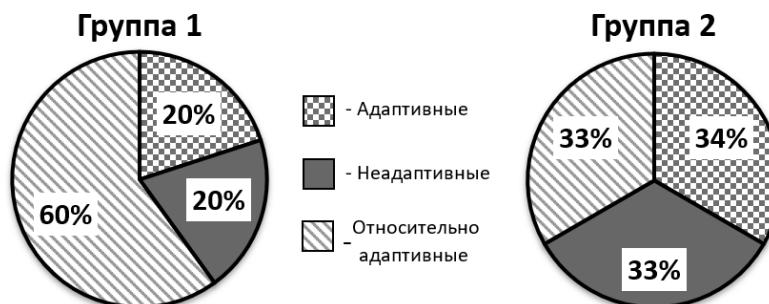
Исходя из данных, визуализированных на рис. 3, следует, что у индивидов обеих групп

преобладали адаптивные копинг-формы среди эмоциональных стратегий, но во второй группе можно говорить об их доминировании. При детализации выбора копинг-стилей установлено, что среди адаптивных эмоциональных стратегий в группах преобладал оптимизм, но некоторые лица, нечувствительные к гелиогеомагнитному влиянию, выбирали в стрессовой ситуации протест (20,0%). В структуре неадаптивных копинг-стратегий в группах преобладали самообвинение (50,0%) и агрессия (50,0%).

Примечание. Обозначения те же, что и на рис. 1.

Рисунок 3 - Распределение выбора эмоциональных копинг-стратегий у наблюдаемых нами лиц

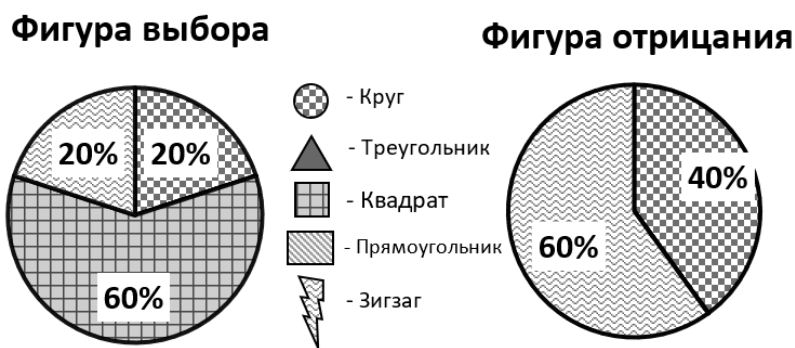
Примечание. Обозначения те же, что и на рис. 1.

Рисунок 4 - Распределение выбора поведенческих копинг-стратегий у наблюдаемых нами лиц

Исходя из данных, приведенных на рис. 4, можно утверждать, что в обеих группах в плане выбора поведенческих стратегий соотношение адаптивных и неадаптивных копинг-форм было приблизительно равное, но лица 2-й группы выбирали их реже, чем представители 1-й группы.

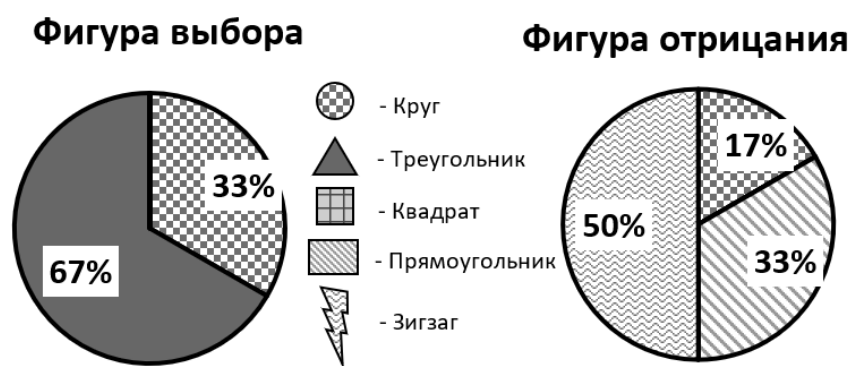
Детализация построения собственно копинг-поведения у наблюдаемых нами лиц показала, что в обеих группах добровольцев среди продуктивных поведенческих стратегий преобладает стремление к сотрудничеству (100,0% и 50,0%, соответственно), а у психологически нечувствительных к геомагнитным возмущениям – еще и альтруизм (50,0%). В той и другой группах неадаптивными поведенческими копинг-стратегиями выбора были в равной степени отступление и активное избегание.

Результаты работы добровольцев со стимульным материалом психогеомерического теста приведены на рис. 5 и 6.

Примечание. Обозначения те же что и на рис. 1.

Рисунок 5 - Результаты психогейометрического тестирования у добровольцев 1-й группы

Примечание. Обозначения те же что и на рис. 1.

Рисунок 6 - Результаты психогейометрического тестирования у добровольцев 2-й группы

Как видно из рис. 5-6, фигура выбора у лиц 1-й группы была представлена преимущественно квадратом, а фигура отрицания – зигзагом и кругом. У добровольцев 2-й группы фигурой выбора являлся треугольник, затем – круг, а фигурой отрицания, в первую очередь, – зигзаг, во вторую – прямоугольник.

Обсуждение результатов

Результаты психологического обследования добровольцев, проживающих в средних широтах, во время весеннего этапа 2018 года многоширотного мониторинга, позволяют судить о том, что добровольцы, психологически чувствительные к изменяющейся геомагнитной возмущенности, были менее адаптивными при построении стресс-преодолевающего поведения в когнитивной, эмоциональной и, частично, поведенческой сферах, чем лица без указанной чувствительности.

В периоды наибольшей геомагнитной возмущенности у половины добровольцев из 1-й группы наблюдается пассивная когнитивная позиция при решении стрессовых ситуаций – они смиряются со своим положением, отказываясь действовать в направлении его улучшения. В то же время, остальная половина старается не терять самообладания и делает попытки проанализировать сложившуюся ситуацию. В 2-й группе преобладают лица, сохраняющие

самообладание и верящие в собственные силы для преодоления трудностей. Остальная треть либо старается игнорировать наличие проблем, либо стремится подавить свои эмоции в трудном положении.

Наиболее распространенной эмоциональной копинг-стратегией среди обеих групп является оптимизм. Тем не менее, у ряда лиц, психологически чувствительных к космической погоде, отмечается проявления агрессивного поведения как по отношению к себе, так и к окружающим.

Можно также утверждать, что при решении стрессовых ситуаций добровольцы обеих групп стремятся к сотрудничеству и, в то же время, для них характерно активное избегание решения проблем. В группе нечувствительных лиц отмечается как альтруизм, в качестве способа выхода из стрессовой ситуации, так и стремление избегать попыток решения сложившихся задач в форме отступления.

Результаты психогеометрического теста показывают, что у добровольцев 1-й группы круг и зигзаг являются как фигурами выбора, так и фигурами отрицания. Это показывает наличие внутренней противоречивости и неуверенности у психологически чувствительных лиц. К тому же, преобладание квадрата, как фигуры выбора, свидетельствует об их некоторой замкнутости, консерватизме в суждениях, неоправданному перфекционизму, что противоположно «зигзагам» и еще больше доказывает наличие противоречивости.

Добровольцы 2-й группы хоть и являются ярко выраженными лидерами, в некоторых обстоятельствах они, все же, начинают бояться ответственности и конфликтов. И все же, отрицание прямоугольника, как «промежуточной» фигуры, свидетельствует об их устойчивости к стрессовым ситуациям, особенно по сравнению с психологически чувствительными добровольцами.

Заключение

На основании проведенного весеннего этапа многоширотного мониторинга в 2018 году можно утверждать, что среди жителей средних широт лица, психологически чувствительные к действию гелиогеомагнитных факторов встречались, в среднем, на 10% реже, чем не обладающие подобной чувствительностью.

Полученные данные свидетельствуют о том, что добровольцы, проживающие в средних широтах, разнородны по психоэмоциональным свойствам и чувствительности к геомагнитной возмущенности. Те, кто психологически чувствительны к меняющейся геомагнитной возмущенности, были статистически значимо тревожнее и менее адаптивны во всех сферах стресс-преодолевающего поведения, по сравнению с теми, кто подобной чувствительностью не обладал. Среди наблюдаемых нами лиц наиболее проблемными оказались когнитивная и эмоциональная копинг-сферы, особенно ярко это проявлялось у индивидов, чувствительных к изменениям космической погоды. Таким образом, именно добровольцы, обладающие психологической чувствительностью к изменениям факторов космической погоды, нуждаются в психологическом сопровождении.

Библиография

1. Бобина И.В. Влияние факторов солнечной и геомагнитной активности на психометрические и клинико-лабораторные показатели беременных женщин // Известия АлтГУ. 2009. № 3. С. 12-15.
2. Григорьев П.Е. Биотропное воздействие космической погоды. М., 2010. С. 104-126.
3. Карандашев В.Н., Лебедева М.С., Спилбергер Ч. Изучение оценочной тревожности: руководство по

- использованию методики Ч. Спилбергера. СПб.: Речь. 2004. 80 с.
4. Киричук В.Ф. и др. Совладающее поведение у клинически здоровых лиц и больных артериальной гипертензией различных социальных групп и адаптационные резервы их сердечно-сосудистой системы // Саратовский научно-медицинский журнал. 2009. 1. С. 108-111.
 5. Кодочигова А.И. и др. Обоснование методологических подходов к оценке влияния космической погоды на психоэмоциональное состояние добровольцев // Психосоматические и интегративные исследования. 2016. 2. С. 1-5.
 6. Кодочигова А.И. и др. Сниженная стрессоустойчивость как один из ключевых психосоциальных факторов кардиоваскулярного риска // Саратовский научно-медицинский журнал. 2021. 17 (3). С. 523-526.
 7. Паршина С.С. и др. Особенности групповой реакции сердечно-сосудистой системы на изменение космической погоды // Новые информационные технологии в медицине, биологии, фармакологии и экологии. 2015. С. 316-322.
 8. Рагульская М.В. Чибисов С.М. Биотропное воздействие космической погоды: новые направления исследований // Владикавказский медико-биологический вестник. 2011. 12 (19). С. 141-150.
 9. Рахманов Р.С., Гаджибрагимов Д.А. О влиянии физических факторов внешней среды на естественную резистентность организма // Acta Biomedica Scientifica. 2009. 5-6. С. 68-70.
 10. Самсонов С.Н., Манькина В.И., Паршина С.С. Влияние космической погоды на сердечно-сосудистую систему людей здоровых и с ослабленными адаптационными возможностями // Психосоматические и интегративные исследования. 2016. 2. С. 1-2.
 11. Ханин Ю.Л. Краткое руководство к применению шкалы реактивной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера. Л., 1976. 18 с.
 12. Цандеков П.А. Механизм влияния космофизических флуктуаций на состояние организма человека // Самарский научный вестник. 2014. Том 3. № 4. С. 136-138.
 13. Яковлев Г.М., Жирков А.М. Психосоматические модели в изучении влияния гелиогеомагнитных факторов на человека // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2009. 4. С. 262-267.
 14. Dellinger S. Psycho Geomtrics. How to use geometric psychology to influence people. New Jersey: Prentice Hall, 1989. 199 p.
 15. Heim E. Coping und Adaptivitat: Gibt es Geeignetes oder Ungeeignetes Coping? // Psychoter Psychosom Med. Psychol. 1988. (1). P. 8-17.
 16. Kodochigova A.I. et al. Space weather and its impact on psycho-emotional state of the inhabitants of different latitudes // International Journal of Biomedicine. 2018. (8) 4. P. 311-316.

Psycho-emotional status of mid-latitude volunteers at one stage of the “Heliomed-2” project

Anna I. Oskolkova

Doctor of Medicine, Professor,
Professor of the Department of Propaedeutics of Internal Diseases,
Saratov State Medical University,
410012, 112, Bol'shaya Kazachya str., Saratov, Russian Federation;
e-mail: kodochigovaai@yandex.ru

Svetlana S. Parshina

Doctor of Medicine, Associate Professor,
Professor of the Department of Therapy with Courses
in Cardiology, Functional Diagnostics and Geriatrics,
Saratov State Medical University,
410012, 112, Bol'shaya Kazachya str., Saratov, Russian Federation;
e-mail: kodochigovaai@yandex.ru

Sergei N. Samsonov

PhD in Physical and Mathematical Sciences, Leading Researcher,
Shafer Institute of Cosmo-physical Research and Aeronomy
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
677027, 31, Lenina ave., Yakutsk, Russian Federation;
e-mail: kodochigovaai@yandex.ru

Elena S. Terekhina

Graduate Student,
Saratov State Medical University,
410012, 112, Bol'shaya Kazachya str., Saratov, Russian Federation;
e-mail: kodochigovaai@yandex.ru

Nikita V. Shlyapnikov

Graduate Student,
Saratov State Medical University,
410012, 112, Bol'shaya Kazachya str., Saratov, Russian Federation;
e-mail: kodochigovaai@yandex.ru

Maksim A. Polidanov

Graduate Student,
Saratov State Medical University,
410012, 112, Bol'shaya Kazachya str., Saratov, Russian Federation;
e-mail: maksim.polidanoff@yandex.ru

Ivan E. Kondrashkin

Graduate Student,
Saratov State Medical University,
410012, 112, Bol'shaya Kazachya str., Saratov, Russian Federation;
e-mail: kodochigovaai@yandex.ru

Tat'yana N. Afanas'eva

PhD in Medicine, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Therapy
with courses in Cardiology, Functional Diagnostics and Geriatrics,
Saratov State Medical University,
410012, 112, Bol'shaya Kazachya str., Saratov, Russian Federation;
e-mail: kodochigovaai@yandex.ru

Abstract

The paper analyzed the psychological features of the personality of volunteers living in the middle latitudes during one of the stages of the Heliomed-2 multi-latitude monitoring. It was found that slightly less than half of the individuals under our observation had psychological sensitivity to changing space weather factors, while the rest had no such sensitivity. At the same time, those who had psychological sensitivity to geomagnetic disturbance changes were significantly more anxious and less adaptive in all spheres of stress-relieving behavior as compared to those who did not have such sensitivity, in connection with which they need a certain psychological support. The data obtained indicate that volunteers living in middle latitudes are heterogeneous in terms of psycho-emotional properties and sensitivity to geomagnetic disturbances. Those who were psychologically sensitive to changing geomagnetic disturbances were statistically significantly more anxious and less adaptive in all areas of stress coping behavior compared to those who did not have such sensitivity. Among the faces we observed, the cognitive and emotional coping spheres turned out to be the most problematic; this was especially pronounced in individuals sensitive to changes in space weather. Thus, it is the volunteers who are psychologically sensitive to changes in space weather factors that need psychological support.

For citation

Oskolkova A.I., Parshina S.S., Samsonov S.N., Terekhina E.S., Shlyapnikov N.V., Polidanov M.A., Kondrashkin I.E., Afanas'eva T.N. (2022) Psikhoeemotsional'nyi status dobrovol'tsev, prozhivayushchikh v srednikh shirotakh, na odnom iz etapov proekta «Geliomed-2» [Psycho-emotional status of mid-latitude volunteers at one stage of the “Heliomed-2” project]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennyye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 11 (6A), pp. 243-254. DOI: 10.34670/AR.2023.72.11.027

Keywords

Psychological sensitivity, geomagnetic perturbation, multi-latitude monitoring, middle latitudes, personality anxiety, stress-relieving behavior.

References

1. Bobina I.V. (2009) Vliyaniye faktorov solnechnoi i geomagnitnoi aktivnosti na psikhometricheskie i kliniko-laboratornyye pokazateli beremennykh zhenshchin [Influence of factors of solar and geomagnetic activity on psychometric and clinical and laboratory indicators of pregnant women]. *Izvestiya AltGU* [AltSU News], 3, pp. 12-15.
2. Dellinger S. (1989) *Psycho Geomtrics. How to use geometric psychology to influence people*. New Jersey: Prentice Hall.
3. Grigor'ev P.E. (2010) *Biotropnoe vozdeistvie kosmicheskoi pogody* [Biotropic effects of space weather]. Moscow.
4. Heim E. (1988) Coping und Adaptivitat: Gibt es Geeignetes oder Ungeeignetes Coping? *Psychoter Psychosom Med. Psychol.*, 1, pp. 8-17.
5. Karandashev V.N., Lebedeva M.S., Spielberger C. (2004) *Izuchenie otsenochnoi trevozhnosti: rukovodstvo po ispol'zovaniyu metodiki Ch. Spilbergera* [The study of evaluative anxiety: a guide to using the technique of C. Spielberger]. St. Petersburg: Rech' Publ.
6. Khanin Yu.L. (1976) *Kratkoe rukovodstvo k primeneniyu shkaly reaktivnoi i lichnostnoi trevozhnosti Ch.D. Spilbergera* [A brief guide to the use of the scale of reactive and personal anxiety C. Spielberger]. Leningrad.
7. Kirichuk V.F. et al. (2009) Sovladayushchee povedenie u klinicheski zdorovykh lits i bol'nykh arterial'noi gipertenziei razlichnykh sotsial'nykh grupp i adaptatsionnye rezervy ikh serdechno-sosudistoi sistemy [Coping behavior in clinically healthy individuals and patients with arterial hypertension of various social groups and adaptive reserves of their cardiovascular system]. *Saratovskii nauchno-meditsinskii zhurnal* [Saratov Journal of Medical Scientific Research], 1, pp. 108-111.
8. Kodochigova A.I. et al. (2018) Space weather and its impact on psycho-emotional state of the inhabitants of different latitudes. *International Journal of Biomedicine*, (8) 4, pp. 311-316.

9. Kodochigova A.I. et al. (2016) Obosnovanie metodologicheskikh podkhodov k otsenke vliyaniya kosmicheskoi pogody na psikhoemotsional'noe sostoyanie dobrovol'tsev [Substantiation of methodological approaches to assessing the impact of space weather on the psycho-emotional state of volunteers]. *Psikhosomaticheskie i integrativnye issledovaniya* [Psychosomatic and integrative research], 2, pp. 1-5.
10. Kodochigova A.I. et al. (2021) Snizhennaya stressoustoichivost' kak odin iz klyuchevykh psikhosotsial'nykh faktorov kardiovaskulyarnogo riska [Reduced stress resistance as one of the key psychosocial factors of cardiovascular risk]. *Saratovskii nauchno-meditsinskii zhurnal* [Saratov Journal of Medical Scientific Research], 17 (3), pp. 523-526.
11. Parshina S.S. et al. (2015) Osobennosti gruppovoi reaktsii serdechno-sosudistoi sistemy na izmenenie kosmicheskoi pogody [Features of the group response of the cardiovascular system to changes in space weather]. In: *Novye informatsionnye tekhnologii v meditsine, biologii, farmakologii i ekologii* [New information technologies in medicine, biology, pharmacology and ecology].
12. Ragul'skaya M.V. Chibisov S.M. (2011) Biotropnoe vozdeistvie kosmicheskoi pogody: novye napravleniya issledovaniya [Biotropic impact of space weather: new directions of research]. *Vladikavkazskii mediko-biologicheskii vestnik* [Vladikavkaz Medical Biological Bulletin], 12 (19), pp. 141-150.
13. Rakhmanov R.S., Gadzhibragimov D.A. (2009) O vliyaniy fizicheskikh faktorov vneshnei sredy na estestvennuyu rezistentnost' organizma [On the influence of physical environmental factors on the body's natural resistance]. *Acta Biomedica Scientifica*, 5-6, pp. 68-70.
14. Samsonov S.N., Manykina V.I., Parshina S.S. (2016) Vliyanie kosmicheskoi pogody na serdechno-sosudistuyu sistemu lyudei zdorovykh i s oslablennymi adaptatsionnymi vozmozhnostyami [Influence of space weather on the cardiovascular system of healthy people and people with weakened adaptive capabilities]. *Psikhosomaticheskie i integrativnye issledovaniya* [Psychosomatic and integrative research], 2, pp. 1-2.
15. Tsandekov P.A. (2014) Mekhanizm vliyaniya kosmofizicheskikh fluktuatsii na sostoyanie organizma cheloveka [The mechanism of influence of cosmophysical fluctuations on the state of the human body]. *Samarskii nauchnyi vestnik* [Samara Scientific Bulletin], 3, 4, pp. 136-138.
16. Yakovlev G.M., Zhirkov A.M. (2009) Psikhosomaticheskie modeli v izuchenii vliyaniya geliogeomagnitnykh faktorov na cheloveka [Psychosomatic models in the study of the influence of helio-geomagnetic factors on a person]. *Vestnik SPbGU. Seriya 12. Sotsiologiya* [Bulletin of St. Petersburg State University. Series 12. Sociology], 4, pp. 262-267.

УДК 159.9

DOI: 10.34670/AR.2023.54.36.028

Обзор российских и зарубежных исследований по проблеме аутоагрессивного поведения личности

Чернова Анастасия Александровна

Кандидат психологических наук, доцент,
Академия психологии и педагогики,
Южный федеральный университет,
344006, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42;
e-mail: achernova@sfedu.ru

Ким Вероника Владимировна

Магистрантка,
Академия психологии и педагогики,
Южный федеральный университет,
344006, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42;
e-mail: vekim@sfedu.ru

Аннотация

Обзор посвящен российским и зарубежным исследованиями по проблеме аутоагрессии и аутоагрессивного поведения личности. Описано современное состояние психологического знания об аутоагрессии и аутоагрессивном поведении личности. Представлен анализ понятий как «аутоагрессия», «агрессия», «агрессивность», «гетероагрессия», «суицидальное поведение», «аутодеструкция» / «аутодеструктивное поведение», «суицид». В статье рассмотрена модель А.В. Калуева взаимоотношения агрессии, аутоагрессии и аутодеструкции в животном мире. Даны классификации аутоагрессивного поведения личности, представленные в российских и зарубежных исследованиях (классификация членовредительства К.А. Меннингера, 4 типа самоповреждающего поведения по Фавацца и Симеон, классификация самоповреждающего поведения по Хэнсли). Проведен анализ теорий, объясняющих особенности аутоагрессии и аутоагрессивного поведения личности («инстинктивно-обусловленный подход» З. Фрейда, объяснение посредством психологии развития, эволюционно-биологическая концепция, теория обучаемости). Обозначены формы аутоагрессии, представленные в научной литературе. Описаны механизмы, запускающие развитие аутоагрессии и аутоагрессивного поведения личности на разных возрастных этапах. Можно сделать вывод, что аутоагрессия и ее крайняя форма, суицид, являются результатом комплекса факторов, таких как наследственные болезни, пережитые психологические травмы, влияние социума, способность к адаптации отдельно взятой личности и пр. В то же время не существует единого подхода, единого руководства в изучении этих феноменов, что является нормальным, так как каждый факт СПП, вплоть до суицидального поведения очень индивидуален и требует комплексного изучения, основанного на имеющихся научных знаниях, и предполагающего определенную свободу выбора классификации, диагностики и методики исследования.

Для цитирования в научных исследованиях

Чернова А.А., Ким В.В. Обзор российских и зарубежных исследований по проблеме аутоагрессивного поведения личности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 6А. С. 255-264. DOI: 10.34670/AR.2023.54.36.028

Ключевые слова

Аутоагрессия, агрессия, агрессивность, гетероагрессия, суицидальное поведение, аутодеструкция, аутодеструктивное поведение, суицид, механизмы аутоагрессии.

Введение

Современный мир в пандемийную и постпандемийную эпоху стал крайне хрупким, тревожным, нелинейным и непостижимым (BANI-мир). Все это отражается на психическом здоровье человека. Всевозрастающая тревожность связана с постоянными изменениями и невозможностью человека на это повлиять. Переизбыток информации, которую сложно переработать также негативно сказывается на психике индивида. Поэтому явление аутоагрессии личности на сегодняшний день крайне актуально среди всех возрастных групп населения и требует детального изучения и анализа. Следует отметить, что наиболее уязвимым периодом является возраст с 15 до 25 лет. Рассматривая ситуацию аутоагрессии в мире, стоит обратить внимание на то, что каждый год в мире происходит более 800 тысяч самоубийств. В России коэффициент самоубийств в 2019 году составлял 25,1 на 100 000 населения для обоих полов по данным ВОЗ, что вывело ее в десятку стран с самым большим числом суицидов на 100 000 населения [Бормотова, 2021].

Поиск публикаций российских и зарубежных исследователей по данной проблеме проводился на ресурсах eLibrary, КиберЛенинка, Scholar.ru, Scholar.google.com, Science Research, ScienceDirect, Bibliomed, Strathprints, BMC Psychiatry, Springer Link, ResearchGate, Deutsche Nationalbibliothek, Journal für Psychologie, ЭБС «Университетская библиотека онлайн», Российская государственная библиотека, электронное научно-практическое издание «Психология и право», на сайте Организации Объединенных Наций, на сайте Всемирной организации здравоохранения в ноябре 2022 года. По запросам «аутоагрессия», «аутоагрессивность» и др. Для анализа были отобраны 15 публикаций на немецком языке, 14 на русском языке, 15 на английском языке.

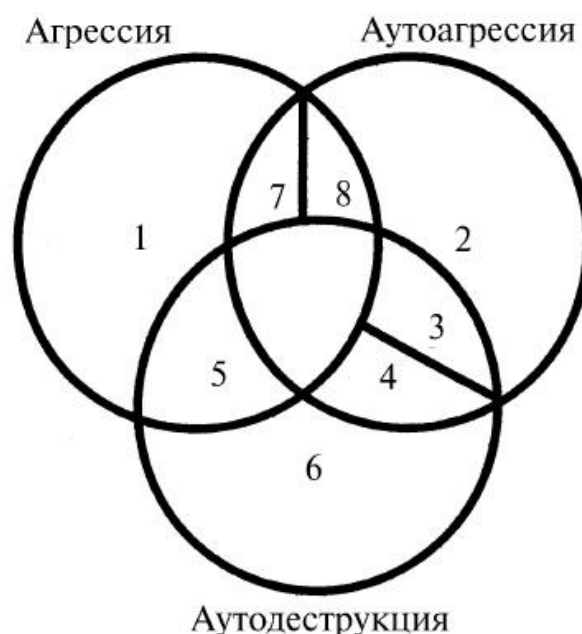
Основная часть

Изучением проблемы аутоагрессии в молодежной среде занимались многие российские (Е.А. Галкина, А.В. Дегтярев, О.З. Чимрова) и зарубежные ученые (S. Rasmussen, K. Hawton, S. Philpott-Morgan, R.C. O'Connor, R.C. Brown, P.L. Plener, P. Muratori, S. Pisano, A. Milone, G. Masi, C.-X. Peh, Sh. Shahwan, R. Fauziana, M.V. Mahesh, R. Sambasivam, Y. Zhang, S.H. Ong, S.A. Chong, M. Subramaniam, H. Friebel, M. Edanackarampam), проблемами аутоагрессии у пациентов с расстройством аутистического спектра занимались зарубежные ученые (A. Huntjens, W.L. M.C. Van Den Bosch, B. Sizoo, A. Kerkhof, M.J.H. Huibers, M. Van Der Gaag), проблемами аутоагрессии у пациентов с пограничным расстройством личности занимались зарубежные ученые (J.C. Riedl, A. Gericke, J. Engelmann, U. Vossmerbaeumer), проблемами аутоагрессии у пациентов с

душевным расстройством занимался немецкий ученый (A.F. Limbach-Reich) проблемами аутоагрессивного поведения у военнослужащих срочной службы занималась российский ученый О.В. Пономаренко, проблемами аутоагрессии у женщин-заключенных занималась немецкий ученый Х. Меллер (H. Möller), вопросами обсуждения аутоагрессии на дискуссионных онлайн-форумах занимался чешский ученый М. Мостин (M. Mostýn), однако все еще требуется осмысление феномена аутоагрессии личности в контексте современных реалий жизни.

В научной литературе представлено множество подходов к пониманию аутоагрессии, аутоагрессивного поведения, разнообразные классификации и механизмы данного феномена. В российских и зарубежных исследованиях можно встретить многообразие понятийного аппарата: «аутоагрессии», «агрессии», «агрессивности», «гетероагрессии», «суицидального поведения», «аутодеструкции»/«аутодеструктивного поведения», «суицида».

В Центре физиолого-биохимических проблем А.В. Калуев предлагает модель взаимоотношения агрессии, аутоагрессии и аутодеструкции на примере представителей животного мира. Для полного разбора термина «аутоагрессия» хотелось бы разграничить его от понятий «агрессии», «аутодеструкции», «гетероагрессии» (рисунок 1) [Калуев, 2000]:

1 – гетероагрессия, 2 – аутоагрессия без деструкции, 3 – аутоагрессивная аутодеструкция, 4 – аутодеструктивная аутоагрессия, 5 – агрессивная аутодеструкция, 6 – случайная аутодеструкция, 7 – агрессивная аутоагрессия, 8 – аутоагрессивная агрессия [там же].

Рисунок 1 - Взаимоотношение агрессии, аутоагрессии и аутодеструкции (модель)

Далее А.В. Калуев приводит разъяснения некоторых аспектов данной модели: гетероагрессия – агрессия, направленная против другой особи, на ситуации, воспринимаемые как источник опасности; аутоагрессия без деструкции – в природе имеются случаи, когда аутоагрессия и аутодеструкция у животных не взаимосвязаны. К примеру, когда после акта аутоагрессии не следует акт аутодеструкции. Это происходит, если аутоагрессивная энергия трансформируется в смещенную активность (Мак-Фарленд, 1988; Rowell 1961), исчезает самостоятельно или инвестируется в бегство, добычу пищи и спаривание; аутоагрессивная

аутодеструкция – аутодеструкция, вызванная аутоагрессией; случайная аутодеструкция – животное наносит себе повреждение непреднамеренно; агрессивная аутоагрессия – перенос агрессивной энергии в форму аутоагрессии, направленной на другую особь, при невозможности атаковать (Dohman et al., 1994). Сам объект атаки не важен. Важно снять накопившуюся отрицательную энергию; аутоагрессивная агрессия – имеется невозможность нанесения направленного повреждения другой особи и поэтому начинается приступ аутоагрессии (ретроекция) (этот подход в отношении людей развивал также З. Фрейд, называя его «инстинктивно-обусловленным» [там же; Autoaggression..., 1999]).

Переходя к *Homo sapiens sapiens*, следует проанализировать понятие «аутоагрессия» в российских и зарубежных научных исследованиях.

Аутоагрессия в исследованиях на английском языке используется более 30 терминов (“auto-aggressive behavior” (аутоагрессивное поведение), “self-aggression” (аутоагрессия), “deliberate self-harm” (преднамеренное самоповреждение), “self-harm” (SH) (селфхарм)), которые используются разобщенно, и за счет этого осложнено исследование данного вопроса и разработка диагностических методик (Kriegelová, 2008; Muehlenkamp, 2005) [Mostýn, 2016-2017; Antwerpes, www]. Термин “auto-aggression” используется чаще, поскольку научное понятие “autoaggression” применяется в основном как характеристика аутоиммуности.

Европейские исследования (M. Mostyn, 2017, A. Hutjens, Van Den Bosch, B. Sizoo, A. Kerthof, 2020) показывают огромное разнообразие терминологии. Такой термин как “self-mutilation” (членовредительство) впервые предложил L. E. Emerson в 1913г., в ряде работ представлены следующие термины: “automutilation”/“selfmutilation” (самокалечение), “self-harm behaviour” (SHB)/ “self-damaging behavior” (самовреждающее поведение, СПП), “self-destructive behaviour” (SDB) (саморазрушающее поведение, СПП), “self-injury” (самоповреждение) [Mostýn, 2016-2017; Brown, Plener, 2017; Burešová, 2016; Huntjens et al., 2020]

Известны несуицидальное самоповреждение (“non-suicidal self-injury” (NSSI)), данное понятие включено в 2013 году в «Диагностическое и статистическое руководство по психическим расстройствам 5-го издания» США/DSM-5), а также термин «принятие риска» (“risk-taking”) как действия, жестокое поведение, имеющие цель причинить себе вред в телесной и ментальной сферах. Этот процесс может быть осознаваем или не осознаваем. Н. Мак-Вильямс характеризует селфхарм с позиции психоанализа как проявление психологической защиты [Brown, Plener, 2017; Burešová, 2016].

В исследованиях на немецком языке авторы часто используют конкурирующие термины аутоагрессии, частично одинаковые по значению, частично различные [Mostýn, 2016-2017].

В работах (F. Antwerpes, B. Frink, M. P. Weding) встречаются такие понятия как аутоагрессия („Autoaggression“ / „Selbstaggression“ / „Selbstschädigung“), аутоагрессивное поведение („autoaggressives Verhalten“), самоповреждение („Selbstverletzung“), (несуицидальное) самоповреждающее поведение (СПП) („nicht suizidales) Selbstverletzendes Verhalten“ („SVV“), парасуицидальное поведение („parasuizidales Verhalten“), самокалечение („Automutilation“), членовредительство („Selbstverstümmelung“), а также символические действия („Artefakthandlung“) как деструктивная активность, которую организм направляет на самого себя. Аутоагрессия может происходить на клеточном уровне (аутоиммунные заболевания) или психическом уровне (самоповреждающее поведение) [там же; Antwerpes, www].

В исследованиях российских ученых используются термины аутоагрессия, самоповреждающее поведение (СПП), самоповреждение, селфхарм, аутоагрессивное

поведение, членовредительство, аутоагрессия может быть выражена в виде самобичевания, принижения своих собственных заслуг, повреждения собственного тела, в худшем случае – суицида, негативных паттернов поведения (алкоголизм, наркомания, токсикомания, гиподинамия, телемания, опасное сексуальное поведение, экстремальные виды спорта, профессии, связанные с риском для жизни, поведение, которое провоцирует социум) [Руженков, Лобов, Боева, 2008; Шустов, 2005]. Российские исследователи занимались проблемой мотивации аутоагрессивного поведения (А.Г. Абрумова, Г.Я. Пилягина, А.А. Реан, В.А. Тихоненко и др.), изучением аффективного состояния, которые приводят к аутоагрессии (К.И. Каплан, И.В. Полякова и др.), а также возрастными особенностями, связанными с аутоагрессивным поведением (А.А. Александров, А.И. Захаров, С.А. Игумнов, Д.Я. Исаев и др.). Аутоагрессия является разновидностью агрессивного поведения, при котором враждебные действия направлены на самого себя. Н.М. Вольнов (2003) и С.Д. Левина отмечают о существовании единых механизмов агрессивного и аутоагрессивного поведения.

Немецкие ученые понимают агрессию как телесное или условное нападение с целью нанести вред (Dorsch, 1994) / нападающее поведение, которое ставит своей целью повышение власти нападающего и сокращение власти жертвы (Dorsch, 1994). Х. Меллер (Möller, 2001) считает, что агрессия является неотъемлемым фактором в организации жизни согласно собственным потребностям [Möller, 2001]. В немецких исследованиях многие ученые объясняют агрессивность как устойчивую готовность к агрессивным действиям, в то время как агрессия связана с самим действием, так что отношения между агрессивностью и агрессией можно понять условно так же, как готовность применить насилие и насилие само.

Российские ученые определяют агрессию как нападение на другого человека с целью нанести вред, избить, прекратить его существование. Агрессивностью является особенность характера, тенденция реагировать на жизненные ситуации с агрессией.

Под агрессивностью в англоязычной научной литературе понимается амбиция и готовность заниматься смелой или сложной деятельностью, качество или состояние силы, агрессия: склонность к драке или ссоре. Гетероагрессию дефинируют англоговорящие ученые как тип агрессии, который включает в себя любой тип агрессивного поведения по отношению к внешнему объекту. Гетероагрессивность является в данном случае синонимом гетероагрессии. Ученые в немецкоязычной среде солидарны в своей формулировке с англоговорящими [Burešová, 2016].

В немецком научном сообществе под «суицидальным поведением» понимается не только действия, которые могут привести к смерти (суицид), но и действия по отношению к самому себе, не принесшие за собой смерть, которые были задуманы как смертельные (попытка суицида). Кроме того, понятие «суицидального поведения» включает в себя оповещения окружающих о своем возможном суициде, а также мысли, которые крутятся вокруг идеи лишить себя жизни.

Гетероагрессией выступает в российском научном сообществе агрессия по отношению к объектам извне (людям, животным и предметам), к ситуациям, которые воспринимаются как потенциально опасные (бывает и так, что объект агрессии никакой опасности в реальности за собой не несет). Понятие «суицидального поведения» описывается в работах О.З. Чимровой и Е.Н. Жавровой как все проявленные и скрытые типы психической деятельности человека, с намерением прекратить свое существование. Суицидальное поведение связано с аутоагрессией, являясь крайней ее формой.

В научных статьях на английском языке представлены следующие формы аутоагрессии: порезы самого себя, прижигания самого себя, удары головой, расковыривание ран, являясь распространенными методами членовредительства по К. Фуллер (K. Fuller, 2021). Психолог К.А. Меннингер (Menninger, 1935, 1938) классифицирует членовредительство на 6 типов: 1. невротическое (обкусывание ногтей, соскабливание струпов, выдергивание волос, ненужные косметические процедуры), 2. религиозное (самобичевание), 3. церемонии зрелости (обрезание, удаление девственной плевы), 4. психотическое (глаза, уши, удаление гениталий, ампутация), 5. на основе органических повреждений (повторяющиеся удары головой, укусы, ломание пальцев) и 6. обычные (стрижка ногтей, волос, бритье). Автор разграничивает суицидальное поведение и самоповреждающее. Он считает селфхарм частичным самоубийством, определяя его как определенное «ослабленное» желание умереть и поэтому вводит термин «частичное самоубийство» в специализированную литературу [там же]. Выделяют (Фавацца и Симеон) 4 типа самоповреждающего поведения, считая первые 3 патологическими: стереотипическое самоповреждение – обычно у лиц с распространенными нарушениями развития (аутизм, умственная отсталость); серьезное самоповреждение – серьезные увечья телу (аутокастрация, давление на глаза), приводящее к необратимому повреждению и совершающееся в ходе психоза; компульсивное самоповреждение – повторяющееся поведение, которое часто происходит несколько раз в день (вырывание волос, грызение ногтей, царапание); импульсивное самоповреждение – прямое, социально неприемлемое повреждение тела, без намерения покончить с собой и без расстройств аутистического спектра или психоза. Такое поведение может быть редким или повторяющимся – когда оно редкое, оно включает отдельные эпизоды членовредительства (порезы, ожоги, удары по себе), которые обычно вызваны предшествующим чувством напряжения, после акта членовредительства напряжение сокращается, человек чувствует себя лучше. По мнению некоторых исследователей (Simeon & Favazza, 2001), отдельные инциденты могут со временем разрастаться и данное поведение может постепенно превратиться в зависимость [там же]. Немецкий ученый (Hänsli, 1996) разработал следующую классификацию аутоагрессии. Автор выделил 2 типа аутоагрессии: самоповреждение (несуицидальное агрессивное поведение) и суицидальное и парасуицидальное поведение [Edanackarampil, 2014].

Рассмотрим взгляды российских ученых В.А. Руженкова, Г.А. Лобова, А.В. Боевой. Авторами разработана классификация аутоагрессивного поведения. Выделяют аутодеструктивное поведение (косвенную и прямую аутодеструкцию) и суицидальное поведение. Следует отметить, что аутодеструкция/аутодеструктивное поведение (саморазрушающее поведение) рассматривают как преднамеренные действия, исключая при этом смертельные варианты. Последствия этих действий – это душевный вред личности самой себе или вред своему телу. В.А. Руженков, Г.А. Лобов, А.В. Боева выделяют в косвенной аутодеструкции (с проявляющимися позже последствиями, без намерения лишиться себя жизни) следующие параметры: активную (которую человек осознает), к которой относятся табакомания, алкоголизм, зависимость от наркотических средств, экстремальные виды спорта (парашютный, горнолыжный и гоночный спорт); пассивную (бессознательную) – психосоматика, унфелеры (неосознаваемая тяга к повреждениям). Прямая аутодеструкция – повреждение самого себя, без цели лишиться себя жизни. Авторы на основе категории цели определили 7 типов прямого аутоагрессивного поведения личности: релаксационное (снятие эмоционального напряжения); манипулятивное (демонстрация самоповреждений для того,

чтобы манипулировать своим окружением); инфантильно-демонстративное (доказательство любви, самоутверждение); призыв (с целью обратить на себя внимание); инфантильно-подражательное (подражая более старшим, с целью доказать); инфантильно-мазохистическое (наслаждение от физической боли: порезов, прижигания себе кожи); симулятивное (уклонение от ответственности) [Руженков, Лобов, Боева, 2008]. Шустов Д.И. предлагает 4 классификации аутодеструктивности: формы, приемлемые социумом: пьянство в компании друзей; формы, которые социум не одобряет: порез собственного запястья; формы, которые социуму непонятны: суицид человека, больного шизофренией или депрессией; формы, которые социум не приемлет: самоубийство человека, который был здоров ментально и физически. Автор считает, что есть очевидные формы селфхарма – суицид (самоубийство) и завуалированные, развивающиеся постепенно – старческий маразм [Шустов, 2005].

Сингапурские ученые Ч.-К. Пех, Ш. Шахван, Р. Фауциана, М. В. Махеш, Р. Самбасивам, Ю. Джанг, С. Х. Онг, С. А. Чонг, М. Субраманиам (С.-Х. Peh, Sh. Shahwan, R. Fauziana, M. V. Mahesh, R. Sambasivam, Y. Zhang, S. H. Ong, S. A. Chong, M. Subramaniam, 2017) уверены в том, что дети, подвергавшиеся жестокому обращению, могут прийти к самоповреждающему поведению в отрочестве через механизм нарушения регуляции эмоций.

Немецкие исследователи предлагают модель возникновения агрессии у молодых людей: нормальное состояние → фаза возникновения → фаза эскалации → фаза выброса → фаза восстановления. А также представлены взаимосвязи понятий агрессии, аутоагрессии и аутодеструкции. Проявления в данной модели могут трансформироваться в фазе выброса из агрессивных в аутоагрессивные.

Развитие аутоагрессии, с точки зрения Б.П. Яковлева, Г.Д. Бабушкина, Н.Р. Усаевой, протекает по следующей схеме: влечение – привыкание – зависимость. Данная аддикция является предиктором аутоагрессии.

Найденные в соответствующей литературе на немецком языке попытки объяснения самоповреждающего поведения по П. Брезовски (P. Brezovsky, 1985), Х. Мюль (H. Mühl, 1996), Г. Тойниссен (G. Theunissen, 2000) и др. делятся следующим образом на: корни в психологии развития: аутоагрессия как сопровождающее явление тяжелого душевного заболевания. Замирание на определенной ступени развития или откат на более низкую ступень развития; корни в гомеостатической функции/самостимуляции: самоповреждающее поведение связано с ограничениями в стимуляции и движении, например, у людей с ограничениями в движении. Согласно положениям теории восприятия, самоповреждающее поведение компенсирует чрезмерную или недостаточную сенсорную чувствительность (С. Delacato, 1974) или структурирует хаос в восприятии, предоставляя безопасность в таком непонятном окружающем мире (G. Feuser, 1985). Считается, что люди занимаются самостимуляцией, чтобы добиться гомеостаза, недостижимого другим образом (P. Brezovsky, 1985). Они добиваются стимулов, которые им известны и поэтому надежны, преодолевая таким образом непонятные ситуации и сенсорную перегрузку. Примером может служить госпитализм, невозможность действовать во время ощущения боли. Эволюционно-биологическая концепция рассматривает аутоагрессию как форму адаптации организма. Данная концепция носит также название «адаптационная». Для обеспечения психофизического равновесия физиологические механизмы во время дезадаптации для адаптации к текущему положению могут превратиться из саногенных (оздоравливающих) в патогенные (болезнетворные); корни в теории обучаемости (поведение избегания/позитивно подкрепленное самоповреждающее поведение): самоповреждающее поведение является

«провокацией» или попыткой завоевания признания [Möller, 2001; Mostýn, 2016-2017].

Изучая взгляды российских ученых на причины возникновения аутоагрессии, можно выделить следующие факторы по Г.Я. Пилягиной: изменение образа жизни (отсутствие денег, загруженность на работе), при этом отсутствует поддержка социальных институтов; потеря близкого человека, социального статуса и вызванные этим душевные страдания; неимение выработанного внутреннего нравственного стержня; отсутствие социальной стабильности, дистресс. Д.И. Шустов подчеркивает возможность органического генеза аутоагрессии, соглашаясь тем самым с вышеупомянутыми взглядами немецких ученых: при синдроме Леша-Нихана появляются органически обусловленные особенности поведения. Аутоагрессия, может быть запрограммирована в человеке генетически при наследственной форме эндогенной депрессии (нарушение обмена серотонина) [Шустов, 2005].

Анализируя причины, указанные в источниках на английском, немецком и русском языках, становится ясным, что самоповреждающее поведение связано с ощущением невозможности действовать на минимизирование или освобождение от эмоций, которые трудно выносимы. Личность пытается таким образом унять душевную боль. Травмы детства и потребности, которые не были удовлетворены препятствуют формированию здоровой психики индивида. Если человек блокирует свои чувства, то находит успокоение в алкоголизме, табакомании или наркомании для того, чтобы успокоиться, может действовать необдуманно. Чувства, которые человек не выразил, влияют на его психоэмоциональное состояние, вызывая нервное напряжение [Галкина, Дегтярев, 2015].

Заключение

Можно сделать вывод, что аутоагрессия и ее крайняя форма, суицид, являются результатом комплекса факторов, таких как наследственные болезни, пережитые психологические травмы, влияние социума, способность к адаптации отдельно взятой личности и пр. В то же время не существует единого подхода, единого руководства в изучении этих феноменов, что является нормальным, так как каждый факт СПП, вплоть до суицидального поведения очень индивидуален и требует комплексного изучения, основанного на имеющихся научных знаниях, и предполагающего определенную свободу выбора классификации, диагностики и методики исследования.

Библиография

1. Бормотова Е. «Господи, убей меня»: из-за суицидов гибнет больше россиян, чем из-за ДТП. Почему никто не может это изменить? Екатеринбург, 2021 URL: <https://www.e1.ru/text/world/2021/06/22/69982655/>
2. Галкина Е.А., Дегтярев А.В. Отклоняющееся поведение и аутоагрессия у несовершеннолетних с модификациями тела // Психология и право. 2015. № 1. С. 90-107.
3. Калув А.В. Механизмы возникновения аутодеструктивного поведения у животных и его классификация // Вестник зоологии. 2000. 34 (1-2). С. 3-10.
4. Руженков В.А., Лобов Г.А., Боева А.В. К вопросу об уточнении содержания понятия «Аутоагрессивное поведение». Белгород, 2008. 6 с.
5. Шустов Д.И. Аутоагрессивность и иллюзия бессмертия // Журнал практической психологии и психоанализа. 2005. № 1. С. 19-23.
6. Шустов Д.И. Аутоагрессия, суицид и алкоголизм. М., 2005. 214 с.
7. Antwerpes F. et al. Selbstverletzendes Verhalten. URL: https://flexikon.doccheck.com/de/Selbstverletzendes_Verhalten
8. Autoaggression // Lexikon der Biologie. Heidelberg, 1999. URL: <https://www.spektrum.de/lexikon/biologie/autoaggression/6355>

9. Brown R.C., Plener P.L. Non-suicidal Self-Injury in Adolescence // *Current Psychiatry Reports*. 2017. 19. 20.
10. Burešová I. Self-Harm Classification System Development: Theoretical Study // *Review of Social Sciences*. 2016. V. 01. № 04. P. 13.
11. Edanackaparampil M. Selbstverletzendes Verhalten bei Jugendlichen in Abhängigkeit von Suizidalität, Verhaltensauffälligkeiten und emotionaler Dysregulation im Geschlechtervergleich. Köln, 2014. 144 c.
12. Huntjens A. et al. The effect of dialectical behaviour therapy in autism spectrum patients with suicidality and/ or self-destructive behaviour (DIASS): study protocol for a multicentre randomised controlled trial // *BMC Psychiatry*. 2020. 20. 127.
13. Möller H. Aggression und Autoaggression bei Frauen // *Klinische Psychologie der Frau: ein Lehrbuch*. Göttingen, 2001. 23 s.
14. Mostýn M. Zur Darstellung von Gewalt in Online-Diskussionsforen zum Thema „selbstverletzendes Verhalten“ aus deutsch-tschechischer Perspektive. 2016-2017. 13 s.

Review of Russian and foreign studies of the problem of auto-aggressive behavior of individuals

Anastasiya A. Chernova

PhD in Psychology, Associate Professor,
Academy of Psychology and Education Sciences,
Southern Federal University,
344006, 105/42, Bol'shaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: achernova@sfnu.ru

Veronika V. Kim

Master's Student,
Academy of Psychology and Education Sciences,
Southern Federal University,
344006, 105/42, Bol'shaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: vekim@sfnu.ru

Abstract

The review is devoted to Russian and foreign studies of the problem of self-harm and auto-aggressive behavior of individuals. The current state of psychological knowledge about self-harm and auto-aggressive behavior of individuals is described. The analysis of concepts such as “self-harm”, “aggression”, “aggressiveness”, “hetero-aggression”, “suicidal behavior”, “self-destruction” / “self-destructive behavior”, “suicide” is presented. The article considers A.V. Kaluev's model of the relationship of aggression, self-harm and self-destruction in the animal world. The classifications of auto-aggressive behavior of individuals presented in Russian and foreign studies (K.A. Menninger's classification of self-mutilation, 4 categories of self-harming behavior according to Favazza and Simeon, the classification of self-harm behavior according to Hänsli) are given. The analysis of theories explaining the features of self-harm and auto-aggressive behavior of individuals (“instinctively conditioned approach” of S. Freud, explanation through developmental psychology, concept of biological evolution, learning theory) is carried out. The forms of self-harm presented in the scientific literature are represented. Developmental mechanisms of self-harm and auto-aggressive behavior of individuals at different age stages are described. It can be concluded that

auto-aggression and its extreme form, suicide, are the result of a complex of factors, such as hereditary diseases, experienced psychological trauma, the influence of society, the ability to adapt a single individual, etc. There is no single approach in the study of these phenomena, which is normal, since each fact is very individual and requires a comprehensive study based on existing scientific knowledge, involving a certain freedom of choice of classification, diagnosis and research methodology.

For citation

Chernova A.A., Kim V.V. (2022) Obzor rossiiskikh i zarubezhnykh issledovaniy po probleme autoagressivnogo povedeniya lichnosti [Review of Russian and foreign studies of the problem of auto-aggressive behavior of individuals]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 11 (6A), pp. 255-264. DOI: 10.34670/AR.2023.54.36.028

Keywords

Self-harm, aggression, aggressiveness, hetero-aggression, suicidal behavior, self-destruction, self-destructive behavior, suicide, developmental mechanisms of self-harm.

References

- (1999) Autoaggression. In: *Lexikon der Biologie*. Heidelberg, 1999. Available at: <https://www.spektrum.de/lexikon/biologie/autoaggression/6355> [Accessed 12/12/2022]
- Antwerpes F. et al. *Selbstverletzendes Verhalten*. Available at: https://flexikon.doccheck.com/de/Selbstverletzendes_Verhalten [Accessed 12/12/2022]
- Bormotova E. (2021) «Gospodi, ubei menya»: iz-za suitsidov gibnet bol'she rossiyan, chem iz-za DTP. Pochemu nikto ne mozhет eto izmenit'? ["Lord, kill me": more Russians die due to suicides than due to road accidents. Why can't anyone change it?]. Yekaterinburg. Available at: <https://www.e1.ru/text/world/2021/06/22/69982655/> [Accessed 12/12/2022]
- Brown R.C., Plener P.L. (2017) Non-suicidal Self-Injury in Adolescence. *Current Psychiatry Reports*, 19, 20.
- Burešová I. (2016) Self-Harm Classification System Development: Theoretical Study. *Review of Social Sciences*, 1, 4, p. 13.
- Edanackapampil M. (2014) *Selbstverletzendes Verhalten bei Jugendlichen in Abhängigkeit von Suizidalität, Verhaltensauffälligkeiten und emotionaler Dysregulation im Geschlechtervergleich*. Köln.
- Galkina E.A., Degtyarev A.V. (2015) Otklonyayushcheesya povedenie i autoagressiya u nesovershennoletnikh s modifikatsiyami tela [Deviant behavior and auto-aggression in minors with body modifications]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 1, pp. 90-107.
- Huntjens A. et al. (2020) The effect of dialectical behaviour therapy in autism spectrum patients with suicidality and/or self-destructive behaviour (DIASS): study protocol for a multicentre randomised controlled trial. *BMC Psychiatry*, 20, 127.
- Kaluev A.V. (2000) Mekhanizmy vozniknoveniya autodestruktivnogo povedeniya u zhivotnykh i ego klassifikatsiya [Mechanisms of occurrence of self-destructive behavior in animals and its classification]. *Vestnik zoologii* [Bulletin of Zoology], 34 (1-2). pp. 3-10.
- Möller H. (2001) *Aggression und Autoaggression bei Frauen // Klinische Psychologie der Frau: ein Lehrbuch*. Göttingen.
- Mostýn M. (2016-2017) *Zur Darstellung von Gewalt in Online-Diskussionsforen zum Thema „selbstverletzendes Verhalten“ aus deutsch-tschechischer Perspektive*.
- Ruzhenkov V.A., Lobov G.A., Boeva A.V. (2008) *K voprosu ob utochnenii sodержaniya ponyatiya «Autoagressivnoe povedenie»* [On the issue of clarifying the content of the concept of "Auto-aggressive behavior"]. Belgorod.
- Shustov D.I. (2005) Autoagressivnost' i illyuziya bessmertiya [Auto-aggression and the illusion of immortality]. *Zhurnal prakticheskoi psikhologii i psikhoanaliza* [Journal of Practical Psychology and Psychoanalysis], 1, pp. 19-23.
- Shustov D.I. (2005) *Autoagressiya, suitsid i alkogolizm* [Autoaggression, suicide and alcoholism]. Moscow.

УДК: 159.9:351.74

DOI: 10.34670/AR.2023.18.67.029

Исследование тревожности и агрессивности сотрудников МВД**Проскуракова Лариса Александровна**

Доктор биологических наук, доцент,
профессор кафедры психологии и общей педагогики,
Кемеровский государственный университет,
Кузбасский гуманитарно-педагогический институт,
654027, Российская Федерация, Новокузнецк, Пионерский пр., 13;
e-mail: lora-al@yandex.ru

Першикова Дарья Дмитриевна

Студентка,
Кемеровский государственный университет,
Кузбасский гуманитарно-педагогический институт,
654027, Российская Федерация, Новокузнецк, Пионерский пр., 13;
e-mail: pershikova_d@mail.ru

Милентьева Ирина Сергеевна

Доктор технических наук, доцент,
профессор кафедры бионанотехнологии,
Кемеровский государственный университет,
Кузбасский гуманитарно-педагогический институт,
654027, Российская Федерация, Новокузнецк, Пионерский пр., 13;
e-mail: irazumnikova@mail.ru

Аннотация

Для выполнения служебных задач сотрудникам силовых структур необходимо обладать устойчивыми психологическими характеристиками. Нормальные показатели агрессивности и тревожности являются важнейшим фактором для осуществления служебной деятельности. Цель: исследование уровня тревожности и агрессивности у сотрудников МВД с последующей разработкой практических рекомендаций по их оптимизации. Обследовано 15 сотрудников МВД по г. Мыски. Возраст сотрудников от 21 года до 60 лет. Используются стандартные методики исследования: шкала тревожности Дж. Тейлора; опросник агрессивности Басса-Дарки; тест изучения характерологических особенностей личности и выявления сотрудников «группы риска» («Акцент 2-90», модификация Вигдорчика; шкала тревожности). Вычисление первичных статистик (вычисление среднего арифметического) осуществлялось при помощи программы Microsoft Excel. В результате исследования тревожности было выявлено, что в исследуемой группе сотрудников преобладает низкий (малый) уровень тревожности (73%), средний уровень тревожности имеет 20% сотрудников, а высокий – 7%. Также нами было выявлено 13% сотрудников с высоким уровнем вербальной агрессии. Враждебность

и раздражительность находятся на низком уровне у 87% сотрудников. Полученные показатели соответствуют нормативным значениям для данной профессиональной группы. Разработаны практические рекомендации сотрудникам с целью понижения уровней агрессии и тревожности. Благодаря представленным рекомендациям сотрудник сможет самостоятельно справиться с агрессивностью и тревожностью в процессе выполнения служебной деятельности.

Для цитирования в научных исследованиях

Проскурякова Л.А., Першикова Д.Д., Милентьева И.С. Исследование тревожности и агрессивности сотрудников МВД // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 6А. С. 265-272. DOI: 10.34670/AR.2023.18.67.029

Ключевые слова

Профессиональная деятельность, сотрудники МВД, тревожность, агрессивность, психологическое благополучие, служебная деятельность, психология, психологическое исследование.

Введение

Современное общество подвержено постоянным интенсивным социальным, политическим и технологическим изменениям, которые способствуют увеличению дискомфорта личности, увеличению требований, предъявляемых к человеку, способствуют развитию чувств неопределенности и тревоги, которые перерастают под влиянием соответствующих условий в тревожность [Лобыкина, 2022]. Кроме этого, особенность профессиональной деятельности сотрудников МВД характеризуется постоянными рисками и стрессами. Необходимость ежедневно выполнять сверхсложные, ответственные и опасные служебные задания сопровождается сильным эмоциональным и физическим напряжением, проявляющимся тревожностью и агрессивностью.

Непосредственно тревога дает возможность личности реагировать на угрожающую ситуацию адаптивным способом. В целом тревога обеспечивает сотруднику достаточную подготовку к действиям в новой ситуации и является необходимой эмоцией для развития личности сотрудника.

Также тревога представляет собой состояние, которое исследователи дифференцируют достаточно широко, а в отдельных случаях и неоднозначно. Однако практически все авторы, рассматривающие данное понятие, соглашаются с таким условным ее распределением, как патологическая тревога и тревога-состояние. Существенные отличия патологической тревоги от тревоги-состояния – наличие объективных факторов ее возникновения и способность личности, даже под влиянием тревоги, распознавать и объективировать реальность окружающей ее действительности [Бородина, 2019]. Как под влиянием психического состояния тревоги, так и под влиянием психического состояния агрессии способность к тестированию реальности личностью, т.е. констатация ею реальных объектов, которые ее окружают, всегда нарушена.

Следует отметить, что помимо тревожности, важным фактором, появляющимся при выполнении профессиональной деятельности сотрудников МВД, является агрессивность [Проскурякова, 2022]. При столкновении сотрудников полиции с проявлениями

антиобщественного и преступного поведения они обязаны применить к правонарушителям законные меры принудительного характера [Емельянова, 2022; Каюмова, 2020; Филиппченкова, 2016]. Под воздействием агрессивной антисоциальной среды может искажаться восприятие окружающей действительности и деформироваться система межличностных отношений, нравственных норм, то есть специфика профессиональной деятельности может привести к появлению агрессии как ответной реакции и преувеличенному развитию свойства личности – агрессивности [Емельянова, 2022; 11]. В результате – не только в экстремальных ситуациях, но и в условиях выполнения ежедневных оперативно-служебных задач, сотрудники полиции могут проявлять враждебность, грубость, пренебрегать полномочиями, причинять физический и моральный вред людям. Сегодня во всем мире наблюдается дестабилизация различных сфер жизни, многие средства массовой информации еще больше усугубляют положение вещей, пропагандируют насилие [Борисова, 2020; Пяткина, 2021]. И негативным образом воздействуют на психику человека, порождают напряжение, раздражительность, негативизм, тревожность, озлобленность, обиду, ненависть, жестокость, что находит свое проявление в поведении и поступках людей, формируя и развивая агрессивность [там же].

Цель работы: исследование уровня тревожности и агрессивности у сотрудников МВД с последующей разработкой практических рекомендаций по их оптимизации.

Материалы и методы: В плановом исследовании уровня тревожности и агрессивности сотрудников Отделения МВД России по г. Мыски приняли участие 15 сотрудников, среди которых 20% составили женщины и 80% мужчины. Все фамилии, данные сотрудников, некоторые балльные результаты зашифрованы во избежание раскрытия служебной тайны. Психологическое тестирование проходило в несколько этапов:

- разделение всех сотрудников на группы случайным образом;
- прохождение сотрудниками тестирования на выявление уровня тревожности и агрессивности;
- обсуждение с сотрудником результатов его тестирования (в случаях выявления высокого исследуемых характеристик);
- составление психологического заключения на каждого из сотрудников;
- составление практических рекомендаций для сотрудников, у которых диагностирован высокий уровень тревожности и агрессивности.

Применены методы исследования: беседа, психодиагностическое тестирование, наблюдение и математико-статистической обработки данных, представляющих собой оперирование со значениями признака, полученными у испытуемых в психологическом исследовании. Вычисление первичных статистик (вычисление среднего арифметического) при помощи программы Microsoft Excel. Информация о компьютерной программе для статистической обработки данных является конфиденциальной.

- Используются методики исследования:
- Шкала тревожности Дж. Тейлора.
- Опросник агрессивности Басса-Дарки.
- Тест изучения характерологических особенностей личности и выявления сотрудников «группы риска» («Акцент 2-90», модификация Вигдорчика; шкала тревожности).

Основные результаты

Психологическое исследование проводилось на сотрудниках в возрасте 26 до 60 лет. Все они относятся к первому (от 21 до 35 лет) и второму (от 36 до 60 лет) периоду зрелости, данный

период является временем наиболее яркого проявления всех человеческих качеств. Распределение выборки по возрастному критерию: 60% первый период зрелости, 40% второй период зрелости.

В это время человек может раскрыть свои способности, реализовать возможности. Это расцвет его индивидуальности. Основными чертами зрелой социализированной личности являются: чувство социальной ответственности; стремление к социальной самореализации; наиболее эффективному использованию своих возможностей в основных видах деятельности социальном общении, утверждении своего «Я» в многообразных социальных связях; происходит расцвет духовных и физических сил человека. Период зрелости может сопровождаться кризисом [Бакурова, 2021]. Это кризис человека 40 лет – это когда человек заново начинает искать смысл жизни. Дети становятся самостоятельными и меньше нуждаются в родителях. Семьи, которые держались на взаимоотношениях с детьми, как правило, распадаются. Люди постепенно начинают терять близких, друзей, родственников. Происходит становление новой Я-концепции. Семья и профессиональное становление претерпевают изменения. Они становятся более осмысленными. Происходит интегрирование предыдущего опыта, что получило название продуктивности. Психическим новообразованием зрелого возраста является переосмысление. Человек как бы выбирает новое для себя направление или корректирует прежнее [Казакова, 2020].

В результате обработки данных, полученных в ходе тестирования, нами были выявлены уровни тревожности и агрессивности сотрудников Отделения МВД России по г. Мыски. Результаты представлены в таблице 1, 2.

Таблица 1 - Результаты исследования тревожности по шкале Дж. Тейлора и тесту изучения характерологических особенностей личности и выявления сотрудников «группы риска» («Акцент 2-90»).

№ п/п	Код сотрудника	Шкала Тейлора		Шкала тревожности «Акцент 2-90»
		баллы	уровень	
1.	ЮС	7	средний	средний
2.	БП	9	средний	высокий
3.	СА	4	малый	низкий
4.	РЗ	2	малый	низкий
5.	ГЕ	0	малый	низкий
6.	КВ	2	малый	низкий
7.	ДЕ	2	малый	низкий
8.	РА	2	малый	низкий
9.	СВ	11	средний	средний
10.	СР	1	малый	низкий
11.	БВ	2	малый	низкий
12.	ШД	3	малый	средний
13.	ЕС	2	малый	низкий
14.	ДА	4	малый	низкий
15.	МЯ	12	высокий	высокий

Таким образом, в результате исследования тревожности было выявлено, что в исследуемой группе сотрудников преобладает низкий (малый) уровень тревожности (73%), средний уровень тревожности имеет 20% сотрудников, а высокий – 7%.

Высокая тревожность у респондента №2 обусловлена профессиональной деформацией, а у

респондента №15 устойчивым высоким уровнем ситуативной тревожности.

Также нами проводилось исследование агрессивности, для выявления уровня которого использовался опросник Басса-Дарки. Результаты представлены в Таблице 2.

Таблица 2 - Результаты исследования агрессивности по опроснику Басса-Дарки

Шкалы опросника Код сотрудника	Физическая агрессия	Косвенная агрессия	Раздражение	Негативизм	Обида	Подозрительн ость	Вербальная агрессия	Чувства вины	Общая агрессия	Враждебность
ЮС	ср	ср	ср	ср	низ	низ	выс	ср	ср	низ
БП	ср	ср	ср	ср	ср	низ	ср	ср	ср	низ
СА	ср	ср	низ	низ	низ	низ	выс	низ	ср	низ
РЗ	ср	ср	низ	низ	ср	ср	ср	низ	ср	низ
ГЕ	ср	низ	низ	низ	низ	ср	ср	ср	ср	ср
КВ	низ	низ	низ	низ	ср	ср	низ	низ	низ	ср
ДЕ	ср	ср	низ	низ	низ	низ	ср	низ	ср	низ
РА	ср	низ	низ	низ	низ	низ	ср	ср	ср	низ
СВ	ср	низ	низ	низ	низ	ср	ср	ср	ср	низ
СР	низ	низ	низ	низ	низ	низ	ср	низ	ср	низ
БВ	ср	ср	низ	низ	ср	ср	ср	низ	ср	низ
ШД	ср	ср	низ	ср	ср	ср	ср	ср	ср	низ
ЕС	ср	ср	низ	низ	низ	низ	ср	ср	ср	низ
ДА	ср	низ	низ	низ	низ	низ	ср	ср	ср	низ
МЯ	низ	ср	ср	ср	низ	ср	ср	ср	ср	ср

Таким образом, в результате тестирования мы выяснили, что все показатели испытуемых сотрудников находятся в пределах норм. Было выявлено 13% сотрудников с высоким уровнем вербальной агрессии, что является следствием профессиональной деформации. Враждебность и раздражительность находятся на низком уровне у 87% сотрудников, что является хорошим показателем [Михновец, 2022].

После тестирования с респондентами №1 и №3 была проведена беседа, в результате которой испытуемые подтвердили высокий уровень вербальной агрессии. По проведенному исследованию были составлены рекомендации.

Практические рекомендации для понижения уровня агрессии

- Дыхательные упражнения – сделать глубокий вдох и медленно досчитать до 10, после выдоха и так повторяйте до тех пор, пока ваше дыхание не станет спокойным. Обычно достаточно спокойного вдоха и медленного выдоха.
- Физические упражнения – встаньте прямо, ноги на ширине плеч. Во время вдоха вытяните руки вверх и потянитесь максимально сильно вверх. На выдохе опустите, и встряхните руки, примите исходное положение. Повторить 5 раз.
- Упражнение «Разрядка» – Сильно сожмите руки в кулаки, максимально сильно, а затем расслабьтесь. Потянитесь вверх постарайтесь пальцами достать потолок и опустите руки, а теперь потрите ладони и прижмите ладони к щекам.

Данные упражнения помогают бороться с агрессией и снижают ее уровень. Также сотрудникам не стоит забывать о психологической службе при МВД и помнить, что в случае необходимости он может обратиться туда за поддержкой.

Практические рекомендации для понижения уровня тревожности

Приучите себя полноценно отдыхать. Также важно создать приятные и комфортные условия для отдыха дома, слушать успокаивающую музыку, чаще гулять.

Выработайте привычку делать только одно дело за раз. Например, если вы едите, то только едите. Без телефона в руке или компьютера перед глазами. Это поможет вам фокусироваться на том, что действительно важно.

Упражнение «Бабочка» – скрестите руки перед собой, положив правую руку на левое плечо, а левую руку – на правое. Закройте глаза и представьте свое любимое место. Медленно и ритмично хлопайте ладонями по каждому плечу, пока не почувствуете, что плечи расслабляются, дыхание становится более ровным и вы успокаиваетесь. Откройте глаза.

Придерживаясь данных рекомендаций, сотрудник сможет справиться с агрессивностью и тревожностью, но для более глубокой проработки мы рекомендуем обратиться в психологическую службу.

Заключение

В ходе работы изучены уровень тревожности и агрессивности у сотрудников МВД, в целом по группе исследования диагностированы допустимые значения исследуемых показателей для данной профессиональной группы. Составленные практические рекомендации позволят сотрудникам с высоким уровнем тревожности и агрессивности оптимизировать их психоэмоциональное состояние, что повысит эффективность их труда. Соответственно, цель исследования достигнута.

Библиография

1. Бакурова Т.П. Психология. Омск, 2021. 184 с.
2. Борисова Е.В. Психологические преграды и ограничения, препятствующие развитию профессионализма психологов служебной деятельности (на примере психологов служебной деятельности ФСИН) // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26. № 3. С. 93-97.
3. Бородина А.А. Психологические особенности стрессоустойчивости сотрудников уголовно-исполнительной системы, непосредственно взаимодействующих с осужденными в процессе служебной деятельности // Сборник материалов VI Международного научно-спортивного фестиваля курсантов и студентов. 2019. С. 49-50.
4. Емельянова Л.А. Психология девиантного поведения. М.: ФЛИНТА, 2022. 112 с.
5. Казакова И.В. Психология развития личности. Омск, 2020. 198 с.
6. Каюмова Г.Х. Влияние стиля профессиональной деятельности руководителя органов внутренних дел российской федерации на эффективность служебной деятельности // StudNet. 2020. Т. 3. № 3. С. 74-79.
7. Лобыкина А.А. Социально-психологическая адаптация при различном уровне риска дефицита магния // Здоровоохранение Российской Федерации. 2022. Т. 66. № 1. С. 47-54.
8. Михновец Н.Н. Психологическое обеспечение служебной деятельности военнослужащих // Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности. 2022. № 2. С. 59-63.
9. Проскурякова Л.А. Аспекты связи коммуникативных способностей с психологическим благополучием сотрудников МВД // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 76-1. С. 376-379.
10. Пяткина О.А. Зависимость профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел от психологических факторов в служебной деятельности // Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2021. С. 130-133.
11. Столярова В.А. Психология функциональных состояний. СПб.: Лань, 2022. 108 с.

Study of anxiety and aggressiveness of interior ministry employees

Larisa A. Proskuryakova

Doctor of Biology, Associate Professor,
Professor of the Department of Psychology and General Pedagogy,
Kemerovo State University,
Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute,
654027, 13, Pionerskii ave., Novokuznetsk, Russian Federation;
e-mail: lora-al@yandex.ru

Dar'ya D. Pershikova

Graduate Student,
Kemerovo State University,
Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute,
654027, 13, Pionerskii ave., Novokuznetsk, Russian Federation;
e-mail: pershikova_d@mail.ru

Irina S. Milent'eva

Doctor of Technical Science, Associate Professor,
Professor of the Department of Bionanotechnology,
Kemerovo State University,
Kuzbass Humanitarian Pedagogical Institute,
654027, 13, Pionerskii ave., Novokuznetsk, Russian Federation;
e-mail: irazumnikova@mail.ru

Abstract

To perform official tasks, law enforcement officers must have stable psychological characteristics. Normal indicators of aggressiveness and anxiety are the most important factor for the implementation of official activities. Purpose: to identify the level of anxiety and aggressiveness of employees of the Ministry of Internal Affairs. 15 employees of the Ministry of Internal Affairs in the city of Myski were examined. The age of employees is from 21 to 60 years. Standard methods were used. Research methods: J. Taylor anxiety scale; the Bass-Darkey aggressiveness questionnaire; a test for studying the characterological features of the personality and identifying employees of the "risk group" ("Accent 2-90", Vigdorichik's modification; anxiety scale). Calculation of primary statistics (calculation of the arithmetic mean) using Microsoft Excel. As a result of the study of anxiety, it was found that in the studied group of employees, a low (small) level of anxiety prevails (73%), 20% of employees have an average level of anxiety, and 7% have a high level of anxiety. We also identified 13% of employees with a high level of verbal aggression. Hostility and irritability are at a low level for 87% of employees. The obtained indicators correspond

to the norm. Practical recommendations have been developed to reduce levels of aggression and anxiety. Thanks to the recommendations, the employee will be able to independently cope with aggressiveness and anxiety.

For citation

Proskuryakova L.A., Pershikova D.D., Milent'eva I.S. (2022) Issledovanie trevozhnosti i agressivnosti sotrudnikov MVD [Study of anxiety and aggressiveness of interior ministry employees]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 11 (6A), pp. 265-272. DOI: 10.34670/AR.2023.18.67.029

Keywords

Professional activity, employees of the Ministry of Internal Affairs, anxiety, aggressiveness, psychological well-being, official activity, psychology, psychological research.

References

1. Bakurova T.P. (2021) *Psikhologiya* [Psychology]. Omsk.
2. Borisova E.V. (2020) Psikhologicheskie pregrady i ogranicheniya, prepyatstvuyushchie razvitiyu professionalizma psikhologov sluzhebnoi deyatel'nosti (na primere psikhologov sluzhebnoi deyatel'nosti FSIN) [Psychological barriers and restrictions that impede the development of professionalism of psychologists of official activity (on the example of psychologists of official activity of the Federal Penitentiary Service)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma State University], 26, 3, pp. 93-97.
3. Borodina A.A. (2019) Psikhologicheskie osobennosti stressoustoichivosti sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy, neposredstvenno vzaimodeystvuyushchikh s osuzhdennymi v protsesse sluzhebnoi deyatel'nosti [Psychological features of stress resistance of employees of the penitentiary system, directly interacting with convicts in the process of official activity]. In: *Sbornik materialov VI Mezhdunarodnogo nauchno-sportivnogo festivalya kursantov i studentov* [Collection of materials of the VI International Scientific and Sports Festival of cadets and students].
4. Emel'yanova L.A. (2022) *Psikhologiya deviantnogo povedeniya* [Psychology of deviant behavior]. Moscow: FLINTA Publ.
5. Filippchenkova S.I. (2016) *Psikhologicheskoe obespechenie sluzhebnoi deyatel'nosti* [Psychological support of official activity]. Tver.
6. Kayumova G.Kh. (2020) Vliyaniye stilya professional'noi deyatel'nosti rukovoditelya organov vnutrennikh del rossiiskoi federatsii na effektivnost' sluzhebnoi deyatel'nosti [Influence of the style of professional activity of the head of the internal affairs bodies of the Russian Federation on the efficiency of performance]. *StudNet*, 3, 3, pp. 74-79.
7. Kazakova I.V. (2020) *Psikhologiya razvitiya lichnosti* [Psychology of personality development]. Omsk.
8. Lobykina A.A. (2022) Sotsial'no-psikhologicheskaya adaptatsiya pri razlichnom urovne riska defitsita magniya [Socio-psychological adaptation at different risk levels of magnesium deficiency]. *Zdravookhraneniye Rossiiskoi Federatsii* [Health of the Russian Federation], 66, 1, pp. 47-54.
9. Mikhnovets N.N. (2022) Psikhologicheskoe obespechenie sluzhebnoi deyatel'nosti voennosluzhashchikh [Psychological support of service activities of military personnel]. *Mezhdunarodnyi zhurnal psikhologii i pedagogiki v sluzhebnoi deyatel'nosti* [International Journal of Psychology and Pedagogy in Service Activities], 2, pp. 59-63.
10. Proskuryakova L.A. (2022) Aspekty svyazi kommunikativnykh sposobnostei s psikhologicheskim blagopoluchiem sotrudnikov MVD [Aspects of the connection between communication skills and the psychological well-being of employees of the Ministry of Internal Affairs]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of modern pedagogical education], 76-1, pp. 376-379.
11. Pyatkina O.A. (2021) Zavisimost' professional'noi deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennikh del ot psikhologicheskikh faktorov v sluzhebnoi deyatel'nosti [Dependence of the professional activity of employees of internal affairs bodies on psychological factors in official activity]. In: *Sbornik materialov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference]. Rostov-on-Don.
12. Stolyarova V.A. (2022) *Psikhologiya funktsional'nykh sostoyanii* [Psychology of functional states]. St. Petersburg: Lan' Publ.

УДК 61:378:37.018.431:577.3"5":612.6.057

DOI: 10.34670/AR.2023.49.60.030

**Влияние перехода на дистанционную форму обучения студентов
медицинского вуза на их циркадные ритмы: гендерные и
психологические аспекты проблемы**

Осколкова Анна Ивановна

Доктор медицинских наук, профессор,
профессор кафедры пропедевтики внутренних болезней,
Саратовский государственный медицинский университет,
410012, Российская Федерация, Саратов, ул. Большая Казачья, 112;
e-mail: kodochigovaai@yandex.ru

Субботина Вера Григорьевна

Кандидат медицинских наук, доцент,
доцент кафедры пропедевтики внутренних болезней,
Саратовский государственный медицинский университет,
410012, Российская Федерация, Саратов, ул. Большая Казачья, 112;
e-mail: kodochigovaai@yandex.ru

Полиданов Максим Андреевич

Студент,
Саратовский государственный медицинский университет,
410012, Российская Федерация, Саратов, ул. Большая Казачья, 112;
e-mail: maksim.polidanoff@yandex.ru

Кондрашкин Иван Евгеньевич

Студент,
Саратовский государственный медицинский университет,
410012, Российская Федерация, Саратов, ул. Большая Казачья, 112;
e-mail: kodochigovaai@yandex.ru

Карсаков Вадим Александрович

Студент,
Саратовский государственный медицинский университет,
410012, Российская Федерация, Саратов, ул. Большая Казачья, 112;
e-mail: kodochigovaai@yandex.ru

Ильин Алексей Анатольевич

Кандидат медицинских наук,
ассистент кафедры пропедевтики внутренних болезней,
Саратовский государственный медицинский университет,
410012, Российская Федерация, Саратов, ул. Большая Казачья, 112;
e-mail: kodochigovaai@yandex.ru

Долгова Елена Михайловна

Кандидат медицинских наук, доцент,
доцент кафедры общественного здоровья и здравоохранения
(с курсами правоведения и истории медицины),
Саратовский государственный медицинский университет,
410012, Российская Федерация, Саратов, ул. Большая Казачья, 112;
e-mail: kodochigovaai@yandex.ru

Аннотация

В работе было проанализировано влияние перехода на альтернативную форму обучения с использованием новых информационных технологий в период пандемии коронавирусной инфекции на биологические ритмы и психологические особенности студентов медицинского вуза. Были рассмотрены гендерные аспекты этой проблемы, а также особенности, связанные с разным стажем обучения в вузе. Показано, что переход на дистанционную форму обучения влиял на продолжительность сна и, следовательно, циркадные ритмы наблюдаемых нами лиц, а также на их когнитивную активность и работоспособность. При уменьшении продолжительности сна у студентов как мужского, так и женского пола, вне зависимости от стажа обучения, снижались работоспособность и концентрация внимания. Респонденты независимо от их гендерной принадлежности отмечали увеличение продолжительности сна при переходе на дистанционное обучение, причем в большей степени это касалось студентов старших курсов. В то же время, большинство обучающихся отдавали предпочтение традиционной (очной) форме обучения, а дистанционную форму воспринимали как вспомогательную. Проведенное психогеометрическое тестирование выявило противоречивые внутриличностные тенденции, периодически достигающие степени интрапсихического конфликта у обследованных нами лиц, причем направленность этих полярных тенденций у студентов мужского и женского пола была различной. Наиболее эффективным является комплексное использование очной и дистанционной форм обучения, что позволяет минимизировать негативное влияние на циркадные ритмы студентов медицинского вуза и повысить стрессоустойчивость и работоспособность учащихся.

Для цитирования в научных исследованиях

Осколкова А.И., Субботина В.Г., Полиданов М.А., Кондрашкин И.Е., Карсаков В.А., Ильин А.А., Долгова Е.М. Влияние перехода на дистанционную форму обучения студентов медицинского вуза на их циркадные ритмы: гендерные и психологические аспекты проблемы // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 6А. С. 273-282. DOI: 10.34670/AR.2023.49.60.030

Ключевые слова

Дистанционное обучение, циркадные ритмы, психометрическая методика, интрапсихический конфликт, гендерные особенности, психологические особенности личности, студенты медицинского вуза, ухудшение адаптации.

Введение

Циркадианные ритмы – свободно текущие ритмы, регулирующие кровяное давление, обмен веществ в тканях тела и температуру, связанные, прежде всего, со сменой дня и ночи. Весной первого полугодия 2020 года из-за начавшейся пандемии Covid-19, после полного внедрения дистанционного обучения у студентов [Riccobono et al., 2020] было отмечено изменение циркадных ритмов, определяющих разную физическую и эмоциональную активность студентов, а также работоспособность и успеваемость в период обучения [9, 10].

Цель исследования заключалась в определении влияния внедрения дистанционной формы обучения на биологические ритмы и психологические особенности студентов-медиков в период эпидемии новой коронавирусной инфекции, включая гендерные аспекты проблемы.

Объекты и методы исследования. Для достижения поставленной цели, в рамках научно-исследовательской работы на кафедрах общественного здоровья и здравоохранения (с курсами правоведения и истории медицины) и пропедевтики внутренних болезней, с помощью оригинальной анкеты, нами было проведено анонимное анкетирование 450 студентов мужского (170 человек) и женского (280 человек) пола с 1 по 6 курс лечебного факультета Саратовского государственного медицинского университета им. В.И. Разумовского. Все респонденты были поделены на две группы: I группу составили студенты с 1-го по 3-й курс, средний возраст 18,2 (17,1; 21,3) лет, II группу составили студенты с 4-го по 6-й курс, средний возраст 22,1 (20,3; 24,6) года. Группы были сопоставимы по количеству опрошенных студентов и по полу.

В предложенной респондентам анкете содержалось 22 вопроса на выявление колебаний интенсивности циркадных ритмов в связи с переходом на смешанную форму обучения, с использованием дистанционных образовательных технологий.

Для исследования психологических особенностей наблюдаемых нами лиц была использована проективная психометрическая методика С. Делингер, адаптированная А. Алексеевым и Л. Громовой [Dellinger, 1989; Алексеев, Громова, 1991]. В ходе психометрического тестирования, респондент должен был сделать последовательный выбор из пяти геометрических фигур (квадрат, треугольник, круг, прямоугольник и зигзаг). Каждая геометрическая фигура соответствовала определенному психотипу личности.

Статистическая обработка полученных результатов проводилась с помощью пакета прикладных программ «STATGRAF Plus for Windows 10,0». Порядок переменных в данной выборке был неправильным, поэтому применяли непараметрические методы математической статистики. За достоверность принимались данные по значениям не менее 95%.

Результаты исследования

Было установлено, что у студентов первых трех курсов сон длился по 3-5 часов (34%) во время on-line обучения, а в период очного – 1-3 часа (35,3%), однако респонденты второй группы (4-6 курс) во время дистанционного на сон тратили 7-9 часов (45,4%), а во время очного обучения – 3-5 часов (35%). Поскольку нас интересовали гендерные аспекты изменения

циркадных ритмов на фоне реализации дистанционных и смешанных форм обучения в медицинском университете, то все респонденты дополнительно были поделены на две подгруппы в зависимости от их половой принадлежности.

В результате проведенного анкетирования было выяснено что умственная активность большинства (74,6%) респондентов как мужского, так и женского пола после длительного бодрствования снижалась.

Предпочтительным временем суток, в которое респондентам всех курсов обучения, как мужского, так и женского пола легче заниматься умственной деятельностью, является день (43,8%), однако вариант ответа «Ночью» среди респондентов-юношей пользовался большей популярностью, чем среди девушек (34,2% и 28,1%, соответственно).

Значимым этапом исследования стало определение количества работающих в ночные смены респондентов (13,8%). Было установлено, что среди тех студентов, которые работали, лица мужского пола в преобладающем большинстве указали, что тратят на сон после ночных смен больше 9 часов (61%), тогда как респонденты женского пола в большей степени – 7-9 часов (57%).

Также отметим, что умственная активность студентов мужского пола резко снижалась (61,4%), если после ночной смены они недостаточно выспались, тогда как у респондентов женского пола разница была менее значительной (43,2%).

Большинство наблюдаемых нами лиц как мужского, так и женского пола, дистанционную форму обучения рассматривают как одну из составляющих учебного процесса (92,4%), но все же, отмечают, что учиться обычным способом интереснее из-за присутствия личного общения (89,3%). Студенты мужского пола, в отличие от лиц женского пола, в большей степени положительно отзывались о частичном внедрении в учебный процесс дистанционного обучения (72,1% и 60,4%, соответственно).

В вопросе о задачах, которые решает дистанционное обучение, самым распространенным вариантом ответа у респондентов как мужского, так и женского пола стал ответ – «Предоставляет возможность обучения в удобное время и удобном месте» (94,4%).

Выражая свое мнение об эффективности дистанционного обучения, большинство студенток отметило, что эффективность дистанционного обучения «Ниже среднего» (60,6%), тогда как студенты мужского пола, считали, что эффективность дистанционного обучения на среднем уровне (66,2%).

Было выяснено, что у респондентов как мужского, так и женского пола, прослеживается зависимость настроения от продолжительности сна, при сокращении которого, по мнению респондентов мужского пола, они бывают более раздражительными (80%) и легко расстраиваются (72,5%), тогда как респонденты женского пола, в этих же условиях, в большей степени подвержены влиянию эмоций (73,6%) и легко огорчаются по любому поводу (82,5%).

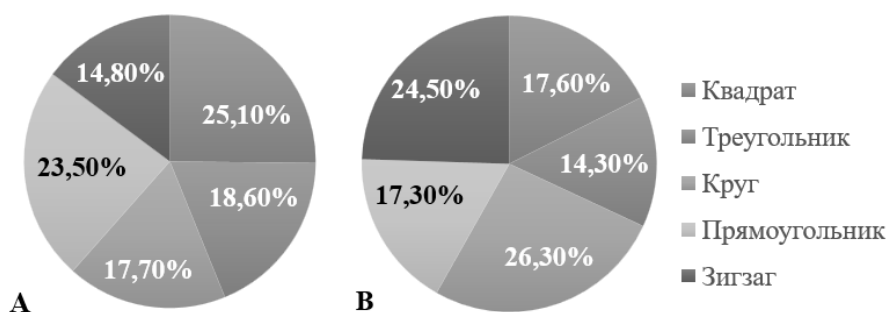
Далее респондентов просили выбрать утверждение, с которым они наиболее согласны. Респонденты мужского пола в большинстве случаев выбирали – «Контроль над собой в тяжелые минуты, без потери самообладания» (89,2%), напротив, респонденты женского пола – «В данный момент есть вещи важнее, чем их трудности» (85,1%).

Несмотря ни на что, студенты всех курсов, вне зависимости от гендерной принадлежности, довольно быстро постарались адаптироваться к дистанционной форме обучения (88,2%), хотя это не у всех получалось успешно.

Наряду с анкетированием наблюдаемых нами лиц было проведено их психометрическое тестирование, результаты которого были проиллюстрированы на рисунках 1-2.

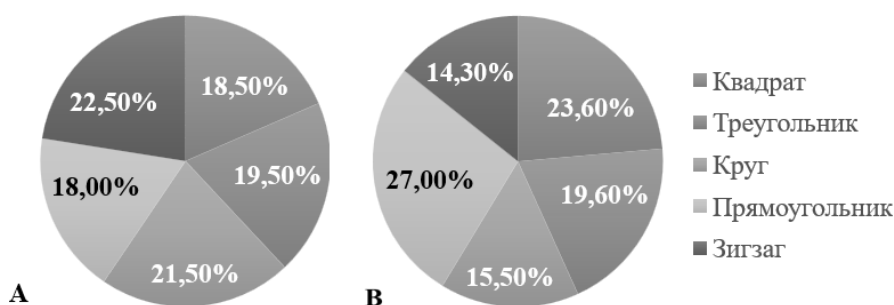
Как видно из данных, приведенных на рис. 1, респонденты-юноши в качестве фигуры выбора, чаще останавливались на квадрате и прямоугольнике, и, немного реже, на паритетных

началах – на треугольнике и круге, наименьшим вниманием пользовался зигзаг. Напротив, респонденты-девушки в большей степени выбирали круг и зигзаг, а в меньшей – квадрат, прямоугольник и треугольник.

Примечание. А – фигура выбора у лиц мужского пола; В – фигура выбора у лиц женского пола.

Рисунок 1 - Фигура выбора при психогеометрическом тестировании у студентов мужского и женского пола (в %).

Примечание. А – фигура отрицания у лиц мужского пола; В – фигура отрицания у лиц женского пола.

Рисунок 2 - Фигура отрицания при психогеометрическом тестировании у студентов мужского и женского пола (в %)

Как видно из данных, представленных на рис. 2 в качестве фигуры отрицания большинство респондентов мужского пола отвергали зигзаг, тогда как респонденты женского пола – прямоугольник.

Обсуждение результатов

По мере внедрения дистанционного обучения у студентов в достаточной степени увеличилась продолжительность сна, что, несомненно, повлияло на их биологические ритмы – улучшилась умственная активность и работоспособность. Было установлено, что респондентам легче заниматься умственной деятельностью днем, но после длительного бодрствования у большинства респондентов снижается умственная активность.

Большинству студентам мужского пола, для того чтобы привести в норму свой режим дня после работы в ночную смену нужно спать больше 9 часов, тогда как респондентам женского пола – 7-9 часов. Также отметим, что, по мнению этих респондентов, после работы в ночные смены у них резко снижаются умственная активность и работоспособность. Большинство

студентов чаще отмечали, что учиться обычным способом интереснее и рассматривали дистанционную форму обучения как вспомогательную, т.е., как составляющую учебного процесса, но, в то же время, относились к ней более настороженно, чем к традиционной (очной). Отметим, что у большинства респондентов имеется зависимость настроения от продолжительности сна (особенно ярко данная тенденция проявляется у студентов, страдающих психосоматическими заболеваниями, например, бронхиальной астмой [Долгова и др., 2020]), при сокращении которого студенты мужского пола становятся более раздражительными и легко расстраиваются, а респонденты женского пола больше подвержены эмоциям и чаще огорчаются из-за пустяков. Большинство опрошенных лиц выразили положительное мнение по вопросу о быстрой адаптации и смене их режима дня на фоне дистанционной формы обучения, однако для уточнения эффективности формирования адаптационных процессов нам понадобилось проанализировать результаты их работы со стимульным материалом проективной психометрической методики.

По результатам психометрического тестирования, показывающего психотип личности на момент исследования, который важен при рассмотрении вопросов о нарушении циркадных ритмов и влиянии на умственную активность и стрессоустойчивость, было установлено наличие противоречивых интрапсихических тенденций, которые могли достигать степени конфликта у респондентов женского пола (учитывая одномоментный выбор круга и зигзага во время тестирования), о чем свидетельствовало то, что представителям данной группы были свойственны общительность, доброжелательность, довольно мощная эмпатия, склонность к самообвинению, внушаемость и нерешительность, конформность, стремление к избеганию конфликтов и убеждению других, однако, несмотря на это – экстравагантность, повышенная творческая активность, независимость и инакомыслие, жажда изменений, уход от всяческих «рамочек» и отвергание авторитарного труда, лишённого креативности (отрицание и квадрата, и прямоугольника в психометрическом тесте), они были более стрессоустойчивы и способны быстрее вернуться к работе, если она приносила им удовольствие и не была рутинной, в отличие от респондентов мужского пола.

Среди студентов мужского пола (которым также были свойственны полярные интрапсихические черты) прослеживалась обратная тенденция: данные лица являлись неутомимыми тружениками и хорошими исполнителями, не лишённые лидерских качеств, однако, периодически их самооценка колебалась – от очень низкой до неоправданно завышенной (преимущественный выбор квадрата и прямоугольника). У них прослеживалась как чрезвычайная уверенность в себе, так и наоборот, а стремление к избеганию конфликтов сменялось порой попытками их спровоцировать из-за нарушения «установленных подсознанием порядков». Респонденты мужского пола были лишены стремления к креативному и творческому подходу к работе, что отражалось в дальнейшем на их циркадных ритмах и работоспособности, с пониженной стрессоустойчивостью, в отличие от респондентов женского пола (одновременное отрицание зигзага и круга при работе со стимульным материалом психометрического теста).

Заключение

Студентам (как женского, так и мужского пола) медицинского университета легче и проще заниматься умственной деятельностью днем, однако после длительного бодрствования у них снижается когнитивная активность.

После ночных смен (у тех опрошенных, кто помимо учебы работал) резко снижалась умственная деятельность и работоспособность. Большинству респондентов мужского пола, работающих в ночную смену, чтобы войти в свой нормальный биоритм, нужно было спать больше 9 часов, тогда как студентам женского пола – несколько меньше.

У основной массы обследованных респондентов прослеживалась тенденция к смене настроения, зависящая от продолжительности сна, при сокращении которого они бывали более раздражительными и легко расстраивались по пустякам.

Обращало на себя внимание, что во время дистанционного обучения у респондентов (как мужского, так и женского пола) увеличилась продолжительность сна, что повлияло на их биологические ритмы – улучшилась умственная активность и работоспособность [Stewart, Arora, 2019; Abdulah, Piro, 2018; Jahanban-Esfahlan et al., 2018]. По результатам нашего исследования, в большей степени это было свойственно студентам старших (4-6), чем младших (1-3) курсов.

Респонденты (как мужского, так и женского пола) в большинстве случаев рассматривали дистанционную форму обучения как вспомогательную, однако относились к ней более напряженно, нежели чем к традиционной (мотивируя это отсутствием личного общения).

Результаты психогеометрического исследования, полученные в нашей работе, выявили ухудшение адаптации студентов, что могло быть связано с переходом их на обучение с использованием дистанционных технологий: наличие полярных интрапсихических тенденций у респондентов как женского, так и мужского пола, хотя направленность этих тенденций носила гендерные различия.

Таким образом, была установлена недостаточная готовность многих студентов к решению вопросов, связанных с дистанционным обучением, и нарушение процессов адаптации на фоне перехода их на новую форму обучения. Переход на форму обучения с использованием новых информационных технологий являлся стрессогенным фактором для всех студентов, вне зависимости от их пола и стажа обучения. Следовательно, использование дистанционных форм обучения может быть наиболее эффективным, если применять их с очной формой, поскольку они имеют как свои преимущества, так и недостатки. Совместное использование традиционной (очной) формы обучения и формы обучения с применением новых информационных технологий позволяет минимизировать недостатки и той, и другой форм, но, при этом, взаимно обогатить их.

Библиография

1. Алексеев А.А., Громова Л.А. Психогеометрия для менеджеров. Л., 1991. 168 с.
2. Долгова Е.М. и др. Результаты анкетирования пациентов с бронхиальной астмой, страдающих от депрессии в период коронавирусной инфекции // Психосоматические и интегративные исследования. 2020. 6. С. 2-3.
3. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2020).
4. Abdulah D.M., Piro R.S. Sleep disorders as primary and secondary factors in relation with daily functioning in medical students // Ann Saudi Med. 2018. 38 (1). P. 57-64.
5. Dellinger S. Psycho Geometrics. How to Use Geometric Psychology to Influence People. New Jersey, 1989. 199 p.
6. Jahanban-Esfahlan R. et al. Melatonin in regulation of inflammatory pathways in rheumatoid arthritis and osteoarthritis: involvement of circadian clock genes // Br J Pharmacol. 2018. 175 (16). P. 3230-3238.
7. Riccobono G. et al. Night Eating Syndrome, circadian rhythms and seasonality: a study in a population of Italian university students // Riv Psichiatr. 2020. 55 (1). P. 47-52.
8. Scherrer V, Preckel F. Circadian preference and academic achievement in school-aged students: a systematic review and a longitudinal investigation of reciprocal relations // Chronobiol Int. 2021. 38 (8). P. 1195-1214.
9. Stewart N.H., Arora V.M. The Impact of Sleep and Circadian Disorders on Physician Burnout // Chest. 2019. 156 (5). P.

1022-1030.

10. Zhai S. et al. Associations of Sleep Insufficiency and Chronotype with Inflammatory Cytokines in College Students // Nat Sci Sleep. 2021. 13. P. 1675-1685.

The effect of the transition to distance education for medical students on their circadian rhythms: gender and psychological aspects of the problem

Anna I. Oskolkova

Doctor of Medicine, Professor,
Professor of the Department of Propaedeutics of Internal Diseases,
Saratov State Medical University,
410012, 112, Bol'shaya Kazachya str., Saratov, Russian Federation;
e-mail: kodochigovaai@yandex.ru

Vera G. Subbotina

PhD in Medicine, Associate Professor,
Associate Professor of Propaedeutics of Internal Medicine Department,
Saratov State Medical University,
410012, 112, Bol'shaya Kazachya str., Saratov, Russian Federation;
e-mail: kodochigovaai@yandex.ru

Maksim A. Polidanov

Graduate Student,
Saratov State Medical University,
410012, 112, Bol'shaya Kazachya str., Saratov, Russian Federation;
e-mail: maksim.polidanoff@yandex.ru

Ivan E. Kondrashkin

Graduate Student,
Saratov State Medical University,
410012, 112, Bol'shaya Kazachya str., Saratov, Russian Federation;
e-mail: kodochigovaai@yandex.ru

Vadim A. Karsakov

Graduate Student,
Saratov State Medical University,
410012, 112, Bol'shaya Kazachya str., Saratov, Russian Federation;
e-mail: kodochigovaai@yandex.ru

Aleksei A. Il'in

PhD in Medicine,
Assistant of Propaedeutics of Internal Medicine Department,
Saratov State Medical University,
410012, 112, Bol'shaya Kazachya str., Saratov, Russian Federation;
e-mail: kodochigovaai@yandex.ru

Elena M. Dolgova

PhD in Medicine, Associate Professor,
Associate Professor of Department of Public Health and Public Health
(with courses of law and history of medicine),
Saratov State Medical University,
410012, 112, Bol'shaya Kazachya str., Saratov, Russian Federation;
e-mail: kodochigovaai@yandex.ru

Abstract

The paper analyzed the impact of the transition to an alternative form of education using new information technologies during the pandemic coronavirus infection on the biological rhythms and psychological characteristics of medical students. Gender aspects of this problem were considered, as well as peculiarities associated with different years of study at the university. It was shown that the transition to distance learning influenced the duration of sleep and, consequently, the circadian rhythms of the persons we observed, as well as their cognitive activity and work capacity. When sleep duration decreased, both male and female students, regardless of years of study, had a decrease in performance and attention span. Respondents, regardless of their gender identity, noted an increase in sleep duration during the transition to distance learning, and to a greater extent this was true for senior students. At the same time, the majority of students preferred the traditional (full-time) form of education, and the distance form was perceived as auxiliary. Psychogeometric testing revealed contradictory intrapersonal tendencies, periodically reaching the level of intrapsychic conflict in the persons we examined, and the direction of these polar tendencies was different for male and female students. The emergence of these tendencies may be due to the violation of adaptation processes during the transition to a new form of education. The most effective is the integrated use of full-time and distance learning forms, which allows to minimize the negative impact on circadian rhythms of medical students and increase stress resistance and work capacity of students.

For citation

Oskolkova A.I., Subbotina V.G., Polidanov M.A., Kondrashkin I.E., Karsakov V.A., Il'in A.A., Dolgova E.M. (2022) Vliyanie perekhoda na distantsionnyuyu formu obucheniya studentov meditsinskogo vuza na ikh tsirkadnye ritmy: gendernye i psikhologicheskie aspekty problemy [The effect of the transition to distance education for medical students on their circadian rhythms: gender and psychological aspects of the problem]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 11 (6A), pp. 273-282. DOI: 10.34670/AR.2023.49.60.030

Keywords

Distance learning, circadian rhythms, psychogeometric technique, intrapsychic conflict, gender features, psychological features of personality, medical students, impaired adaptation.

References

1. Abdulah D.M., Piro R.S. (2018) Sleep disorders as primary and secondary factors in relation with daily functioning in medical students. *Ann Saudi Med.*, 38 (1), pp. 57-64.
2. Alekseev A.A., Gromova L.A. (1991) *Psikhogeometriya dlya menedzherov* [Psycho Geometrics for Managers]. Leningrad.
3. Dellinger S. (1989) *Psycho Geometrics. How to Use Geometric Psychology to Influence People*. New Jersey.
4. Dolgova E.M. et al. (2020) Rezul'taty anketirovaniya patsientov s bronkhial'noi astmoi, stradayushchikh ot depressii v period koronavirusnoi infektsii [Results of a survey of patients with bronchial asthma suffering from depression during the period of coronavirus infection]. *Psikhosomaticheskie i integrativnye issledovaniya* [Psychosomatic and integrative research], 6, pp. 2-3.
5. *Federal'nyi zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ (red. ot 31.07.2020) «Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii» (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.09.2020)* [Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 (as amended on July 31, 2020) "On Education in the Russian Federation" (as amended and supplemented, effective from September 1, 2020)].
6. Jahanban-Esfahlan R. et al. (2018) Melatonin in regulation of inflammatory pathways in rheumatoid arthritis and osteoarthritis: involvement of circadian clock genes. *Br J Pharmacol.*, 175 (16), pp. 3230-3238.
7. Riccobono G. et al. (2020) Night Eating Syndrome, circadian rhythms and seasonality: a study in a population of Italian university students. *Riv Psichiatr.*, 55 (1), pp. 47-52.
8. Scherrer V, Preckel F. (2021) Circadian preference and academic achievement in school-aged students: a systematic review and a longitudinal investigation of reciprocal relations. *Chronobiol Int.*, 38 (8), pp. 1195-1214.
9. Stewart N.H., Arora V.M. (2019) The Impact of Sleep and Circadian Disorders on Physician Burnout. *Chest*, 156 (5), pp. 1022-1030.
10. Zhai S. et al. (2021) Associations of Sleep Insufficiency and Chronotype with Inflammatory Cytokines in College Students. *Nat Sci Sleep*, 13, pp. 1675-1685.

УДК 378.4

DOI: 10.34670/AR.2023.28.79.031

Развитие художественно-литературных способностей как арт-терапия для людей третьего возраста

Гордин Александр Иннокентьевич

Кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры социальной педагогики и психологии,
Педагогический институт,
Иркутский государственный университет,
665003, Российская Федерация, Иркутск, ул. Нижняя Набережная, 6;
e-mail: a-gordin58@mail.ru

Акимова Изабелла Николаевна

Магистрантка,
Педагогический институт,
Иркутский государственный университет,
665003, Российская Федерация, Иркутск, ул. Нижняя Набережная, 6;
e-mail: izabtl71@mail.ru

Аннотация

Авторы статьи полагают, что специальные занятия литературно-художественным творчеством, могут являться разновидностью арт-терапии и называться литературной терапией (литературотерапией), потому что она имеет самостоятельные признаки, хотя и формируется на стыке сказкотерапии, драмотерапии и библиотерапии. Литературотерапия – доступный психолого-педагогический инструментарий, который органично может использоваться в любом возрасте, но наиболее востребован при работе с людьми третьего возраста так как с помощью его можно улучшать его социальное самочувствие. Специальные занятия литературным творчеством позволяют человеку третьего возраста оставаться интересным для окружающих его людей, полезным для общества, понять особенность исторически сложившегося социокультурного поля, в рамках которого он осуществляет свою жизнедеятельность, которая в сложившихся социально-психологических условиях превращается в жизнотворчество. Кроме того, литературное творчество благоприятно влияет на развитие социального интеллекта, социальное воображение человека, помогает приобретать навыки критического, творческого, образного, гипотетического мышления, проектирования и прогнозирования. В статье представлен эмпирический опыт исследования эффективности применения на практике литературной терапии. На основе полученных в ходе педагогического эксперимента данных утверждается, что занятия литературной терапией, способствуют радости разделения своих чувств и мыслей с другими людьми, передачи своего жизненного опыта младшим поколениям, к человеку возвращается способность мечтать и фантазировать, не бояться принимать ситуативные решения, быть готовым к переменам самого себя, своего ближнего окружения и общества.

Для цитирования в научных исследованиях

Гордин А.И., Акимова И.Н. Развитие художественно-литературных способностей как арт-терапия для людей третьего возраста // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 6А. С. 283-289. DOI: 10.34670/AR.2023.28.79.031

Ключевые слова

Художественно-литературное творчество, человек третьего возраста, арт-терапия, психофизическое состояние и социальное самочувствие человека, психология.

Введение

В современной андрагогике арт-терапия имеет широкий спектр, применения этой психолого-педагогической технологии в процессе неформального образования взрослых. Особенность ее применения связана, с одной стороны, с возможностью обращения к разнообразным видам искусства, включая литературно-художественное творчество, с другой стороны, именно этот метод может при определенных психолого-педагогических условиях стать инструментом сохранения и повышения духовно-нравственного и интеллектуального уровня личности человека третьего возраста и, соответственно, благоприятно сказываться на его психофизическом состоянии и социальном самочувствии [Алексеева, 2018, 120].

Арт-терапия – это психолого-педагогический метод, самостоятельного раскрытия человеком своего личностного потенциала, дополнительных интеллектуальных и духовно-нравственных ресурсов с помощью обращения к разным видам художественного творчества.

Основная часть

Изучением арт-терапии и ее влиянием на человека занимались многие исследователи в рамках педагогики и психологии, например, М.В. Киселева, Л.Д. Лебедева, И.С. Хорошилова и др. [Киселева, 2020; Лебедева, 2017; Хорошилова, 2018, 267]. Многие исследователи сходятся на том, что в самом простом виде понятие «терапия», согласно трактовке содержания этого понятия, в словаре С.И. Ожегова и определяется как «уход, забота, лечение» [Ожегов, 2018, 412].

При этом, например, М.В. Киселева отмечает, что, хотя “therapy” в переводе с латинского означает лечение, термин «арт-терапия» не связан буквально только с лечением какого-то конкретного психофизического заболевания. Содержание этого понятия шире. Арт-терапия имеет в виду, прежде всего, «социальное врачевание» личности. То есть, изменение негативных стереотипов поведения человека с помощью применения специальных терапевтических средств в виде занятий художественным творчеством [Киселева, 2020, 336]. Это своеобразный вид «социальной терапии», которая учеными трактуется как лечение последствий негативных социальных явлений, межличностных и общественных отношений, которые способны нарушать процессы социализации человека и отрицательно влиять на общее психофизическое его состояние.

С этой точки зрения, нам интересно мнение исследователя Д.С. Пшинбаевой, которая обращает внимание на то, что практическое воздействие арт-терапии представляет собой процесс, предполагающий изменения к лучшему. Она отмечает, что среди множества методов

социальной терапии, используемых в работе с людьми третьего возраста, арт-терапия – один из самых продуктивных [Пшинбаева, 2017, 784].

Подтверждение этому мы находим в исследовании Т.А. Безенковой, которая отмечает, что существуют различные реабилитационные виды досуга, связанные с вовлечением людей предпенсионного и пенсионного возраста в различные виды художественного творчества. Например, арт-терапия, предполагающая использование языка изобразительной экспрессии. Такой язык наиболее ярко проявляется в музыке, драматическом искусстве, в танце и художественно-изобразительной творчестве. Основное предназначение метода арт-терапии исследователь видит: «В восстановлении средствами искусства и художественной деятельности психического равновесия, повышение самооценки и стимулирование личностного роста, придание общей положительной направленности и комфорта в общении. Он предоставляет возможность достичь разрядки напряжения, способствует возникновению внутреннего контроля и порядка, развивает и усиливает внимание к чувствам» [Безенкова, 2017, 118].

Вовлечение людей третьего возраста в арт-терапевтическое пространство, поддерживает активность их творческого самовыражения. Обусловлено это тем, что человеком третьего возраста принято считать в психологии индивидуума, желающего и способного в предпенсионном и пенсионном возрасте сохранять социальную активность [Гордина, Гордин, 2022]. Занятия художественным творчеством способствуют преобразению их окружающего социального и личностного внутреннего мира. Такая «творческая среда» – вид ценностно-смыслового поля, в котором человеку комфортно. Оно ассоциируется в его сознании с территорией личной свободы, где он может делать социально ответственный выбор чем, как и когда ему заниматься. В частности, такого рода «свобода», помогает человеку вообще и, в частности, человеку третьего возраста, определиться с выбором конкретного вида творческой деятельности в качестве ведущего средства самоактуализации, приобретения или восстановления утраченных навыки социального взаимодействия. В этом случае индивидуальные занятия художественным творчеством не вступают в противоречие с групповыми и коллективными формами.

Это убедительно доказывают, например, результаты общественно-образовательной деятельности Высшей народной школы Иркутска, в которой за 13 лет появилась разветвленная сеть любительских клубов, творческих студий и кружков, большинство которых возникло по инициативе слушателей и во многих ими же осуществляется руководство («Очумелые ручки», фотокружок «Стоп кадр!», «Самовар», «Я люблю рисовать», «Любители чая», студия «Живое слово», литературный клуб «Родные берега» и др.). Слушатели школы стали инициаторами «Городской недели неформального образования», постоянно участвуют в различных городских образовательных программах таких как «Площадь талантов», социальных экологических проектах города и региона и др.

Все клубы, студии, любительские объединения ВНШ так или иначе обращаются в своей деятельности к разным видам арт-терапии. Основные виды этой методики, которые признаны специалистами этого вида терапии: музыкотерапия, изотерапия, имаготерапия, библиотерапия, кинезитерапия, сказкатерапия. Это классификация вовсе не исключает новых видов арт-терапий, в том числе и возникновение таковы на основе синтеза уже сформировавшихся.

Мы полагаем, что к таковым относится специальные занятия литературно-художественным творчеством (литераторотерапия или литеротерапия), которая имеет самостоятельные признаки, хотя и формируется на стыке сказкотерапии, драмотерапии и библиотерапии.

Сказка-терапия, по сути, разновидность литераторотерапия, потому что сказка – это

литературный жанр, а драма – это специфический вид художественной литературы, представленный в спектакле: пьеса, опера, пантомима, балет и т. д.

Библиотерапия, напротив, может включать в себя литературу в широком смысле этого слова (художественную, публицистическую и научную), потому что это – метод психотерапии, использующий литературу как одну из форм лечения словом. Некоторые специалисты считают терапию литературным творчеством направлением библиотерапии.

Занятия литературным творчеством помогает затормозить процессы деградации мыслительных процессов, ухудшение памяти, способствует эмоциональной реабилитации восприятия, окружающей природной и социальной действительности.

Литературное творчество способно участвовать в улучшении социального самочувствия человека, которое нами понимается как интегральную характеристику, имеющую субъективные и объективные компоненты [Алексеева, 2018, 123].

Субъективные характеристики социального самочувствия сосредоточены на рассмотрении ценностных установок, оценке своего сегодняшнего положения в новых условиях, общем эмоциональном состоянии, уверенности относительно своего будущего, то есть степени удовлетворенности своей жизнью в целом, в то время как объективные характеристики – на таких компонентах, как уровень здоровья, образования, семейного положения, социальной активности в различных сферах жизни, уровень социальной защищенности. При этом субъективные показатели социального самочувствия взаимодополняют объективные.

Хорошее социальное самочувствие может помочь человеку не только само идентифицироваться, но и социально идентифицироваться. Повысить свою самооценку и социальный статус. Быть интересным для окружающих его людей, полезным для общества, понять особенность исторически сложившегося социокультурного поля, в рамках которого он осуществляет свою жизнедеятельность с выходом на жизнетворчество. Кроме того, литературное творчество благоприятно влияет на развитие социального интеллекта, социальное воображение человека, помогает приобретать навыки критического, творческого, образного, гипотетического мышления, проектирования и прогнозирования.

Результаты наших эмпирических исследования разных видов, получаемых в процессе литературной терапии информационных продуктов (творческие задания, стихи рассказы, статьи и т.п.) позволяют говорить о том, что тексты отражают различные арт-терапевтические эффекты. В протоколах интервью, фокус-групп, содержание которых интерпретировалось с помощью контент-анализа более всего фиксировалось положительных ответов такими смысловыми маркерами как: «стал (а) более уважительно относиться к себе как к личности»; «много читаю разнообразные книги, и мне это доставляет удовольствие»; «удачно, написанный текст, улучшая настроение, хочется жить и писать»; «хочется побольше рассказать о своих чувствах, мыслях и о своей жизни детям и внукам»; «занятия литературным творчеством позволяют лучше узнать себя, людей которые меня окружают и дают новые знания по истории нашего края» и т.п.

Из этих и других высказываний слушателей ВНШ следует, что любительское самодеятельное литературное творчество социально мобильно, способствует радости разделения своих чувств и мыслей с другими людьми, самопрезентации обществу своей личности, передачи своего жизненного опыта другим поколениям. Человек, занимающийся литературным творчеством, способен: оседлать свою фантазию; преодолевать, тормозящие развитие его межличностных отношений условности, ему возвращается способность мечтать и фантазировать; не бояться принимать ситуативные решения; быть готовым к переменам самого

себя, своего ближнего окружения и общества.

Кроме того, феномен литературного творчества, уникален тем, что позволяет автору прожить в разных лицах миллион разных «кругов бытия», а потом беспрепятственно вернуться к своему собственному, единственному и неповторимому образу жизни.

Исследователями, занимающимися проблемами социального самочувствия людей третьего возраста, замечено, что творчество, в том числе и литературное, способствует активному долголетию человека [Гордина, Гордин, 2022, 259].

Современная наука так же рассматривает активное долголетие, как инструмент формирования личного и общественного социального капитала. В нашем случае, это «состояние социального, экономического, физического и психологического благополучия граждан старшего поколения, которое обеспечивает им возможность для удовлетворения потребностей, включение в различные сферы жизни общества и достигается при их активном участии» [там же].

Важно то, что такого рода арт-терапевтические занятия развивающие художественно-литературные способности, должны учитывать возрастные особенности людей, занимающихся литературным творчеством. Их психолого-педагогическое сопровождение, имеющее вид равно субъектного образовательного диалога (андрагогического взаимодействия) подразумевает наличие специальных групповых и индивидуальных программ. Содержание этих программ должно формироваться обучающимися и андрагогом совместно, с учетом желания и интеллектуальных возможностей человека третьего возраста.

Заключение

Таким образом, мы можем сделать вывод, что литературное творчество как метод арт-терапии способен благотворно влиять на психофизическое состояние и социально самочувствие человека третьего возраста, при условии целенаправленного и комплексного психолого-педагогического сопровождения личности взрослого человека. А литературная терапия для человека третьего возраста – это психолого-андрагогический инструментарий, применение которого в неформальной образовательной деятельности позволяет помочь ему как можно дольше оставаться социально активным, интеллектуально сохранным, психологически уравновешенным, с ярко выраженным позитивно-эмоциональным восприятием себя и окружающей его действительности.

Библиография

1. Алексеева К.В. Психологические особенности людей третьего возраста // Международный студенческий научный вестник. 2018. № 5. С. 120-126.
2. Безенкова Т.А. Роль социально-культурной деятельности в сохранении физического и психического здоровья человека третьего возраста // Инновационное развитие. 2017. № 4. С. 116- 117.
3. Гордина О.В., Гордин А.И. Андрагогика. М.: Юрайт, 2022. 259 с.
4. Елагина А.С., Оздамирова Л.М. Концептуальные подходы к формированию когнитивной модели эмоционального интеллекта // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2022. Т. 11. № 3А. С. 274-279. DOI: 10.34670/AR.2022.85.75.035
5. Киселева М.В. Арт-терапия в практической психологии и социальной работе. СПб.: Речь, 2020. 336 с.
6. Лебедева Л.Д. Практика арт-терапии: подходы, диагностика, система занятий. СПб.: Речь, 2017. 256 с.
7. Ле-ван Т.Н., Алексейчева Е.Ю., Нехорошева Е.В. Клуб как пространство сопричастного управления горожан своим образованием в контексте социально-экономических и социокультурных преобразований города // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Педагогика и психология». 2019. № 2 (48). С. 78–92. DOI: 10.25688/2076-9121.2019.48.2.01

8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Оникс, 2018. 412 с.
9. Пшинбаева Д.С. Методы социальной терапии в работе с людьми третьего возраста // Студент и наука (гуманитарный цикл) – 2017. 2017. С. 784-787.
10. Хорошилова И.С. Социокультурные технологии в работе с людьми третьего возраста // Социально-экономические аспекты развития современного общества. 2018. С. 267-280.

The development of artistic and literary abilities as art therapy for people of the third age

Aleksandr I. Gordin

PhD in Pedagogy, Associate Professor,
Associate Professor at Department of Social Pedagogy and Psychology,
Pedagogical Institute,
Irkutsk State University,
665003, 6, Nizhnyaya Naberezhnaya str., Irkutsk, Russian Federation;
e-mail: a-gordin58@mail.ru

Izabella N. Akimova

Master's Student,
Pedagogical Institute,
Irkutsk State University,
665003, 6, Nizhnyaya Naberezhnaya str., Irkutsk, Russian Federation;
e-mail: izabl71@mail.ru

Abstract

The authors of the article believe that special activities of literary and artistic creativity can be a kind of art therapy and be called literary therapy (literary therapy), because it has independent signs, although it is formed at the junction of story therapy, drama therapy and bibliotherapy. Literary therapy is an accessible psychological and pedagogical toolkit which can be organically used at any age, but is most in demand when working with people of the third age as it is possible to improve their social well-being. Special studies of literary creativity allow people of third age to remain interesting for the people around him, useful to society, to understand the specifics of historically established socio-cultural field, within which he carries out his vital activity, which in the prevailing social and psychological conditions turns into life-creativity. In addition, literary creativity favorably affects the development of social intelligence, social imagination of the person, helps to acquire skills of critical, creative, imaginative, hypothetical thinking, projecting and forecasting. The article presents the empirical experience of research on the effectiveness of the use of literature therapy in practice. On the basis of the data received during the pedagogical experiment it is argued that the classes of literature therapy, promote the joy of sharing one's feelings and thoughts with other people, transfer their life experience to younger generations, a person regains the ability to dream and imagine, not be afraid to make situational decisions, be ready for changes of oneself, one's immediate surroundings and society.

For citation

Gordin A.I., Akimova I.N. (2022) Razvitie khudozhestvenno-literaturnykh sposobnostei kak art-terapiya dlya lyudei tret'ego vozrasta [The development of artistic and literary abilities as art therapy for people of the third age]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 11 (6A), pp. 283-289. DOI: 10.34670/AR.2023.28.79.031

Keywords

Artistic and literary work, a person of the third age, art therapy, psychophysical state and social well-being of a person, psychology.

References

1. Alekseeva K.V. (2018) Psikhologicheskie osobennosti lyudei tret'ego vozrasta [Psychological features of people of the third age]. *Mezhdunarodnyi studencheskii nauchnyi vestnik* [International Student Scientific Bulletin], 5, pp. 120-126.
2. Bezenkova T.A. (2017) Rol' sotsial'no-kul'turnoi deyatelnosti v sokhraneni fizicheskogo i psikhicheskogo zdorov'ya cheloveka tret'ego vozrasta [The role of social and cultural activities in maintaining the physical and mental health of a person of the third age]. *Innovatsionnoe razvitie* [Innovative development], 4, pp. 116- 117.
3. Elagina A.S., Ozdamirova L.M. (2022) Kontseptual'nye podkhody k formirovaniyu kognitivnoi modeli emotsional'nogo intellekta [Conceptual approaches to the formation of a cognitive model of emotional intelligence]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 11 (3A), pp. 274-279. DOI: 10.34670/AR.2022.85.75.035
4. Gordina O.V., Gordin A.I. (2022) *Andragogika* [Andragogy]. Moscow: Yurait Publ.
5. Khoroshilova I.S. (2018) Sotsiokul'turnye tekhnologii v rabote s lyud'mi tret'ego vozrasta [Sociocultural technologies in work with people of the third age]. In: *Sotsial'no-ekonomicheskie aspekty razvitiya sovremennogo obshchestva* [Socio-economic aspects of the development of modern society].
6. Kiseleva M.V. (2020) *Art-terapiya v prakticheskoi psikhologii i sotsial'noi rabote* [Art therapy in practical psychology and social work]. St. Petersburg: Rech' Publ.
7. Le-van T.N., Alekseicheva E.Yu., Nekhorosheva E.V. (2019) Klub kak prostranstvo soprichastnogo upravleniya gorozhan svoim obrazovaniem v kontekste sotsial'no-ekonomicheskikh i sotsiokul'turnykh preobrazovani goroda [Club as a space for citizens' participatory management of their learning in the context of socio-economical and socio-cultural transformations of the city]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Pedagogika i psikhologiya* [Vestnik of Moscow City University. Series «Pedagogy and Psychology»], 2, pp. 78-92.
8. Lebedeva L.D. (2017) *Praktika art-terapii: podkhody, diagnostika, sistema zanyatii* [The practice of art therapy: approaches, diagnostics, training system]. St. Petersburg: Rech' Publ.
9. Ozhegov S.I. (2018) *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. Moscow: Oniks Publ.
10. Pshinbaeva D.S. (2017) Metody sotsial'noi terapii v rabote s lyud'mi tret'ego vozrasta [Methods of social therapy in working with people of the third age]. In: *Student i nauka (gumanitarnyi tsikl) – 2017* [Student and science (humanitarian cycle) 2017].

Правила для авторов

Уважаемые авторы! Представляем вашему вниманию обновленные требования, которым должны строго соответствовать направляемые нам рукописи.

Структура статьи, присылаемой в редакцию для публикации:

- 1) заголовок (название) статьи;
- 2) автор(ы): фамилия, имя, отчество (полностью);
- 3) данные автора(ов): телефон, адрес, научная степень, звание, должность и место работы, рабочий адрес, e-mail;
- 4) аннотация (авторское резюме);
- 5) ключевые слова;
- 6) текст статьи должен быть разбит на части: введение, тематические подзаголовки, заключение или выводы;
- 7) список использованной литературы в алфавитном порядке;
- 8) пункты 1-5 и 7 должны быть продублированы на английском языке (требования к аннотации см. далее).

Все материалы должны быть присланы в документе формата .doc, шрифт TimesNewRoman, кегль 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный, сноски с примечаниями постраничные, нумерация сносок сплошная. Ссылки в тексте на библиографический список оформляются в квадратных скобках; указываются фамилия автора из списка, год издания работы и страница: [Иванов, 2003, 12].

Требования к аннотации на английском языке

Англоязычная аннотация должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной (**не быть калькой русскоязычной аннотации**);
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье, по схеме: предмет, тема, цель работы; метод или методология проведения работы; область применения результатов; выводы);
- «англоязычной» (написанной качественным английским языком);
- **объем от 150 до 250 слов.**

При невозможности предоставить англоязычную аннотацию необходимо предоставить аналогичный текст на русском языке, с требуемым объемом и структурой.

Фамилии авторов статей на английском языке представляются в одной из принятых международных систем транслитерации, в нашем издательстве – Британского института стандартов (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**).

Оформление библиографических ссылок в тексте

Ссылки в тексте оформляются в стиле [Фамилия (фамилии), год, страница]. Например, такая ссылка:

Иванова П.П., Петров А.А. К вопросам о детских тарелочках // Жизнь. 2012. № 2. С. 343.

будет выглядеть в тексте как

[Иванова, Петров, 2012, 343].

При ссылке на интернет-ресурс ссылка выглядит как [Иванов, 2009, www] или (при невозможности установить год) [Иванов, www].

Постраничные сноски используются в случае смысловых комментариев, ссылок на архивы и неопубликованные документы. Допустимо указывать в постраничных сносках группы источников (например, ряд работ или диссертаций по какой-либо теме), которые не включаются в библиографию.

В библиографию включаются ссылки на использованные в работе:

- книги;
- статьи в периодике, коллективных монографиях, сборниках по итогам конференций;
- диссертации и авторефераты;
- нормативные акты;
- электронные ресурсы.

В библиографию не включаются (даются в постраничных сносках) ссылки на:

- архивы;
- неопубликованные документы.

Правила оформления библиографии на русском языке

Библиография оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

Правила оформления библиографии на английском языке

Английский вариант библиографии, с заголовком References, пишется согласно Гарвардской системе оформления библиографических ссылок, по следующей схеме:

Авторы (транслитерация), год публикации, транслитерация названия статьи, перевод названия статьи на английский язык (в квадратных скобках), транслитерация названия источника (книга, журнал), перевод названия источника (в квадратных скобках), место издания, издательство, страницы.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении учёных // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190-199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

Более подробные правила и примеры Гарвардской системы оформления представлены по ссылке <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> или <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

Если у вас нет возможности оформить английские список литературы и аннотацию по нашим правилам, это сделают специалисты издательства. Обращайтесь, вам обязательно помогут!

Об издательстве

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает 14 научных журналов:

№	Название журнала	Направление
1	Вопросы российского и международного права	юридические науки
2	Культура и цивилизация	культурология
3	Технические науки: теория, методика, приложения	технические науки
4	«Белые пятна» российской и мировой истории	история
5	Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке	философия
6	Вопросы биологии и сельского хозяйства: теории и ситуации, проблемы и решения	биологические и сельскохозяйственные науки
7	Фундаментальные и клинические медицинские исследования	медицина
8	Экономика: вчера, сегодня, завтра	экономика
9	Педагогический журнал	педагогика
10	Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования	психология
11	Искусствоведение	искусствоведение
12	Социологические науки	социология
13	Теории и проблемы политических исследований	политология
14	Язык. Словесность. Культура	филология

Журналы выходят на русском и английском языках, основное содержание номеров составляют статьи ведущих российских и зарубежных ученых и начинающих исследователей, а также сообщения о выходе книг по теме изданий.

Журналы издательства «АНАЛИТИКА РОДИС» рассчитаны на ученых, специалистов, аспирантов и студентов, а также всех, кто интересуется проблемами современной науки.

Услуги издательства

Помимо выпуска научных журналов издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» выпускает научные издания, монографии, авторефераты, а также художественную литературу.

Рукописи изданий, поступающих к нам, подвергаются корректуре, редактированию и, при необходимости, научному редактированию. Техническое оформление в издательстве «АНАЛИТИКА РОДИС» включает вёрстку, раз-

работку оригинал-макетов, дизайн обложек и иллюстраций. На каждом этапе работы авторы имеют возможность оценить результаты и внести свои коррективы, пожелания и дополнения.

Наши специалисты осуществляют помощь в оформлении научных работ – от статей до диссертаций, по требованиям ГОСТа, ВАК или конкретных научных организаций, а также техническое, литературное и научное редактирование, корректуру.

Издательство «АНАЛИТИКА РОДИС» имеет широкие научные связи с отечественными и зарубежными учёными и организациями.

Rules for authors

Dear authors! We present you the updated requirements that the manuscript must strictly comply with.

Structure of an article for publication sent to the publisher:

1. title (name);
2. author (s): the surname, first name, patronymic (in full);
3. author (s) details: phone, address, academic degree, title, occupation and place of work (+address), e-mail;
4. annotation (author's abstract);
5. key words;
6. the text of the article must be split into several parts: introduction, subject subtitles, conclusion or summary;
7. list of references;
8. Items 1-5 and 7 must be accomplished in English (see below the requirements for annotations).

All materials must be sent in .doc format, Times New Roman, size 14, indented first-line, one-and-a-half line spacing, per-page footnotes and solid footnotes numeration. References to the bibliography in the text are to be made in square brackets: [Ivanov, 2003, 12].

The requirements for abstract in English and bibliographical references

An abstract in English must be:

- informative (be free of common words);
- original (**without being a calque (loan-translation) of Russian-language annotation**);
- substantive (to reflect the main content of an article and research results);
- structured (to follow result description logic in the article according to the scheme: subject, topic, work objective, method or work performance methodology, application range of the results; summary);
- "English-speaking" (written in high-grade English);
- **volume from 150 to 250 words.**

Let's see the following structural variant of a bibliographical ref in English for articles from journals, collections and conferences:

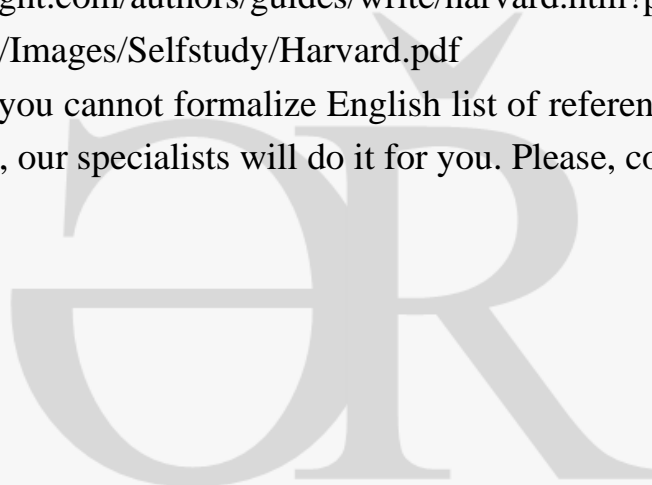
The authors (transliteration), year, title of the article in transliteration, translation of the title into English in square brackets, the name of the source (transliteration and translation), place, publishing house and pages.

Example:

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. (2009) Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh [The system of peer review in scientific information provision]. In: Informatsionnoe obespechenie nauki. Novye tekhnologii [Information Support of Science. New Technologies]. Moscow: Nauchnyi Mir, pp. 190-199.

At that while **preparing the list** of literary sources of the **English-language** part of the article our **publishing house insists on using Harvard system of bibliographical references delivery**. You can find the possible typography variants on <http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/harvard.htm?part=2> or <http://www.library.dmu.ac.uk/Images/Selfstudy/Harvard.pdf>

If for some reasons you cannot formalize English list of references and abstract in accord with our rules, our specialists will do it for you. Please, contact us, we are always ready to help!

About the publishing house

Publishing house "ANALITIKA RODIS" issues 14 scientific journals:

№	Name of the journal	Scientific area
1	Matters of Russian and international law	Jurisprudence
2	Culture and civilization	Culturology
3	Technical sciences: theory, methodology, applications	Technical
4	"White spots" of the Russian and world history	History
5	Context and reflection: philosophy of the world and human being	Philosophy
6	Questions of biology and agriculture: theories and situations, problems and solutions	Biological and agricultural
7	Basic and clinical medical research	Medical
8	Economics: Yesterday, Today and Tomorrow	Economics
9	Pedagogical Journal	Education science
10	Psychology. Historical-critical reviews and current researches	Psychology
11	Art Studies	Art Studies
12	Sociological Sciences	Sociological Sciences
13	Theories and Problems of Political Studies	Political science
14	Language. Philology. Culture	Philology

Journals are published in Russian and English. The articles of leading experts, as well as researchers working on dissertations, are published in each journal respective to its coverage, along with the reports of the books output of leading contemporary researchers!

The journals of the "ANALITIKA RODIS" publishing house are designed for specialists, students and postgraduate students, as well as anyone interested in problems of modern science.

Our services

In addition to the scientific journals publishing the "ANALITIKA RODIS" publishing house provides a wide range of services.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house provides services for publishing scientific articles, monographs, author's theses and books. Manuscripts coming to us subject to proof-reading and editing by publisher's specialists, provided that authors

are able to evaluate the results and make corrections, add comments and suggest additions at any stage before publishing.

Technical design of the "ANALITIKA RODIS" publishing house includes makeup, design layout, design of covers and illustrations.

Our specialists provide assistance in the design of scientific works – from articles to dissertations according to GOST standards, Higher Attestation Commission or precise scientific organizations, as well literary and scientific editing and proofreading.

The "ANALITIKA RODIS" publishing house has extensive scientific relations with national and foreign scientists and organizations.

